

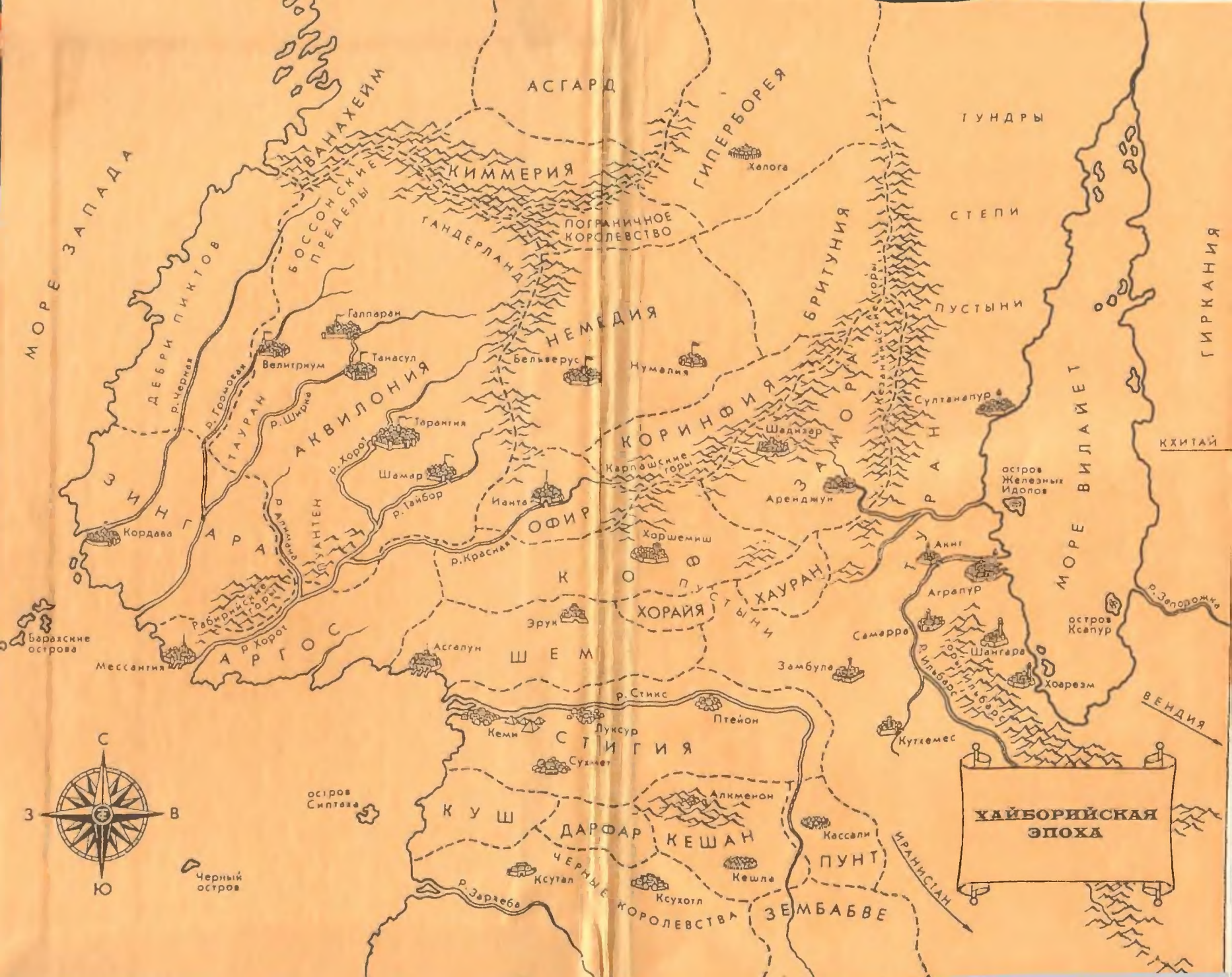
САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

КОЛЕСО СТРАДАНИЙ

Романы, которые
вы найдете
в этой книге,
легли в основу
знаменитых
фильмов
о КОНАНЕ

**Лучшее в большой победе то,
что она отнимает у победителя
страх перед поражением.**

Ф. НИЦШЕ

САГА О БЛАГОРОДНОМ ВАРВАРЕ

КОНАН

КОЛЕСО
СТРАДАНИЙ

Санкт-Петербург
Издательство "АЗБУКА"
Книжный клуб "ТЕРРА"

1997

ББК 84.7 США

С 74

L. Sprague de Camp

Lin Carter

Conan the Barbarian Copyright © 1982 by Conan Properties, Inc.

Robert Jordan

Conan the Destroyer Copyright © 1984 by Conan Properties, Inc.

Спрэг де Камп Л., Картер Л., Джордан Р.
С 74 Колесо страданий: Романы /Пер. с англ. — СПб.:
Азбука—Терра, 1997. — 432 с.

ISBN 5-7684-0260-8

Снова черное колдовство Стигии угрожает древней Хайборее.
И лишь варвар Конан может остановить силы Зла.

© 1997 «Азбука» — «Терра», русское издание

ISBN 5-7684-0260-8

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер

СТАЛЪ И ВМЕЯ

роман

Пролог

Узнай, о Принц, что между тем временем, когда океан поглотил Атлантиду с ее великолепными городами, и эпохой подъема Ариаса пролегли необыкновенные столетия, в которые, словно синие мантии под звездным небом, землю покрывали блистательные королевства. Из глубины тех веков появился Конан, вор, разбойник, убийца, и попрал своими сандалиями великолепные троны Земли.

Узнай же еще, о Принц, что в ту полузабытую эпоху Аквилония была самым могущественным королевством на земле и владычествовала над всем спящим Западом. И ее правителем был Конан. Конан Великий, его называли, и был он выдающимся монархом своего времени. Много песен было сложено о нем, о его молодости, и посему теперь трудно выделить правду из многочисленных легенд.

Немедийская Хроника

I. Меч

Мне, Каллиасу из Шамары, единственному из всех моих аквилонских собратьев по перу, была оказана огромная честь услышать из собственных уст моего короля, Конана Великого, рассказ о путешествиях и необычайных приключениях, которые выпали на его долю и привели его к вершине славы. Вот эта история — такая, какой он рассказал ее мне в последние дни своего правления, когда годы, хотя и не очень заметно, но уже наложили на него свою неумолимую печать.

На скалистой, лишенной снега вершине мужчина и мальчик боролись с неистовством бури. Кругом, словно демон, завывал ночной ветер. Молнии вспарывали истерзанное небо, раскалывали утесы, огненными бичами хлестали содрогающуюся землю. В неверном свете мужчина, огромный и заросший как тролль, стоял подобно гигантской статуе. Тяжелые меха защищали его могучее тело от порывов ветра.

Мужчина отбросил назад свой плащ, трепещущий, словно знамя, на фоне темного ночного неба, и вынул из ножен огромный двуручный меч, оружие богов. Он проносил нараспев странные слова древнего заклинания, вонзая клинок в самое сердце бури. Расставив могучие ноги, чтобы устоять против порывов ветра, он грозил небесам своим великолепным мечом, а вокруг него клубились опускающиеся облака, как будто его клинок изранил сам небосвод.

— Запомни, Конан! — закричал мужчина, перекрывая рев бури. — Огонь и ветер родились в лоне небес,

они — дети небесных богов. Самый могущественный из богов — Отец Кром, властвующий над землей и небом и бескрайним, беспокойным морем. Кром владеет многими тайнами, но самая великая из них — это секрет стали, тайна, которую боги не открывали людям, ревниво сохраняя ее в глубинах своих сердец.

Мальчик не отрывал взгляда от лица мужчины, сурового и непреклонного, как окружающие их камни. Мужчина тщательно взвешивал свои слова, не обращая внимания на ветер, который яростно рвал его бороду, словно желая заставить его замолчать.

— Когда-то, — снова раздался низкий голос, — великаны населяли землю. Возможно, они все еще существуют. Великаны были очень умны и хитры, они обрабатывали камень и дерево, добывали золото и драгоценные камни и во времена тьмы и хаоса провели даже самого Крома, Отца богов. Хитростью они овладели драгоценным знанием бессмертных: секретом серебристого металла, гибкого, но всегда вновь распрямляющегося, как ни сгибай его.

Кром был ужасно разгневан. Дрожала земля, и извергались горы. Ураганами и огненными молниями Кром сразил великанов; они были повержены, и земля навеки поглотила их. Сомкнув свои каменные челюсти, земля погребла их в глубинах, где обитают силы тьмы, в мире, о котором люди ничего не знают.

Глаза мужчины сверкали в полутьме, как голубые сполохи пламени среди тлеющих углей, а пряди его густых черных волос, подхваченные сильным ветром, развевались, подобно огромным крыльям. Маленький Конан содрогнулся.

— Битва была выиграна, — продолжал мужчина, — боги вернулись в свое небесное царство, но, все еще разгневанные, они не сумели сохранить в тайне секрет кованого металла, оставив его на поле брани. Первыми людьми, нашедшими металл, были легендарные жители Атлантиды, наши далекие предки.

Конан хотел было что-то сказать, но мужчина предупредительно поднял руку.

— Мы, люди, владем теперь секретом стали. Но мы не боги и не великаны. Мы смертны, слабы и глупы, и

коротки дни наши. Будь осторожен со сталью, сын, и уважай ее — в ней заключена великая тайна и сила.

— Я не понимаю тебя, отец, — неуверенно сказал мальчик.

Мужчина встряхнул своей черной гривой:

— Ты поймешь в свое время, Конан. Чтобы в битве владеть стальным мечом — оружием, которое боги направили когда-то против великанов, — человек должен познать его тайну, он должен понять душу стали. Знай, что в этом мире нельзя доверять никому — будь то мужчина, женщина или зверь, дух, дьявол или бог, но можно положиться на клинок из хорошей стали.

Мужчина взял маленькую руку сына и, обвивая его пальцы вокруг рукоятки огромного меча, сказал:

— Сердце человека похоже на кусок необработанного железа. Оно должно быть обожжено несчастьями, выковано молотом страдания и вызовами, что бросают ему беспечные боги, — так, чтобы сердце оказалось на краю гибели. Сердце должно быть очищено и закалено огнем битвы, заострено на наковальне отчаяния и потерь. И только когда твое сердце уподобится стали, ты сможешь владеть острым мечом в битве и побеждать своих врагов, как победили боги древних великанов. Когда ты познаешь тайну стали, сын мой, твой меч станет самой твоей сущностью.

Конан на всю жизнь запомнил эти слова, произнесенные его отцом в ту грозную, загадочную ночь. Со временем он начал понимать эти таинственные фразы, проникать в смысл завета, который его отец стремился передать ему: из страдания рождается сила. Только пройдя через боль и лишения, человеческое сердце становится закаленным, как сталь. Однако, прежде чем он постиг эту мудрость, прошло много лет.

Конан запомнил и другую ночь, когда бледный диск луны покоился в безоблачном черном небе, как посеребренная сединой голова в траурном одеянии. Снег искрился в леденящем душу свете, а холодный ветер завывал

в покрытых снегом соснах, пролетая над спящей деревней, вдоль неровной дороги, ведущей к кузнице его отца. Там, прогоняя темноту, пылало яростное пламя, рассыпая мерцающие золотые искры, освещая багровым светом кожаный фартук и опаленные штаны кузнеца. Оно отражалось в каплях пота на его лбу, мерцало на лице мальчика, с удивлением наблюдавшего с порога за отцом. Кузнец неутомимо раздувал мехи. Затем, схватив длинные клещи, он вытащил из гудящего сердца горна ослепительный, сверкающий, раскаленный добела кусок железа. Когда кузнец бросил его на наковальню и начал придавать форму, каждый мощный удар молота швырял снопы искр в красный сумрак кузницы.

Остывающее железо из белого сделалось желтым, а потом — тускло-красным, и тогда кузнец снова отправил его в горн и вновь начал раздувать мехи. Наконец он взглянул на дверь и увидел мальчика. Суровый взгляд смягчился.

— Что ты здесь делаешь, сынок? Тебе давно пора спать.

— Ты говорил, что я могу посмотреть, как ты превращаешь железо в сталь, отец.

— Да, конечно. Думаю, что сегодня закончу работу. Здешний народ считает кузнеца Ниала кем-то вроде колдуна, превращающего железо в сталь, и я не разочарую их.

Действительно, для своих соседей кузнец был полубогом. Он пришел из южных земель, неся в своей груди тайное искусство — секрет стали — драгоценное наследство, оставленное древней Атлантидой, считавшееся безвозвратно утерянным и забытым людьми, жившими во мраке трех веков.

Когда мальчик подошел поближе, кузнец снова вынул железо из огня.

— Отойди, Конан, искры летят слишком высоко, и я не хочу, чтобы тебя обожгло.

Под мощными ударами молота наковальня звенела, как бронзовый колокол. Фонтаны искр взлетали и падали к ногам кузнеца. Раскаленный кусок железа медленно превращался в клинок грозного меча. Подняв его клещами, кузнец бегло осмотрел кромку, проверяя остроту, и поправил ее несколькими ловкими ударами.

Еще раз награв и осмотрев заготовку, Ниал бросил раскаленный клинок в чан с водой, чтобы охладить податливый металл перед окончательным превращением его в сталь. Металл зашипел, как змея, и облако пара, кружась, на одно мгновение заволокло кузницу прозрачным одеянием богов.

— Поддай мне вон то ведро с углем, — сказал Ниал благоговейно наблюдающему за ним сыну. — Чтобы сделать сталь прочной и гибкой, клинок нужно теперь закалить при постоянной температуре. Вот тайна, которой владели жители Атлантиды; вот знание, которое я принес сюда с юга, покинув мой род. Смотри, вот так я даю пламени погаснуть...

Пока клинок несколько дней лежал под горячими углями, Конан наблюдал, как его отец доделывал меч. Гарде он искусно придал форму оленьих рогов, рукоять обернул нитью, скрученной из кишок лесного тигра, а стальное навершие, утяжеленное, чтобы крушить головы врагов, он отлил в форме лосиного копыта.

Готовый меч был оружием завораживающей, незабываемой красоты. Начищенный клинок сверкал как зеркало, отражая солнечный свет и грозовые тучи, словно металл его населили духи воздуха.

— Он уже закончен, отец? — однажды вечером спросил мальчик.

— Да, почти, — отозвался кузнец. — Пойдем, я покажу тебе.

Много лет спустя Конан вспоминал, как клубящиеся грозовые тучи застилали звезды, когда отец повел его к подножию заснеженной горы. Пока они взбирались ввысь, поднялся ветер и стал рвать защищавшие их меха. Преодолевая белые от снега расщелины, каменистые склоны и обнаженные скалы, на которых едва ли можно было найти выступ, чтобы поставить ногу, они приближались к вершине, когда раздались первые раскаты грома и разразилась буря.

Так, среди неистовства стихий, свершился мистический обряд, сделавший меч непобедимым.

Вскоре после той бушующей ночи Конан впервые столкнулся со страданием. Страшным был тот урок и слишком ранним для такого маленького мальчика. Но северные земли суровы, жизнь там жестока, и рука врага готова в любой момент нанести удар.

Темнота неуклюже отступала перед безмолвными шагами холодного утра. Зловещая луна садилась, пряча свое лицо в плывущую вуаль облаков. Только усталый ветер нарушал тишину, шурша ветвями голых деревьев.

Внезапно покой был нарушен яростными криками налетевших на деревню всадников. Их подкованные лошади вдребезги разбивали тонкий лед мелкой реки, у которой стояла деревня. Темные и зловещие, в кожаных одеждах, покрытых металлическими пластинками, вооруженные топорами, копьями и мечами, всадники устремились на деревню.

Жители деревни, поднятые с постели, увидели, что улицы наводнены вооруженными людьми. В замешательстве, в панике мужчины и женщины с криками выбегали из своих домов, наспех натягивая одежду. Какая-то женщина, пронзительно крича, выхватила младенца из-под копыт лошади. С торжествующим криком всадник нагнулся и вонзил свое копьё между лопаток убегающей матери. Она пошатнулась — наконечник копья вышел у нее из груди, — затем, спотыкаясь, как тряпичная кукла, она сделала еще несколько шагов, пока убийца с проклятиями не вырвал свое копьё из ее пронзенного тела.

— Ваниры! — закричал кузнец Ниял, выскакивая из своей хижины и потрясая кузнечным молотом.

Стоя на ступеньках крыльца, маленький Конан в замешательстве оглядывался, пытаясь хоть что-то понять в происходящем. Но вокруг царил хаос. Мимо промчалась молодая девушка, белая от ужаса. За ней неслась черная собака с разинутой пастью и высунутым алым языком. Мгновение спустя потрясенный Конан увидел, как зверь повалил девушку и впился зубами ей в горло. Одна ее рука затрепыхалась на грязном снегу, как выброшенная на берег рыба. Конан ошеломленно смотрел на нее.

Голый киммериец — охотник, вооруженный огромным топором, неистово ревел в этой свалке. Его грозное оружие

вращалось в воздухе, подобно колесу смерти. Топор вонзился в бедро одного из наездников и отсек ему ногу. Надрываясь от крика, ванир свалился с седла, оставляя на снегу кровавые пятна. Сквозь ржание лошадей, лязг оружия и воинственные крики до Конана доносились вопли женщин, стоны раненых и умирающих.

Отец Конана, пробежав мимо него, скрылся в доме и появился снова с огромным мечом в руках. Заколдованный клинок, сверкавший в утреннем небе, как ледяная молния, сметал все на своем пути. Один за другим валились с коней в грязный истоптанный снег разрубленные пополам ваниры.

Поборов парализующий страх, Конан поднял упавший нож и кинулся в гущу сражения, туда, где бился его отец. Хотя мальчик едва мог пробираться сквозь толпу сражавшихся мужчин, ему удалось вспороть икру высокому темному воину, тут же угодившему под летящий меч кузнеца. Через мгновение снесенная голова захватчика, вращаясь, как брошенный мяч, покатилась к ногам Конана. Мальчик отшатнулся, широко раскрыв глаза, волосы его встали дыбом.

Скоро и другие киммерийцы сплотились вокруг кузнеца Ниала. Но нападавшие были верхом, хорошо вооружены и защищены доспехами из бронзы и железа, в то время как полуголые жители оборонялись тем, что оказалось под рукой: кто-то успел схватить мотыгу или грабли, кто-то — настоящее оружие. Некоторые держали в руках щиты из шкур, натянутых на деревянные каркасы, но эти щиты почти не защищали от тяжелых ударов вражеской стали.

Не сумев пробраться к отцу, Конан безуспешно пытался отыскать в суматохе битвы свою мать. Он проскальзывал между сражающимися людьми, увертываясь от вздымающихся на дыбы лошадей, пробирался в водовороте кровопролития: только что отрубленная рука лежала на снегу, сочась кровью, а пальцы ее все еще судорожно сжимали древко копья. Спасая свое дитя, мимо бежала женщина; она споткнулась и рухнула в склизкую грязь, а мгновение спустя копыта лошади раздробили ей череп, отбросив плачущего ребенка в красный от крови снег. Вот оборвался крик старика — стрела

с бронзовым наконечником вонзилась ему в глотку. Кто-то шлепнулся в слякоть, прижимая руки к лицу. Конан смутно осознал, что глаз этого человека болтается на нитке нерва, что задыхающийся от боли мужчина пытается вставить его на место.

Сквозь шум и крики Конан услышал звучный голос отца:

— Лошадей! Убивайте лошадей! — С этими словами кузнец свалил вражеского коня, который, падая с разрубленной спиной, заржал так, словно его выколачивали раскаленным железом.

Конан наконец заметил гибкую фигуру своей матери. Она внушала страх, встречая врага лицом к лицу. Она пылала яростью, волосы ее разметались по плечам, а руки крепко сжимали рукоять широкого меча. Вокруг нее громоздились окровавленные тела ваниров и трупы их злобных псов. Мальчик помчался к матери. Она, заметив взлохмаченную копну его жестких черных волос, так похожих на волосы отца, стала сражаться с удвоенной энергией.

Подняв глаза, Конан увидел огромную фигуру, неподвижно восседавшую на вороном коне. Всадник, чей силуэт четко вырисовывался на вершине стоявшего на краю деревни холма, пристально наблюдал за бойней. Мальчик не мог различить черты лица этого гиганта, но знак, который всадник носил на защищенной доспехами груди и окованном железом щите, задержал его обезумевший взгляд.

Это был странный символ: две черные змеи, обращенные головами друг к другу, переплелись, поддерживая в изгибах тел диск черного солнца. Этот неизвестный Конану знак наполнил его сердце страхом и предчувствием беды.

Вскоре большинство мужчин и женщин, выдержавших атаку, образовали живой щит вокруг кузнеца. Возвышаясь над самыми высокими киммерийцами, Нил ободрял товарищей, заглушая возгласами звон металла и стоны умирающих. Ваниры были отброшены; их кони с вытаращенными глазами вставали на дыбы и ша-

рахаались в сторону, спасаясь от грубых орудий киммерийцев.

Не решаясь наступать, враги остановились; тогда великан на холме поднял руку в перчатке, собираясь отдать приказ. Сверкающий в лучах рассвета шлем скрывал его лицо, усиливая впечатление свирепой мощи, исходящей от воина.

— Они пустят в дело стрелков, — прошептала мать Конана. — Они перебьют всех мужчин, а сами останутся недосыгаемыми для наших мечей.

— Спаси нас, Кром! — пробормотал мальчик.

Мать окинула его ледяным взглядом, как бы напоминая, что Кром не отвечает на молитвы людей; он вряд ли слышит их. Кром — бог морозов, звезд и бурь, а не людей.

Очень скоро слова Маев, жены кузнеца, подтвердились. Волна всадников отхлынула, и тучи стрел со свистом рассекли утренний воздух, ударяясь в крыши хижин, отскакивая от щитов, глубоко впиваясь в обнаженные тела. Снова и снова смертоносный дождь падал на кучку оборонявшихся, пока стена щитов не дрогнула.

Тогда великан на холме произнес глубоким, похожим на гул железного колокола голосом:

— Пускайте собак!

Яростно рычащие, взбешенные псы, разинув алые пасти, ринулись с вершины холма. Их стремительные тела были отчетливо видны на фоне багряного рассвета.

Один киммериец с хрипом упал на землю — собака впиалась ему в горло, другой успел проткнуть копьём уже прыгнувшего пса, третий глухо взвыл, почувствовав в плече острые волчьи клыки. Мужчины обратили свой уже затупившиеся в битве мечи против животных, и стена щитов распалась.

— Стрелки! — прогремел черный великан. — К бою!

На кучку оставшихся в живых обрушился смертоносный град стрел. Щиты обреченных были изодраны, и отступавшие все плотнее и плотнее сжимали кольцо, оставляя раненых, корчащихся на утопанном снегу. Какое-то мгновение отец Конана стоял один, и щит его был весь утыкан стрелами. Стрела попала в ногу кузнеца, пронзив бедро. Раненая нога подогнулась. С проклятиями кузнец

упал в замерзшую грязь. Его рука шарилась по льду, пытаясь дотянуться до рукоятки огромного стального меча. Но собаки уже были рядом.

Вскоре все было кончено.

II. Колесо

Всадники достигли вершины холма, развернулись и вновь обрушились на деревню. Их беспощадные мечи сражали каждого, кто пытался сопротивляться. Зажженные факелы взлетали в морозный воздух, с шипением падая на тростниковые крыши незащищенных домов, зажигая жадное пламя. Те, кто пытался укрыться внутри, выскакивали и попадали под копыта боевых коней.

Всадники с гиканьем хлынули на разбитую улочку. Они пронзали копьями раненых, стариков, детей. Маев сразила одного воина с вождедеющим взглядом, который нагнулся на полном скаку, чтобы схватить ее. Она слегка улыбнулась, увидев, как разрубленное тело соскользнуло с седла и распласталось в грязи. Удар меча киммерийской женщины разрубил ногу лошади. Когда брыкающееся животное упало, Конан наступил на грудь всаднику, корчащемуся от боли в ногах, придавленных тушей коня, и перерезал тому горло.

Но защищавшихся было мало, и их ряды таяли на глазах. Внезапно они перестали сопротивляться. Все, кто остался в живых, ошеломленные и подавленные, побросали оружие к ногам захватчиков, — все, кроме Маев, жены Ниала, матери Конана. Ее глаза сверкали на бескровном лице. Женщина, оглушенная, оперлась на рукоять своего широкого меча, пытаясь перевести дыхание. А ее сын стоял подле, держа наготове свой маленький нож.

Наконец великан на холме пошевелился. Огромный черный конь начал двигаться, почувствовав, что шпоры врезались в его лоснящиеся бока. Не торопясь, размеренным шагом, пугавшим больше, чем бешеная скачка, предводитель ваниров направился вниз по склону, по утоптанному, забрызганному кровью снегу. Его лицо было закрыто железным рогатым шлемом, и на фоне утренного

неба он казался настоящим королем демонов, восседающим на адском скакуне.

Когда жуткий всадник шествовал мимо ваниров, они кланялись и монотонно возглашали: «Да здравствует предводитель Рексор! Да здравствует Рексор! И Дуум... Дуум... Тулса Дуум...»

Предводитель свернул с дороги и скрылся из вида за черной от сажи стеной сгоревшей хижины. Ваниры просветлели, словно сгинула мрачная туча, и приблизились к гордо застывшей женщине.

Обмениваясь непристойностями, два всадника, куражась, приставили копыя к ее открытой груди. Ударом меча Маев отбросила прочь одно из копий, и первый ванир со смехом попятился назад. Но его товарищ был менее удачлив. Подняв длинный клинок над головой, Маев ударила своего мучителя по руке, глубоко разрубив мышцы. Мужчина отпрянул. Копье выпало из его руки, повисшей, словно чужая. Цедя сквозь зубы проклятия, он здоровой рукой потянулся к мечу.

Как раз в это мгновение одетая в меха фигура предводителя, жуткая и молчаливая, как смерть, появилась из тени. Не было произнесено ни слова, но раненый ванир сник и отступил. Другой воин подбежал, чтобы принять уздечку боевого коня, пока его господин сходил на землю. Властным жестом Рексор указал на изрытую дорогу, где лежал кузнец. Безжизненная рука Ниала застыла на расстоянии пальца от меча, его последнего творения.

Стремясь выполнить приказ великана, какой-то воин помчался между двумя рядами тлеющих домов к месту, где сражался и пал кузнец. Подняв клинок, который никто не мог бы вырвать из руки живого Ниала, он поспешил принести меч своему повелителю. Сощуриив холодные голубые глаза, Маев следила за приближением человека. Конан, замороженный страхом, не отрывал взгляд от меча. Это оцепенение пришло к нему вместе с ужасной уверенностью, что его отца больше нет.

Рексор получил оружие и поднял его, рассматривая изумительную работу в косых лучах восходящего солнца. Конан безуспешно старался побороть сотрясавшие его рыдания. Мать дотронулась до его плеча. Воин засмеялся.

Внезапная дрожь стерла ухмылки с лиц ваниров, окружающих несдавшуюся пару. Конан поднял глаза. На фоне встающего солнца к ним медленно плыло знамя, укрепленное на древке из черного дерева. Поддерживаемое деревянной рамой, украшенной рогами животных, знамя из дорогой ткани неподвижно висело в неподвижном воздухе. На знамени был вышит все тот же символ, который долго еще будет преследовать Конана во сне, — зловещий, не сулящий ничего хорошего знак: сплетенные змеи, поддерживающие диск черного солнца.

Ужасная бахрома гнилых скальпов свисала с рамы, и желтые черепа насмешливо скалились с пик, украшавших сооружение. Даже Рексор склонил голову перед этим мрачным знаменем, багровеющим в лучах зари. Конан содрогнулся, увидев того, кто нес знамя. Странно деформированное тело его больше походило на тело зверя, чем на человека, хотя он и был облачен в покрытые железными пластинками доспехи, как остальные ваниры. Он нес внушающее ужас знамя с такой гордостью, что было ясно: в этом существе нет места ничему человеческому.

За несчастным порождением дьявола показался величественный всадник в роскошной кольчуге из кованых листочков, поблескивавших в беловатом свете, как чешуя змеи. Украшенный драгоценными камнями шлем закрывал его нос и скулы, оставляя открытыми только глаза, пылающие дьявольским огнем.

Конь был достоин седока: поджарый, грациозный, сверкающий драгоценной сбруей. Его глаза пылали, словно раскаленные угли. На таком коне, подумал Конан, должно быть, вопящие дьяволы вылетают из глубин Преисподней, опустошая зеленые холмы земли.

Благородное животное, повинувшись своему седоку, шло по окровавленному снегу, и ваниры низко кланялись, повторяя, как заклинание, одно слово: «Дуум... Дуум... Дуум!»

Великан Рексор подскочил, чтобы взять узду дьявольского коня, пока его хозяин сходил на землю. Они обменялись скупыми словами, а затем смили взглядами ким-

мерийскую женщину, которая хладнокровно сжимала рукоять своего широкого меча. Маев с ненавистью посмотрела на них, как пантера, защищающая своего детеныша. Она подняла оружие, готовясь к бою.

Человек в драгоценном шлеме, все еще не отводя от нее холодных, как лед, глаз, снял перчатку и протянул худую руку, чтобы принять от своего подданного меч кузнеца Ниаля. Рексор поклонился, передавая оружие своему повелителю.

«Дуум... Дуум... Дуум!» — опять запели ваниры. Вслушиваясь, Конан понял, что всадники произносили не просто приветствие. Это было злое имя — имя могущественного человека, имя, которого боятся.

Гибкий Дуум в змееподобной кольчуге неторопливо пошел к непобежденным киммерийцам, матери и сыну. Приближаясь, он, сощуриль глаза, изучал необыкновенное совершенство своего нового оружия. Казалось, что все его внимание сосредоточено на великолепном клинке. Он поворачивал его, любясь острой кромкой, безупречными пропорциями и искусной работой. Слово зеркало, сталь вспыхивала в лучах восходящего солнца, обдавая застывшего Конана потоками света.

Кольцо вооруженных людей расступилось, и Маев подняла свой палаш, стиснув зубы; она резко втянула воздух, готовясь напасть. Казалось, Дуум внезапно заметил ее. Он снял свой великолепный шлем, открыв жесткое красивое лицо. Легкая улыбка промелькнула на его тонких губах, и что-то похожее на восхищение красной искрой вспыхнуло в черных, как уголь, глазах. Женщина застыла словно пригвожденная к месту, зачарованная и испуганная властью и неотразимой мужской силой, исходившими от него.

«Дуум... Дуум... Дуум!» — хором восклицали неподвижные ванирские воины.

Дуум долго смотрел в большие глаза матери Конана. Ее высокая грудь, залитая розоватым светом восхода, поднималась и опускалась в такт учащенному дыханию. Затем, не заботясь о поднятом мече женщины, он приблизился. Дуум подошел так близко, что Маев уже могла сразить его, но он, казалось, не обращал на это внимания, словно опасность для него не существовала. Грация и гибкость его

тела была чувственной, зовущей и полной желания; но Маев оставалась совершенно неподвижной. Казалось, что она зачарована, как куропатка под взглядом змеи.

Проходя мимо нее, Дуум внезапно с невероятной легкостью и силой взмахнул огромным мечом, запевшим в морозной тишине. С глухим стуком сталь впилась в плоть.

Без крика и даже без вдоха Маев упала, словно дерево под топором дровосека. В ужасе маленький Конан смотрел, не веря своим глазам, как отрубленная голова матери покатилась в грязь к его ногам. На бледном лице не было ни страха, ни боли, и только в глазах застыло мечтательное, зачарованное выражение.

Полный ненависти, мальчик направил свой нож в широкую спину Дуума. Но ваниры уже вдавливали его в снег, вырывая нож из его цепких пальцев.

День угасал, а измученные пленники, прикованные один к другому, тащились по бесконечной равнине, покрытой нетронутым снегом, белизна которого оттенялась редкими соснами. Грязная цепочка людей, жалкие остатки дружного, тесно спаянного киммерийского рода — немногие выжили после набега на деревню. Оборванные, израненные, старики, женщины и дети прокладывали себе путь в рабство по скалистому плато, по снегу, покрытому ледяной коркой.

Далеко позади в небо все еще поднимался дым. Разграбив деревню, забрав оружие, пищу, меха и кожи, ваниры сожгли дома. Даже горячие угли и пепел были разбросаны копытами лошадей — когда весна согреет землю и вырастет свежая трава, там не останется ничего, что напоминало бы о некогда обитавших людях.

Маленький Конан шел вперед. Он сгибался под тяжестью цепей, продрогший, измученный железным ошейником, врезавшимся в горло. Он шел медленно. В голове его роились воспоминания, смешанные с необъяснимым ужасом. Сердце тяжело билось у него в груди, но он ничего не чувствовал, скованный кошмаром прошедшего дня. Это путешествие в Ванахейм навсегда запечатлелось в памяти Конана как ночной кошмар. То была неясная череда ужасных картин: одетые в меха всадники опи-

сывают круги вокруг согбенной, шатающейся от усталости вереницы пленников, обдавая их снежным дождем... Мрачное знамя со свившимися змеями и черным солнцем вздымается к небу... Расковывают и убивают с невероятной жестокостью старика, который не может идти дальше... Маленькие алые следы израненных льдом детских ног... Холодные ветры в горных долинах... Усталость и отчаяние...

Конан не заметил, когда великан Рексор и его таинственный господин Дуум расстались с ванирскими всадниками. Просто он вдруг осознал, что этих двоих нет больше с ними, и внезапно стало легче дышать, и солнце засветило ярче. В глубине души мальчик не мог понять, почему эти два мрачных, могущественных человека, которые — никакого сомнения — не были жителями Ванахейма, возглавили нападение на его деревню. Когда Конан отважился шепотом спросить об этом другого пленника, мужчину, тот так же тихо ответил:

— Не знаю, малыш. Ванирам, безусловно, хорошо платят за службу у черных людей, хотя я не видел, чтобы этим давали сейчас какие-либо деньги.

Пленники и захватчики направлялись на север. Они прокладывали извилистую тропинку в холмах северной Киммерии. Мрачные утесы и голые скалы вздымались над снежным покрывалом. Вдали, на фоне сапфирного неба, поднимались зубцы Иелофианских гор, похожих на всадников, увенчанных белизной. На рабов, кутающихся в рванье, обрушивались снежные бури, обжигая их ледяными поцелуями. Босые ноги детей замерзали так, что казались чужими, — острые камни ущелий больше не причиняли боли полубомороженным ступням.

Когда киммерийцы пересекали горы, отделявшие их от Ванахейма, страны их врагов, все время шел снег. Всадники с их псами были вынуждены охотиться на дичь. Питаемые тающим снегом ручьи глубоко прорезали снег долин, снабжая стоянки пленников чистой ледяной водой. Им удалось выжить.

В конце концов они стали спускаться по противоположному склону горного хребта. Чахлые деревья судорожно цеплялись за каменистую землю; их кривые стволы напоминали мальчику усталых гномов, присевших

отдохнуть у входа своих пещер. Просторы тундры были изрыты там, где стада оленей пытались извлечь из-под снега корм. Стаи болотных птиц пролетали мимо. Их скорбные крики наполняли сердце Конана отчаянием и грустью.

Пленники пробирались по болотам, среди робких весенних цветов, раскрывшихся на верхушках залитой водой травы.

Казалось, что рабам придется идти целую вечность. Но в конце концов мучительный переход завершился.

Однажды поздно вечером, когда заходящее солнце било кроваво-красными стрелами лучей в покрытую дымкой поверхность земли, Конан и другие пленники прошли через деревянные ворота города ваниров — большой общины, который, как они узнали позже, назывался Тродвана. Израненных рабов, словно скот, погнали мимо беспорядочно разбросанных каменных домов с соломенными кровлями, наполовину утонувших в торфе. Наконец они достигли загона, где стояло несколько сараев. В один из таких сараев с дырявой кровлей и затолкали вновь прибывших рабов. Там и провели они ночь, терзаемые неизвестностью. Спать им пришлось на жесткой глине, слегка прикрытой грязной соломой.

На рассвете пленники получили по маленькой порции хлеба и жидкой похлебки. Самых сильных и здоровых приковали ржавыми цепями к огромному колесу, спицы которого, сделанные из крепкого дерева, были гладко отполированы человеческими руками. Это колесо вращало гигантские жернова, и под их весом зерно растиралось в муку. К этому Колесу Страдания, как его называли рабы, и был прикован Конан рядом с другими: оборванными подростками с остановившимся взглядом, мужчинами из земель, о которых в Киммерии или не знали, или редко вспоминали. Что касается пленных женщин и девочек из его деревни, то их увели, и они, может быть, разделили еще более ужасную судьбу. Конан никогда больше о них не слышал.

Хозяином Колеса был плотный мужчина, смуглый, с резкими чертами лица. Работающим детям он казался великаном-людоедом. День за днем, пока они толкали стоящее колесо по вечному кругу, он стоял в грязных мехах,

мрачный и безмолвный, как каменный идол, на склоне холма над песчаной площадкой, над которой было закреплено колесо. Одни только свирепые глаза двигались на его лице, когда хозяин, словно ястреб, выискивал признаки медлительности и лени.

Хозяин приходил в движение, только когда изможденный ребенок, неспособный больше работать, падал от усталости на колени. Беспощадный сыромятный бич пел свою свистящую песню, обрушиваясь раз за разом на плечи несчастного до тех пор, пока под его ударами мальчик не поднимался на ноги, чтобы снова работать.

Так Конан вместе с другими работал день за днем, месяц за месяцем, пока время не потеряло для него всякое значение. Его окружали изможденные лица, остановившиеся глаза и бесчувственные сердца. Время сводилось только к текущему мгновению. Вчера было милосердно стерто из сознания рабов, завтра было еще неувиденным ночным кошмаром. Если раб падал и не мог больше подняться для работы, хозяин резким жестом подзывал всегда присутствующего неподалеку ванирского стражника, чтобы тот расковал корчащееся тело и унес — никто не знал, куда.

Иногда Конан думал, что так ваниры кормят своих собак.

Сменялись времена года; месяцы медленно складывались в годы. Рабы колеса умирали, и другие, захваченные ванирскими всадниками, вставали на их место. Некоторые из новых пленных были подростками и мужчинами из Киммерии; другие были золотоволосыми мальчиками из Асгарда; было несколько худых гиперборейцев в мягких льняных одеждах. Поговаривали, что они проникли в тайны колдовства, впрочем было незаметно, чтобы это им помогало.

Жизнь превратилась в бесконечную череду дней изнурительного труда и короткого сна, похожего на смерть. Надежда давно угасла, словно свеча на ветру. Отчаяние настолько притупило чувства Конана, что он перестал ощущать лишения. Надо отдать должное тому, что о Конане и его товарищах все-таки хоть немного заботились, иначе они в качестве тягловых животных стали

бы совсем бесполезны. Их хорошо кормили, разжигали огонь в сараях во время зимних бурь, снабжали одеждой, которая, впрочем, была слишком изодранной для того, чтобы ее можно было починить. Но это было все.

Вечными были скрежещащее Колесо Страдания, безжалостное голубое небо над головой, а под ногами — замерзшая слякоть зимой или хрустящая, сухая грязь летом. И вечен был звон цепей, которыми рабы были прикованы к колесу.

Один и только один раз Конан заплакал, и только одна слеза сбежала по его грязной щеке, замерзнув на пронизывающем ветру, подобно драгоценному камню. На одно мгновение мальчик припал к рукоятке Колеса, лоснящейся от пота его ладоней, и взмолился о конце этой бесконечной пытки, даже если этим концом будет смерть. Но минутная слабость прошла. Он потрянул своей длинной черной гривой и смахнул слезу.

В каждом сердце существует свой порог, за который безнадежность и смирение не могут проникнуть: точка, где жизнь и смерть равны. В это мгновение новая отвага рождается в душе даже самого отчаявшегося раба. Чувство, которое родилось в сердце Конана, когда он смахнул слезу, было яростью — обжигающей и беспощадной яростью.

Звериное рычание обнажило его крепкие зубы. Молодой киммериец дал безмолвный обет своим равнодушным северным богам: никогда больше, поклялся он, ни боги, ни люди, ни дьяволы не выжмут из него ни единой слезы.

В глубине сердца он дал еще одну клятву: люди будут умирать, если им это удастся!

Собрав все свои силы, он налег на рукоятку Колеса Страдания. Колесо заскрипело и вновь начало свое бесконечное вращение.

Поддерживаемый искрой ярости, вновь обретенной гордостью и готовностью выжить, Конан возмужал. Годы изнурительного труда укрепили его мускулы, придав телу силу и гибкость, которые приобретает мягкий металл после того, как его раскалят в печи и выкуют кузнечным молотом. Невзирая на то что дни его были отравлены

монотонностью изнурительного труда, а тело заковано в цепи, ум Конана был свободен — свободен, чтобы, подобно филину, по ночам парить на крыльях надежды.

В тот год, когда был плохой урожай, ваниры часто спорили. Одни предлагали урезать питание рабам; другие возражали, что если умирающие от голода рабы не смогут работать на мельничном колесе, то весь город останется без хлеба. Эти споры часто происходили между жителями города, приносившими зерно для помола. Никому не приходило в голову избавить несчастных рабов от этих злых споров, так как считали их слишком тупыми и невежественными, чтобы они могли понять чужую речь.

Но Конан был способным к языкам и понимал, о чем говорили ваниры. Он, с небольшим, правда, акцентом, свободно говорил на их языке; немного знал аквилонский и немедийский, которым он научился от своих товарищей по несчастью. Он бы научился большому, если бы разговаривал со своими соседями-рабами. Конан, словно голодный волк, вынашивал мечту о мести, однако в остальных отношениях ум его спал. Будучи молчалив по природе, он не искал общества других и не предлагал своего.

— Это было моей ошибкой, — сказал мне король Конан в зрелом возрасте. — Они могли бы научить меня писать на их языках, если бы я попросил об этом. Я тогда не думал, что это знание может мне когда-нибудь пригодиться, ведь в Киммерии не было письменности. Знание нужно хватать там, где оно лежит. Ныне я знаю, что это бесценный бриллиант.

Во время голодной зимы Тродван охватила чума. Многие умерли. Барабанный бой и пение шамана не могли остановить болезнь. Эпидемия свирепствовала на мельнице. Полуголодные и изнуренные рабы были для нее легкой добычей. Они заходились в кашле, а потом начинался кровавый понос и приходила смерть.

Наконец настал день, когда Конан один стоял у Колеса Страдания. Когда хозяин спустился на дорожку, чтобы убрать последний труп, он растерянно сказал:

— Я не знаю, что с тобой делать теперь, киммериец. Нам нужна мука, но один человек не может вращать жернова.

— Ха! — прорычал Конан. — Ты так думаешь? Поставь меня на внешнюю сторону колеса, и я докажу тебе, чего я стою!

— Что же, я дам тебе этот шанс. И да будут с тобой твои киммерийские боги.

Его перековали, поставив к другой рукояти. Конан вобрал в себя воздух, напряг каждый мускул и надавил. Колесо пошло.

Много дней, пока не прибыли новые рабы, молодой богатырь вращал колесо один. Ваниры из окрестных деревень, приносившие свои скудные запасы зерна для помола, любовались этим зрелищем. Они одобрительно смотрели на невероятно широкие плечи Конана и мощные мускулы рук и ног. О нем разнеслась молва...

Однажды бесконечно нудной, тяжелой работе пришел конец. Работая на колесе, Конан вдруг заметил, что хозяин о чем-то серьезно разговаривает с властным незнакомцем. Пять слуг гостя, держа лохматых пони, чинно остались стоять на дальней стороне мельничного двора. Хозяин Колеса был смуглым, посетитель же принадлежал к другой ветви человечества, представителя которой Конан видел впервые.

Незнакомец был коренастым и кривоногим, как будто он вырос в седле. Его красивая одежда была сшита из меха неизвестного в Киммерии животного, а странные доспехи состояли из лакированных перекрещивающихся кожаных пластинок. У него были узкие глаза, широкие скулы, а густые рыжие волосы и борода были подстрижены на изысканный манер. Булавка, украшенная топазом, мерцала на его бархатной шляпе, шею обвивала тяжелая золотая цепь.

Черные, словно обломки вулканического стекла, глаза рыжего незнакомца изучали киммерийского юношу. Его взгляд был холодным и оценивающим, словно взгляд торговца лошадьми. Конан безразлично продолжал толкать колесо. Наконец человек удовлетворенно кивнул, засунул

за пояс руку и достал несколько плоских кусочков золота. Он протянул их хозяину Колеса и направил лошадь к работающим на мельнице. Хозяин поспешил вниз по склону, чтобы остановить колесо. Конан покорно стоял, пока снимали его цепи и прилаживали тяжелый деревянный ошейник. Он ждал терпеливо, разминая заострившие мозолистые руки. Хозяин замкнул ошейник и протянул всаднику конец цепи.

Незнакомец облизал губы и гортанно на языке ваниров сказал:

— Я Тогрул. Теперь ты мой раб. Пошли.

Он резко потянул за цепь, как дергают собачий поводок. Конан чуть не упал. Восстановив равновесие, он посмотрел вверх: человек ухмылялся. В мрачных глазах киммерийца вспыхнуло негодование, а из груди вырвалось рычание. С ненавистью он вырвал цепь из рук Тогрула.

Одно мгновение Конан стоял свободным. Ноги его были расставлены, плечи расправлены, глаза горели. Это жгучее дыхание свободы пробудило беспорядочные воспоминания в его сердце варвара. Все замерли от изумления. Зазвучала острая сталь, когда хозяин Колеса и вооруженные люди Тогрула окружили непокорного раба.

Глаза Конана засверкали синим огнем, он обвел свирепым взглядом кольцо сверкающих клинков. Затем он посмотрел на Колесо Страдания, на рукоятку, отполированную его потными руками, на цепи, приковывавшие его запястья: что бы ни ждало его впереди, он был свободен от Колеса.

Огни ярости в глазах погасли. Он сделал глубокий вдох, затем безмолвно поднял цепь и протянул ее конец своему новому хозяину. Всадник усмехнулся.

— У этого животного есть дух! — пробормотал он. — Он будет редкостным зрелищем в Яме.

III. Яма

Косматые пони быстрой рысью уносили Тогрула и его телохранителей из города. К грубому деревянному ошейнику раба-киммерийца была прикована цепь, свободный конец которой его новый хозяин намотал на луку своего

— Я не знаю, что с тобой делать теперь, киммериец. Нам нужна мука, но один человек не может вращать жернова.

— Ха! — прорычал Конан. — Ты так думаешь? Поставь меня на внешнюю сторону колеса, и я докажу тебе, чего я стою!

— Что же, я дам тебе этот шанс. И да будут с тобой твои киммерийские боги.

Его перековали, поставив к другой рукояти. Конан вобрал в себя воздух, напряг каждый мускул и надавил. Колесо пошло.

Много дней, пока не прибыли новые рабы, молодой богатырь вращал колесо один. Ваниры из окрестных деревень, приносявшие свои скудные запасы зерна для помола, любовались этим зрелищем. Они одобрительно смотрели на невероятно широкие плечи Конана и мощные мускулы рук и ног. О нем разнеслась молва...

Однажды бесконечно нудной, тяжелой работе пришел конец. Работая на колесе, Конан вдруг заметил, что хозяин о чем-то серьезно разговаривает с властным незнакомцем. Пять слуг гостя, держа лохматых пони, чинно остались стоять на дальней стороне мельничного двора. Хозяин Колеса был смуглым, посетитель же принадлежал к другой ветви человечества, представителя которой Конан видел впервые.

Незнакомец был коренастым и кривоногим, как будто он вырос в седле. Его красивая одежда была сшита из меха неизвестного в Киммерии животного, а странные доспехи состояли из лакированных перекрещивающихся кожаных пластинок. У него были узкие глаза, широкие скулы, а густые рыжие волосы и борода были подстрижены на изысканный манер. Булавка, украшенная топазом, мерцала на его бархатной шляпе, шею обвивала тяжелая золотая цепь.

Черные, словно обломки вулканического стекла, глаза рыжего незнакомца изучали киммерийского юношу. Его взгляд был холодным и оценивающим, словно взгляд торговца лошадьми. Конан безразлично продолжал толкать колесо. Наконец человек удовлетворенно кивнул, засунул

за пояс руку и достал несколько плоских кусочков золота. Он протянул их хозяину Колеса и направил лошадь к работающим на мельнице. Хозяин поспешил вниз по склону, чтобы остановить колесо. Конан покорно стоял, пока снимали его цепи и прилаживали тяжелый деревянный ошейник. Он ждал терпеливо, разминая заострившиеся мраморные руки. Хозяин замкнул ошейник и протянул всаднику конец цепи.

Незнакомец облизал губы и гортанно на языке ваниров сказал:

— Я Тогрул. Теперь ты мой раб. Пошли.

Он резко потянул за цепь, как дергают собачий поводок. Конан чуть не упал. Восстановив равновесие, он посмотрел вверх: человек ухмылялся. В мрачных глазах киммерийца вспыхнуло негодование, а из груди вырвалось рычание. С ненавистью он вырвал цепь из рук Тогрула.

Одно мгновение Конан стоял свободным. Ноги его были расставлены, плечи расправлены, глаза горели. Это жгучее дыхание свободы пробудило беспорядочные воспоминания в его сердце варвара. Все замерло от изумления. Зазвучала острая сталь, когда хозяин Колеса и вооруженные люди Тогрула окружили непокорного раба.

Глаза Конана засверкали синим огнем, он обвел свирепым взглядом кольцо сверкающих клинков. Затем он посмотрел на Колесо Страдания, на рукоятку, отполированную его потными руками, на цепи, приковывавшие его запястья: что бы ни ждало его впереди, он был свободен от Колеса.

Огни ярости в глазах погасли. Он сделал глубокий вдох, затем безмолвно поднял цепь и протянул ее конец своему новому хозяину. Всадник усмехнулся.

— У этого животного есть дух! — пробормотал он. — Он будет редкостным зрелищем в Яме.

III. Яма

Косматые пони быстрой рысью уносили Тогрула и его телохранителей из города. К грубому деревянному ошейнику раба-киммерийца была прикована цепь, свободный конец которой его новый хозяин намотал на луку своего

седла. Несколько лет изнурительного труда сделали мышцы ног Конана крепкими, а грудь — могучей, и все же мускулы его болели, а когда хозяин переводил лошадь в легкий галоп, дыхание Конана звучало, как придушенное всхлипывание.

Камни впивались острыми краями в голые ступни Конана. Однажды он споткнулся, и низкорослая лошадь тащила его, пока, сбита с ритма тяжестью волочащегося тела, не перешла на шаг. После этого юноша все же сумел подняться и заставить свои избитые, кровоточащие ноги продолжать бег.

Наконец всадники спешили для привала. Появился бурдюк кислого красного вина, пошли по рукам ломти хлеба и сыра. Конан, чавкая, ел и слушал грубые шутки мужчин. Из разговоров он узнал, что его новый хозяин — владелец гладиаторов из Гиркании, страны, расположенной далеко к востоку, намного дальше бесплодной Гипербореи. Этот рыжебородый человек разъезжал со своими людьми по просторам Асгарда и Ванахейма, устраивая гладиаторские бои для развлечения местных царьков и их азартных друзей. Иногда, суля хорошее вознаграждение, он заманивал местных силачей вступить в единоборство с его бойцами — рабами, последним противником которых всегда была Смерть.

Когда сумерки окрасили северное небо в серый с голубоватым отливом цвет и зелень вдоль дороги превратилась в размытое пятно, всадники и молодой киммериец, вконец сбивший ноги, добрались до лагеря Тогрула. Здесь, за грубым высоким частоколом, располагалось несколько домов, хижин, загоны лошадей и бараки для рабов, отобранных как за их варварскую жестокость и мощное телосложение, так и за умение драться.

Тогрул остановился у одного барака и что-то крикнул слонявшимся около ограждения вооруженным охранникам. Хотя Конан всех слов не смог понять, он сообразил, что его хозяин ищет кого-то по имени Улдин. Улдин оказался приземистым длинноруким человеком с бритой головой. Он обменялся с Тогрулом несколькими словами, которых киммериец не понял, отвязал цепь от луки седла и крепко зажал ее в огромных жилистых руках.

Коверкая язык ваниров, он пробурчал:

— Ну ты! Идем!

Когда юного варвара ввели в душное, зловонное помещение, нечто похожее на ужас охватило его. Он чувствовал присутствие других людей, но в темноте различал только тени. Улдин зажег огарок свечи. В тусклом мерцающем свете Конан разглядел таких же, как он, грязных, одетых в лохмотья рабов, сидевших на сыром земляном полу. Молчаливые, неподвижные, они наблюдали за ним. В их освещенных огнем глазах не было почти ничего человеческого.

Улдин растегнул ошейник Конана и снял его, пристально вглядываясь в лицо изнуренного дорогой юноши.

— Имя? — рявкнул он.

— Конан.

— Откуда ты?

— Я киммериец. Зачем я здесь?

— Чтобы научиться сражаться, — ответил Улдин. — Что ты знаешь об искусстве боя?

— Ничего, — пробормотал Конан. — Меня взяли в плен восемь лет назад, и с тех пор я крутил проклятое мельничное колесо. До этого я иногда дрался с другими мальчишками.

— Тогда начнем с рукопашной. Раздевайся.

Киммериец повиновался. Он осторожно снял свою грубую рубаху, чтобы протертая ткань не расползлась окончательно. Улдин внимательно осмотрел тело Конана, освещая его свечой.

— От этого мельничного колеса тебе достались неплохие плечи, — проворчал он. — Нападай на меня.

Слегка пригнувшись, Конан двинулся на гирканца и уже вытянул руку, чтобы схватить его. Что произошло потом, Конан так и не понял. Коротышка выскользнул из объятий Конана, будто столб дыма. Мгновение спустя что-то зацепило лодыжку киммерийца, и он грохнулся наземь.

— Еще раз! — скомандовал Улдин, когда обескураженный юноша с трудом поднялся на ноги.

Конан осторожно наступал, думая про себя: «Схвачу его за шею и переброшу через бедро, как мы это обычно делали в детстве». Вместо того чтобы уклониться от

рук Конана, Улдин позволил ему зажать в локте свою шею. Потом, гибкий как барс, гирканец подался назад, увлекая Конана за собой. Упав на спину, Улдин мгновенно согнул ноги, уперся ступнями в живот Конана и резко толкнул его вверх. Юноша перелетел через голову противника и тяжело шлепнулся на землю. Улдин вскочил на ноги и с кривой усмешкой посмотрел на лежащего Конана.

Конан поднялся, рыча, как загнанный зверь.

— Покарай тебя Кром, — брызнул он слюной и снова ринулся на Улдина. Но и на этот раз был сбит с ног. Когда Конан встал, он увидел ухмыляющегося Улдина, очень похожего на плешивую обезьяну.

— Давай снова! Возненавидь меня! — режущим голосом сказал гирканец. — Ненависть научит тебя бороться. Но тебе придется многому научиться. Завтра ты получишь первый урок.

Все лето Конан учился драться за свою жизнь. Здесь либо сражались, либо умирали. Конан сражался и жил.

Конан не нашел себе друзей среди гладиаторов. Он полагался на свое мастерство, поэтому было бы жестоко сближаться с человеком, которого, быть может, придется убить, чтобы самому не быть убитым им.

Когда Конана в первый раз привели на арену, он одним быстрым взглядом окинул это место победы и смерти. В цепях, вместе с другими рабами Тогрула, Конана привели в Скаун — город ваниров. Там их поместили в похожем на хлев сарае с высокой крышей, где в железных коробках едва теплились уголья, хоть немного спасающие от сырой прохлады,

Ареной для поединков служила яма шагов десяти в длину и пяти в ширину, а глубиной в человеческий рост. По краям были расставлены деревянные щиты и кожаные флажки, раскрашенные клюквенно-красным, небесно-голубым и черным.

Взглянув поверх ограждения, Конан увидел ванирских вождей. Они сидели на грубых скамьях, потягивая из рога эль. Если кто-нибудь уставал держать рог на весу, он втыкал его в мягкую землю у своих ног. Арену освещали факелы. Мерцающие огни плясали на рыжих шевелюрах и багровых лицах мужчин, ярко вспыхивая

на браслетах и нагрудных украшениях из золота и серебра, отделанных необработанными драгоценными камнями. Дымный воздух смешивался с запахами плохо выдубленной кожи и старой шерсти и становился еще более терпким от едкого пота.

Опьяневшие князьки гоготали и улюлюкали, отпуская грубые шутки. Тем не менее они очень внимательно осматривали гладиаторов, перед тем как побиться об заклад. Как залог своих ставок ониставляли напоказ слитки золота, драгоценные камни и прекрасное оружие.

Шестеро могучих бойцов стояли у дальней стены арены. Их мощные торсы, широкие спины и мускулистые руки и ноги были смазаны жиром, чтобы легче было выворачиваться из рук противника. Конан не знал никого из этих людей, но, поскольку он иногда слышал, как слуги Тогрула шептались еще об одном человеке, который держал гладиаторов, некоем асире из Асгарда по имени Ивар, киммериец решил, что эти незнакомцы — рабы Ивара.

Еще раз взглянув вверх на пьяных, орущих ваниров, Конан заметил Тогрула. Тот стоял в стороне и разговаривал с человеком, в рыжеватой бороде которого были заметны серые волосы. Конан не мог слышать их слов, но по жестам он понял, что разговор идет о тех шести гладиаторах. Вскоре Улдин и два других человека спустились вниз лестницу. Все, кроме будущего противника Конана, поднялись наверх, оставив его один на один с гигантским негром.

Конан изумленно таращил глаза: он никогда прежде не видел кожу черного цвета. Отец когда-то рассказывал ему, что такие люди живут в стране Куш, лежащей в двухстах, а может и больше, днях пути на юг. Круглая голова негра была гладко выбрита. Он медленно разжевал пригоршню каких-то листьев, содержащих, по видимому, сильнодействующий наркотик. Взгляд негра утратил все человеческое, сделавшись взглядом хищного зверя.

Прикидываясь слабым и растерянным, молодой варвар изучал противника. Грозный негр был великолепным образцом самца. Его намащенное тело, мерцающее в свете огней, было похоже на статую, вырезанную из

обсидиана. Огромная сила таилась в этих массивных плечах и руках; мышцы торса и ног то напрягались, то расслаблялись, словно перевившиеся питоны.

Когда наркотик полностью завладел мозгом негра, подобно разъяренному тигру он бросился к Конану. В одно мгновение его громадные лапы схватили горло Конана и крепко сжали, сминая плоть и заставляя смолкнуть сдавленное рычание, рвущееся из груди киммерийца. Руки Конана сомкнулись на запястьях чернокожего, и они закружились в танце смерти, раскачиваясь из стороны в сторону и держа друг друга в объятиях, словно свирепые любовники. Зрители возбужденно завопили.

Конан боролся насмерть, до предела напрягая мышцы шеи. Легкие пылали, красная пелена застилала глаза. Негр придвинулся ближе, растянув толстые губы в страшной гримасе, обнажившей желтые зубы, похожие на клыки. Его горячее дыхание, тошнотворно-сладкое от запаха зелья, обжигало лицо Конана.

Свирепое лицо негра все приближалось; противники раскачивались щека к щеке, и кушит старался подобраться своими клыками к вздувшейся вене противника.

Неожиданно Конан отпустил запястья негра, уперся ладонями в его грудь и резко толкнул его, как толкал рукоять Колеса Страдания. Его мощные мускулы отчетливо проступили под гладкой кожей могучих рук. Годы тяжелого труда на Колесе закалили их, словно железо под молотом кузнеца.

На лице негра промелькнуло удивление, когда, несмотря на страшную мощь крепких рук, его пальцы сорвались с горла противника. В то же мгновение Конан вновь схватил кушита за запястья и, согнувшись пополам, перекинул его через спину. Здоровенный негр перелетел через Конана и с глухим ударом врезался в хорошо утрамбованную землю.

Кушит вскочил на ноги почти мгновенно, но за время этой короткой спасительной передышки Конан уже успел наполнить свои истощенные легкие драгоценным воздухом. Теперь оба они осторожно двигались по кругу. Колени их были чуть согнуты, ноги расставлены, а напряженные руки готовы к схватке. Кровь сочилась по груди

киммерийца из ранок на шее, нанесенных отточенными ногтями негра. Пот стекал по лбу и, попав в глаза, причинял острую боль. Конан встряхнул головой, стараясь смахнуть капельки пота.

Кровавое вождение вспыхнуло в глазах негра. Обнажив в ухмылке зубы, он, как ягуар, бросился на Конана. Но молодой киммериец был наготове. Он легко уклонился в сторону и, когда противник пролетел мимо, ударил его в затылок тяжелым кулаком. Полуоглушенный, негр повалился на колени. Толпа хрипло заревела. Одни вопили в восхищении, другие от злости — они проиграли пари. Некоторые поощрительно кричали; они никогда еще не видели подобного боя между неопытным юношей и непобедимым чемпионом.

Конан не замечал толпу. Для него во всем мире существовала теперь только арена боя и враг. Страстное желание убить вскипело в нем, и снова и снова наносил он тяжелые удары негру, которого уже почти покинуло сознание. Нос кушита превратился в кровавое месиво, а глаза заплыли.

Потом кушит отскочил назад и, согнувшись почти пополам, с новой силой бросился на противника. Его голова, словно пушечное ядро, ударила Конана в живот. Юноша был отброшен назад, к доскам, которыми были обшиты стены арены. Болельщики негра зашлись в криках: «Джанга! Джанга!»

Когда Джанга приблизился к киммерийцу, Конан схватил его черную лапу и, преодолевая боль в животе, рванул ее, выкручивая изо всех сил. Негр пронзительно закричал.

Кость с хрустом выскочила из сустава. Противник тяжело опустился на колени, а вывихнутая рука беспомощно повисла.

Конан схватил негра под мышки и с силой ударил головой в стену арены. Зрители застыли в напряженном молчании, и в этой полной тишине раздался звук, похожий на треск сучьев: Конан сломал шею гиганта. Шатаясь от изнеможения, Конан отпустил бьющееся в конвульсиях тело, и оно повалилось на землю. Покачиваясь, он подошел к стене, привалился к ней и жадно вдохнул.

Толпа взбесилась. Ваниры срывали с себя золотые браслеты, швыряя их на арену, к ногам Конана. Но измученный киммериец не замечал роскошных подарков. Остаться в живых — вполне достаточная награда для гладиатора.

Тогрул спустился на арену и похлопал Конана по ноющим плечам. Гирканеп широко усмехался и, собирая золото, бормотал несвязные похвалы.

— Пойдем, парень! — наконец сказал он. Руки его были полны «безделушек». — Я знал, что ты будешь победителем! Мы уроем этих скотов, и ты будешь получать столько эля, сколько сможешь выпить.

Нетвердым шагом Конан поднялся по лестнице за своим хозяином и вошел в умывальную комнату. Здесь его поджидал Улдин с тазом теплой воды, полотенцем и кувшином холодного эля.

Так молодой киммериец стал гладиатором, человекоубийцей, постоянно рискующим собственной жизнью, чтобы поить кровью вождов северян. Когда Тогрул увидел, что сборы в Ванахейме уменьшаются, он отправил своих людей на восток, в Асгард, страну золотоволосых асиров. Несмотря на то что эти соседние народы ненавидели друг друга и не упускали случая совершить набег, разграбить и безжалостно перерезать своих врагов, бои гладиаторов были их общей любовью. Для обоих этих народов было вполне обычным делом, что давние враги становились друзьями на гладиаторских поединках, говорили друг с другом, заключали друг друга в медвежьи объятия, провозглашали тосты и давали присяги на верность.

Конан открыл для себя, что жизнь гладиатора была не самой худшей. Он получал определенное удовлетворение, когда встречался лицом к лицу с противником и убивал его, так как это хоть на какое-то скоротечное мгновение создавало иллюзию свободы. Выматывающая пытка Колесом Страдания притупила в нем человеческие чувства; бои на арене возродили в нем мужество и самолюбие.

Кроме того, Тогрул неплохо обращался со своими любимыми рабами. Подобно владельцу ценных лошадей и собак, хозяин Конана следил, чтобы они имели вдоволь еды и питья: жирное жаркое, толстый кусок пшеничного хлеба и кружку пенящегося черного эля. Но Тогрул тщательно заботился и о том, чтобы его рабы не сбежали. Вооруженные стражники постоянно следили за ними и всякий раз заковывали, если хозяин считал, что у них есть шанс оказаться на свободе.

Более опьяняющим, чем даже крепкий эль, изрядная порция еды или похвала хозяина, было неистовство зрителей и лесть толпы.

Конан осознал, что жизнь приобретает особенный вкус, если чувствовать, что каждый день может оказаться последним. После каждого боя он спал, как усталый зверь. И все же время от времени его мучили кошмары. Он видел себя лежащим, окровавленные кишки его валялись на склизкой земле, а насмехающаяся толпа плевала в него. Тогда он посреди ночи вскакивал в холодном поту и с радостью ощущал себя живым и полным сил, с облегчением понимая, что это был только сон.

Нет, это была не самая плохая жизнь, но душу Конана она ожесточила. Постоянно видя смерть, он стал равнодушен к ней, да и толпа, приветствующая его страстными и яростными криками, мало беспокоилась о том, останется он жить или умрет.

Когда белое покрывало зимы окутало Асгард, поединки гладиаторов прекратились. Большинство рабов было занято строительством хижин, чтобы заменить ими палатки; но Улдин продолжал учить Конана пользоваться и другим оружием, кроме кулаков, зубов и ножей; он научил юношу драться простой палкой твердого дерева шести локтей в длину и толщиной с собачью лапу. Конан видел такие палки у мужчин в его родной киммерийской деревне. Одновременно Конан учился владеть копьем. Правда, держал он его обеими руками, как дубину, но с завидным умением орудовал железным острием. Во время таких опасных занятий он и Улдин надевали защитные одежды, а в руках держали затупленное оружие.

После копья киммериец перешел к дротику, топору и затем к мечу. Когда Улдин впервые вложил меч в руки,

Конана, тот задумчиво повертел клинок. Это была простая металлическая полоса без острия, к которой были прикреплены гарда и обыкновенный деревянный эфес.

— Разве это меч, — пророкотал Конан. — Не такой, как те, что делал мой отец.

— Твой отец был кузнецом, так?

— Да. Он знал секрет стали. Он считал, что сталь — это дар богов. «Клинок из хорошей стали, — говорил он, — вот единственная вещь в мире, на которую может полагаться человек».

Улдин хохотнул:

— Истинная цена человека не в том, какую сталь он держит, а в нем самом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Конан.

— Человек должен быть закален, а не сталь. Я знаю это, потому что закаливаю мужчин. Пойдем! Встань в первую оборонительную позицию! Подними щит!

К весне, когда Тогрул снялся с места и двинулся в другую часть страны, молодой киммериец умел обращаться с основными видами оружия. Он настолько овладел этим искусством, что теперь уже не валился с ног каждую ночь на свое убогое ложе, весь покрытый ноющими синяками и кровоподтеками от ударов и толчков Улдина, как раньше.

Чтобы удовлетворить жажду к жестоким зрелищам, северяне изобрели массу жестоких способов лишать человека жизни. Иногда Конану приходилось драться, будучи связанным с противником цепью. Разделенные только на ее длину, смертники были вооружены короткими кинжалами.

Для разнообразия Тогрул и другие владельцы одевали своих гладиаторов как животных, наряжая их в шкуры или меха, в подражание зверям водружая на шлемах рога и прикрепляя железные когти к рукам и ногам.

Но не всегда противниками Конана были мужчины. Однажды Улдин сказал ему:

— Сегодня твой враг — гладиатор из Гипербореи.

— Что это за народ? — спросил Конан. Он как-то слышал, что Гиперборея — страна, лежащая к востоку от Асгарда. — Я видел одного из них, когда был рабом Колеса, но мы не разговаривали.

— Они высокие, поджарые, в большинстве своем светловолосые, — ответил Улдин. — Опасные враги, имеют дурную славу колдунов и ведьм.

На этот раз Конана и его противника выпустили на арену в набедренных повязках и сандалиях, с короткими мечами и небольшими круглыми щитами.

Конан был изумлен, когда увидел перед собой женщину. Она была стройной, длинноногой, почти с Конана ростом, который теперь, будучи взрослым, на голову превосходил даже высоких ваниров и асиров. Волосы женщины цвета лунного света были сплетены в толстую косу, груди обнажены. Хотя ее гибкое тело распространяло вокруг сладкий аромат, зеленые глаза были смертельно холодны. По тому, как она держала свое оружие, Конан понял, что она очень опытна в искусстве боя.

Прозвучал свисток, бой начался. Противники стали осторожно кружить, а затем ринулись друг на друга. Сталь звенела о сталь, слышался глухой звук ударов железа о дерево и кожу щитов, перекрывавший крики зрителей. Несмотря на силу жилистых рук женщины-воина, мускулатура Конана, развитая на Колесе и закаленная в боях, бесспорно выигрывала. Несмотря на все ее умение, скорость и коварство, Конан спокойно и уверенно отражал ее сталь.

Неожиданно сильный удар Конана выбил меч из рук женщины. Со скамеек наверху раздался вопль: «Дреп! Убей!» На мгновение женщина оставалась раскрытой. Она стояла неподвижно, как бы примирившись со смертью.

Конан колебался. Среди непреложных обычаев киммерийцев, усвоенных Конаном в детстве, был долг мужчин защищать женщин и детей своего племени. И хотя киммерийцы с готовностью нападали из засады и убивали мужчин враждебных племен, сознательно убить женщину, не причинившую зла, считалось неслыханной жестокостью.

Сомнение Конана длилось не более двух ударов сердца. За это время гиперборейская женщина отпрыгнула назад,

схватила упавший меч и бросилась на Конана с удвоенной яростью. Ей удалось нанести ему глубокую рану на лбу, и кровь потекла в глаза Конана, застилая ему взор.

Наконец усталость ослабила атаки женщины. Орудую поочередно мечом и щитом, Конан отеснил ее назад, к стене арены. Мощным ударом плащмя он расколол ее щит и сделал резкий выпад. Кровь хлынула, окрашивая белое тело, женщина вскрикнула и неловко повалилась на грязный пол, прижимая руки к кровоточащей ране, будто желая остановить поток крови.

Конан отступил назад и посмотрел вверх. Тогрул поймал его взгляд и сделал резкое движение вниз рукой с одним выпрямленным пальцем. Когда Конан заколебался, его хозяин повторил недвусмысленный знак с большей энергией.

Молодой варвар склонился над упавшей, которая, казалось, потеряла сознание. Его меч поднялся вверх и резко опустился в рубящем ударе, с шумом рассекая воздух. Все еще не разгибаясь, он вонзил острие своего меча в землю, схватил светлую косу и поднял отрубленную голову на обозрение знати. Толпа пришла в исступление.

В тот момент, — говорил мне король, — я ненавидел себя. Я никогда не говорил об этом случае прежде, потому что этот поступок — один из немногих, которых я стыжусь. Правда, женщина была смертельно ранена, и то, что я сделал, было, возможно, более милосердно, чем оставить ее медленно умирать, но все-таки это было подло и гнусно для киммерийца. Потом я вспомнил, что это Тогрул заставил меня сделать это. Вся моя ненависть обратилась на него. Я поклялся, что однажды отомщу ему за мой позор.

Рубец от раны над бровью, оставленный мечом гиперборейки, был только одним из многих, которыми покрывалось лицо и тело Конана в течение того лета. Юноша сделался отменно энергичным и напористым бойцом. Его сила стала совершенной, а смелость — безграничной, но

ему не доставало умения, и Тогрула очень беспокоило, что Конан незнаком с тонкостями воинского искусства. Он опасался, что его юный чемпион выйдет против бойца, равного по силе, но превосходящего в умении; в таком бою Конан может быть покалечен или убит, и в любом случае ему больше не будет никакой цены как гладиатору.

Поэтому, когда леса надели красные и золотые уборы осени, Тогрул со своим лагерем отправился далеко на восток, через холодные равнины Гипербореи, в город Валамо — самый отдаленный уголок страны. Там жил человек, которому не было равных в мастерстве владения оружием, и у него Тогрул намеревался обучить киммерийца. Там же Тогрул надеялся купить будущих гладиаторов, поскольку смерть унесла почти половину его бойцов.

Хорошо охраняемый караван был в пути два месяца. На каждой стоянке сначала асиры, а затем гиперборейцы приходили глазеть на тогруловского раба-чемпиона, ставшего знаменитым своими подвигами и невероятной силой. В таких случаях Тогрул — мастер устраивать зрелища — раздевал юношу и демонстрировал его обнаженным на вращающейся платформе, к которой раб прикреплялся четырьмя железными цепями. Северяне и их жены охотно отдавали медные деньги за возможность поглазеть на величественное телосложение Конана.

На их восхищенные похвалы и любопытные взгляды Конан отвечал ледяным равнодушием. Он догадывался, что всех бы позабавило пробуждение его плоти, вызванное косыми взглядами и обольстительными улыбками женщин, но он был полон решимости не доставить им этого маленького удовольствия. Он ненавидел их всех.

В Валамо, в самом глухом краю Гиркании, гирканец Онтор раскрывал киммерийцу секреты своего мастерства. Всю зиму юноша тренировался и упражнялся под руководством Онтора. К весне, когда солнце растопило тяжелые снега зимы, Тогрул был убежден, что не осталось ничего, чему можно было бы еще научить его раба-победителя.

За это время Конан многое узнал о восточных землях, о которых он раньше знал только понаслышке. Как любимому гладиатору Тогрула, Конану часто позволялось проводить вечера в юрте хозяина, когда тот принимал военных вождей и князей, наведывавшихся время от времени в Валамо что-нибудь купить, продать или просто поболтать. Иногда Тогрулу выпадала честь принимать туранцев — представителей народа, относящегося к гирканской ветви. Этот народ воздвиг на западных берегах моря Вилайет великолепные города и вел теперь своих северных собратьев вперед по пути искусства и цивилизации.

Большую часть времени Конан сидел молча, скрестив ноги, на застеленном коврами полу юрты своего хозяина. Но когда представлялась возможность, он засыпал гостей вопросами о том, как они ведут бой. Его вопросы изумляли военных вождей, которые считали, что принципы стратегии и тактики мало нужны обыкновенному гладиатору, чьим уделом было снова и снова сражаться с единственным противником, пока смерть не подкараулит его.

Но Конан понимал, что чем больше у него будет подобных знаний, тем больше у него останется шансов выжить. Он начал задумываться о будущем. Он был уверен, что не будет гладиатором вечно. Поскольку мир был местом постоянных раздоров, где сильные берут все, что позволяет им их сила, он научится поступать так же.

Однажды гирканский военачальник, свернув большую кожаную карту, которую он перед тем расстелил на ковре, захотел расспросить людей, допоздна засидевшихся в юрте Тогрула за кубками изысканного белого вина.

— Что лучшее в жизни? — спросил он туранского князя, блиставшего шелковыми штанами и туфлями алой кожи, отделанными серебром.

Туранец сделал широкий жест, и в свете лампы сверкнули драгоценные камни перстней.

— Хорошо жить в открытой степи, под ясным небом. Хорошо, когда под тобой быстрый конь, обученный сокол сидит на запястье, а холодный свежий ветер развеивает волосы!

Генерал покачал головой и улыбнулся:

— Ошибаетесь!.. А вы что скажете? — обратился он с тем же вопросом к небольшому пожилому молчаливому человеку. Конан догадался, что этот человек прибыл из страны Кхитай, что лежит отсюда за год пути на восток.

Маленький человечек с плоским, косоглазым лицом поморщил лоб, покрытый пергаментом желтой кожи. Он поежился в подбитых ватой одеяниях, в которые кутался, защищая свое чахлое тело от вечернего холода, и медленно протянул:

— Я скажу, что жизнь лучше всего, когда человек может похвалиться любовью к учению, когда он приобрел мудрость и научился понимать прекрасную поэзию.

И снова важный гирканец покачал головой. Потом он внимательно посмотрел на Конана, который сидел, скрестив ноги, на небольшом круглом возвышении в центре юрты, одетый в теплую тунику, но скованный цепями, как и прежде. Ради забавы гирканский воин спросил:

— Что ответит этот молодой варвар, этот гигант, на мой вопрос?

Легкая улыбка пробежала по лицу Конана, и он сказал:

— Лучше всего на свете встретиться со своим врагом лицом к лицу, увидеть его кровь, разбрызганную по земле, и услышать плач и стоны его женщин!

Одобрение зажглось в темных глазах гирканца.

— Твоя школа не разрушила дух этого парня, Тогрул, и не подорвала его волю. Остерегайся, чтобы этот молодой тигр однажды не разорвал тебя.

— Не сможет, — фыркая от смеха, отозвался Тогрул. — Он ведь закован.

Конан не сказал больше ничего, но странный мрачный огонь на мгновение вспыхнул в его голубых глазах.

С наступлением весны Тогрул собрал своих людей и лошадей для нового переселения. На этот раз путь его лежал на запад. Караван снова пересек Гиперборею и направился к землям асиров и ваниров. Тогрул нашел себе новых гладиаторов и теперь с нетерпением ждал прибыльного сезона в северных землях.

По пути караван остановился в деревне Колари, сделав небольшую стоянку на перекрестке дорог. Здесь, в одиноко стоящей таверне, отдыхали путники, прибывшие из дальних краев и окрестных селений, перед тем как продолжить свой путь через степи и тундру. Колари стояла на холмистой местности, в долине между холмами. Тогрул нашел место для представления в пещере на склоне горы на время этого немногочувственного привала. Пещера когда-то была жилищем святого отшельника, который, чтобы остановить незваных посетителей, приделал ворота и железный засов. Тогрул украсил его настенными драпировками и подушками из своей собственной юрты. Он запер киммерийца внутри и часами каждый день стоял у входа, собирая барыши с желающих поглазеть на знаменитого гладиатора.

Однажды вечером, на закате солнца, когда любопытствующие отправились ужинать, Конан, чье массивное тело резко контрастировало с изысканной обстановкой, прислонился спиной к стене пещеры, пытаясь при свете свечей разобрать текст свитка. Он немного научился читать по-гиркански и сейчас, сдвинув брови, медленно шевелил губами. Конан ломал голову над каждым словом, написанным похожими на пауков туранскими буквами. На свитке оказалось любовное стихотворение, совершенно ошеломившее юношу, когда он понял смысл большинства слов, потому что никогда прежде он не встречал ничего подобного.

Вскоре громкий голос Тогрула привлек его внимание. Тот торговался со стройной молодой женщиной, закутанной в плащ из великолепных соболей. Ее платье, драгоценности, уверенные манеры говорили о том, что она обладает высоким положением, может быть близким к королевскому. Уловив обрывок беседы, Конан понял, что женщина хочет купить его услуги на эту ночь. У него перехватило дыхание от изумления, потому что подобное было неслыханным делом среди киммерийцев. Потом его удивление сменилось гневом против хозяина, когда он понял, что тот увеличивает свое богатство, используя таким образом тело раба.

Тогрул взял деньги, отпер ворота, приоткрыл их ровно настолько, чтобы девушка могла проскользнуть внутрь, и затем поспешно запер. Девушка, сняв свой меховой плащ, нерешительно приблизилась к нему, а взгляд Конана

блуждал вверх и вниз по ее изящному телу, проглядывавшему из-под прозрачных одежд. Он почувствовал, как бешено заколотилось его сердце, и поднялся навстречу. Вдруг у ворот он заметил Тогрула, усмехающиеся глаза которого сияли в свете свечей.

— Что тебе надо? — прорычал Конан.

— Хочу посмотреть на представление, киммериец, — со смехом сказал тот.

— Убирайся ко всем чертям! — заорал Конан. — Никакого представления не будет, пока ты не уберешь свою пучеглазую морду.

Девушка произнесла беспечным, высоким голосом:

— В самом деле! Я тебе хорошо заплатила. Шагай отсюда!

Когда разочарованный Тогрул пожал плечами и ушел, Конан сказал:

— А теперь, госпожа, вам придется научить меня кое-чему. Я умею убивать людей, но в таких сражениях мне еще не приходилось участвовать.

Полная луна уже спускалась по своему пути через небосклон, когда тихий звук нарушил сон Конана. Он приподнялся на одном локте, вслушиваясь в темноте. Слабый свет исходил от садящейся луны и серебряными стрелами проникал сквозь прутья решетки. Когда ленивое облако закрыло луну, все вокруг, казалось, окунулось в фиолетовую краску. Давящая тишина опустилась на землю, как будто Природа остановила свое дыхание и ждала. Рядом с Конаном пошевелилась спящая девушка.

Киммериец не понял, что разбудило его, но природный инстинкт его предупреждал о нависшей опасности. Он тихо нащупал одежду и оделся.

Где-то залаяла собака, потом другая. Вскоре все псы в округе зашлись в истошном лае. Негромко заржала лошадь, и затем Конан услышал ржание многих лошадей. Пронзительно кричали ослы, коровы мычали на пастбищах. Казалось, все животное царство кричало, предупреждая о надвигающейся беде.

Неожиданно земля содрогнулась. Приглушенный подземный звук перерос в угрожающий гул. Раскрылись

трещины. Лавина камней ринулась вниз по склону горы, грохоча у отверстия пещеры.

Девушка проснулась, завизжала и бросилась к любовнику; но Конан, полностью одетый, припал к полу пещеры, его вытянутые руки были распростерты на камне. Земля раскачивалась и сотрясалась под ним. Он вспомнил легенды о гигантах под землей, которые рассказывал ему отец, и подумал, не кто-нибудь ли из них, разбушевавшись, вызвал эту катастрофу.

Грохот нарастал, и Конан крикнул дрожащей девушке, чтобы она не отходила. Из Колари доносились непрерывные вопли и пронзительные крики. Охваченные ужасом люди выскакивали из рушащихся домов. Позади Конана с оглушительным шумом осела часть свода пещеры, наполнив воздух гранитной пылью.

Конан, изрыгая проклятия, выламывал прутья решетки, когда земля под его ногами разошлась. Линия, похожая на черную молнию, зигзагами прошла по скале, в которую была вделана решетка ворот. Конан отчаянными рывками пытался распатать их. Наконец нижняя петля поддалась. Резкий удар, и ворота повисли на одной петле.

— Беги! — заорал Конан, как только ему удалось приоткрыть выход.

Девушка протиснулась сквозь узкую щель и с криками скрылась в ночи, прижимая меха и прозрачные одеяния к обнаженной груди.

Следующим мощным рывком Конан выломал ворота и с силой швырнул их под гору. Земля дрожала и раскачивалась под ногами, и он покачиваясь шел к деревне, глядя на страшное опустошение.

Он видел разрушенные дома Колари, видел, как оставшиеся без крова жители беспомощно бегали вокруг, словно муравьи возле разрушенного муравейника.

— Конан! — донесся голос Тогрула. — Конан! Помоги мне!

Внизу, у подножия небольшой скалы, Конан увидел голову своего повелителя, торчащую из широкой расщелины. Земля разверзлась под гирканцем и поглотила его по самые плечи. Стиснутый скалами, Тогрул не мог обратиться без посторонней помощи.

— Вытащи меня! — взмолился он.
— С какой стати?
— Я заплачу золотом! Я дам тебе свободу! Только спаси меня!
— Свободу?! — Конан откинул голову и засмеялся — он не смеялся так вот уже десять лет, с тех пор как ваниры взяли его в плен. — У меня уже есть свобода. Оставайся здесь, скотина! Если земля проглотит тебя, тем лучше для тебя!

Конан повернулся и пошел прочь. Он шел к освещенной лунным светом группе деревьев на холмике вдаль. У него не было ни еды, ни оружия, и он не знал, куда идет; но он знал наверняка, что на юге теплее. Позади неистовый крик Тогрула сменился леденящим пронзительным воплем, когда с последним толчком трещина сдавила его еще сильнее.

Конан не видел никого, ни живых, ни мертвых. Спустя какое-то время он заметил на своем пути гирканского воина, который растянулся под упавшим деревом, переломившим ему позвоночник. Конан опустил на колени и снял с погибшего все, что могло ему пригодиться: обувь, кремень и огниво, нож, меховую куртку и мешочек с монетами. Он взял также, хотя и не без сомнения, лук и колчан со стрелами, потому что они редко использовались киммерийцами, да и Конан никогда не учился стрелять из лука.

— В багровых глубинах Преисподней тебе не понадобятся эти вещи, гирканец, — с веселой усмешкой произнес он, — а мне они могут пригодиться, прежде чем я присоединюсь к тебе.

С этими словами он надел снаряжение убитого и тронулся в путь.

Когда первый робкий луч рассвета сверкнул на востоке, Конан ускорил шаг. Он шел на юг.

IV. Ведьма

К югу простиралась равнина, придавленная свинцовым небом. То тут, то там ветры сдули снег, обнажив черную землю.

Ноги уже плохо слушались Конана; он остановился, посмотрел на пройденный путь и прислушался. Издалека раздавалась жуткая волчья песня. Волки все еще преследовали его. Он нахмурился, стиснул зубы и плотнее укутался в куртку из медвежьих шкур. Если бы только ему удалось найти хоть что-нибудь на этой открытой, совершенно ровной земле, чтобы можно было прислониться спиной, он мог бы достойно встретить стаю с ножом в руке.

Киммериец упрямо шел вперед, но он едва различал окружающее в неясной, неподвижной дымке с каким-то странным металлическим оттенком. Однако Конан продвигался все дальше. Острые глаза варвара искали убежище, которое защитило бы его от голодных зверей. Наконец он нашел то, что искал. Это был всего лишь небольшой выступ, морщина на челе земли, но сверху на нем были навалены валуны. На гребне Конан надеялся отразить нападение. Здесь звери могли бросаться на него лишь по одному или, в худшем случае, по двое.

Он начал взбираться на груды камней, и его сандалии скользили по льду. Холодный ветер рвал одежду Конана, словно желая сбросить его, но он продолжал карабкаться. Наконец он остановился, чтобы перевести дыхание. Обернувшись, Конан увидел силуэты десятка тощих, черных волков. Глаза хищников горели в темноте, словно раскаленные угли. Серый свет уже померк в облачном небе.

Чувствуя, что добыча уходит, стая зарычала. За мгновение до того, как большинство волков достигло подножия каменистого выступа, Конан нашел плоскую плиту, выступавшую с одной стороны холма. Абсолютно правильной формы, она как будто была высечена ремесленником забытой цивилизации и оставлена здесь в память об этих людях, но Конан не обратил на это внимания. Плита являлась для него всего лишь защитой со спины.

Воя и рыча, волки заполнили проход между валунами. Прокладывая себе путь по крутому склону, они боролись за каждую точку опоры. Один волк высоко подпрыгнул, стараясь достать клыками ногу киммерийца, но

нож Конана рассек морду зверя. С визгом волк свалился вниз, дав своей жертве недолгую передышку.

Пытаясь найти более надежное укрытие от хищников, Конан начал осторожно двигаться вдоль плиты и нащупал узкий проход в скалах. Он сразу понял, что проход достаточно широк, чтобы попытаться проскользнуть в черное отверстие. Конан знал, что, оказавшись в этой спасительной, пусть даже узкой расщелине, он получит неоспоримое преимущество перед своими преследователями.

Гибкий, как пантера, Конан протиснулся в промежуток между камнями, но куртка, зацепившись за острый край скалы, упала вниз. Конан видел через щель, как волки набросились на медвежью шкуру и разодрали ее в клочья.

По какой-то непонятной причине волки даже не пытались проникнуть в расщелину. Они выли и набрасывались на плиту, но боялись лезть в таинственный ход среди камней.

Обернувшись, Конан увидел, что находится в гораздо большем помещении, чем ожидал. Это была квадратная пещера с выложенным камнями полом. Правильность формы пола и каменных стен насторожила молодого варвара. Здесь явно чувствовалась рука разумного существа — человека или кого-то другого. Он ощупью пошел вдоль гладкой стены, наткнулся на ровно вытесанные ступеньки, уходящие в еще более густую тьму, и спустился по лестнице.

Там, внизу, пол был завален осколками камней, истлевшей тканью вперемешку с чем-то твердым. Конан набрал пригоршню мусора и, желая поджечь его, полез в свой мешочек за кремнем и огнивом, которые он взял у мертвого гирканца. Вскоре загорелся небольшой костер. Мусор занимался быстро.

В этом слабом оранжевом свете Конан увидел, что стены пещеры были украшены отполированными каменными изваяниями каких-то странных форм. Пол был завален черепами и костями — останками по крайней мере нескольких десятков человек. Кости были чистые и сухие, мясо на них уже давно превратилось в пыль.

Пройдя дальше во тьму, Конан увидел огромный трон, высеченный из цельного камня, похожего на мрамор или

алебастр. На этом почетном месте восседал скелет воина огромного роста. Он был облачен в медные доспехи странной формы, которые за много лет совсем позеленели. Конан подумал, что человек, чьи останки он видел, был в два раза выше его. Возможно, он был представителем какой-то давно забытой расы.

Освещая себе путь грубым факелом, сделанным из кости, завернутой в лохмотья, Конан приблизился к вооруженной фигуре. Казалось, что череп, проступавший в тени массивного шлема, застыл в беззвучном крике. На расставленных коленях скелета лежал огромный меч. Кожаные ножны до того истлели, что сквозь них просвечивал металл. На рукояти из окислившейся бронзы были расположены искусно отлитые таинственные фигурки.

Конан поднял меч. От его прикосновения ножны обратились в пыль и тонкие кусочки бронзы с приглушенным звоном упали на пол. Теперь клинок был виден целиком. Это был кусок ровного железа в пятнах ржавчины, но ржавчина не настолько въелась в него, чтобы ослабить его крепость. Конан попробовал кромку. Она была острой.

Болезненные воспоминания заволокли глаза Конана. Изучая прекрасный клинок и искусную работу рукояти, он снова явственно видел, как создавался великий меч, шедевр его отца. Страхнув воспоминания, Конан взвесил в руке старинное оружие. Меч был тяжел, но словно сделан именно по его руке. Он поднял его над головой и почувствовал, как мускулы наливаются силой и сердце начинает биться быстрее от гордости обладания могучим оружием. Воин, имеющий такой меч, может удостоиться самой высокой участи. С ним даже раб-варвар, гладиатор, обреченный на смерть, может прорубить себе путь к почетному месту среди правителей земли.

Вдохновленный мечтами, рожденными в душе варвара видом изумительного оружия, Конан, шутя, с дикой силой рассек воздух. Когда острый меч разрубил спертый воздух мертвой пещеры, варвар испустил леденящий душу боевой клич киммерийцев. Громкий и ясный, крик облетел камеру, тревожа древние тени и многолетнюю пыль. В экстазе молодой варвар не думал о том, что этот вызов, брошенный в таком месте, может оживить

мысли и чувства, спавшие там веками среди костей тех, кому они принадлежали.

Неожиданно Конан услышал ответный боевой клич. Казалось, что он был принесен ветром издалека. Но ветра не было. Конан остановился со все еще поднятым мечом. Может, это воют волки? Снова раздался исступленный крик. Теперь он был так близко, что чуть не оглушил Конана. Он обернулся, и его волосы встали дыбом, а кровь застыла в жилах. Мертвец ожил.

Скелет медленно поднялся с мраморного трона. Его глубокие глазницы горели теперь дьявольским огнем и свирепо смотрели на киммерийского юношу. Кости стучали одна о другую, словно бьющиеся в ураган ветки. Жутко оскаленный череп приближался. Конан, пронзенный ужасом, застыл с поднятой рукой.

Внезапно костлявая рука попыталась выхватить меч из рук Конана. Онемев от страха, Конан попятился назад. И теперь только его неровное дыхание и стук костей о каменный пол нарушали тишину камер.

Мертвец загнал Конана в угол. Да, Конан был гладиатором, готовым вступить в битву со зверем и человеком, презирающим боль и смертного врага, но он все же был варваром и, как всякий варвар, боялся всех вышедших из могилы ужасных существ, населяющих темный мир и глубины Преисподней. Небольшой факел почти догорел. Конан стоял парализованный страхом. В этот момент завыл волк.

Знакомый звук побудил Конана к действию. Его страх растаял, словно снег весной. Резким ударом меча он отсек протянутую к нему костлявую руку и обернулся, тщетно ища в неверном свете ступеньки, по которым он спустился. В это время скелет в шлеме начал продвигаться вперед. Конан защищался ловкими, сильными ударами. Наконец он нащупал узкие ступеньки и, поднявшись на одну из них, вонзил свое оружие сквозь ржавые доспехи и пустую грудную клетку туда, где должно было бы биться сердце.

Раздался тихий вздох, словно зашелестела под осенним ветром осока, и скелет остановился на первой ступеньке.

Гигантская фигура пошатнулась, сделала два неверных шага по направлению к трону и рухнула кучей костей и пыли. Шлем зазвенел о каменный пол, словно надтреснутый колокол. Факел Конана вспыхнул и погас.

Несколько минут Конан всматривался в темноту. Он не мог поверить, что его сверхъестественный противник был действительно мертв и что огромный меч принадлежал теперь ему. Затем он повернулся и, держа наготове свое оружие, поднялся по ступенькам.

Наконец Конан выбрался на лунный свет и обнаружил, что волки все еще ждут. С воем они бросились к нему, их слюнявые языки свисали из клыкастых пастей. С легкой улыбкой Конан занял позицию на выступе и поднял длинный клинок над головой. Когда первый зверь бросился на него, он повернулся и ударил его мечом. Застигнутый сталью в прыжке, волк перекувырнулся в воздухе и упал на камни.

Не успел киммериец поднять свой меч, чтобы нанести новый удар, как второй волк с раскрытой пастью прыгнул на него. В белом свете луны киммериец направил острие клинка в открытую пасть и глубоко вонзил его в глотку зверя. Лапы волка беспомощно заскребли по круглому камню, он тщетно пытался освободиться от вошедшего в него меча.

В это мгновение третий волк бросился на Конана сбоку и схватил его за ногу. Стесненный вцепившимся зверем, Конан отшвырнул пронзенного мечом волка, одновременно поймав ножом морду своего нового противника. Зверь с визгом отступил, затем снова напал. Но Конан уже высвободил свой меч и раскроил ему череп.

Волки больше не решались нападать. Они заскулили, с поджатыми хвостами затрусили прочь и исчезли в стеблющемся тумане.

Конан провел долгую и изнурительную ночь, спрятавшись среди валунов на возвышенности. Он избежал двух опасностей: нападения голодных зверей и ходячего мертвеца из пещеры. На рассвете, ободрав трех мертвых волков и связав шкуры вместе, он сделал себе гру-

бую накидку, чтобы защититься от холода. Затем поджарил немного мяса на маленьком костре и с жадностью съел его. Остальное завернул в шкуру, ободранную с волчьей ноги.

Конан повесил меч за спину, используя для этого пояс, снятый с мертвого воина, и закрепил веревкой из волчьих сухожилий. Вооруженный, с запасом провизии, он спустился с холма и, взглянув на бледное солнце, направился на юг.

Через три дня тундра отступила перед мягко очерченными холмами, покрытыми густым лесом. Земля под ногами Конана стала мягкой от таяния снега. Чистая вода ручейками бежала по прогалинам, а вдалеке ленивый столб дыма поднимался навстречу облакам.

Конан направился туда и добрался до чистенького каменного домика, крытого дерном, который примостился на склоне холма. Вокруг дома под всевозможными углами торчали покрытые странной резьбой шесты, словно шаткий частокол. Несколько грубо обработанных камней у дома по форме напоминали человеческие головы, которые гримасничали или кричали что-то беззаботному ветру. Инстинкт варвара безошибочно подсказывал Конану, что он опять столкнулся с чем-то сверхъестественным. Он чувствовал, что от этих загадочных кольев и камней исходит злая сила.

Дверь дома была слегка приоткрыта. Конан приблизился к ней, двигаясь с осторожностью леопарда, подкрадывающегося к своей добыче. Внезапно он в изумлении остановился. Его внимание привлекла прикованная цепью к тяжелому камню скрюченная, в изодранных мехах фигура — полуголый человек, приземистый, кривоногий, смотрел на незнакомца страдающими глазами раненого животного. Беззвучно и неподвижно, словно камень, к которому он был прикован, маленький человек впился узкими черными глазами в молодого киммерийца.

Неожиданно чистый, как колокольчик, голос прервал бесстрастное созерцание Конана.

— Огонь разгорелся жарко. — Голос был мягкий и приглашающий.

Киммериец поднял глаза и увидел на фоне очага силуэт женщины. Ее соблазнительное тело таило одновременно

зловещую и зовущую силу, а томные улыбающиеся глаза, скользнувшие по мощной фигуре киммерийца, излучали нежность и желание.

— Не хочешь ли погреться у меня?

Ее обрамленное длинными черными волосами лицо уже покинуло первое цветение молодости, но в нем была неотразимая, неподвластная времени красота.

Конан, инстинктивно чувствовавший присутствие зла, помедлил мгновение, пока женщина, таинственно улыбаясь, не вошла в дом, чтобы подбросить в огонь тамарисковых щепок. Но приветливый голос и сияние лица женщины при свете огня заставили Конана нагнуться у низкой притолоки и последовать за ней.

Огонь разгорелся, в его красном свете Конан изучал комнату. Каменные стены и пол были покрыты необыкновенно мягкими шкурами неизвестных киммерийцу животных. На двух столбах, которые поддерживали дерновую крышу, были укреплены странные черепа: медведя с огромными клыками, саблезубой кошки и однорогого животного невероятных размеров.

Женщина поставила к огню низкий столик, на котором лежали буханка ячменного хлеба, головка овечьего сыра, а также горшочек сушеных фруктов и кувшин свежего молока. Затем она кивнула Конану. Он благодарно принял ее приглашение. Подняв глаза, Конан увидел, что женщина изучает его, прислонившись к ближайшему от него столбу. Ее полные губы округлились от удивления.

— Ты пришел с севера, — сказала она грудным голосом.

Конан ощутил неловкость и опустил глаза. Его рука потянулась к мечу, лежавшему подле него.

— Я киммериец, — ответил он.

Женщина, заметив робкий взгляд юноши, его смущение, резко засмеялась:

— Ты раб! Думаешь, я не могу определить раба по его глазам? Раб-варвар!

Наступила неловкая тишина. Затем свободным волнообразным движением женщина отбросила назад свои длинные волосы и с чувственной грацией прошла по комнате. Что-то было не то с ее тенью, то есть она лежала

не совсем там, где должна бы, и это беспокоило молодого варвара.

— Куда ты направляешься, киммериец? — спросила она.

Конан пожал плечами:

— На юг.

— Почему? — настаивала она, улыбаясь, но в ее лице проскользнуло что-то жестокое.

Конан быстро взглянул на нее:

— Говорят, что там тепло и что там не задают вопросов чужакам. Кроме того, там есть золото, которое может добыть мужчина, умеющий владеть мечом.

Женщина наклонилась к огню и бросила порошок на горячие угли. Неожиданно языки пламени взмыли вверх и снова упали. Она, приоткрыв рот, какое-то время смотрела на вздымавшееся пламя и потом сказала:

— Золото, женщины, воровство — это цивилизация! Что такой дикарь, как ты, знает о цивилизации? Но это не важно. Вскоре твоя спина будет прибита гвоздями к дереву.

Женщина протянула Конану кубок вина. Чувственность сквозила в ее взгляде, пышная грудь вздымалась и опускалась под мягкими одеждами в такт учащенному дыханию. Станный огонь загорелся в глубине ее черных глаз. Она со все возрастающим волнением гладила свои бедра, а на ее крепких блестящих руках играли отблески пламени очага.

Остро ощущая желание женщины, Конан заглянул в свой кубок. Поверхность жидкости сверкала, словно начищенное серебро. Он сделал большой глоток темного вина и почувствовал, как страсть овладевает им. Но он не доверял женщине и не мог объяснить этого чувства. Было нечто странное в ней и в доме, в котором она жила. Он заметил, что ее улыбка, лишенная внутреннего тепла, застыла холодной маской, а глаза на какое-то мгновение потеряли все человеческое.

— Я знала, что ты придешь... — Она говорила шепотом, и ее сверкающие в свете огня глаза были прикованы к нему. — С севера, говорили они... человек огромной силы. Завоеватель, покоритель королей, который однажды добудет себе трон и сможет

удержать его, когда придут кровавые тени войны и предательства. Тот, кто раздавит змей земли своими сандалиями...

— Змей... Ты сказала змей? — Голос Конана был резок, а глаза были прикованы к ее лицу.

Она выдержала его взгляд.

— Что ты ищешь на юге, варвар? Говори правду.

— Знамя... на щите, может быть, или на знамени. Там были две змеи, лицом к лицу; но они тем не менее одно целое, их хвосты соединены, — Конан, вспоминая, сжал кулаки.

— Держащие черное солнце с эбеновыми лучами, — добавила женщина, кивая.

— Ты знаешь, о чем я говорю?

Конан вскочил и схватил ее за руку. Она выскользнула, но ее тень не сразу последовала за ней.

— Я знаю. Но это чего-то стоит, варвар.

— Назови цену! — прорычал киммериец.

Улыбка заиграла на ее полных губах, руки широко раскрылись, и она пошла к нему. Кровь закипела у Конана, когда он заключил ее в свои объятия и почувствовал, как ее грудь и бедра прижимаются к нему. В волнении женщина неловко срывала свои и его одежды. Все мысли Конана о сопротивлении улетучились, он полностью отдался экстазу страсти.

Их обнаженные тела блестели в свете очага. Она обвивалась вокруг него, обжигая Конана дыханием страсти. Конан был охвачен столь пылким желанием, что оно граничило с болью. Все мысли улетучились. Он чувствовал, что ее пальцы впиваются в спину и гладят его непослушные волосы, но он был полностью поглощен своей страстью. Когда страсть приблизилась к апогею, женщина издала слабый стон и проговорила звериным шепотом:

— В Шадизаре, в Заморе, в центре мира ты найдешь то, что ищешь. Глупец ты будешь, если пойдешь... Только глупцы ищут свою собственную смерть...

Затем, сотрясаясь в неистовой пляске, они насладились друг другом.

Через мгновение что-то заставило Конана открыть глаза, и ужас сменил его недавнее возбуждение.

— Кром! — чуть слышно прошептал он.

Он все еще держал женщину в своих объятиях, но теперь он с ужасом увидел, что ее белые зубы удлинились и стали подобны волчьим клыкам, губы и грудь посинели, а пальцы, стиснувшие его плечи, превратились в когти какой-то ужасной хищной птицы. Темный дым струйкой поднимался из ее ноздрей, а язык стал раздвоенным, как у змеи.

Объятия любви оказались когтями неминуемой смерти. Конан попытался освободиться от ужасного существа, которое, словно гигантская змея, обвило его железным кольцом. Когда чудовище подняло веки, на него посмотрели узкие дьявольские зрачки, и он понял, что вся его сила не сможет избавить его от страшной участи.

Тогда Конан вспомнил то, чему научил его Улдин, когда он был гладиатором. Дьявольская женщина все сильнее сжимала его, но Конан не сопротивлялся. Внезапно он изогнулся, покатился с ней к огню и прижал ее чешуйчатую спину к пылающим углям. Ее длинные волосы, извивающиеся словно живые змеи, зашипели и вспыхнули.

Пронзительно крича, чудовище старалось вырваться из пляшущих языков пламени. Потом оно съежилось и почернело, а струя разноцветного пламени рассыпалась дождем искр. Из сожженного дотла тела поднялся и закружился по комнате невесомый огненный шар, на мгновение озарив шкуры и черепа животных. Дверь, как бы под давлением невидимой руки, отворилась, и огненный шар укатился прочь в темноту. Уменьшающаяся огненная точка, как падающая звезда, быстро исчезала вдалеке. Вместе с ней затухал и протяжный крик агонии.

Обливаясь холодным потом, ослабевший от недавнего напряжения молодой киммериец рухнул на колени и начал ошупью искать свою одежду.

— Кром! — воскликнул он и крепко выругался.

Ночной ветер, ворвавшись в комнату через открытую дверь, развеял запах паленой кожи. Огонь в очаге погас, но угли все еще тлели.

Когда Конан поднялся, чтобы закрыть двери и защититься от холодного ветра и злых сил, которые кишат

В ночи, его взгляд упал на съежившееся существо, в встревоженных глазах которого отражался красный свет пламени. Измученный ведьмой, Конан совсем забыл о несчастном создании, загадочно смотревшем на него.

— Еды! — простонал узник. — Я умираю от голода, варвар! Я уже много дней ничего не ел.

— Кто тебе сказал, что ты ее сейчас получишь? — нахмурился Конан. — Что ты здесь делаешь?

— Я обед для волков, любимцев ведьмы. Она околдовала меня и привязала здесь. Оставь мне хоть немного еды, чтобы, когда придут волки, у меня были силы умереть сражаясь, как подобает мужчине.

— Кто ты? — спросил Конан.

Маленький человечек поднялся и с достоинством, которое так не вязалось с его жалким положением и лохмотьями, посмотрел на Конана:

— Я Саботай, гирканец из рода Керлайт. В былые дни стрелок из лука, убийца и вор.

Конан оглядел гирканца. Он был маленького роста, тощий, как хорек, но весь его внешний облик: посадка головы, разворот плеч — выдавали не только хитрость и коварство, но и вызывающую храбрость, и даже благородство. Конан с удовольствием отметил про себя, что этот человек, которому ничего не стоит солгать в лицо, похоже, никогда не ударит тебя в спину.

Черные глазки смотрели на киммерийца с надеждой. Конан зашел в дом, нашел там ключи и при свете луны снял с узника кандалы. Маленький человечек, криво усмехаясь, неровной походкой направился к открытой двери, потирая свои затекшие члены.

Конан махнул ему, приглашая войти.

— Ешь и пей, — пробурчал он.

Пока Саботай раздирал зубами остатки ужина и с жадностью пил вино, киммериец бродил вокруг дома, собирая вещи, которые могут ему пригодиться, или те, которые просто нравились ему: серебряный широкий пояс, ножны для его меча, бриллиантовые браслеты, причудливые подвески и одежду из тяжелого меха с капюшоном взамен невыделанных волчьих шкур, которые уже начали подгнивать.

День только занимался, бескрайняя голая равнина была чуть освещена, когда Конан распахнул дверь, чтобы посмотреть на рассвет. Серебряный свет переливался на тонком покрывале свежеевыпавшего снега. Этот снег вскоре растает под лучами солнца, но пока он закутывал землю в розоватую королевскую мантию. Молодой варвар глубоко вдохнул чистый воздух; ему не терпелось уйти из этого ужасного колдовского места. Он обернулся к Саботая, который сидел, обняв колени, около догорающего костра.

— Теперь ты свободен. Куда пойдешь? — спросил Конан.

— В Замору, — ответил гирканец, ослабившись. — Столица Шадизар — это город воров, а воровство — моя работа.

— Ты говорил мне, что был воином, — сказал Конан, внимательно изучая гирканца.

— Я из рода военачальников. Ну а поскольку сущность войны в хитрости, я и преуспел в искусстве воровства. — Черные глаза Саботая засверкали. Он посмотрел на Конана с кривой усмешкой.

— Говорят, нездоровая профессия.

— А что ты делаешь, киммериец?

— Я убиваю людей.

Саботай звонко рассмеялся.

— Более жизнерадостно, чем воровство, уж точно! И с более определенным будущим. Воры редко попадают, а уж если их поймают, то всего лишь избивают. Убийц же распинают.

— Тогда почему же ты был привязан здесь для волков?

— Откуда мне было знать, что я краду у ведьмы! Она колдовством заманила меня в свои сети, как, впрочем, и тебя. Теперь, благодаря тебе, мне не нужно красть.

Конан нетерпеливо стоял у двери, пока Саботай рылся в ведьминых вещах. Он выбросил из сундука меховую одежду, взял лук и колчан со стрелами и привязал к поясу кривой меч в ножнах. Конан с одобрением посмотрел, когда гирканец сгреб оставшуюся еду в мешок и перекинул его через плечо.

Они вместе покинули дом. Перед ними лежали бесконечные холмы, залитые лучами восходящего солнца.

— Я тоже иду в Замору, — коротко сказал Конан.

— Не пойти ли нам тогда вместе? — предложил Саботай. — Хорошо иметь за спиной друга, когда попадешь в переделку.

Конан посмотрел на маленького человечка и пожал плечами:

— Ты знаешь туда дорогу?

Саботай кивнул. Конан взвалил на плечо мешок.

— Тогда пойдём.

V. Жрица

Дорога в Замору, в город Шадизар, была долгой и утомительной. Над путешественниками раскинулась безбрежная ярко-голубая и безоблачная небесная ширь. К ночи небосвод покрывался черным бархатом, по которому щедрые боги пригоршнями разбрасывали бриллианты.

Они шли по пустынной дороге, змеей извивавшейся по ровной степи и по склонам невысоких холмов. Здесь обнаженная черная почва щеголяла жалким убранством чахлых трав, словно какая-нибудь смуглая проститутка не первой молодости. Карликовая растительность скрадывала вечное однообразие степи. Размеренным шагом шли Конан и Саботай по этой пустынной земле, отмеривая милю за милей; маленький человечек частенько припускал проворной рысью, чтобы не отстать от громадного киммерийца. Иногда они принимались бежать. Конан бежал огромными прыжками, а Саботай семенял рядом.

Однажды, во время привала, Конан сказал:

— У тебя сильные ноги для такого коротышки, а легкие — как кузнечные мехи.

Саботай усмехнулся:

— Чтобы быть хорошим вором, нужно уметь убежать.

Через четырнадцать дней пути степь сменилась лесом. Высокие деревья окружали озера и пруды, вырытые ледниками тысячи лет назад. Они подошли к небольшому обрыву и спустились на берег реки Незвайи. Русло вело

на юг, а потом повсрачивало на восток, к границе Заморы, и путники пошли вдоль берега.

Когда продукты, захваченные из дома ведьмы, кончились, им пришлось часть каждого дня тратить на поиски пищи. Конан ловил рыбу в реке подобием копья, изготовленным из небольшого деревца, а Саботай рыскал по лесу со стрелами наготове. Один раз он принес зайца, в другой — барсука. Бывали дни, когда они ложились спать голодными.

Через некоторое время лес поредел, и деревья оставались только по берегам Незвайи. Перед ними открылись широкие луга, расцвеченные желтыми, алыми и васильковыми цветами ранней весны. Залитые солнечными лучами, улыбающиеся небеса объявили о неоспоримом уходе зимних холодов.

Когда стрела Саботая поразила дикого осла, товарищи весь день коптили мясо и теперь могли несколько дней идти без остановок. Пока они отдыхали у потрескивающего костра, над которым висели поджаривающиеся куски мяса, Конан отбросил свою обычную молчаливость, чтобы побольше узнать о своем попутчике и его народе.

— В каких богов верят твои сородичи? — спросил он.

Гирканец пожал плечами:

— Я молюсь Четырем Ветрам, которые управляют землей. Ветры небес приносят снег, дождь, запах животных, на которых мы охотимся, и шум приближающихся врагов. Скажи, киммериец, а каким богам молится твой народ?

— Крому, Отцу звезд, повелителю богов и людей, — утрумо ответил Конан, потому что не особенно любил размышлять о таких вещах. — Но люди из моего племени редко молятся ему, а я — никогда. Кром вдалеке — на небесах, он равнодушен к нуждам и молитвам смертных.

— А этот твой бог воздает наказание за грехи?

Конан фыркнул:

— Его не волнуют грехи ничтожных людишек.

— А что толку в боге, который не обращает внимания на молящихся ему и не наказывает за грехи?

— Когда я дойду до конца длинной дороги, ведущей к великому трону Крома, он задаст мне один

вопрос: разгадал ли я тайну своей жизни? И если я не смогу ответить, он отправит меня бродить в пустоте небес бездомным духом. Потому что Кром строг, силен и вечен.

Саботай нетерпеливо перебил:

— Мои боги охраняют человека. Они помогают ему в час нужды.

Конан вспылил:

— Кром хозяин твоих Четырех Ветров, — огрызнулся он, больше для собственной уверенности. — Он правит ими, как человек правит лошадьми, запряженными в колесницу.

Маленький человечек пожал плечами. Он слишком устал, а может быть был слишком мудр, чтобы приводить бесполезные доводы.

Несколькими днями позже, когда звезды зажглись в темном небе, Конан и Саботай подошли к границе Заморы. В этой стране удивительных тайн, хитрых соглядатаев, непонятных философов, развратных королей и женщин с огромными глазами каждый странник надеялся найти то, о чем мечтал: Конан — смысл переплетенных змей, поддерживающих черное солнце, а Саботай — богатство, которое, как он надеялся, ждало его здесь.

— Замора! — вздохнул Саботай, усиленно жестикулируя. — К югу лежит Замора. Страна на западе — Бритуния, а если пройти вдоль реки несколько лье на восток, то попадешь в Туран... Через Замору проходят все караваны на свете: товары сплавляют по рекам в дальние королевства — роскошные ковры из Иранистана, ароматные фрукты из Турана, знаменитый жемчуг из Козалы, драгоценные камни из рудников Вендии и крепкие вина из Шема.

— Ах, мой дикий дружочек, — обратился он к Конану, — это цивилизация — древняя, безнравственная, пропитанная прекраснейшими грешками. Пробовал ли ты удовольствия цивилизации, Конан из Киммерии, видел ли ты величественные башни и изобильные базары?

— Нет еще, — коротко ответил Конан. — Пойдем вон в тот приграничный город, пока ночь не наступила, и не будем тратить время на разговоры.

— Риторика, как мне кажется, чужда жителям Киммерии, — со вздохом сказал Саботай.

Приграничный город состоял из небольшого числа каменных домов под соломенными крышами, окруженных стеной в два человеческих роста. С внешней стороны стены располагались хлева, свинарники и загоны, вмещающие множество домашнего скота.

Двое одетых в кольчуги охранников у ворот были слишком поглощены игрой в кости и даже не подняли головы, когда путники проходили мимо.

Хотя улицы были всего-навсего зловонными и грязными переулками, на юного варвара они, казалось, произвели гораздо большее впечатление, чем кривые дорожки его родной деревни или даже главные улицы северных городов. Центральная площадь Яздира была вымощена каменными плитками, а вокруг нее располагалось несколько больших зданий. Конан гладел разинув рот, а Саботай показывал ему храм, казармы, здание суда, постоялый двор и большие дома, которые, по его мнению, были особняками местных богачей.

На площади торговцы двадцати национальностей продавали редкие товары. Некоторые уже прекратили торговлю, чтобы закрыть свои палатки на ночь, другие еще кричали во все горло, зазывая покупателей. Конан купил круглую буханку хлеба и колбасу и сжевал все это, прогуливаясь по рядам и лицезрея ослепительное собрание оружия, одежды, драгоценностей, рабов и великого множества таких простых товаров, как крестьянские инструменты и кухонные горшки.

Куда бы ни взглянул Конан, везде он видел нечто необыкновенное: расфуфыренных шутов с дрессированными обезьянками и танцующими медведями; раскрашенных куртизанок, и мужчин и женщин; акробатов с косыми глазами из какой-то неведомой восточной страны; книготорговцев, уверявших, что их рукописи содержат мудрость веков. Колдуны в деревянных будках за

плату показывали чудеса. Важные астрологи предлагали гороскопы и предсказывали будущее. Тучные торговцы выставляли напоказ великолепные шерстяные ковры, блестящие ткани и подносы с кольцами и браслетами, в то время как безобразные нищие тыкали деревянные чашки под нос путешественникам, а голодные мальчишки дурачились в притворном веселье, рассчитывая на вознаграждение.

Завороженные, Конан и его спутник бесцельно бродили среди сарайчиков и клеток, в которых располагались странные животные: яки, верблюды, снежный барс. Они проследовали на улицу, где с музыкальным звоном кузнец ковал изделия из меди, латуни, серебра и железа. За углом они увидели работников, выделявавших кожу и предлагавших на выбор туфли, сапоги, пояса, ножны, седла, сбрую и обитые кожей сундуки.

Время от времени Конан останавливался то у одной, то у другой палатки, чтобы спросить о том, известно ли им что-нибудь о символе — две переплетенных змеи с обращенными друг к другу головами и с черным солнцем между ними?

Иногда торговец просто не понимал гирканского языка, ведь киммериец еще не выучил язык Заморы. Иногда же ответ был достаточно уклончив: «Нет, молодой господин, я не знаю. Но у меня есть кубки из настоящего шемского стекла, сделанного из чистого песка реки Силк...», или же описывал какие-нибудь другие товары, которые всегда есть у купцов на продажу.

Они шли дальше — от пограничного города язди-ров к центральным городам Заморы. Конан и Саботай продолжали свой путь пешком почти без остановок. Они шли, потом час бежали, а затем опять шли, но и такой способ передвижения казался варвару недостаточно быстрым. На своих длинных ногах он мог запросто оставить своего кривоногого попутчика далеко позади. Тем более что маленький человечек постоянно брюзжал, недовольный тем, что им приходится идти пешком, как простым крестьянам, вместо того чтобы ехать на лошади, как и подобает достойному гирканскому воину. Всякий раз, когда они проходили мимо лошадей, пасущихся на поле, Саботай предлагал стащить

пару, но Конан, никогда не ездивший верхом, эту затею отвергал.

Наконец путешественники добрались до столицы — Шадизара, города воров и прибежища мошенников. Здесь, в относительной безопасности, обитали все преступники западного мира, даже сбежавшие рабы, ссыльные и люди, за головы которых была назначена плата, потому что здесь можно было спрятаться.

Конан очутился в самом центре пестрой толпы. Вокруг него теснились купцы в богатых мантиях, ремесленники продавали с лотков медные украшения, драгоценные камни и оружие; бородатые крестьяне в простой домотканой одежде направляли к рынку повозки, груженные мешками пшеницы и ячменя, коровьими тушами и связанными хрюкающими свиньями. Здесь были и надменные солдаты, и крутобедрые проститутки, и нищие, и горбуны, и жрецы. Он видел приземистых шемитов с курчавыми бородами, тощих зуагиров с покрытыми головами, бритунцев в юбочках, коринфийцев в ботинках и туранцев в тюрбанах.

Конан был поражен. Шадизар во столько раз превосходил Яздир по размерам и великолепию, во сколько Яздир превосходил города, в которых Конану приходилось выступать как гладиатору. Никогда прежде он не видел такой массы людей. Киммерийцу казалось, что здесь были собраны представители самых разных народов всей Земли. Никогда он не видел ничего равного широким городским бульварам, храмам с колоннами, увенчанным куполами дворцам и особнякам, а также пышным садам, окруженным стенами. Он поразился тому, что столь многие люди могут жить так тесно и не грабить, и не убивать друг друга, как это делают дикие звери.

Не все районы города были такими блистательными, как кварталы знати и богачей, с их мраморными колоннами, множеством садов и парков. На окраинах он обнаружил кривые улочки, кишашие страшными старухами и жуликами, размалеванными детьми-уродами на продажу, нищими и больными. Здесь можно было купить тело человека или, по крайней мере, взять его в аренду. Здесь можно было купить любые, даже самые низменные удовольствия.

На этих задворках к тому же притаилась насильственная и внезапная смерть. Однажды, когда Конан и Саботай пробирались через толпу, вдруг истошно закричала женщина. Люди воровато, с проклятиями заспешили прочь. Мгновенно двое мужчин остались в одиночестве на узкой улочке, и руки их легли на рукояти мечей. У их ног корчился человек, стискивая рану на животе, из которой сквозь его пальцы ровной струей текла кровь.

— Что... — начал было Конан.

— Не спрашивай, — прошептал Саботай. — Идем отсюда, пока не появилась стража.

Конан только пожал плечами, когда гирканец повел его прочь темными закоулками.

Узкий проход вывел их на широкий мощный бульвар, вдоль которого расположились роскошные магазины и внушительных размеров деревья. Какая-то процессия двигалась по бульвару, занимая всю середину, и оба странника остановились поглядеть.

Шествие возглавляла группа девушек и молодых женщин. Некоторые из них — почти еще дети. Они танцевали и пели, подчиняясь ритму бесчисленного множества тамбуринов. Все они были облачены в грязные белые одежды, венки из увядших цветов увенчивали их головы с растрепанными волосами. За ними маршировали шеренги юношей, отбивавших такт на барабанах; гулкие звуки сливались с какофонией тарелок, лир и печальных флейт.

У всех был неподвижный, остекленевший взгляд, а сами они, как лунатики, казалось, не осознавали, что с ними происходит. Среди них вышагивал человек с бритой макушкой, в широкой рясе. Он нес бронзовый горшочек, в котором курился фимиам, наполнявший воздух одурманивающей сладостью.

От тошнотворно-сладкого аромата Конан поморщился. Такая непривычная музыка резала его слух, а странное поведение марширующих насторожило его. Своим острым звериным чутьем он ощутил присутствие здесь какой-то дьявольщины.

Звуки нескладной музыки нарастали, так как оркестр обнаженных юношей подходил ближе. Шею или плечи каждого обвивала змея, у некоторых змей толстыми кольцами вились вокруг рук. Они проходили мимо, и каждый из них шел отдельно от товарищей, как будто они шествовали по земле разных миров. Солнечные лучи вспыхивали на гладких чешуйках серых или коричневых, черных или алмазных, испещренных крапинками или украшенных узором ярких колец змеиных тел.

— А эти гады ядовиты? — спросил Конан своего товарища.

— Некоторые ядовиты. Вон та коричневая точно ядовита. Если я не ошибаюсь — это смертоносная кобра из Вендии. А вот эти здоровенные зверюги, те, что толще твоей руки, прибыли из тропических джунглей, это много лун пути на юг. У них нет яда, но, если их вспугнуть или раздражить, они могут свиться кольцами вокруг шеи человека и задушить его насмерть.

— Ух! — выдохнул Конан. Змеи вызвали у него отвращение, они смутно напомнили ему картину разрушения его дома в Киммерии. Нахмурившись, он повернулся к Саботая, чтобы поговорить с ним, но тот был уже поглощен созерцанием юной девушки в следующей группе шествующих. Девушка, как заметил Конан, была настоящей красавицей, несмотря на небольшую хромоту, грязные волосы, увядший венчик на голове и отрешенный взгляд. Тонкая сорочка на девушке была разорвана, и при каждом шаге открывалось ее нежное обнаженное бедро.

Жадно глядя на девушку, вор покачал головой:

— Какая жалость! Такое тело должно согревать постель воина по ночам, а не быть игрушкой попов и ползучих змеек.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Конан.

Саботай взглянул на своего огромного товарища и увидел, что тот не смеялся.

— Зачем эта девчонка, как и все остальные, отдала себя культу Сета, Змее? Я терпеть не могу змей и большую часть жрецов, но более всего я презираю прислужников Сета.

— Бог Змеи! — воскликнул Конан. — Имеет ли это нечто общее с тем знаком, который я разыскиваю?

Саботай развел руками. Минуту спустя ливень лепестков обрушился на обоих, и компания смеющихся проституток пристала к ним. Эти, улыбающиеся и сверкающие глазами, казались куда менее замороженными, чем девушки из процессии.

— Идем с нами, — мурлыкнула одна из них Саботая.

— Ни за что, красавица, — с некоторым сожалением ответил гирканец. — Меня не волнуют ни змеи, ни их бог.

— В руках Бога Змеи находится любовь, подобной которой люди никогда не знали, — шептала она, рассказывая из стороны в сторону. — Любовь, которую люди могут разделить с ним.

Саботай фыркнул:

— С каких это пор у змей появились руки?

Когда девица отстала, чтобы попробовать свои лстивые речи на более податливом зрителе, другая бесшумно подкралась к Конану и легонько шлепнула его по локтю.

— Блаженство ждет тебя, рыцарь, — шепнула она. — Тебе нужно лишь пойти со мной...

— Пойти куда? — проворчал Конан, испытывая сильное искушение согласиться.

Торговец, стоявший на пороге своей лавки, ступил вперед.

— Берегись, чужестранец, — тихо сказал он киммерийцу. — Слуги Сета — мошенники. Они — слуги смерти.

— В самом деле? — возмутился Конан. Смерть была его постоянным врагом.

Торговец кивнул головой:

— Они готовы убить своих собственных родителей и думают, что творят благо, освобождая их от бремени жизни.

Конан поблагодарил коротким кивком и проводил взглядом девиц, которые тут же растаяли в толпе.

Вдруг на солнце набежала легкая тень. Конан поднял глаза и увидел роскошный паланкин, который несли на плечах восемь молодых женщин. Убранные вышиты-

ми шелками царственно пурпурного цвета, прихваченными золотыми веревками, сами носилки являлись олицетворением богатства. Но не на это чудо распахнулись глаза Конана в величайшем изумлении. Он неожиданно вздохнул, потому что увидел на носилках, в кресле, существо такой красоты, какую он не мог себе даже представить. Как бледнеет задержавшаяся луна перед взошедшим солнцем, так эта женщина затмевала и превращала в блеклые тени всех красавиц, каких он когда-либо видел.

Водопад черных волос ниспадал к ее талии; сапфировые глаза искрились на тонко очерченном лице; ее сочные губы были свежи, как утренняя роса. Ее тело, гибкое и крепкое, было облачено в расшитое золотом одеяние жрицы, а когда она поднималась, приветствуя бушующую толпу, из-под ее одежды открывалось белоснежное, совершенное бедро.

Увидев восхищение Конана, Саботай присвистнул:

— Не смотри так! Это все-таки настоящая принцесса.

Варвар, замороженный, остался прикованным к месту. Казалось, что он не слышал предупреждения. Как раз в этот момент внимательный взгляд принцессы упал на Конана. Огонь вспыхнул в ее ясных глазах, губы открылись, и неожиданный вздох вырвался из ее груди. Подняв руку, она остановила покачивающееся движение паланкина.

— Эй ты, воин! — позвала принцесса мягким гортанным голосом, звуки которого взволновали кровь киммерийца.

— Слушаю, моя госпожа!

Голос женщины окутал юношу, как накатившаяся волна оглушает пловца в волнующемся море.

— Выброси свой меч и иди с нами. Оставь кровавую тропу войны и возвращайся к обычной жизни — с ее неизменной последовательной сменой времен года. Время очищения уже ждет на вершине мира, время возрождения после падения и разложения всех устоев. Присоединяйся к нам, и ты будешь обновлен, как обновляются змеи, которые сбрасывают старую кожу и живут заново, молодые и энергичные, проворные и прекрасные.

Конан тряхнул взъерошенной головой, чтобы лучше понять значение этих загадочных слов, высказанных столь пламенно. Но женщина приняла его жест за отказ, потому что, когда он посмотрел вверх снова, она уже задернула занавеску паланкина, и служанки понесли его дальше.

Конан остался стоять, одурманенный и потрясенный. Ни одна женщина не казалась ему столь желанной. Когда Саботай дернул его за рукав, Конан оттолкнул его и бросился за исчезающими носилками. Маленький человек, сильно встревоженный, побежал за ним.

Вскоре улица вывела к большой, обсаженной деревьями площади, где собирались караваны. Здесь был настоящий маленький город, поражающий изобилием шатров и палаток из верблюжьего волоса и ярко раскрашенных войлочных юрт. Множество ослов, мулов, верблюдов было собрано посередине площади. Кольцом вокруг этого стада стояли палатки их хозяев, а по краям вздымались защитные стены постоялых дворов, где утомленные путники могли найти стол и ночлег.

За этим оживленным скопищем Конан увидел тонкую черную башню, уходящую в ясное небо. Несмотря на чудесный день, башня казалась закрытой тенью. Конан понял, что процессия направляется к этому зловещему шпилью. Расталкивая плечами прохожих, он бежал, стремясь настигнуть паланкин и его прекрасную хозяйку.

Расстояние сократилось уже до нескольких больших шагов, как вдруг Конан застыл на ходу, потому что в то самое время, когда голова шествия собиралась войти в зияющие ворота башни, возникла и поплыла сквозь шум улиц монотонная песня:

— Дуум... Дуум... Дуум...

Замешательство, страх и волна гнева исказили лицо молодого киммерийца, когда эта зловещая песнь разбудила в его памяти давно уснувшие картины. Чувство, вскипевшее в его сердце, было настолько острым, что он вряд ли видел последние группы шествующих, которые прошли на расстоянии вытянутой руки от него. Это были два молодых человека, почти что мальчики, которые шли вперед с бесцветными, лишенными выражения лицами и стегали хлыстами свои голые плечи. Плети, опускавшиеся

на спины и плечи, были сделаны из змеиных хвостов и снабжены зазубринами из ловко вставленных змеиных зубов, так что при каждом ударе тело самоистязателя покрывалось капельками крови. По-видимому, не ощущая боли, они на ходу пели:

— Дуум... Дуум... Тулса Дуум... Тулса Дуум...

Конан мрачно смотрел, как хвост процессии исчезал в этих отвратительных воротах. «В Шадизаре, в Заморе, — говорила ведьма, — ты найдешь то, что ищешь...» Теперь он уже нашел фанатичных поклонников человека, бога или дьявола, который носит имя Дуум.

— Болваны! — сверкнул глазами Саботай, сплевывая на мостовую. — Глупцы и безумцы, змеелюбцы, поборники смерти! Повсюду в этих землях они воздвигают такие черные башни, оплоты Сета. Всегда одно и то же: они заманивают молодых невинных людей в свои ловушки — простофиль, которые оставляют мужей, возлюбленных, семьи, чтобы участвовать в мерзких оргиях, любить со змеями и чокнутыми жрецами.

— Кто эта женщина, которую ты назвал принцессой? — настойчиво спросил Конан. — Разве она не жрица змеиного культа? — Со смешанным чувством отвращения и желания он вспомнил змей, расцвеченных золотыми и серебряными нитями, которые извивались на ее одежде.

— Эта женщина, как ты ее назвал, — ответил Саботай, — принцесса Ясимины, дочь короля Осрика и наследница бесценного трона. Ты должен был заметить королевскую печать на ее кулоне — ведь вы глазели друг на друга достаточно откровенно.

— А что королевская дочь делает среди помешанных на змеях жрецов?

Саботай состроил гримасу.

— Она одна из них, верховная жрица Сета. Много лет тому назад обманом и дурманыщими средствами заманили ее. Они все обманщики, как и сказал купец. Тис рассказывала, что они присоединяются к путешественникам в дороге, чтобы задушить их, когда те спят, или заколоть ножом в темноте — все это ради их склизкого божка. Варвар, смерть притаилась возле этих мечтательных глаз!

— И король Осрик способствует этому странному культу? Он тоже один из них?

— Нет. Он тяжело оплакивает жребий своего единственного ребенка.

— Ну, если ему не по вкусу эта змеиная братия, то почему бы ему не послать солдат согнать всех в кучу и перебить?

— Эти жрецы — сильные люди, — ответил гирканец. — Осрик не отваживается открыто выступить против них, потому что многие в Заморе считают его чужаком и никуда не годным королем. Его величество был когда-то искателем приключений из Коринфии, дослужился до генеральского чина в армии Заморы и захватил трон, который не собирается покидать. Его судьба не значит ничего для таких, как мы.

— Это загадочные края, — пробормотал Конан, — и те, что живут здесь, все еще непонятны мне.

VI. Вор

Два путешественника шатались по извилистым дорогам Шадизара в поисках новых развлечений. Они бродили по широким улицам и аллеям, упиваясь видами, запахами и звуками, столь новыми для варваров. По пути Конан обдумывал план своих поисков. Может быть, он ошибся, решив, что ведьма не зря направила его сюда. Пока еще в песнях с повторяющимся словом «Дуум» ему явно ничто не напоминало о ванирских всадниках и зловещем знамени их предводителя — ничто, кроме омерзительного культа поклонения Змее. Змеиные элементы в обоих случаях совпадали.

Солнце, словно красно-оранжевый мяч, садилось за остроконечные крыши высоких зданий и возвышающийся узкий шпиль мрачной башни. На большой площади в палатках зажглись огни. Собаки рыскали в тени в поисках отбросов. Лица с хищными глазами выглядывали украдкой из темных дверных проемов и окон с решетками. Когда людской поток спал, запылали костры, у которых собирались бродяги, ища тепла и человеческого общества.

Найдя харчевню, товарищи щедро потратили на хорошую еду несколько серебряных монет, украденных у мертвого солдата. Пока Конан, чавкая, жевал кусок жареной свинины, его приятель расспрашивал хозяина.

— Я Керлайт, — между прочим сказал гирканец, — эмблемой моего рода всегда были девять хвостов яков и лошадиный череп. Не видел ли ты когда-нибудь такое знамя?

Хозяин харчевни был чем-то раздражен. С показным равнодушием он только бросил, что слышал, как путешественники говорили о чем-то подобном.

— Знамена очень интересуют меня, — доверительно сказал Саботай. — Мне, наверное, надо было стать герольдистом! — После небольшой паузы он добавил с обезоруживающей улыбкой: — Я встретил один знак, который ты, может быть, видел — две черные змеи лицом к лицу, поддерживающие черное солнце своими скрученными хвостами...

— Я редко замечаю подобные вещи, они мало интересуют меня. Кроме змей Сета, других здесь нет. Им поклоняются в этих проклятых башнях, таких, как вон та.

— Значит, есть и другие? — резко спросил Конан.

Хозяин кивнул:

— Их много в Заморе. Как я слышал, по крайней мере по одной подобной башне в каждом городе и каждом городке. Видишь ли, чужестранец, только их теперь и строят. В последние несколько лет этот культ сильно распространился.

— О-о! — простонал Конан.

Его интерес побудил хозяина харчевни снизойти до доверительного разговора.

— Совсем недавно прислужники культа Сета были всего лишь жалкой кучкой людей, теперь они повсюду.

— Что ты говоришь? — изумился Саботай, подмигивая молодому киммерийцу.

— А как же! А вон та башня — мать их всех. Они называют ее Башней Черной Змеи.

Веселый огонек загорелся в глазах гирканца. Он уже открыл рот, чтобы задать еще один вопрос, но Конан опередил его:

— В процессии сегодня вечером выкрикивали имя, что-то вроде «Дуум». Не знаешь ли ты, не имя ли это какого-нибудь человека?

Хозяин пожал плечами:

— Я не связываюсь с ними, чтобы и они не трогали меня. Я ничего не знаю об их порядках. Говорят, что они убийцы. Они любят смерть больше, чем жизнь, а объятия ядовитых змей им милее, чем человеческие. Но я против них ничего не имею... Посмотрите, господа, я только сегодня получил это от торговца из Истерлина.

Он достал шелковый кошелек, полный увядших лепестков черного цвета.

— Черный Лотос из Кхитая, — прошептал он. — Самый лучший.

Саботай облизнул губы. Серебро перекочевало из рук в руки. Когда они направились к выходу, маленький человечек раскрыл кошелек. Он положил один лепесток под язык и предложил другой Конану. Конан отрицательно покачал головой.

В последующие дни Конан пытался найти работу стражника или солдата, но все, к кому он обращался, отказывали ему, потому что он знал только несколько ломаных слов по-заморийски. В конце концов, после покупки очередной порции еды для них обоих, Конан сказал Саботая:

— Это были наши последние деньги. Сегодня мы заплатили за ночлег, но что мы будем делать завтра?

Товарищи сидели за столом в кабачке, где они отдали свои последние деньги. Саботай размышлял вслух:

— Ты можешь продать эту побрякушку, что висит у тебя на шее. Она странной формы и сделана умело.

— Я нашел это в ведьмином доме, — возразил Конан, — и я не сомневаюсь, что она служила силам зла. Кроме того, это дорогая игрушка, подумают, что я украл ее.

— Нищие не выбирают, — пожал плечами гирканец. — Если, конечно, ты не хочешь продать свой старинный меч. За него тоже дадут неплохие деньги.

— Меч? Никогда! — воскликнул Конан. — Он спас меня от волков и послужит мне еще, когда придет время. Такое оружие мог бы сделать мой отец.

— Ну, тогда мы завтра голодаем, — безразлично сказал Саботай. — Я больше тебя привык к этому, киммериец.

— Если бы ты не потратил так много на свое проклятое зелье из Черного Лотоса, у нас бы еще оставались деньги на еду и жилье!

Саботай злобно огрызнулся и молча закончил еду. Они постепенно становились друзьями и не собирались ссориться из-за такого пустяка. Наконец Конан проворчал:

— Приведи меня к ювелиру, который покупает драгоценности из дальних стран.

Саботай, прикрывая рукой улыбку, повел киммерийца в квартал воров, известный как Маул*. Когда они проходили мимо башни культа зловещего стигийского Бога-Змеи, Конан остановился и долго смотрел на ее величественные очертания.

— Знаешь ли ты, что там внутри так хорошо охраняется жрецами? — спросил Саботай, хитро взглянув на своего спутника.

— Нет.

— Бриллианты... бесконечные богатства. И самый большой рубин, его зовут Глазом Змеи... Считают, что он может управлять человеческими мыслями... А ты не хочешь ли узнать, что там еще есть?

— Нет.

— Змеи. Здесь жилище змей, которых ты видел в процессии. Не хочешь ли заполучить змею, как у служителей Культа?

— Довольно. У нас есть другие дела, — резко оборвал Конан.

Но его глаза, глаза человека, рожденного в горах, скользили по монументальному зданию, похожему на скалу в его родной Киммерии. Да, его можно покорить... Если у тебя есть подходящее снаряжение, отвага и надежный меч.

Саботай провел своего друга по нескольким темным переулкам. В одном из них седая и согбенная старуха поманила их какими-то странными культовыми вещичками.

* Избивать, калечить (англ.).

Несколько амулетов защитят вас от зла, — предложила она.

— Они мне нужны не больше, чем ты, старуха! — сказал Саботай. — Я сам зло! — рассмеялся он.

— Да скинет молоко твоей матери! — проворчала она, ковляя прочь.

Когда спутники пробирались по улице проституток, грязная девка незаметно подошла к ним.

— Вот ворота Рая, — вкрадчиво сказала она, улыбаясь Конану, и, приподняв край своей одежды, выставила на показ стройные бедра.

— К несчастью, у нас нет денег, — сказал Саботай. — Боюсь, они не будут любить нас ради нас самих.

Конан с отвращением посмотрел на гирканца: слишком ярко были еще воспоминания о ночи, проведенной в доме ведьмы.

На улице зверей неприятное чувство переросло у Конана во что-то похожее на омерзение. Всюду вокруг них кишели бесчисленные представители фауны всех видов, многие были из неизвестных киммерийцу земель. Они хрюкали, рычали, лаяли и блеяли. Земля вокруг них была вся загажена. Торговцы спорили о ценах так яростно, что товарищам еле-еле удалось протиснуться между ними.

— Здесь всегда такая вонь? — спросил Конан. — Неужели сюда не заглядывает свежий ветер?

Саботай ничего не ответил, потому что у него не было ответа на вопрос человека, всю жизнь прожившего в горах.

Через минуту Конан, заглянув в открытую дверь, увидел, что там идет какой-то магический ритуал. Он понял только, что в нем задействованы несколько обнаженных мальчиков и молочно-белая корова.

— Будет ли конец непристойностям, называемым цивилизацией? — спросил он Саботая.

— Во всяком случае не в Шадизаре, — с безразличием многоопытного человека ответил гирканец.

Конан молча уставился на бесформенное существо, прощмыгнувшее мимо него. Ему показалось, что чудовище олицетворяло собой все то злое, что создали люди, построив большие города.

Маул был тайным убежищем насильников, убийц и извращенцев. Здесь также собирались воры и те, кто продавал краденое торговцам, менее щепетильным, чем их законопослушные коллеги.

Друзья нашли лавку торговца драгоценностями. Это было неухоженное строение, которое можно было с легкостью покинуть, если власти будут искать владельца. Конан снял со своей сильной шеи изображение, украшенное драгоценными камнями, и протянул его скупщику, старому шемиту, если судить по его тюрбану и седой вьющейся бороде. Острые глаза торговца оценивали продающего, как казалось, более внимательно, чем вещь, которую тот продавал.

— Она старая, очень старая, — пробормотал ювелир, с большим интересом изучая вещь. — Она из какой-то неведомой страны, лежащей за тысячи лиг к востоку, а то и дальше. На ней лежит печать веков.

— Что означают символы, которые высечены между рубинами, обрамляющими это странное изображение? — спросил Конан. — Они говорят о колдовстве, или мне это только кажется?

Шемит изучающе посмотрел на молодого киммерийца. Хотя жадность засветилась в его небольших глазках, он ответил с напускным равнодушием.

— Вещь древняя и сильно изношенная. Не особенно дорогая, — сказал он. — А что касается магической силы, то разве можно судить об этом, пока эти свойства не могут быть показаны? Я даю тебе за нее две с половиной кроны, и это щедрое предложение. — Он отвернулся и начал особой щеткой сметать пыль с полки, где был разложен его товар.

— Идет, — быстро сказал Конан, не обращая внимания на еле заметное подергивание за рукав.

Торговец обернулся и кинул в протянутую руку Конана несколько маленьких кусочков золота.

Когда они отошли от лавки, Саботай взорвался:

— Идиот! Простофиля! Каждый дурак знает, что нельзя принимать первое же предложение. Я бы мог, немного поторговавшись, получить вдвое, а то и втрое больше.

Конан рассерженно сказал своему спутнику:

— Почему же ты не сказал этого вовремя?

— Ты не предупредил, что собираешься делать, а никто не станет поправлять руку стрелка, когда тот уже натянул тетиву!

Приступ негодования как ветром сдуло, и Конан сказал:

— Боюсь, ты имеешь на это право. Я никогда не учил законы торговли. В следующий раз я предоставляю это дело тебе.

— Признание своей невежественности, — ответил гирканец, — это начало мудрости, как любил говорить один кхитайский философ. Не переживай так. У нас достаточно денег, чтобы прожить две недели, а к тому времени, я уверен, что-нибудь да подвернется.

Конан проворчал:

— А если нет, что мы будем делать тогда? Я должен отыскать убийцу моих родителей, того, кто нес ту эмблему. Моя киммерийская честь требует этого!

— Да пошел ты к черту со своей змеиной эмблемой и киммерийской местью! — Саботай кивнул в сторону черной башни; безмолвная и угрожающая, она была видна с каждой улицы и из каждого закоулка. — Мне кажется, я знаю, что сделает нас богатыми, как короли...

— У тебя больше идей, чем копыт у осла, — заметил Конан. — Что же на этот раз?

— Если это и вправду Башня Черной Змеи, как нам сказали, то я, к твоему сведению, кое-что слышал о ней от людей, испытывающих к ней профессиональный интерес, от моих братьев-воров.

— Ну, и что ты слышал?

— Слышал, что в ней собраны невиданные богатства, — прошептал Саботай, облизывая пересохшие губы. — Сюда прибывают пожертвования от верующих из каждой общины Культа со всего королевства: золото, вино, бриллианты. Жрецы ценят хорошо ограненные драгоценные камни, глубокие и немигающие, как глаза змей, которых они обожают.

Конан заворчал. Он никогда в жизни не воровал ничего, кроме разве нескольких фруктов из соседского сада, если не считать снаряжения мертвого гирканца да еще

вещей из дома исчезнувшей ведьмы. И пока он не встретил Саботая, он презирал всех воров. Киммерийцы никогда не крали друг у друга, хотя они спокойно грабили земли тех кланов, с которыми воевали.

Теперь, в городе, при недостатке денег и малых шансах наняться куда-нибудь, пока он получше не выучит киммерийский, ему обязательно нужно было найти способ удовлетворять свой волчий аппетит. Видя, что он сомневается, Саботай продолжил:

— Говорят, что там лежит самый большой драгоценный камень. Тот самый Глаз Змеи, о котором я говорил. Это такой редкий камень, что мы сможем купить на него целое графство. По слухам, он обладает и магической силой, но я не верю в эти толки. Его ценность в настоящих деньгах вполне достаточна.

Конан выразил сомнение:

— Такое сокровище наверняка хорошо охраняется.

— Да, — Саботай убежденно кивнул, — но не людьми, а змеями, которые свободно ползают по своим извилистым дорожкам, как собаки бродят возле домов моего народа.

— Так ли? — спросил Конан.

Саботай развел грязными руками:

— Ты ищешь змей; я — богатство. Может быть, мы сможем найти и то, и другое в этой башне...

В конце концов они решили проникнуть в башню, хотя киммерийцу эта идея не особенно пришлась по душе. На следующий день, согнувшись над скудным обедом, они разработали план. Их и без того тихий шепот заглушался потрескиванием жаркого огня в камине. Они решили приступить к выполнению своего дерзкого замысла ближайшей ночью, потому что небо было затянуто тучами, застилавшими полную луну, что было очень удобно для их целей.

Темнота окутала двух грабителей своим бархатным одеянием, когда они взбирались по крутому подъему на холм, с которого черная башня вздымалась к суровым небесам. Подножие холма было обнесено стеной, увитой виноградом и украшенной им, словно старинным рисунком. Никакая веревочная лестница не могла быть удобнее, чем эти прочные переплетающиеся ветви винограда.

Саботай, как более легкий, вскарабкался на стену первым. Поднявшись, он чуть слышно прокричал по-птичьи. Тогда киммериец последовал за ним.

Спрятавшись в тени сухих ветвей низкого кустарника, воры осматривали проход, отделявший их от подножия башни. Узловатые деревья предупреждающе поднимали свои ужасные ветви. Острые скалы высывали из бесплодной почвы неровные клыки. Башня, черная на фоне облачного неба, вздымалась ввысь. Она была абсолютно гладкой, из темного камня, где-то в вышине она сужалась и острым пиком вонзалась в небеса. Между башней и спасительным кустарником в беззвучном вопле открывала пасть блестящая лужа. Незваные гости уже собирались покинуть свое убежище и приблизиться к башне, когда ветка хрустнула под чьей-то ногой и из глубокой тени башенной стены появилась фигура.

Как раз в это мгновение серебристый луч луны прорвался сквозь щели облачной дымки, осветив вновь бывшего. Это была женщина, молодая и прекрасная. Лунный свет заливал ее плечи, играл на голом мускулистом бедре и длинной стройной ноге танцовщицы или акробата. Конан затаил дыхание. Того, что он успел разглядеть, было вполне достаточно, чтобы полностью воссоздать ее образ.

Поверх черного шелкового белья на ней был короткий костюм из черной кожи, не закрывавший ее руки и ноги. В мгновенной вспышке лунного света Конан увидел, что тело женщины, бронзовое от загара, налитое стальной силой. Ее башмаки были высоко зашнурованы, светлые волосы спадали на плечи, а лоб обхватывал металлический обруч. Взгляд Конана скользнул по поясу, где были привязаны шелковая веревка и трехзубый крюк. Кривой нож в ножнах, почти такой же длинный, как сабля, висел на ее бедре.

Конан пошевелился, и сухой лист хрустнул под ним. Женщина бросила взгляд в ту сторону, откуда послышался звук, и в то же мгновение кривой клинок был выхвачен из ножен и приставлен к груди Конана. Казалось, что женщина могла видеть в темноте, как кошка. Поскольку прятаться было уже бесполезно, Конан медленно поднялся, держа все время обе руки на

виду, так как пропорции и форма меча женщины были подобраны так, что можно было и метать его, и рубить им.

Конан и женщина изучающе смотрели друг на друга, пока луч света не померк и не исчез совсем.

— Ты не стражница, — прошептал Конан.

— Не больше тебя, — ответила девушка. — А кто это там, рядом с тобой, пытается лежать беззвучно, а дышит тяжело, как толстяк?

— Еще один вор, — ответил Саботай, вставая. — Боюсь, что мои манеры несколько грубоваты.

— Кто ты и откуда? — холодно обратилась девушка к Конану.

— Я Конан, киммериец, убийца по профессии, вор по необходимости. А это Саботай, гирканец...

— Вор и по выбору, и по профессии, — не без гордости отрекомендовался Саботай. — Мы пришли пожить в сокровищах из здешних кладовых.

Девушка широко улыбнулась. Несмотря на темноту, было видно, как блеснули ее белые зубы.

— Вы два дурака, которые смеются над верной смертью! У вас нет даже веревки и крюка. Как вы, интересно, собираетесь проникнуть в башню — полететь на спине у дракона? Здесь нет окон внизу.

— У меня есть свои средства, — сказал Саботай. — Правда, мой друг хуже подготовлен. А кто ты, девчонка?

— Я Валерия, — коротко ответила она.

Саботай чуть не задохнулся:

— Неужели та самая Валерия?

Девушка кивнула. Конан озадаченно посмотрел на своего товарища.

— Это знаменитая дама, Конан. Как говорят, сама королева воров. Но скажи мне, госпожа, где твоя шайка разбойников? Неужели ты собиралась одна покорить башню Змей?

Девушка пожала плечами:

— Все они дураки и трусы! Некоторые исполосованы змеиными бичами; другие боятся этого демонического культа; все трепещут перед человеком по имени Дуум.

Конан вздрогнул при звуке этого имени. Остроглазая Валерия заметила это движение.

— Ты не бойшься этого имени, киммериец. Но оно, как мне кажется, что-то для тебя значит. Тут, в башне, поклоняются странным богам; ты что, один из них?

— Это не мои боги, девчонка! — прорычал Конан.

Она пожала плечами и перевела свое внимание на башню.

— Ужасы таятся за этими стенами, — пробормотала она.

— А также богатства, — сказал Саботай.

Валерия улыбнулась:

— Ну, тогда иди первым, маленький человек.

В конце концов на Башню Черной Змеи первым взобрался Конан. Пришлось три раза забрасывать крюк, прежде чем он надежно укрепился в кладке верхнего карниза башни. Конан попробовал шелковую веревку и убедился, что она может его выдержать. Саботай, не обращая внимания на эти приготовления, был поглощен привязыванием стальных когтей к обуви и пары бронзовых крючков к запястьям. Затем он вонзил крюки в едва приметную щель между гладкими камнями и усмехнулся.

— Я не доверяю веревкам, — сказал он. — Я полезу по-своему.

— Как хочешь, — сказал Конан, пожав плечами.

— Поменьше разговоров, — огрызнулась Валерия. — Богатство половины мира лежит у вас под рукой, а вы тратите время на пустую болтовню.

Заворчав, Конан начал подниматься. Валерия последовала за ним. Ее гибкое тело без усилий двигалось по стене. Она, смеясь, посмотрела через плечо на карабкающегося гирканца и спросила:

— Ты хочешь жить вечно?

— Я лезу быстро, как могу, — сказал Саботай, задыхаясь. Колчан и лук, как горб, висели у него за спиной. Он добавил, бормоча себе под нос: — Эта женщина лазает и шипит, как кошка.

Темнота сгущалась под ними, но они редко смотрели вниз. Наверху, с порывом свежего восточного ветра, облачная завеса рассеялась. Луна смотрела на них своим большим белым глазом, словно желая продемонстриро-

вать их всему свету. Конан выругался и обернулся на спящий город. Огни костров и очагов были подобны ожерелью из топазов, золота и сверкающего жемчуга. Он был теперь так же высоко над опустевшими улицами, как часовые на башнях близлежащего королевского дворца. Эта мысль смутила его, и он поспешил подняться еще выше.

Вскоре Конан добрался до узкого окна, из которого шел неровный свет, доносились странная, нестройная музыка и приглушенный барабанный бой. Его слуха коснулся неясный хор шипящих голосов, которые не были похожи на шепот человека, и слабая сладковатая струйка фимиама проникла ему в ноздри. Неожиданно в окне появилась огромная голова. На Конана уставились холодные узкие глаза, а раздвоенный язык ощупывал воздух. Конан отшатнулся столь стремительно, что чуть не выпустил веревку. Но вскоре он понял, что оконное стекло отделяет его от гигантской рептилии.

Конан возобновил подъем и достиг парапета. Зубцы крепостной стены напоминали зубчики короны — на них покоились мириады ярко сверкающих бриллиантов. Они переливались, будто снежная корочка под таинственными лунными лучами, и рассыпались тысячами маленьких радуг.

Оглянувшись, Конан перелез через парапет. Но как только он приземлился с другой стороны, на него набросилась огромная фигура. Она была похожа на человеческую, но с длинными, как у обезьяны, руками. Существо — человек, дьявол или обезьяна, Конан не знал, кто, — неожиданно ударило его так, что он повалился на землю.

Когда же Конан поднялся на ноги и выхватил свой меч, то увидел, что его противник, закутанный в плащ с капюшоном, с руками, покрытыми мерцающими чешуйками, вместо того чтобы прикончить незваного гостя, перегнулся за край и неловко пытается снять крюки, чтобы сбросить веревку, за которую цеплялась Валерия.

Конан навалился на спину непонятого существа и нанес ему несколько ударов мечом. Острие распорол материю, и из-под нее, там, где должна была бы оказаться голова, появилась мягкая, как грибница,

растительность, в сплетении которой сверкнул ярко-красный глаз. В ужасе Конан нанес еще один удар и рассек его. На грудь варвара из раны брызнула жидкость. Когда же он поднял меч, чтобы снова ударить существо, оно повернулось, и мощные чешуйчатые руки сомкнулись на горле Конана.

Киммериец сильно ударил отвратительную тварь о парапет и вонзил свой меч в брюхо чудовища. Все в крови, невиданное существо, обмякнув, повисло на зубах. Пока оно боролось со смертью, Конан во мгле разглядывал его: глубоко посаженные слепые глаза истекали слезью; широкая, лишенная губ пасть, похожая на лягушачью, была прикрыта складками чешуйчатой кожи. Зарывав, словно леопард, Конан сгреб неподвижное тело, затем, собрав воедино все свои борцовские навыки, он поднял его высоко над головой и бросил на покрытый бриллиантами парапет. Раздался глухой удар; к небу поднялся затихающий вопль.

Совсем рядом за его спиной рассмеялась женщина. Конан обернулся и увидел, что Валерия пролезла между зубцами башни и с небрежной грацией перегнулась через парапет.

— Для вора ты хорошо убиваешь, — фыркнула она, смеясь.

— Ты для вора тоже хорошо лазаешь, совсем как горный человек, — ответил он, вытирая свой меч и пряча его в ножны.

VII. Камень

— Эй! — донесся хриплый шепот снизу.

Конан и Валерия увидели Саботая, который с помощью когтей, тяжело дыша, поднимался по стене башни.

— Я гляжу, вы были заняты, — проворчал гирканец, когда они помогли ему пролезть в бойницу. — Что это за штуковина упала и чуть не сбила меня с крюков?

— А Кром ее знает, — глухо ответил Конан. — Какое-то чертово отродье, оставленное здесь для охраны. Ты-то в порядке?

— Как всегда, только дай чуть-чуть отдышаться.

Валерия ощупывала драгоценности, вделанные в камень.

— Какое богатство здесь! — выдохнула она. — И все это наше!

Вытащив кинжал из ножен, Валерия попыталась выковырять большой сапфир из его каменного ложа. Саботай достал свой лук из чехла, упер один его конец в грубо обтесанную плиту и натянул на лук тетиву. Затем он принялся изучать Валерию.

— Брось ковыряться в этих красивых камушках, госпожа моя, — сказал он. — Они стоят гроши по сравнению с тем, что лежит внизу. Кроме того, ты затупишь лезвие, а оно скоро может тебе понадобиться.

— Пошли, — буркнул Конан, — пока какие-нибудь служители или охрана не наткнулись на нас.

Валерия высыпала пригоршню собранных камней в сумку на поясе.

— Ну, тогда за работу, — ответила она, направляясь к узкой двери, врезанной в черепицу. Она взялась за украшенную деревянную ручку и сильно дернула за нее, ожидая сопротивления, но дверь распахнулась так легко, что девушка чуть не потеряла равновесия. Нахмутив брови и всматриваясь в открытый дверной проем, Конан увидел там лишь тусклые зеленые блики. Валерия, упруго ступая на носках, смело вошла внутрь. Конан следовал за ней по пятам. Его поразило увиденное: пол, почти скрытый клубами тумана, доходящего до колен, круглые каменные колонны, поддерживающие крышу, и фризы вдоль стен между колоннами. Жуткий, леденящий душу свет отражался в легком тумане, затрудняя видимость.

Возле краев круглой площадки туман был более разрежен, так как проходил через открытую дверь. Конан различил круглое, похожее на колодец отверстие в середине площадки, из глубин которого исходил изумрудный свет и слышались приглушенные звуки размеренного пения. Вместе с туманом вверх поднимался и гнилой запах. Валерия закрыла лицо рукой; Саботай поморщил нос.

— Какое растение или животное может так вонять? — прошептал он.

— Так воняет падалью поле битвы через три дня после сражения, — грохотнул Конан. — Чтоб я стал гирканцем, если ошибаюсь.

— Посмотрите на это, — выдохнула Валерия.

Она указала на край колодца, откуда сбегали вниз железные перекладыны, образуя узкую лестницу. Поблизости торчал огромный крюк, и на нем висел шкив. Через этот шкив был перекинут толстый канат, концы которого уходили вниз в темноту.

Конан внимательно осмотрел это хитрое приспособление.

— То животное, которое я убил, наверное, поднялось по этой железной лестнице. Но если бы нужно было спешить, оно могло забраться и по канату, если, конечно, внизу есть противовес. Но поскольку мы ничего об этом не знаем, лучше пойдем по ступенькам.

— Я больше склонна доверять своему собственному канату, — неодобрительно прошептала Валерия. — Эти ступеньки стоят далеко друг от друга и, кажется, плохо прикреплены к стене колодца.

— Пойдем, девочка! — проворчал Конан, ступая на край площадки. — Уж коли тот зверь смог пройти по лестнице, то и нас она тоже выдержит.

Скрывая свой страх под показной храбростью, Валерия шагнула в пустоту, осторожно нащупала ступеньку и начала спускаться. Саботай, держа натянутый лук со стрелой наготове, пошел следом.

Они спускались к неизвестным глубинам в абсолютной тишине. Темные полированные плиты с яркими драгоценными камнями являлись как бы насмешкой над усеянным звездами небосводом, раскинувшимся над башенным шпилем, потому что в противоположность настоящим звездам эти, рассыпанные по стенам колодца, навевали зловещие мысли. С каждым шагом отдаленное пение становилось громче, а гнилостная вонь сильнее одурманивала их.

Наконец они почувствовали каменный пол под ногами и увидели источник таинственного свечения. Теперь все трое стояли в круглой пещере, из которой вели два затемненных прохода. Третий проход, размером с большую дверь, был перегорожен железной решеткой из толстых

прутьев, и именно через эти прутья пробивался демонический свет. К удивлению Конана, рядом с тем местом, где они стояли, зияло отверстие другого колодца, уходившего в полнейшую темноту.

Осторожно приблизившись к решетке, Конан и его друзья смогли увидеть огромный зал с колоннами, освещенный мерцающим зеленоватым светом. Пол этой огромной пещеры странно светился — как гладкая поверхность тихого пруда.

Валерия прошептала:

— Как они сумели поместить в башню такой зал? Он же слишком большой!

— Мы, надо думать, спустились гораздо ниже уровня улиц, — пробормотал Конан.

Он и Валерия обменялись взглядами, в которых иголками страха были вышиты пышные узоры любопытства. Затем девушка пожала плечами, и ее стройное тело проскользнуло между прутьями решетки. Конан проделал то же самое с большими трудностями; ему пришлось повернуться боком и резко выдохнуть, чтобы протиснуть свои массивные плечи. Саботай, гибкий как угорь, несмотря на свое богатое вооружение, легко присоединился к ним. Они укрылись в тени между двумя рядами колонн, а на некотором расстоянии, спиной к ним стояли фигуры в мантиях. В дальнем конце этой рукотворной пещеры расположился еще один человек на чем-то вроде трибуны или балкона. Его было хорошо видно над головами большой благоговеющей толпы. В ярком свете, шедшем откуда-то сверху, Конан увидел, что это был человек гигантского роста с черной кожей. Великолепный образец зрелого мужа, негр стоял полуобнаженным, с поднятыми руками и закрытыми глазами, произнося нараспев высокопарные слова, которые разрезали тишину.

Валерия слегка толкнула Конана локтем.

— Это Яро, второй в иерархии Культа, — шепнула она. — Только человек, которого зовут Дуум, стоит выше него.

При упоминании этого имени Конан на мгновение остолбенел, но не сказал ничего.

Саботай пробормотал:

— Я слышал о таких черных людях из стран, расположенных далеко на юге. Так этот Яро кушит?

Валерия пожала плечами:

— Они говорят, что ему тысяча лет, поэтому одни только Бел и Иштар знают, откуда он.

— Эти поклоняющиеся преградили нам дорогу, — тихо сказал Конан. — Как мы сможем пройти мимо них, не подняв тревоги?

— Давайте попробуем пойти в обход, — прошептала Валерия. — Я думаю, здесь есть еще один уровень — ниже этого, и несомненно лестница ведет туда.

И она украдкой начала скользить от колонны к колонне безмолвной тенью среди теней. Конан и Саботай последовали за ней. Когда они почти вплотную подошли к тому месту, где собралась община, Валерия указала на черную винтовую лестницу, ведущую вниз.

— Вы оба спускайтесь, — выдохнула она, — и посмотрите, что там, а я на время останусь здесь и прикрою вас со спины.

Двое мужчин, напряженные в предчувствии дурного, спускались по узкой винтовой лестнице в неподвижном зловонном воздухе, который забивал их ноздри все усиливающейся вонью. Наконец они вошли в другую сводчатую пещеру, слабо освещаемую через круглое отверстие в потолке. Это отверстие, догадался Конан, соединяло пещеру, в которой они сейчас находились, с залом, где проходила церемония.

Друзья ощупью двигались, глотая гнилой воздух, как вдруг Саботай дернулся и прошипел:

— Клянусь кровью Эрлика, Конан! Посмотри на это!

Пол под отверстием проема был завален трупами, мужскими и женскими. Одни казались свежими, другие недавно начали разлагаться; некоторые превратились в скелеты. Мужчины приблизились к груде гниющих тел, и в стороны с пискom разбежались крысы. Глаза грызунов пылали ненавистью, когда они с безопасного расстояния следили за пришельцами.

Скрытый темнотой, Конан посмотрел вверх. Через отверстие ему был виден балкон и стоящий на коленях Яро. Как только негр поднялся, пение прекратилось. Двигаясь бесшумно, как пантера на охоте, киммериец

подошел к самому краю горы трупов и встал так, чтобы быть прямо под жрецом. Отсюда он, оставаясь невидимым, мог наблюдать за лицами молящихся из первого ряда. Несмотря на то что капюшоны закрывали их экзальтированные лица, а длинные одеяния скрывали тела, все они казались молодыми. Вдруг один человек из толпы шагнул вперед и сбросил свой плащ с капюшоном. В изумрудном свете взору Конана открылась прекрасная молодая девушка; ее грациозное тело было едва прикрыто кусочками тончайшей материи. Твердым шагом девушка поднялась на каменный помост, который выступал над отверстием; и пока она шла, торжественное пение становилось все громче и громче.

Саботай схватил Конана за рукав и указал на низкий сводчатый проход в дальнем конце пещеры. Конан оторвал пристальный взгляд от девушки, которая стояла как раз над проемом, и последовал за гирканцем. Онутившись на четвереньки, чтобы пролезть в проход высотой по пояс, Конан очутился в круглом, диаметром около двадцати шагов помещении. В комнате не было никаких входов и выходов, за исключением того, через который они сюда проникли. Всего два бра отбрасывали судорожный свет на неровные стены этой комнаты, похожей на пещеру.

Центр ее занимал алтарь в виде усеченной пирамиды, на которой были вырезаны рельефные фигурки.

— Змеиный Глаз! — шепнул, тыча пальцем, Саботай. — О боги, посмотри на это!

Взгляд Конана, повинуясь красноречивому жесту гирканца, наткнулся на огромный красный рубин в форме слезы, покоящийся на каменном ложе. Неожиданно легкое движение привлекло его внимание к основанию алтаря. Змея невероятных размеров кольцами обвивала его. Конан не только не слышал, но и никогда не мог себе представить змеи такой неимоверной толщины. Блестящие чешуйки, покрывающие изогнутое тело гигантской рептилии, искрились в свете ламп, что еще больше подчеркивало ее размеры.

— Редчайший камень на земле, и самый большой, клянусь Митрой! — задыхаясь, шептал Саботай. — За этот камень мы могли бы купить целый эмират в Туране!

— Конечно, если только мы сможем прибрать его к рукам. Видишь ли ты, кто его охраняет?

Саботай судорожно вздохнул, как только рассмотрел гнусное животное.

Конан осторожно шагнул вперед.

— Она спит или нет? — пробормотал он. — Глаза ее открыты.

— Это ничего не значит. По глазам нельзя определить, спит змея или нет. У змей нет век.

Конан сделал еще два шага, но змея по-прежнему не шевелилась.

— Но я мог бы отсечь ей банку одним мощным ударом... — подумал вслух киммериец.

— О нет! — возразил Саботай. — Ты не представляешь себе, как живучи такие гады. Обезглавленное тело в агонии превратит нас в кашу.

— Ну, ладно, — буркнул Конан, — значит, мы должны взять камень так, чтобы не потревожить этого зверя. Так?!

Двигаясь как можно тише, Конан стащил перевязь меча через голову и отдал свое оружие гирканцу. Затем он скользнул к пирамиде и ее мерзкому чешуйчатому стражу. Когда только половина ступни отделяла ногу Конана от вздутых колец этой твари, он протянул руку. Но рубин оставался мучительно недостижимым.

Конан отступил и задумался. Если он сумеет наклониться вперед и опереться грудью на алтарь, то он сможет взять камень, не касаясь змеиных колец. Если нет, то он, очевидно, умрет. Конан глубоко вздохнул, напряг спину и, стоя на носках, стал падать вперед, пока его согнутые руки не достигли алтаря.

Опираясь на правую руку, он протянул вперед левую, чтобы достать камень из небольшого углубления на поверхности пирамиды, в котором тот лежал. Хотя камень ледяным холодом обжег Конану ладонь, он засунул его под куртку и уже собирался выпрямиться, когда еще один предмет привлек его внимание.

Рядом с тем углублением, в котором находился камень, лежал маленький бронзовый медальон, чеканка на крышке которого даже при тусклом свете оживила в нем картины прошлого. При виде двух извивающихся

змеи с переплетенными хвостами память Конана вернулась к тому ужасному дню его детства, когда черные всадники описывали круги по утопанному снегу его киммерийской деревни, как они спустили своих безжалостных собак и подняли мечи на беззащитных жителей. Он вспомнил также сверкнувшую дугу, которую описал меч Дуума — меч отца Конана, — и отрубленную голову своей матери...

Со злобещим лицом, зажав медальон во рту, Конан с усилием выпрямился. Повернувшись, он направился уже к низкому сводчатому выходу, как вдруг тень ужаса искажила лицо гирканца.

— Сзади! — выкрикнул Саботай, чьи голосовые связки были наполовину парализованы страхом.

Конан резко обернулся и увидел, что змея проснулась. Огромная клиновидная голова, большая, как у лошади, поднялась на высоту человеческого роста. Открылись истекающие слюной челюсти, похожие на разводной мост, обнажая ряды кинжальных зубов.

Когда громадное тело сделало выпад и голова змеи приблизилась, Конан выхватил длинный кинжал, нанеся удар со звериной быстротой натренированного убийцы. Острие кинжала пронзило нижнюю челюсть и вошло в небо рептилии, сшив воедино злобные челюсти.

Раненая змея с шипением набросилась и обвила кольцом тело врага, захватив одну руку Конана. Чудовище дернуло головой, вырвало кинжал из рук киммерийца, и теперь он не мог дотянуться до него. Стараясь освободиться из смертоносного кольца, Конан отступал назад к стене пещеры, но безуспешно. Змея обвила второе кольцо вокруг него.

Безжалостные кольца сдавили грудь Конана, и его лицо потемнело от прилива крови. Свободной рукой киммериец пытался ударить змеиную голову о стену, но змея была настолько сильна и огромна, что усилия юноши остались бесплодны.

Терзаясь страхом, Саботай прыгал вокруг, стараясь выстрелить из лука так, чтобы не подвергнуть еще большей опасности своего друга. Наконец он вставил стрелу и отпустил тетиву. Стрела наполовину вошла в чешуйчатую шею, но, казалось, змея ничего не почувствовала.

Она обвилась еще одним убийственным кольцом вокруг ног Конана, почти сбив его с ног.

Неимоверным напряжением груди и плеч Конану удалось прижать змеиную голову к стене так, что острие кинжала, торчащее из скулы чудовища, вошло в известняк между камней. Последними усилиями варвар колотил по рукоятке кинжала кулаком свободной руки, вбивая его в крошащуюся известковую породу.

За время этой мимолетной передышки Саботай выпустил вторую стрелу, потом третью. Эта стрела прошла шею змеи насквозь и воткнулась в известняк, сковывая движения рептилии. Она забилась, пытаясь освободиться, и поэтому ослабила тиски, в которых был зажат противник, и Конан, пошатываясь от напряжения, наконец-то сумел вырваться из ее объятий.

— Лови, Конан, лови! — шипел Саботай, бросая варвару меч рукояткой вперед.

Конан схватил оружие и махнулся как раз в тот момент, когда змея освободилась. Чешуйчатое тело бросилось на киммерийца, но он, стиснув двумя мощными руками рукоять, ударил мечом поперек шеи. Отрубленная голова отлетела в сторону.

— Берегись! — воскликнул Саботай.

Обезглавленное тело билось, подобно гигантскому бичу, свалив Конана на землю и швырнув гирканца через пустующий алтарь. Постепенно, по мере того как кровь истекала из разрубленного тела рептилии, рывки стали ослабевать. Похитители подобрали разбросанные вещи и выбрались обратно в пропитанный гнилью зал.

В зале наверху церемония приближалась к своей кульминации.. Конан увидел, как черный жрец Яро встал в полный рост. По его повелевающему жесту загнипнотизированная девушка, стоящая на выступающем помосте, подняла руки и бросилась в отверстие колодца.

Возгласы удивления и суеверный страх наполнили затемненный зал, потому что никто не услышал ожидаемого глухого звука упавшего тела или крика умирающей жертвы. Яро наклонился вперед, всматриваясь в мрачные

глубины колодца. Вместо разбившегося тела на груде трупов он увидел девушку, которую поймал на лету, не причинив ей никакого вреда, и поставил на пол какой-то гигант. Яро услышал ее крики: «Наш бог мертв, мертв!» — девушка через арку смотрела на обезглавленную змею. Яро увидел также, как гигант поднял окровавленный меч, который он отбросил, чтобы поймать падающую девушку, и как вместе с еще одним человеком меньшего роста они исчезли в темноте.

Пока Конан и Саботай бежали вверх по лестнице, вызванная потрясением тишина взорвалась шумом неразберихи. Когда они достигли верхней ступеньки, то увидели между колонн несколько фигур в мантиях, согнувшихся над телом лежащей навзничь беззащитной женщины. Конан тщетно искал глазами Валерию; он видел, что у женщины на полу волосы были черными, а поэтому она не могла оказаться их компаньонкой.

— Быстрее в шахту башни! — тяжело выдохнул Саботай, и оба метнулись к решетке, отделявшей их от колодца башни.

— Воры! — вопил Яро им вслед. — Туда побежали неверные. Вы, преданные, убейте их!

Приподняв края своих мантий, толпа ринулась вперед. Среди прочих бежали Яро, два бритоголовых лучника и мужчина, вооруженный топором. Конан и Саботай пролезли сквозь решетку.

— Где девка, девять чертей ее побери? — рычал Конан.

— Бегите, вы оба! — раздался знакомый голос. — Я прикрою ваш отход.

— Бежим! — закричал Саботай, ставя ногу на нижнюю ступеньку лестницы. Конан неохотно вложил меч в ножны и, помогая себе руками, последовал за своим товарищем наверх по лестнице. Два лучника подбежали к колодцу башни и, присев на одно колено, выпустили по одной стреле.

Неожиданно вперед выскочила небольшая фигурка в мантий и перерезала ножом тугие тетивы луков. Мгновение спустя один из лучников, весь в крови, растянулся на полу, а затем и другие преследователи рядом с первым. С окровавленным кинжалом в руке

Валерия отшвырнула скрывавшую ее одежду и побежала к канату.

— Хватайте ее! — взревел Яро.

Человек с топором бросился за ускользящей девушкой и замахнулся. Валерия быстро нагнулась, топор просвистел у нее над головой, а сила собственного удара развернула мужчину вполоборота. Тотчас Валерия зажала кинжал в зубах, обвила концом веревки шею врага и затянула ее.

Поскольку мужчина отбивался, пытаясь ослабить веревку, которой его душили, Валерия быстро завязала узел и толкнула задыхающегося человека к кромке отверстия в полу. Затем, как только человек кувыркнулся в колодец, девушка схватила конец веревки, которая была перекинута через шкив. Благодаря тяжести падающего тела Валерия без усилий взмыла вверх и скрылась от преследователей, теснившихся толпой у прутьев решетки, воя от отчаяния.

Валерия так быстро неслась вверх, что обогнала Конана и Саботая, которые с великим трудом, рука к руке, поднимались по узким ступеням железной лестницы. Держась за веревку обеими руками и сжимая нож в зубах, девушка откинула голову назад и улыбнулась, как будто хотела сказать: пошевеливайтесь, увальни, если хотите поймать меня!

Чуть позже мужчины, задыхаясь от напряжения, выбрались из шахты и увидели Валерию, вытиравшую кровь со рта. Они повалились на пол, чтобы отдышаться.

— Ну, достали вы его? — спросила Валерия.

Безмолвно Конан вынул обжигающий, словно лед, камень из-за пазухи и показал его. Доносившиеся снизу звуки погони согноли улыбку удовлетворения с уст Валерии.

— Они поднимаются по лестнице, — прошептала девушка, вглядываясь вниз, в глубокую шахту. — Я думаю, несколько человеко-зверей поднимаются с ними. Спрячь Змеинный Глаз!

— Вылезай за перила! — сказал Конан, кивая головой по направлению к усеянному звездами дверному проему. — Я буду рубить их головы одну за

другой, по мере того как они будут вылезать на площадку.

— Нет! — возразила Валерия. — Слишком рискованно, лучше спустимся вниз по стене башни, пока они не перерезали мою веревку. Но торопитесь!

Вскоре все трое, как мухи на стене, держась за веревку, начали спускаться с башни. Они были благодарны заходящей луне, которая не освещала больше их поспешного бегства.

Все, кроме Конана, были уже на земле, в полной безопасности, когда между зубцами стены показалась отвратительная морда и волосатая рука ножом начала перерезать тонкую веревку, по которой спускались беглецы. Понимая, что веревка скоро порвется, Конан взглянул вниз, чтобы определить положение черной мерцающей поверхности бассейна. Рассчитав прыжок, он крепко уперся обеими ногами в стену, оттолкнулся, изо всех сил напрягая мускулистые ноги, и вылетел как раз в тот момент, когда веревка упала. Свернув свое гибкое тело, как падающий котенок, Конан нырнул в темную воду.

Когда Конан целым и невредимым всплыл на поверхность, Валерия счастливо рассмеялась, и ее хохот слился с ревом бешенства все растущего числа наблюдателей с башни.

— Дураки! — объяснила Валерия. — Они помогли нам смыться! Теперь никто не сможет спуститься, чтобы помешать нам уйти от этих мерзких стен!

Усмехаясь, Саботай кольцами смотал веревку и перебросил моток через плечо. Затем, преодолев стену сада, все трое исчезли в неизвестности темнеющих городских улиц.

VIII. Поручение

В воровском квартале Шадизара, в каменном очаге грязной таверны трещал огонь. Едкий дым, как ленивая кошка, клубился вокруг закопченных стропил, но и он не мог ослабить радужного сверкания тысячи гладких граней Глаза Змеи. Драгоценность лежала на грубом

дубовом столе. Три закутанные в плащи фигуры склонились над ним, загораживая его своими телами от посторонних глаз.

— Клянусь Нергалом, он прекрасен! — прошептал Саботай. Его алчные глаза были прикованы к сверкающему камню.

— Да, это точно, — растягивая слова, произнесла Валерия. Она поднесла к губам кубок вина, не отрывая взгляда от предмета своего восхищения.

— Он и должен быть прекрасным, — проворчал Конан. — Только он сильно испортил нам кровь.

Саботай раздраженно поморщился.

— Нужно ли ворошить уснувшие воспоминания? — спросил он. — Миновавшую опасность лучше всего забыть, как говорят у нас в Гиркании.

Однако маленький человек тут же начал перебирать все события с того момента, как их обнаружили в храме Башни Черной Змеи. Он вспомнил, как они перелезали через стену храмового сада, в то время как их преследователи в ярости прорывались через невидимую дверь своего отвратительного места поклонения. Он напомнил своим товарищам и день, когда они скрывались, боясь даже пойти за едой в ближайшие лавки, и как они наконец впервые вышли из своего убежища и, словно чужие, бродили по городу, по самым грязным кварталам, где не многие представители власти осмеливаются искать воров и убийц. Саботай плотно зажмурился, чтобы отогнать ужасные воспоминания. Затем, открыв глаза, он вновь уставился на огромный камень, словно на королевский обед.

— Это стоило того, — прошептал он. — Как ты думаешь, киммериец, имеет ли смысл купить нам два графства в Аквилонии, или два эмирата в Туране, или парочку соседних сатрапий в Вендии? А на что, госпожа Валерия, собираетесь вы потратить свою долю?

— Прежде всего нам нужно найти покупателя для такого дорогого камня, — прошептала Валерия, беспокойно оглядываясь.

Таверна была полна красномордых, потных мужчин, которые хрипло горланили песни и стучали своими кружками по грубым столам, пока обнаженная танцовщица

плавно двигалась под варварский ритм музыки. Ее загорелое тело мерцало в свете огня.

— У тебя не было проблем, когда ты продавала камни, позаимствованные из башни, — напомнил маленький вор, значительно кивая на кошелёк Валерии, туго набитый золотыми монетами с профилем Осрика, короля Заморы. Девушка крепче прижала к себе кошелёк, недоверчиво глядя на веселящуюся толпу проституток, грабителей, сводников, наемников и празднующихся стражников.

— Говори потише, идиот, пока ты не привлёк внимание, — резко оборвала она. Зрачки ее глаз засверкали, словно два кинжала.

Саботай пожал плечами. Длинноногий мальчик-разносчик пробирался мимо, собирая пустую посуду. Гирканец, слегка толкнув коленом киммерийца, поймал мальчика за руку:

— Найди нам девочек, парень, холеных девочек с округлыми бедрами и темными сосками! Изучив горизонты мира, я намерен теперь заняться изучением пределов плотских наслаждений, которых я ждал слишком долго, слишком долго...

Мальчишка с понимающим видом нагнулся, чтобы прошептать какие-то рекомендации в ухо гирканца. Конан и Валерия обменялись долгим многозначительным взглядом.

— Итак, друзья, я уйду в дом мадам Илди на ночь. Там будет пирушка что надо! А как твои планы, Конан? А твои, госпожа Валерия?

— Что касается нас двоих, то у нас другие планы, — резко сказал Конан.

Саботай ухмыльнулся, оглядывая две пары полускрытых капюшонами глаз.

— Это тоже что-то в этом роде, не так ли? Я в этом уверен! Ну, что ж, приятно вам повеселиться, друзья. А теперь я пожелаю вам ночь, полную любви. У каждого есть свои слабости. Я намерен как следует заняться своими и оставляю вас с вашими.

Валерия схватила его за рукав, когда гирканец неверной походкой направился в ночную тьму. Она протянула ему горсть монет из туго набитого кошелька.

— Будь осторожен, маленький человек! Помни: у того, кто при деньгах, всегда много добрых приятелей, но мало настоящих друзей.

Саботай посмеялся над ее дурацкими наставлениями.

— Я до этого убил несколько человек — людей, у которых глаза на затылке, таких, как тот, на башне, — помнишь, Конан? Кроме того, золото мне досталось слишком дорогой ценой, чтобы тратить его для чьего-то удовольствия. Я намерен потратить его только на себя!

Беспечно махнув рукой, кривоногий Саботай с важным видом направился в толпу ночной улицы. Горящий вулканическим огнем взгляд Конана встретился с задумчивыми глазами Валерии.

— Пойдем в тишину нашей комнаты, девочка.

Валерия улыбнулась силе его желания. Оно было столь же горячим, как и ее собственное. Она нежно погладила прекрасный камень, медленно спрятала его у себя на груди и последовала за Конаном из таверны.

Хромая старуха ввела Конана и Валерию в освещенный свечами домик и улыбнулась им беззубым ртом. Конан бросил ей мелкую монету. Поклонившись, старуха заковыляла из комнаты. Варвар скинул свою тунику, а женщина-вор расстегнула пояс и сняла доспехи.

Валерия опустилась на колени. Ее жадные руки пробежали по голому телу Конана.

— Скажи мне, — выдохнула она, — одну вещь — только одну. Когда я впервые увидела тебя, в тени, ты двигался так красиво. Где ты научился этому?

Конан дотронулся до ее груди. Его рука пробежала по ее сильному животу и подвижным бедрам.

Валерия задыхалась в экстазе. Она напряглась под ищущими руками Конана, которые скользили по ее трепещущему телу.

— И все же, где ты научился двигаться так?

Конан с безразличным лицом секунду изучал нетерпеливую девушку. Затем, положив руки на свою покрытую рубцами шею, он показал ей следы от жесткого ошейника, который он носил когда-то. Тогда Валерия начала неистово целовать его рубцы и прижалась к нему

в судорогах острого наслаждения. Содрогаясь в его объятиях, она отбросила назад свои длинные волосы и показала такие же шрамы. Она тоже долгое время была гладиатором. Потом свеча погасла и темнота эхом повторяла тихие звуки счастья.

Рассвет застал любовников под низким потолком общей комнаты бедной таверны. Они жадно ели. Конан отрезал сочный кусок мяса с шомпола и на кончике кинжала протянул его Валерии. Девушка энергично жевала, и жир стекал по ее подбородку. Себе Конан отрезал большой кусок мяса, чтобы утолить свой волчий аппетит.

Конан навечно запомнил это нежное свидание. Много лет спустя он сказал своему летописцу:

— Если боги занимаются любовью, что же может быть величественнее этого? Ни одна женщина ни до, ни после не может сравниться с ней, — но об этом в то время я не знал.

Они запивали мясо вином, охлажденным в снегу с горной вершины, — напитком для знати. Пьяная от любви не меньше, чем от крепкого напитка, Валерия откинулась на спинку грубой скамьи. Она смотрела на Конана, любуясь его тугими, как у прекрасного животного, буграми мускулов, которые играли под его кожей.

Он в свою очередь восхищался чувственной красотой женщины, которая в свободной позе сидела перед гаснущим огнем. Ее одежда была накинута небрежно, прекрасная шея и плечи были обнажены. Конан, обнаружив маленькую дырочку в огромном камне, Змеином Глазе, продел сквозь нее тонкий ремешок, чтобы у Валерии было меньше шансов потерять его. Теперь неземные лучи великолепного камня горели у нее на груди, удваивая свою красоту.

Настало утро. Ухмыляющиеся рабы мадам Илди принесли Саботая обратно в таверну. Он с трудом приходил в себя после ночного дебоша и чувствовал угрызения

совести. До захода солнца три вора снова окунулись в свежий поток развлечений и удовольствий. Их грязные одежды сменились на кожаные куртки и дорогие меха, а грубые железные украшения уступили место кольцам и браслетам из полированной бронзы и сверкающего серебра, сделанным прекрасным мастером. Хорошие ботинки из мягкой кожи заменили их изношенную обувь. С помощью гирканца Конан выбрал ножи и мечи, вышедшие из-под молота умелого кузнеца.

Все эти обновки, обильная пища и каждодневные увеселения покупались на деньги, вырученные за драгоценные камни из башни, украденные Валерией. При продаже новых камней они уже не соблюдали особой осторожности, как раньше, хотя и знали, что шпионы и доносчики змеиного культа прочешут все рынки Шадизара, стремясь вернуть свой дорогой талисман. Они надеялись найти в Туране или в Вендии купца, у которого хватит и денег для покупки Змеиного Глаза, и ума, чтобы не распространяться о своем приобретении.

Несмотря на непривычное богатство, все трое вскоре устали от бесконечного безделья. Борцы, танцующие девушки и пиры — все это быстро потеряло свою новизну и стало пресным для тех, кто привык к постоянным опасностям, придававшим настоящий вкус жизни. Очень скоро, однако, их постарались избавить от скуки. Но это застало их врасплох.

Однажды вечером, когда Конан, Валерия и Саботай, полупьяные и полусонные, склонились над своими кружками в темной таверне, которую они часто посещали, сверкание наконечника копья в свете очага вывело Валерию из оцепенения. Ее чуть слышный вскрик заставил остальных поднять головы. Они увидели, что их столик окружен солдатами с суровыми лицами, в панцирях из золота и бронзы и сверкающих шлемах, которые были низко надвинуты на брови.

Неожиданно разбуженный Конан приподнялся со своего стула. Он мгновенно понял, что незнакомцы — это стражники змеиного храма, которым стало известно о краже, и стремился найти путь к спасению. Но он ошибался — у солдат были шлемы с гребнями и кирасы с королевской печатью Заморы легионеров короля.

— Что вам от нас нужно? — проворчал Конан с мрачным подозрением. — Да, мы пьянствуем, но это безусловно не против королевского Закона...

— Вставайте и следуйте за нами, все трое! — отрезал офицер. — На все вопросы вам ответят те, кто послал нас найти вас. И давайте без глупостей!

Саботай, все еще в пьяном оцепенении, посмотрел на вздымающиеся копыя. Его лицо скривилось в заискивающей улыбке, и он пробормотал:

— Ну, никаких проблем... никаких проблем... — и, опираясь о стол, поднялся на неверных ногах.

Волей-неволей им пришлось последовать за вооруженными людьми, так как поднять меч сейчас, несмотря на весь свой боевой опыт, было для них равносильно самоубийству. Будь Конан один, он попытал бы счастья и сразился с двенадцатью противниками, но всепоглощающая любовь к Валерии обезоруживала его. Он не хотел рисковать ее жизнью, даже когда сама свобода висела на волоске.

Под безлунным небом они прошли по тихим улицам, покинутым в этот час даже особыми любителями темноты и безлудья. Наконец они вышли на широкий проспект, в конце которого на фоне звездного неба возвышался королевский дворец. По приказу офицера о боковой стене отворились ворота. Отряд солдат провел трех искателей приключений под сводчатыми галереями с колоннами, по каменистым дорожкам между ровными бархатистыми лужайками и мраморными фонтанами. Журчание воды наполняло ночь сказочной музыкой.

Когда они достигли главного входа во дворец, Саботай, большой любитель путешествий, с удовольствием огляделся вокруг. Дворец короля Заморы считался одним из самых экзотических сооружений в восточной Аквилонии. Он был построен на деньги, вырученные от торговли с Дальним Востоком. Но случайно брошенный острый взгляд Саботая, когда они проходили мимо солдат, застывших у дверей, подметил следы упадка — трещины в кирпичной кладке и следы сырости. Гирканец сделал про себя глубокомысленное заключение, что даже богатства монархии не могут побороть подбирающееся изнутри гниение, подтачивающее, как злокачественная опухоль, основы

государства. Предательские щупальца змеиного культа смогли парализовать отвагу и разложили население.

Конан, гораздо менее склонный к философствованию, бросал любопытные взгляды направо и налево, когда их вели через вереницу залов и мраморных лестниц, стараясь запомнить дорогу на случай, если им придется сражаться за свою свободу. Он мало обращал внимания на резные балюстрады из слоновой кости и алебаstra, дорогие настенные ковры, обтянутые шелком скамейки и необычные светильники — словом, все, что создавало роскошь, превосходящую самое богатое воображение. Но в конце концов это великолепие подействовало и на него, несмотря на то что даже в приглушенном свете ламп и свечей было видно, что прекрасная обстановка находится далеко не в лучшем состоянии. В гобеленах зияли дыры, на коврах виднелись потертости, золото на роскошной мебели потускнело; по-видимому все здесь давно уже было в небрежении.

В главном зале дворца, украшенном скульптурами, эхо отзывалось, словно в склепе, во мраке гулко раздавались шаги, и пыль густым слоем покрывала половицы. Когда искатели приключений и их эскорт приблизились к королевскому трону Заморы, их взору предстала фигура, затененная балдахином. Рука поддерживала подбородок, а глаза выдавали воина, давно уже опустившегося из-за вина и лени. Около высокой фигуры стоял одинокий слуга и шепотом переговаривался со своим повелителем.

Король Осрик, уже по тому, как он обратился к капитану стражи, показался Конану человеком уставшим и потерявшим интерес к жизни. Годы тяжело легли на его согбенные плечи, а худое лицо говорило о постоянных заботах и разочарованиях.

Солдат сложил к ногам короля оружие пленников, а капитан опустился на одно колено и доложил:

— Воры, о которых вы спрашивали, государь.

Саботай и Валерия, знакомые с этикетом, низко поклонились. Конан же спокойно смотрел на короля.

Стражник толкнул Конана под ребро и прошипел:

— Кланяйся, дурак!

Конан бросил на него прищуренный мрачный взгляд, но при этом все же слегка нагнул голову.

Монарх смотрел на пленников отсутствующим взглядом; чувствовалось, что мысли его были далеко. Наконец он встал и пальцем показал, что офицер может подняться.

Чтобы нарушить затянувшееся молчание, слуга попытался напомнить королю:

— Это воры, ограбившие Башню Змеи.

Монарх заговорил глухим, дрожащим от негодования голосом:

— Знаете ли вы, что вы наделали, воры? Вы заставили его, Яро, предстать передо мной, перед моим троном, чтобы угрожать мне. Да, чтобы запугивать Осрика, великого короля всей Заморы! Какая дерзость! Какое высокомерие! Эти жрецы Черной Змеи ставят себя выше монархов мира! И это произошло из-за вас, троих воров, негодяи!

Конан украдкой посмотрел на своих товарищей. Валерия нервно облизывала губы; умные глаза Саботая, как у загнанной в угол крысы, метались в поисках хоть какого-то выхода. Киммериец был напряжен и в любой момент готов к взрыву неповиновения. Он был безоружен, а потому у него не было никаких иллюзий относительно исхода событий. Но лучше дорого продать свою жизнь, чем послушно подставить шею под топор или самому вдеть ее в петлю. Уж он-то попытается прихватить с собой в мир теней одного-двух стражников.

Король продолжал говорить, не отрывая взгляда от воров, но теперь улыбка тронула уголки его рта. Отбросив бархатное одеяние, он поднялся и воскликнул:

— Воры, я приветствую вас! Вы совершили великое дело!

Король коротко рассмеялся.

— Видели бы вы лицо черного жреца! Он был так зол, что бешеная пена летела с его губ! Я не получал такого удовольствия, пожалуй, с той самой ночи, когда женился!

Затем, повернувшись к своим телохранителям, он добавил:

— Придвинь скамейки для моих друзей-воров, капитан Кобадес. Ты останься, а остальные пусть возвращаются к своим обязанностям. И принесите вина, лучшего вина!

Паж принес серебряные кубки и чашу отличного красного вина, и вот уже все трое стояли возле трона Заморы и пили за здоровье короля, и Осрик поднимал свой кубок в ответ. Саботай, смущенный таким неожиданным подарком фортуны, жадно глотал вино. Валерия и Конан, больше привыкшие к лести и славе после успеха на гладиаторской арене, старались вести себя более изящно.

— Вы можете сесть, — наконец сказал король.

В задумчивости он не отрывал взгляда от своего кубка. Когда же он заговорил, его слова были отрывочны, а голос дрожал:

— Этот человек Тулса Дуум — меня уже давно раздражало присутствие этого дьявольского бога в моем бедном королевстве. Змеи в моей прекрасной столице! На западе, на юге, в Бритунии, Коринфе — везде змеи! Везде черные башни и жрецы с черными сердцами! Они крадут наших детей и делают из них чудовищ — рептилий, таких, как змеи, которым они поклоняются. Наши развращенные дети оскалывают свои отравленные зубы на своих собственных родителей...

Дрожа всем телом, Осрик закрыл лицо руками. Трое друзей переглянулись, а затем усталились на капитана Кобадеса. Король перехватил их взгляды.

— Мои собственные стражники не устояли против них. Мои храбрейшие воины, мои самые свирепые бойцы ушли от своих обязанностей, нарушили клятву верности. Вы — отбросы общества — в одиночку осмелились открыто выступить против Яро в его цитадели!.. Всех, кто противостоит змеиным жрецам, атакуют и убивают. Смерть в ночи... видели ли вы что-либо подобное?

По сигналу монарха слуга подал ему тонкий бронзовый нож. Его клинок изгибался, как тело змеи. Держа его в вытянутой руке, король продолжал:

— Вот зуб змеи, вонзенный в сердце моего отца его младшим сыном, моим братом, который был одурманен их колдовством. И моя собственная дочь, бриллиант моего королевства, радость моей старости, также попала в лапы Тулса Дуума. Она отвернулась от меня и верховных богов. Бережет ли она такой же нож, направленный в мое сердце? Ждет ли меня такая же судьба?

Конан нахмурился, вспоминая редкую красоту молодой женщины в паланкине с занавесками. Саботай тогда сказал ему, что она дочь короля. Варвару было трудно поверить в то, что такая прекрасная девушка может однажды убить своего отца-государя, но в то же время он знал, что она жрица змеиного Бога.

Во внезапном взрыве ярости король Осрик швырнул змеиный нож на мраморный пол. Там он и остался лежать — видимое всем орудие зла.

— Каждое новое поколение слабее предыдущего. Сегодняшняя молодежь погрязла в этом Культе — этой ложной религии. Они стремятся стать рабами и бродягами, живущими в наркотическом сне. Когда я был молод, мальчики стремились стать героями, а не паразитами и разрушителями.

Король опустил голову. Это был слабый старый человек, раздавленный проблемами, которые он не мог разрешить. Задрожав, он сказал:

— Теперь я вынужден возлагать на воров спасение королевства.

Валерия с несвойственной ей жалостью в голосе спросила монарха:

— Какую услугу мы можем вам оказать, государь?

— Моя дочь, моя маленькая Ясимина — она следует за ним повсюду... за Яро. Я имею в виду Яро, черного жреца. Она говорит, что ищет правду в глубине своей души... Эти пустые инфантильные глупцы забыли былую силу и бывшие добродетели. Они погрязли в разврате, как свиньи в грязи, и называют это религией!.. А сейчас моя дочь отправилась на восток, чтобы встретиться с человеком по имени Дуум, в самый центр, в могущественный оплот его Культа, где сходятся все нити интриг. Идите на Гору Могущества и верните мне дочь!

Король подал знак. И по этому безмолвному приказу слуга выдвинул из тени урну и опрокинул сосуд. Полился сверкающий поток драгоценностей. Они ударялись об пол у ног искателей приключений — рубины, аметисты, топазы, сапфиры и мерцающие алмазы. Второй королевский знак остановил поток. Валерия разинула рот; жадность засветилась в глазах

гирканца. Конан, ожидавший нечто подобное, смотрел на короля.

— Ну же, собирайте их, — предложил Осрик. — Это будет задатком, на это вы сможете купить оружие, лошадей и нанять воинов, чтобы они сражались за вас. Доставьте мою Ясими́ну назад, и вы получите все драгоценные камни, оставшиеся в кувшине. Покажи их, Варданес!

Слуга поднес сосуд. Саботай засунул туда палец и поворачивал им. Убедившись, что у сосуда нет второго дна и что в нем остались мириады драгоценных камней, гирканец кивнул и вытащил руку. Вместе с Валерией они подобрали упавшие камни и положили их в кошелек.

Конан наблюдал, как его товарищи поспешно собирали разбросанные драгоценности. Затем, задумчиво нахмурившись, он обратился к королю:

— Почему вы не боитесь ножа в темноте или яда в вашей чаше?

Осрик грустно улыбнулся:

— Приходит время, друг мой, когда даже для королей драгоценности теряют свой блеск, золото тускнеет, а пища и питье теряют свой вкус. Время, когда сама тронная зала, хотя и разукрашенная, становится тюремной камерой. Тогда все, что останется, — это любовь отца к своему ребенку. Но ты... что ты можешь знать об этом? Ты слишком молод и полон жизни... Когда придет моя смерть, от руки Дуума или кого-нибудь другого, я буду спокоен, если только мое дитя будет свободно от этого проклятия и сможет служить моему народу в качестве его королевы.

Конан кивнул:

— Хорошо, король Осрик. Я убью этого Дуума или погибну сам. У меня есть с ним собственные счеты. Если я смогу спасти вашу дочь, я сделаю это.

— Тогда мы договорились! — сказал король и обратился к капитану своей стражи: — Покажи моим гостям приготовленные для них комнаты. Позаботься, чтобы им было удобно. Всего хорошего!

Трое последовали за капитаном Коба́десом из этой затененной комнаты и оставили на троне полностью ушедшего в свои мысли короля Осрика.

IX. Дорога

Два дня спустя после аудиенции у короля Осрика искатели приключений легли спать усталыми. Второпях пришлось провести большую подготовку к пути — заготовить продукты, мехи с вином, вещи для ночлега и сотни других предметов, которые могут понадобиться в дороге. Драгоценные камни они обменяли на золотые, серебряные и простые медные монеты. Позаботились также о лошадях.

Однажды утром Конан и Валерия прогуливались по конному рынку, пока Саботай, единственный опытный наездник из них троих, торговался из-за лошадей. Конан обратил внимание Саботая на горячего жеребца, гарцевавшего и пытавшегося сорваться с веревки, яростно сверкая глазами.

— Этот как раз для меня! — воскликнул Конан.

Гирканец усмехнулся:

— И как долго ты думаешь удержаться на этом коне? Поскольку ты никогда не садился верхом даже на клячу, позволь мне найти для тебя что-нибудь побезопаснее, поспокойнее и покрупнее, чтобы оно выдержало твой вес.

Конан часами учился ездить на лошади, которую выбрал для него Саботай. Под его дружеской опекой Конан узнал, как ездить шагом, рысью, галопом, как седлать, чистить и кормить лошадей. Однажды принесенное ветром перекасти-поле укололо коня, тот помчался с неожиданной резвостью и сбросил всадника. С проклятиями варвар поднялся и бросился ловить коня.

— Я же говорил тебе: помни о коленях! — сказал Саботай. — Пустяки, если это окажется твоим самым неудачным падением, считай, что тебе здорово повезло. Мы, керлаиты, говорим, что мужчина не станет наездником, пока не упадет семь раз.

Тем вечером, когда Конан остался в спальне, чтобы подлечить свои разбитые ноги, двое королевских слуг внесли большую деревянную бадью. Другие слуги появились с ведром кипятка. Когда они вышли, Валерия скинула одежду и со вздохом удовлетворения забралась в бадью.

— Полезай сюда! — сказала она. — Здесь хватит места для нас обоих.

Конан отрицательно покачал головой:

— Горячие ванны вредны. Пар портит легкие.

— Вздор! Посмотри на меня! Я всю жизнь принимаю горячие ванны, а вот от тебя запах совсем не похож на запах клумбы с розами. Хочешь, я тебе спину потру?

Киммериец все еще отказывался:

— Попозже, может быть, когда ты помоешься.

Девушка сидела в бадье, растирая свои роскошные плечи. Неожиданно она обернулась к Конану:

— А гори они синим пламенем, эти Дуум и принцесса! Этот человек — злой колдун, который может вызвать демонов из адских пещер, вроде того, которого ты убил на башне. Что до принцессы, то почему мы должны спасти ее, если она хочет умереть его рабыней? Все это из-за ее глупости... Кроме того, Тис говорил, что Гора Могущества — оплот Дуума — не может быть взята. Там засели тысячи его сторонников. Сколько у нас шансов против них? — Она встала. — Брось мне вон то полотенце.

Вывыв и вытерев свое тело, Валерия улеглась на огромную кровать, поигрывая драгоценными камнями. Камушки тонкой струйкой текли между ее пальцев, водопад падали вниз в ложбину меж ее высоких грудей и рассыпались по животу, а она любовалась огоньками, которые играли на их полированных гранях. Потом она заговорила снова:

— Я обсудила это с Саботаем, и он согласился со мной. Мы будем последними дураками, если ввяжемся в это очень опасное дело. Возьмем все, что у нас уже есть, пока мы еще живы! Забудь Дуума и его глуную принцессу! То, что дал нам король, вместе с золотом, которое мы получим за Змеинный Глаз, сделает нас богачами. Мы сможем жить, как знать.

Конан, погруженный в свои мысли, присел на край кровати спиной к девушке. Валерия медленно придвигалась к нему, рассыпая драгоценности по покрывалу. Ласкающие руки пробежали по широким плечам; она поцеловала Конана в затылок и, обхватив его руками, положила голову ему на плечо.

По-видимому равнодушный к проделкам Валерии, Конан неподвижно сидел, уставившись на свои сжатые кулаки.

— У меня никогда не было больше, чем сейчас, — мечтательно мурлыкнула проказница. — Всю жизнь я была одинока. Часто я глядела прямо в разинутую пасть смерти, но никогда не заботилась о том, останусь я жива или нет. Одна, в холоде и темноте, я вглядывалась в чужие дома и шатры и видела теплый очаг, мужчин и женщин, сидящих бок о бок, играющих детей у их ног. А я шла по земле... одна.

Она взглянула в лицо Конану, но оно было темным и мрачным.

— А теперь у меня есть ты. Нам тепло, хорошо, мы любим друг друга. Мы даже богаты. Нам не нужно больше рисковать, чтобы добыть золота. Давай сядем вместе у зажженной лампы, прогоняющей темноту, и пусть какой-нибудь одинокий странник увидит и позавидует нам...

Валерия протянула руку, взяла целую пригоршню ярких камней и игриво высыпала их на обнаженную грудь Конана.

— Иди ко мне! Давай забудем обо всем!

Конан молча покачал головой. Потом медленно разжал кулак. На ладони лежал бронзовый медальон из сокровищницы Бога-Змеи — пластинка со знаком Дуума: две обращенные друг к другу змеи, поддерживающие черное солнце.

Рассвет подкрался к Шадизару, тронув розовым и золотым шпиль королевского дворца. Первый утренний луч пробрался в комнату, где спала Валерия, и оторвал ее от снов. Сонная, она отбросила шелковое покрывало и потянулась, подставив обнаженное тело под ласковые поцелуи теплого солнца. Затем она вытянула руку, чтобы коснуться своего любовника, но рядом с ней никого не было. Конан ушел.

Сладость сна тотчас улетучилась. Она вскочила и уставилась на пустую подушку. Вместо величественного тела молодого варвара она увидела только горстку сверкающих камешков — его долю от подарка короля. Непроизвольно руки ее потянулись к горлу — Глаз Змеи

по-прежнему висел у нее на груди. Валерия окинула спально быстрым взглядом: оружие и одежда Конана исчезли. По щеке Валерии покатилась слеза, но она ее решительно смахнула. Гладиаторы не плачут, строго сказала она себе.

Далеко на востоке от Шадизара одинокий всадник держал свой путь через ущелья Кезаннийских гор, отроги которых достигают каменистых степей Турана. Этим всадником был Конан; но уже не нищий беглый раб, которым он однажды пересек эту внушающую страх землю. На громадном варваре был превосходный плащ и кольчуга поверх одежды, на голове красовался стальной шлем, а сбоку висел старинный меч, тот самый, который Конан взял в пещере неумершего скелета. Сейчас меч был отточен как бритва и вложен в великолепные ножны из змеиной кожи. Чтобы защититься от резких ветров ранней весны, он надел поверх кольчуги накидку из хорошо выдубленной волчьей шкуры.

Вспоминая прошлое, Конан поскреб густую черную бороду, которая закрывала его покрытое рубцами лицо. Тогрул заставлял своих рабов бриться, чтобы не давать противникам преимущества, и Конан строго придерживался этой привычки. Но сейчас, страстно желающий схватки с Дуумом, он позабыл о ней.

Киммериец помнил также о милой женщине, от страстных объятий которой он сейчас уезжал все дальше. Много лет спустя он сказал своему летописцу:

— Я знал, что Валерия никогда не поймет меня. Ее боги — не северные боги. Я двигался на восток, но склонил голову перед Валгаллой. Кром с ледяным спокойствием ждал, когда я отомщу своим врагам. Я знал, что моя жизнь висит на тонкой нитке, но не желал ничего другого.

Целыми днями киммериец без остановок скакал по узкой тропе, щедро усыпанной красными, голубыми, желтыми и фиолетовыми подснежниками. Иногда ему при-

ходилось пригнуться к седлу, защищаясь от внезапной бури, а ветер и ледяная крошка обжигали его израненное лицо. Время от времени он останавливался, чтобы дать выбранному Саботаем мощному жеребцу пощипать скудную траву и отдохнуть.

Когда Конану казалось, что он сбился с пути, он спрашивал дорогу у попадавшихся навстречу людей: одиноких пастухов, утомленных крестьян в лохмотьях и кочевников, восседавших на набитых домашней утварью скрипучих повозках, в то время как жены и дети гнали перед ними истощенный скот. Все они направляли Конана еще дальше на восток.

Остановленный им крестьянин безучастно смотрел на впечатляющую фигуру на огромном коне. Конан показал ему знак культа змеи — медальон Дуума. Проблеск понимания мелькнул на морщинистом лице, и старик ответил:

— Многие прошли... в основном дети... вот по этой дороге и шли. — Он сделал жест высохшей рукой, затем, обернувшись, добавил: — Обратно не проходил никто.

И вот однажды киммериец выехал на дорогу, протоптанную множеством ног. Он поторопил коня и еще до захода солнца увидел серое облако пыли, поднимающееся к лазурному небу. Конан осторожно приближался к этому необычному облаку и наконец разглядел его источник. Как он и ожидал, это была длинная вереница паломников. Вся процессия направлялась в святую обитель Сета, к змеинному Богу. Грязные юноши и девушки, украсив себя венками и гирляндами давно увядших цветов, тяжело брели, ударяя в бубны и напевая монотонную мелодию.

Конан проскакал мимо них, внимательно оглядывая колонну. То там, то здесь ему кричали:

— О воин! Иди с нами! Выброси свой меч и посвети себя времени и земле, как это сделали мы! Уступи судьбе! Иди с нами к Горе Могущества!

Криво улыбаясь, Конан отрицательно покачал головой и пустил коня галопом. Еще будет достаточно времени посвятить себя земле, когда жизнь подойдет к концу, подумал он.

Дорога поднималась вверх и шла между двумя хребтами вулканических скал; а за ними, на гладкой равнине,

неясно вырисовывался конусообразный пик, устремленный в небеса. Вдали Конан увидел мерцающие воды моря Вилайет, уходящего за горизонт. С этой высокой точки варвар заметил наполовину скрытую поднимающейся пылью еще одну колонну паломников. Ветер доносил звуки их заунывного пения.

Пока конь отдыхал, Конан изучал раскинувшиеся перед ним горы, покрытые буйной весенней зеленью. Вдоль побережья внутреннего моря, справа от Горы Могущества, лежал участок земли, сплошь усеянный холмами. Свернув с пути, протоптанного чуть живыми путешественниками, Конан направил коня к пашне, которая была примерно в трех тысячах шагов к югу от горы. Когда же Конан подъехал поближе, то увидел, что за холмы он принял курганы, подобные тем, какие древние люди насыпали над своими королями. Один из могильных холмов, превосходивший другие, был высотой в несколько раз больше человеческого роста, а длиной — в половину полета стрелы. Вокруг его основания на одинаковом расстоянии друг от друга стояли остроконечные столбы, на каждом из которых еще сохранились пронзенные останки коней со всадниками. Ветер и дождь превратили их в скелеты, кое-где прикрытые лоскутками выцветшей материи и ржавыми кусками железных доспехов.

Конан осторожно повел коня вокруг, терзаясь дурными предчувствиями, от которых по его телу побежали мурашки. Он не мог сказать, как долго жуткая гвардия стояла на страже в этом всеми забытом краю, но что-то сжалось в его грубой душе перед величием бессмертия и неизвестности.

За курганами шла равнина, усеянная осколками камней и кусками древней кладки — обломками города, разрушенного давным-давно. Он пустил коня среди разбитых колонн, опрокинутых плит, обвалившихся стен, засыпанных галькой канав и еле видных следов колодцев, безводных с древнейших времен. Опустошение казалось полным, а причина его лежала за пределами человеческого понимания.

Затем, к своему великому удивлению, Конан заметил убогое жилище: простой навес из кольев, связанных во-

едино и обтянутых шкурами диких животных. Перед входом, завешанным лоскутками шкур, горел небольшой костер, распространявший в морском воздухе едкий дым с запахом горелого мяса. Киммериец направил коня, желая осмотреть это жилище, и увидел, как оттуда вышел худой старик в грязных лохмотьях, с подозрением рассматривавший пришельца.

— Привет, дед! — низким, похожим на рев голосом произнес Конан, поднимая раскрытую ладонь в знак своих добрых намерений. — Я пришел с миром.

— Это ты хорошо сделал! — ответил старик с живостью, не соответствовавшей его морщинам. У него было плоское лицо, бритая голова; одет старик был в рванину, но он вызвал уважение варвара. — Знай, юный воин, я колдун, и этот погост хранит кости и беспокойные души могущественных царей. Тот, кто осмелится причинить мне вред, будет иметь дело с силами, о которых он ничего не знает.

— А ты можешь вызвать демонов, колдун?.. — Тень веселости мелькнула в голосе варвара.

— Да, это я умею! Могу вызвать дьявола свирепее, чем любой из семи чертей! — Хвастовство старика закончилось приступом кашля.

— Какая удача, что мы станем друзьями, — сказал Конан. Он бросил колдуну серебряную монетку, которую тот поймал не по летам проворно. — Это плата за несколько дней, которые я проживу в твоей халабуде!

На закате солнца, Конан, сняв шлем и кольчугу, сидел у костра, с трудом разжевывая копченое мясо и пресный хлеб. Отшельник сутился рядом, предлагая гостю сделанную из тыквы бутылку с кислым элем и болтая так, словно не разговаривал годами.

— Эти могильные холмы, чужестранец, стоят здесь со времен Титанов, — говорил старик. — Великие цари спят здесь, цари, чьи царства когда-то сверкали, подобно молниям над бушующим морем. Проклятия лежат под этими горами земли; вот почему я обитаю ниже их вершины.

— Так ты смотритель этого кладбища? — поинтересовался Конан.

Колдун засмеялся:

— Нет, но я пою предания о прошлом, о битвах и героях, о богачах и женщинах для тех, кто покоится здесь, чтобы успокоить их сны...

— Чем же ты живешь, добрый колдун?

— Местные жители приносят мне мясо и хлеб, а я вызываю духов и предсказываю им удачу. Кроме того, я выращиваю зелень. Никто не досаждал мне; все знают о моей силе.

Конан наклонил свою косматую голову в сторону Горы Могущества.

— А что эти?

— Ты спрашиваешь о тех, кто служит змеям? Они хорошо знают меня, но думают, что я сумасшедший, и поэтому не трогают. Каждую весну человек по имени Дуум приходит сюда принести жертву духам моих спящих царей. Ты их видел... — Он махнул рукой в сторону скелетов людей верхом на лошадях.

Конан какое-то время ел молча, с сомнением размышляя о том, были ли это кости древних царей или же сторонников Дуума.

— Здесь в округе растут какие-нибудь дикие цветы? — спросил он.

Рот старика раскрылся.

— Цветы? На какой?... — Затем, спохватившись, поправился: — Да, я думаю, тебе удастся собрать немножко. Месяц назад эта равнина была вся выстлана цветами. Но на что тебе цветы?

— Увидишь, — ответил Конан.

Следующим утром Конан поднялся, сбрил свою жесткую бороду и достал из дорожной сумки белую мантию паломника. Одетый таким образом, он целый час бродил по окраине разрушенного города, собирая наиболее свежие цветы, какие только мог найти. Когда варвар начал сплетать венок, колдун с отвращением посмотрел на него.

С безмятежным видом Конан спросил у старика:

— Что ты знаешь об этом Тулса Дууме? И успокойся, я не из его компании.

Старик облегченно вздохнул и усмехнулся беззубым ртом:

— Вообще-то ты не очень похож на паломника. Если ты собираешься в таком виде проникнуть внутрь горы — берегись. Люди Дуума коварны, жестоки и склонны к предательству. Кроме того, ты не сможешь взять с собой меч; даже под мантией они тотчас увидят его.

— Ну что же, придется обойтись без него. — Конан просунул руки под мантию, расстегнул пряжку и вложил меч в ножнах в руки колдуна со словами: — Храни его и найди корм для моего коня. Я хорошо награжу тебя, когда вернусь... если вернусь.

Водрузив венок из уже увядших цветов, Конан пошел к горе. Колдун, бормоча оберегающие заклинания, смотрел ему вслед.

По мере того как дорога зигзагами поднималась вверх по склону Горы Могущества, она становилась все круче. Конан незаметно затесался в колонну бредущих в беспорядке юношей и девушек. У них были запыленные, изможденные лица и пустые глаза. Разница между здоровым и сильным варваром в свежей одежде и утомленной, выпачканной в путешествии толпой была так велика, что Конан боялся, что он будет немедленно раскрыт.

Вдоль извилистой дороги стояли девушки в чистых мантиях, пели приветствия и указывали толпе путь дальше. На первом повороте дороги Конан увидел небольшой храм из белого мрамора, словно светящийся на фоне обсидиана, на котором он стоял. Этот белый храм, меньший из святынь Дуума, был украшен фризами в виде мерзких корчащихся змеиных тел. Под его величественным куполом все паломники должны были пройти очищение и возродиться.

У арки, ведущей в храм, какая-то женщина остановила Конана и дала ему свежую гирлянду цветов, потому что венок, который он сплел несколько часов назад, уже завял. Наклонив голову, чтобы получить новый венок,

Конан уже приготовился идти дальше, но девушка с поднятыми руками задержала его. Он внутренне встре-пенулся, но быстро понял, что это обычный ритуал приветствия.

— Ты должен отказаться от всего, что у тебя было, высокий странник, — напевно произнесла девушка на одной ноте. — Ты должен увидеть себя в чистой воде таким, каким ты себя никогда раньше не видел.

Повторяя слова юноши, прошедшего перед ним, Конан нараспев ответил:

— Я хочу быть очищенным.

По тому, как бессмысленно девушка улыбнулась ему, Конан понял, что она ничего не видит и находится под воздействием какого-то дурмана. Не осознавая волнения Конана, девушка договорила слова предписания, лишённые ее голосом теплоты и смысла:

— Теперь ты спасен от опасностей дороги. Здесь, в тени горы, мы все в безопасности. Не бойся, потому что эта дорога — дорога в Рай!

Конан пробормотал невразумительный ответ и поспешил вперед. На следующем повороте дороги он прошел через узкую щель между двумя отвесными каменными стенами и оказался в естественном амфитеатре, чашеобразном пространстве, защищенном от ветра. Палатки и простые шатры покрывали скалистую землю. По обе стороны стояли здоровенные стражники, гордые и внушительные, в одежде из черной лакированной кожи. За ними Конан увидел, или ему так показалось, жрецов в черных мантиях из храма Змеи.

Инстинктивно Конан сделал шаг назад, затем поспешно придал своему лицу бессмысленное, вялое выражение. Заметив, что он стоит на месте, жрица поспешила к нему.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

Конан показал на безликих стражников:

— Кто это?

— Это наши друзья. Они здесь, чтобы защищать нас.

— Защищать нас? От чего?

Жрица успокаивающе, как говорят с испуганным ребенком, ответила:

— Очень часто от нас самих. Мы редко знаем, что хорошо для нас; мы всегда окружены сомнениями и стра-

хами. Мы так слепы, что не можем различить путь истины. Только Господин может направить наши стопы на дорогу, ведущую к Раю.

Мягко взяв Конана за руку, она повела его к концу процессии, с которой он пришел, и там оставила его. Двигаясь вместе с остальными, Конан очутился в толпе мальчиков и юношей, которых, как стадо, вели несколько жрецов. Всем прибывшим приказали снять дорожную одежду. На дальнем краю амфитеатра колонна женщин скрывалась из вида.

Хитрый варвар некоторое время стоял в нерешительности среди смущенной толпы. Если он снимет мантию, то длинный кинжал и пояс сразу же выдадут его замысел. Когда колонна тронулась вперед, Конан проскользнул между двумя палатками и побежал к стройному жрецу в мантии с капюшоном.

— Куда ты, брат? — мягко спросил человек.

— Я... я не знаю, — запнулся киммериец, — я боюсь...

— Ты боишься обнажить себя, не так ли, о мальчик! Дитя мое, ты должен гордиться таким прекрасным телом. — Жрец хотел дотронуться до него, но Конан оттолкнул его руку. Ничуть не смутившись, жрец продолжал: — Как ты можешь полностью очистить себя, если не знаешь своего тела?

Конан украдкой взглянул на проход в скалах, хорошо защищенный от посторонних глаз.

— Не могли бы мы поговорить наедине... там, где нас не смогут увидеть? — Он показал в сторону ниши.

С тонкой понимающей улыбкой человек в мантии пошел туда, говоря:

— Мы, жрецы, много знаем о телах и душах мужчин; ты не должен испытывать стыда...

Оказавшись в нише, Конан обернулся.

— Скажите мне, — спросил он с наигранной простотой, — эта мантия — все, что на вас надето?

— Да, сын мой. Это все...

— Хорошо, — проворчал варвар и двинул локтем в ребра жреца. Раздался звук ломающихся костей и придушенный тяжелый вздох. Затем удар гладиатора, сравнимый с ударом молотка, переломил жрецу шею.

Высокий человек в мантии с капюшоном быстро прошел через шеренгу голых паломников и направился в храм. Жрец, спускавшийся со святилища, встретился с ним глазами и пальцами сделал тайный знак. Конан неуклюже ответил безмолвным приветствием и, заметив тень замешательства на лице жреца, быстро двинулся дальше.

Два жреца прошли мимо, горячо споря о чем-то. Конан заметил, что на груди каждого висит такой же медальон, как тот, что Конан взял с алтаря в Башне Змеи. Пошарив в непривычной сутане, он извлек медальон и, заменив грубый ремешок шелковым шнурком, повесил его на виду. Стражники храма, грубые, полоумные парни с нахмуренными бровями, пристально посмотрели на лжежреца; затем, увидев медальон с двумя змеями, запомнили его и пропустили. Так Конан проник в недра Горы Могущества.

Х. Гора

Конан шел вперед по проходу среди других еле заметных фигур, которые, словно тени, двигались в том же направлении. Наконец варвар попал во двор необыкновенной красоты. Здесь были сады, яркие от цветов всевозможных оттенков вперемешку со странными экзотическими деревьями. Кристально чистая вода падала из фонтана в тихий бассейн, окруженный мраморными скамейками.

За бассейном шла церемониальная лестница. Ее массивные ступени вели вверх, к portalу храма. Дверь, украшенная резьбой по мрамору, вела внутрь пещеры, вырубленной, как подумал Конан, в цельной скале. В этом широком святилище киммериец увидел расположенные амфитеатром мраморные скамьи. За ними был проход, обрамленный рядами остроконечных колонн, похожих на обелиски.

Перед скамейками возвышался помост. К нему вела лестница поменьше. Купол из разноцветного стекла освещался каким-то неизвестным источником света, сияние которого могло соперничать с самим небосводом.

Прекрасные женщины, одетые в прозрачные покрывала, расположились на ступенях помоста, а благоговейные паломники искали себе места на удобных скамейках. Конан, осторожно двигаясь, примкнул к ожидающей толпе и, уверившись в своей безопасности, начал осматривать раболепных юношей и девушек вокруг него. Платья из дорогой ткани и нарядные ленты, охватывавшие их лбы, выдавали существ, стоящих выше толпы, оставшейся снаружи, которой была недоступна роскошь этой залы, доставлявшей сейчас Конану такое наслаждение.

Вскоре грациозные молодые женщины внесли подносы с зажженными свечами и раздали по одной каждому участнику Культа. Когда сияние купола начало угасать, тонкие свечи замерцали, словно звездочки в ночном небе. Их свет делал молодые лица поклоняющихся подобными лицам богов.

Поглощенный созерцанием этой процедуры, Конан не заметил, что два стражника, похожие на обезьян, последовали за ним в храм в Горе Могуущества. Теперь, стоя в густой тени позади Конана, они знаками переговаривались со жрецом из башни — черным Яро из Шадизара. Яро со своей свитой прибыл сюда, чтобы возвестить о пропаже храмового талисмана, чтобы известие о краже разнеслось среди верующих во всех землях, где утвердился культ змеиноного Бога. Здесь Яро также надеялся узнать о местонахождении вора и хотел задержать его.

Призванный в храм обезьяноподобными стражниками, черный гигант изучал киммерийца суженными задумчивыми глазами. Он лишь мельком видел вора, похитившего Глаз Змеи, когда двое неизвестных карабкались по узкой лестнице на вершину башни. Но широкие плечи, бугры мускулов и грива спутанных черных волос, подстриженных до плеч, выдавали Конана с головой.

Черный жрец обернулся, чтобы что-то сказать другому человеку, скрывавшемуся под покровом темноты. Тот сделал шаг вперед и оказался мужчиной гигантского роста, на груди которого свободно извивались две свитые воедино змеи. Он был в доспехах из синей стали, отделанных черной кожей.

Рексор, а это был он, постарел за годы, прошедшие после его набега на деревню Конана и после того, как он отправил юношу на долгие годы работать на Колесе. Однако время каким-то образом укрепило его осанку и жизненные силы. Невероятно сильные мускулы вздымались на его обнаженных руках, мощных бедрах и массивной шее. Без скрывающего лицо шлема было видно, что годы несколько сгладили его грубые черты, но его глаза стали холоднее и жестокие складки вокруг тонкогубого рта сделались глубже, чем раньше. Металлически-серая седина, тронувшая волосы Рексора, закрепила за ним среди змеепоклонников прозвище Стального Человека.

Его ледяной взгляд был прикован к киммерийцу, сидящему перед ним. Рексор не помнил ребенка, отобранного у матери, которую убил его повелитель, но это не имело значения. Любой, незвано проникший в Храм Змеи, был врагом; любой сторонний наблюдатель, который видел тайные ритуалы, был святотатцем и богохульным изменником. И наказанием служила смерть, медленная и мучительная смерть.

Общее внимание было сосредоточено теперь на процессии жрецов, которые ритмичным шагом направлялись к возвышению. Их низкое гортанное пение все нарастало. Два ряда обнаженных девушек танцевали в проходах под звуки труб и звон цимбал, на груди у них извивались змеи. За ними группа стигийских жрецов внесла ароматические факелы, которые наполнили воздух слоистым дымом, сладким, всепроникающим и ароматным. Затем в церемониальный зал кошачьей походкой вошел человек по имени Дуум.

Конан издали изучал своего заклятого врага. Его глаза сузились до такой степени, что превратились в горящие скрытой ненавистью щелки. Киммериец не обратил ни малейшего внимания на великолепные колыхающиеся, отделанные мехом одежды Дуума. Конан не отрывал взгляда от его злого лица. Годы не убавили чувственности, которая по-прежнему таилась в его полуприкрытых глазах и худых, аскетических чертах лица. Время также не иссушило обольстительной улыбки, которой он приветствовал своих почитателей и обезумев-

ших в экстазе служанок, которые бросали к его ногам лепестки роз.

Слева, на шаг позади Дуума, Конан увидел молодую женщину чарующей души прелести. Она была одета в тончайшую мантию, подчеркивавшую ее соблазнительную фигуру и оттенявшую золотистую кожу. Женщина шла величественно, и ее внешне спокойный взгляд, обращенный к ее господину, горел скрытым огнем. Конан нахмурился, когда узнал в ней принцессу, виденную им мельком в паланкине с занавесками на улице Шадизара. Это была Ясими́на, пропавшая дочь короля Осрика.

Когда Ясими́на в смиренном обожании опустила́сь на колени, Дуум повелительно поднял руки, затем резко повернул их ладонями вниз. Пение, повинаясь жесту, прекратилось. В наступившей гробовой тишине его сильный голос то возвышался, то затихал, подобно ударам колокола.

— Кто среди вас боится жарких объятий смерти? Когда я, ваш отец, прошу этого; будете ли вы жить для меня? Будете ли по-настоящему бороться с сердцами неверных, будь то сердце друга или возлюбленного, или того, кого вы любили в прежней жизни?

Он сделал паузу и обвел гипнотическим взором открытые лица, обращенные к нему в иступлении.

— Дуум! — распевали они, раскачиваясь в такт его речи. — Дуум! Дуум!

Вопросы продолжались.

— Затянете ли вы шелковую петлю на шее врагов Сета? В большом мире сможете ли вы стоять на истинном пути, вопреки ухищрениям вождей, судей и родителей, которые неверно учили вас? Вонзите ли вы свои ножи по рукоятку и выпустите ли кровь из сердец неверных, чтобы дать им бесконечное блаженство вечного покоя?

Магнетические глаза Дуума переходили с лица на лицо, порабощая каждого последователя. Теперь вопросы прекратились и началась литания.

— Вы почувствуете только радость, когда будете исполнять свой долг перед вашим Богом и Господином, когда будете бороться за Сета и Дуума, когда неверный

склонится перед клинком, веревкой или тетивой лука, принимая неизбежность. Вы вырастаете в глазах Черного Господина, Мудрой Змеи. В объятиях ее колец лежит вечная жизнь и невыразимое блаженство. Скоро наступит день Дуума, день Великого Очищения.

Голос Дуума становился все мощнее и мощнее. Он медленно спускался по ступеням помоста, ближе к слушающим. С пригвожденными к нему глазами последователи повторяли каждое движение своего господина, пока его невидящий взгляд не остановился на Конане. Примитивные инстинкты варвара побудили его к действию, и он приготовился проложить себе путь к свободе.

— Ваши родители обманывали вас, ваши учителя обманывали вас. Глупцы те, кто пытается обмануть вас!

Глядя прямо на Конана полными ненависти глазами, Дуум указал на него пальцем и обратился к нему:

— Изменник, ты обманут так же, как пытаешься обмануть меня. Ты умрешь сегодня.

Конан вскочил на ноги, его зубы стиснулись в рычании. Едва он поднялся, на мраморных ступенях за ним послышались шаги. Готовый к сопротивлению, Конан обернулся. Хотя его реакция была как у кошки, она все же оказалась недостаточно стремительной. Лишь только он повернулся, тяжелая дубина опустилась на его голову.

Удар был направлен в затылок, но пришелся несколько вскользь по виску. Однако смерть была близка. Мощный удар окунул варвара в водоворот темноты. Он не чувствовал сокрушительных ударов, наносимых стражниками по его неподвижному телу. Они рычали, словно дикие псы, и били сапогами по ребрам, а беспощадная дубина поднималась и опускалась, превращая в кровавое месиво его лицо, торс и беспомощные руки и ноги. Но он всего этого не чувствовал.

Сознание медленно, словно ленивый школьник, который неохотно плетется на урок, возвращалось к Конану. Каждый мускул болел, казалось, что каждый миллиметр плоти был сплошным синяком. Сквозь полуоткрытые веки Конан увидел сияющее солнце и смутно понял, что

наступил новый день. Стиснув зубы, он заставил себя пошевелить руками и ногами и, к своему удивлению, обнаружил, что ничего не было сломано. Несмотря на то что его били долго и со знанием дела, он не был искалечен.

Наконец Конану удалось открыть свои опухшие глаза. Он видел столь неясно, что посчитал сном прекрасный фонтан, кристально чистая вода которого радугой падала вниз. Но когда он пристальнее посмотрел из-под спутанных волос, слипшихся от пота и засохшей крови, то заметил мозаичные дорожки между клумбами бледно-желтых нарциссов и тюльпанов и множеством других разнообразных цветов, похожих на палитру художника. Теперь он знал, что лежит на солнце в саду. Киммериец увидел также, что высокая стена окружает сад, а из-за нее выступает храм из светлого камня, так называемая Гора Могуущества, крепость Дуума.

Невероятным усилием воли Конан чуть-чуть приподнял голову. Он обратил внимание, что сад заполнен группами юношей и девушек, одни из которых прогуливались по стене, другие расхаживали между кустами и цветами, третьи сидели около фонтана у ног высокого человека, который деловито поедал спелый фрукт. Конана словно громом поразило, потому что он узнал в нем Рексора, второго человека после Дуума.

Волна тошноты нахлынула на молодого варвара, и он заставил свое ноющее тело приподняться на колени. Мир закачался вокруг него, и его вырвало. Конан попытался встать на ноги, но звон цепей возвестил о том, что он прикован, так же как во времена, когда был рабом Колеса, а потом гладиатором. Толстые цепи, соединяющие наручники и кандалы, прикреплялись к бронзовому кольцу в мостовой.

Еще недавно твердый духом, киммериец, дрожа от слабости, в отчаянии рухнул на землю прямо в лужу собственной рвоты. Двое молодых последователей остановились поглазеть на его бесформенное тело. На их лицах изобразилось отвращение. Другие проходили мимо, окидывая его равнодушным взглядом, и легкий ветерок доносил их смех, но пленник слышал его, словно в тумане.

Конан не знал, сколько он так лежал, пока Рексор не наклонился к нему и не проревел:

— Господин будет сейчас говорить с тобой, а ты, грязная свинья, не готов предстать перед ним.

Сказав это, Рексор нагнулся, чтобы разомкнуть наручники. Подняв еле живого узника, он опустил Конана в фонтан. Поток ледяной воды оживил избитого юношу настолько, что ему удалось по приказу Рексора выползти из бассейна и упасть на мраморную скамью.

Через мгновение он услышал шипящую речь Дуума. Подняв глаза, киммериец увидел прямо перед носом змеиный медальон.

— Как это попало к тебе? — звучно спросил Дуум. — Это ты украл его из моего дома в Шадизаре? А что постигло Глаз Змеи — знаешь ли ты, у кого он? Говори правду, и тебе не причинят больше никакого вреда. Откажешься, тогда боль — необыкновенная, восхитительная — приведет твою душу к последнему восторгу самой смерти.

Конан сплюнул кровавую слюну, затем стиснул зубы и уставился на своего врага. Дуум изучал его. Его таинственный, жуткий взгляд проникал в мятежные глаза варвара, словно желая достичь самой глубины его души. В конце концов глава Культа отвел глаза, покачал головой и убрал талисман в карман.

Повернувшись к своему преданному военачальнику, Дуум сказал:

— Его разум поведал мне, что он отдал великий рубин какой-то женщине за несколько минут удовольствия, несколько не заботясь о том, что в нем заключается ключ к власти над миром. Какая утрата! Эти животные лишены понимания, у них нет никакого чувства ответственности за свои действия.

Рексор зарычал. Его голос был хриплым от скрытой злобы:

— Я убью его для тебя, господин!

Дуум покачал головой и снова повернулся к окровавленному киммерийцу. Полным злости голосом он сказал:

— Ты ворвался в жилище моего Бога, похитил мою собственность, убил моих слуг и моих питомцев. Ты

нарушил важный для моих последователей ритуал. Это огорчает меня больше всего.

Отсвет каких-то странных чувств отразился на темном лице Дуума, и роковой огонь неизбывной печали зажегся в глубине его сверкающих глаз.

— Ты убил огромную змею, обвивавшуюся вокруг моего алтаря. Яро и я безутешны от этой утраты. Она была выращена нами из яйца. Почему ты украл мои богатства и лишил меня живых существ, столь дорогих моему сердцу? Почему ты осквернил святилище моего храма и нарушил церемонию, которую твой грубый ум никогда не сможет постигнуть? Почему ты проник в самую мою цитадель и лишил жизни священника, которого я называл братом?

— Если бы Кром даровал мне еще несколько минут жизни, я бы и тебя лишил жизни! — прорычал Конан.

— Откуда такая ненависть? Откуда?

— Ты убил моего отца и мать. Ты вырезал мой народ, — проговорил Конан. — Ты украл меч моего отца из прекрасной стали...

— А, сталь... — Дуум кивнул, погрузившись в воспоминания. — Много лет назад я исколесил мир в поисках стали, секрета стали. Я считал его дороже золота и бриллиантов. Да, я был одержим тайной стали.

— Загадкой стали, — прошептал Конан, вспоминая слова отца, киммерийского кузнеца.

— Ты знаешь эту загадку, не так ли? — Голос главы Культа был доверительным, убеждающим, словно он беседовал с другом. Его речь лилась безостановочно, гипнотически, лукаво. — В то время я считал сталь сильнее всего на свете, даже могущественнее человеческого тела и духа. Но я ошибался, мой мальчик! Я ошибался! Душа мужчины или женщины может покорить все, даже сталь! Вот, смотри, мальчишка!

Дуум указал на дорожку на стене сада. На ней стояли прелестная златокудрая девушка и красивый юноша, держась за руки.

— Это милое создание прекрасно, не правда ли? И этот красивый юноша любит ее. Знаешь ли ты, варвар, что значит любить девушку? Или быть любимым ею?

Конан вспомнил Валерию, с которой он много дней назад с такой болью в сердце расстался, и сжал зубы. Из глубины его горла вырвалось утвердительное рычание.

— Возможно, что и знаешь, — проговорил Дуум. Тень улыбки показалась на его лице. — Возможно, ты думаешь, что любовь все побеждает, но я покажу тебе сейчас силу более могущественную, чем сталь, и даже чем любовь. Смотри внимательно.

Подняв гипнотические глаза, он остановил их на хорошеньком личике улыбающейся девушки.

— Иди ко мне, дитя, — прошипел он. Его свистящий голос был чуть громче шепота.

Детское личико озарилось радостью. Девушка минуту помедлила у края стены, затем, не взглянув на юношу, который был около нее, соскользнула со стены и с тяжелым стуком упала на плиты садовой дорожки.

Конан отвел глаза от кукольного сломанного тела у их ног. Дуум расхохотался. В звуках его смеха слышались триумфальные ноты. Потом он сказал:

— Вот сила, мальчик, вот могущество! Это сила, которой не могут противостоять ни крепость стали, ни упругость человеческого тела. Что такое сталь без руки, направляющей ее? Что такое рука без разума, управляющего ей? В этом секрет силы... Сталь, ха!

Тулса Дуум остановился и внимательно посмотрел на безмятежное лицо Конана. Главе Культа казалось, что замкнутое выражение лица варвара, гордый разворот его широких плеч умаляют его могущество, бросают безмолвный вызов ему, не привыкшему к этому. Он сделал еще одну попытку восстановить свой авторитет и произвести впечатление на строитивого юношу, чье тело было заковано в цепи, но дух остался свободным.

Дуум поднял руку и привлек к себе внимание плачущего юноши, который неподвижно стоял и смотрел вниз на сломанное тело своей возлюбленной. Жесткие губы Дуума на одно мгновение скривились в змеиной усмешке. Это движение было замечено только остроглазым киммерийцем. Притворная улыбка исказила темное лицо Дуума, и он прошептал приказ:

— Иди за ней в Рай, сын мой.

Без колебаний, двигаясь как во сне, юноша вынул маленький, украшенный бриллиантами нож и вонзил острый клинок себе в сердце. Солнце играло в потоке крови, сочившейся из раны, пока он стоял, словно статуя, на стене, затем, внезапно съежившись, он наклонился и упал на мертвое тело девушки.

Выражение торжества засветилось на лице Тулса Дуума, когда он взглянул на варвара.

— У меня, — сказал он, — тысячи таких, как они.

Но на Конана и это не произвело должного впечатления. Он по-прежнему сурово смотрел на Дуума.

— Какое мне дело до того, что ты имеешь власть над глупцами и слабовольными? Ты никогда не встречал настоящего человека, равного тебе, и не сражался с ним лицом к лицу.

Огонь ненависти вспыхнул в глазах Дуума, и что-то похожее на стыд промелькнуло в них на мгновение; но ненависть тут же исчезла, подавленная сверхчеловеческим усилием воли. Конан, не обратив на это внимания, продолжал:

— Ты вырезал мой народ. Ты приковал меня к Колесу Страдания под хлысты ваниров. Ты обрек меня на жизнь раба-гладиатора, который знает, что каждый день может стать для него последним...

Дуум гордо поднял черную голову.

— О! Посмотри же, что я сделал для тебя, как жизнь закалила твое тело и укрепила твой дух! Взгляни на твою выдержку, твою храбрость, твое намерение убить меня из чувства мести за твой род. Ты следовал за мной по миру, пришел сюда, в цитадель моего могущества, чтобы отомстить за то, что я сделал тебе. Хотя на самом деле я сделал тебя победителем, героем, настоящим полубогом. И теперь ты хочешь растратить мой дар — эту силу и храбрость, и волю, которыми я наградил тебя через боль и страдание, — на простое возмездие. Какая утрата! Как жаль!

Дуум, как казалось, действительно опечаленный, прикусил нижнюю губу перед тем, как продолжить.

— Я дам тебе последний шанс получить жизнь и свободу. Ответь на два вопроса: где ты взял знак двух змей? Где находится Глаз Змей? Говори!

Конан молча покачал головой.

— Прекрасно, — после паузы сказал Дуум. — Ты пожнешь плоды своего упрямства на Дереве Скорби.

Он резко повернулся на каблуках и пошел из сада. Снова появился Рексор, чтобы заняться пленником. Дойдя до ворот, Тулса Дуум еще раз обернулся и низким мелодичным голосом отдал приказ своему верному военачальнику.

— Распни его, — небрежно бросил он.

XI. Дерево

Багровое солнце ярко освещало царящее вокруг запустение. Гладкая равнина известковой почвы, белой, как свежий снег, простиралась во всех направлениях. Потoki раскаленного воздуха, как привидения, отплясывали на земле, среди полной неподвижности, свой танец смерти. Путешественник — если бы он отважился пересечь эту бездорожную пустыню — обнаружил бы, что смутная неприязнь еще больше усиливается из-за какого-то металлического запаха.

Над этой совершенно пустынной равниной возвышалось Дерево Скорби: черное, искривленное чудовище, царапающее раскаленное небо голыми ветвями. Когда-то, возможно, оно было величавым деревом и ласково прятало в тени и человека и зверя. Теперь же этот мрачный, покрытый шипами скелет стал деревом зла.

Высоко на черном стволе висел Конан-варвар. Его обнаженное тело было покрыто запекшейся кровью и слоем меловой пыли. Капельки пота, стекая по телу, оставляли за собой извилистые грязные дорожки. Спутанные волосы свисали грязными жгутами, очерчивая избитое лицо, превратившееся в растрескавшуюся, обожженную солнцем маску, на которой жили только глаза. Это были злые, горящие глаза пойманного и умирающего зверя.

Руки Конана были туго привязаны к двум широко разнесенным сучьям, веревки крепко стягивали и его ноги, прочно прижимая бедра к шершавой коре дерева. Конана жестоко мучили эти ремни, но гораздо страшнее

была боль, причиняемая тонкими гвоздями, которыми прибили к ветвям ладони Конана.

Конан не знал, сколько часов прошло с того времени, как стражники Дуума безжалостно его распяли. Мозг Конана оцепенел от боли, временами он терял сознание. Жажда стала невыразимой мукой, а неумолимые лучи солнца жгли тело. Ничто не нарушало медленную агонию, кроме теней стервятников, парящих на неподвижных крыльях под безжалостным солнцем. Они ждали смерти человека, ждали нира. Эти падалыщики казались единственными живыми существами во всей белой пустыне.

Один стервятник, лениво двигая крыльями, спустился вниз и уселся на ветке над головой киммерийца. Птица вытянула морщинистую шею, чтобы взглянуть в распятого человека, чья голова уже упала на широкую грудь. Падалыщнику это избитое тело показалось безжизненным. Он стал внимательнее всматриваться в жертву то правым, то левым глазом.

Конан оставался неподвижным. В эту минуту он стал ясно понимать, что без глотка жидкости смерть возьмет его еще до захода солнца. А на всей этой пылающей жаром равнине можно было выпить только одно...

Стервятник подпрыгнул на ветке, бросился в безветренное небо, а затем набрал высоту для атаки и ринулся вниз. Согнутый крючком клюв поднялся, целя в глаз Конана. Тень птицы пронеслась по лицу киммерийца. Напрягая все свои силы, Конан поднял голову. Он не шевельнулся, когда стервятник вцепился когтями в его грудь и захлопал крыльями о воздух, готовясь нанести удар.

В это мгновение голова Конана рванулась вперед. Его челюсти щелкнули подобно волчьим, а крепкие зубы вонзились с тощую шею птицы, задушив вскрик удивления и боли. Черные крылья били Конана по обожженному лицу, когти раздирали его грудь, но он не ослабил хватку. Его зубы все глубже входили в морщинистую шею, лишенную перьев. Наконец хрустнул позвонок, и крылья стервятника безжизненно повисли. Продолжая сжимать челюсти, Конан всасывал кровь птицы. И даже теплая и соленая, она могла потягаться по вкусу с бокалом лучшего вина.

Чувствуя себя возрожденным, Конан поднял голову. Солнце, опускаясь к западу, раскрашивало мрачную равнину красными полосками. Вдруг что-то заставило напрыгавшего притупившийся разум варвара. Было ли это клубом пыли, чуть подкрашенным красными лучами заходящего солнца, или облаком дыма? Что бы это ни было, оно становилось больше, оно приближалось.

Долгое время Конан не мог понять, что именно приближается к нему. Это что-то плыло по волнам жара, как пловец, грудью пробивающийся сквозь бушующее море. Наконец расплывчатое пятно превратилось в наездника, скачущего легким галопом. Вдруг всадник — так управляться с лошадьми могут только гирканцы — пустил своего коня в карьер. Несмотря на опухшие, растрескавшиеся губы, Конан улыбнулся.

— Эрлик! Что они с тобой сделали? — воскликнул Саботай, соскакивая с коня и привязывая поводья к нижней ветке проклятого дерева. Конан что-то прорычал в ответ, но горло так пересохло, что его слова остались непонятными.

Трясущимися руками Саботай достал из седельной сумки инструмент, похожий на клещи, которыми вытаскивают камни, застрявшие в подковах лошадей. Засунув его за пояс, Саботай вскарабкался вверх по дереву, туда, где висел киммериец. Саботай поспешно попытался извлечь гвозди из рук Конана, которые распухли так, что стали вдвое больше обычного. Варвар закусил губу, чтобы заглушить стоны, а гирканец с силой дергал и тянул, пока не вытащил гвозди.

Потом гирканец выбросил щипцы и перерезал ножом веревки на ногах Конана; и только когда эти узлы ослабли, он сделал надрезы на ремнях, связывавших руки друга.

— Держись локтями за ветки, если можешь, — посоветовал Саботай. — Ты ведь не хочешь свалиться на землю.

Наконец последняя веревка была перерезана, и Конан, поддерживаемый невысоким вором, с трудом соскользнул вниз. Опираясь на ствол дерева, израненный,

он молча переносил страдания, пока Саботай растирал его обожженные, в сильных кровоподтеках конечности, чтобы восстановить кровообращение. Подавая Конану кожаную фляжку с водой, он сказал:

— Сперва прополощи рот и сплюнь. Потом сделай несколько маленьких глотков. Если ты будешь пить, как обычно, тебе будет очень плохо, а может быть... Я видел, как люди умирали от этого.

— Я знаю, — тихо пробормотал киммериец. — У тебя есть что-нибудь поесть?

— Сначала я разожгу сигнальный костер, чтобы его увидела Валерия. Мы долго искали тебя. Колдун сказал, что ты будешь южнее Горы Могушества, но не смог сообщить нам ничего более определенного.

Гирканец собрал прутья под мертвым деревом, сломал пару небольших ветвей, и вскоре, с помощью кремня и огнива, запыхал веселый костерок. Затем, поискав вокруг, он нашел несколько кустиков сухой травы и бросил их в пламя. От травы к небу поднялось большое клубящееся облако дыма. После этого Саботай поднял мертвого стервятника и, присев на корточки, начал ошипывать птицу.

— Ради Крома, скажи, что ты делаешь? — проворчал Конан.

— Выдираю перья, — ответил вор.

— Ты собираешься зажарить эту гадость!

— А почему нет? Мясо есть мясо, да и мы оба голодны.

Конан еле удержался от рвоты и недовольно сказал:

— Если я даже и буду есть, то тебе придется кормить меня. У меня руки не двигаются.

Саботай кивнул и согнулся над костром. Вскоре с кусков жарящегося мяса, насаженных на заостренную палку, в костер стал капать жир, и сытный подкупающий запах наполнил воздух. После скудного, но вкусного ужина Конан тяжело вздохнул, а потом погрузился в сон, прислонившись к Дереву Скорби.

Конан очнулся среди могильных холмов мертвых царей на берегу моря Вилайет. Валерия, склонившись над

ним, промывала и смазывала его раны. Он смутно помнил — а может быть, это был сон, — как он ехал на лошади Валерии, а она сидела за ним, держа поводья и поддерживая его всякий раз, когда он начинал вываливаться из седла.

Он долго смотрел на свои руки, онемевшие, распухшие, воспаленные. Было невыносимо больно пошевелить даже пальцем.

— Больше никогда не смогу держать меч, — невнятно произнес он. — Лучше бы я умер.

Затем сознание снова покинуло его и все вокруг потонуло в мутном тумане. Нескончаемые часы, проведенные киммерийцем на Дереве Скорби, так истощили его звериную жизнеспособность, что те, кто ухаживал за ним, боялись, что он может не оправиться от ран. Конан горел в бешеной лихорадке. Его вера в собственные силы исчезла.

— Он еще жив? — спрашивал старый колдун, переступая порог лачуги, в которой лежал умирающий мужчина.

— Да, но едва-едва, — отвечала девушка.

— Старик, — обратилась к нему Валерия, — он зовет тебя колдуном. Знаешь ли ты хоть какое-нибудь заклинание, чтобы помочь ему? Или, может быть, твои боги помогут тебе?

Старик молча смотрел на нее. Сочтя его темный пристальный взгляд за признание того, что он в самом деле может управлять потусторонними силами, Валерия воскликнула:

— Ну, так используй же свои чары! Верни силу рукам, которые должны поднять меч мести!

Старик устало, но смиренно ответил:

— За такое колдовство нужно дорого платить. За такое волшебство всегда нужно платить. Духи, которые часто навешиваются в это священное место и охраняют могилы царей, настоятельно требуют плату.

— Какой бы ни была цена, я буду рада ее отдать! — ответила Валерия. — За дело, колдун!

Завывал жуткий ветер, и тени крались среди могил. Над ртутной поверхностью моря Вилайет луна освещала

мертвенно-бледное лицо беспокойного дряхлого призрака, чья черная тень металась на бесплодной земле между двумя наибольшими памятниками. Валерия и Саботай с замиранием сердца следили, как колдун обвязал поги и руки Конана полосками черной материи и накрыл его неподвижное тело покрывалом того же самого могильного оттенка. Еще одну полоску он повязал на голову варвара, тщательно прикрыв его обожженные, посиневшие веки. Поверх этой повязки ловкими взмахами маленькой кисти старик нанес несколько таинственных знаков.

Потом колдун отправил Саботая на берег, приказав ему принести ведро чистой воды, и, когда вода была доставлена, он опустился на корточки на ковровую подстилку, медитируя и собирая внимание. Валерия, стерегущая каждое движение старика, чувствовала, как он погружался в самые глубины своего духа, чтобы разбудить дремлющие источники внутренней силы.

Наконец колдун вышел из транса. Он торжественно окропил водой все тело Конана, еле слышно бормоча могущественные имена. Сделав это, он приказал гирканцу крепко привязать конечности Конана к четырем столбам, врытым глубоко в землю.

— Зачем это? — потребовала ответа Валерия.

Колдун мрачно смотрел за работой Саботая.

— Ночью, — начал он, — духи этого места, рассерженные заклинанием, попытаются унести молодого человека отсюда. Если им это удастся... — его голос осекся.

Валерия вынула из ножен кинжал; его лезвие ярко сверкнуло в лунном свете.

— Если твои духи унесут его, старик, то ты тотчас же последуешь за ними.

В этой безмолвной темноте яростные слова девушки прозвучали со злобой загнанной в тупик пумы.

В ответ старик только пожал плечами, но от такой давно забытой им юношеской горячности на его губах дрогнула чуть заметная улыбка.

Ночь тянулась бесконечно долго для тех троих, что бодрствовали среди древних гробниц. Беспечная луна забралась на самый верх бархатного неба и теперь плыла

среди звезд. На юге возвышался зловеющий конус Горы Могущества, черный даже на фоне сверкающего, усыпанного звездами темного неба. Не было слышно ни одного сверчка. Нависла абсолютная тишина.

Вдруг Валерия схватила гирканца за руку. Саботай, который уже начал дремать, выругался, когда ногти девушки вонзились в его кожу, а затем так же изумленно уставился на Конана.

Огромное, закутанное в покрывало тело киммерийца поднималось, двигаясь жутко, безвольно, как будто невидимый гигант взял его в руки. Веревки, которые удерживали Конана, натянулись и глухо гудели; столбы скрипели под могучим напором невидимых сил.

— Они унесут его! — взвыла Валерия, когда тело Конана забилось и задержалось так бешено, что один столб был вырван из земли. Колдун ничего не ответил, но начал петь заклинания срывающимся голосом и чертить в воздухе костлявыми руками магические знаки. Валерия вскочила на ноги и бросилась к Конану, оглашая ночь проклятиями. Пока неистовая девушка боролась с невидимыми силами, рыча как львица, защищающая своего детеныша, Саботай нащупал свою кривую саблю. Затем, прыгнув вперед, он разрубил пустой воздух над пребывающим в беспамятстве киммерийцем и девушкой, которая старалась всеми силами удержать его.

К изумлению Валерии, тело в покрывале тяжело упало и осталось неподвижно лежать на соломенном тюфяке. С моря подул свежий ветер, и призрачные тени, снутившиеся на землю, как хлопья тумана, казалось, уплыли прочь.

— Они улетели, — со вздохом облегчения сказал колдун, не переставая дрожать. — Мое заклинание оказалось сильнее, и они не смогли унести его. — Он взглянул на Валерию глазами, полными жалости.

Утреннее солнце поднималось над морем. Колдун снял погребальное одеяние с Конана. Саботай от удивления раскрыл рот. Валерия хлопнула себя по щекам, чтобы обуздать слезы, ручьем бежавшие из ее утомленных глаз.

Огромный киммериец проснулся, зевнул и потянулся, затем в полном изумлении уставился на свои руки. Раны и кровоподтеки — даже на ладонях — зажили, как будто он и не испытал никаких страданий. Со счастливой улыбкой он держал руки перед лицом, осматривая их со всех сторон. Раны, нанесенные гвоздями, стянулись в маленькие шрамы; уродливо распухшие пальцы приняли свой обычный вид. Он сжимал и разжимал кисти, чтобы убедиться, что они здоровы.

— Колдун, теперь я твой должник, — прогрохотал голос варвара.

Старик, сияя, закивал головой.

Валерия, которая заложила за жизнь Конана свою жизнь, бледная от бессонных тревог, обвила руками киммерийца и расцеловала его со словами:

— Моя любовь крепче смерти. Ни духи, ни демоны, откуда бы они ни были, не смогут разлучить нас! Если я умру, а ты попадешь в опасность, помни, что я приду из бездны, из самых глубин Преисподней, чтобы сражаться вместе с тобой...

Конан улыбнулся и, притянув девушку к себе, страстно ее поцеловал. Валерия, все еще не успокоенная, упорствовала:

— Обещай мне, что ты это будешь помнить! Всегда!

Улыбаясь такому упорству, Конан поцеловал ее снова и ответил:

— Не беспокойся. Я буду помнить...

XII. Ущелья

В то самое время, когда Конан и его друзья в скромной хижине колдуна радовались его счастливому исцелению, в далеком Шадизаре смех нарушал тишину ночи. В самом большом зале дворца Осрик, король Заморы, устроил пир. Тайные агенты донесли ему, что Конан достиг Горы Могущества и проник в самый сокровенный храм. Теперь король с нетерпением ждал скорого возвращения дочери.

На старом короле были мерцающие парчовые одежды, пальцы украшали великолепные кольца. Он гордо

восседал на троне и маленькими глотками пил вино из золотого кубка. В радостном свете свечей, некоторые из которых были столь велики, что достигали роста пятилетнего ребенка, а в объёме — ширины мужских бедер, величаво расхаживали придворные в парадных одеждах. Они пришли во дворец, чтобы возобновить давно остывшую дружбу с монархом. У ног Осрика на алых и темно-красных подушках возлежали девушки-рабыни в широких прозрачных шароварах. Они напоминали о короле-воине прежних лет, когда еще Сет не наполнил землю страхом и ненавистью.

Однако даже в своем тронном зале король не чувствовал себя в безопасности от убийц, которые могли быть подсланы Дуумом. Вот почему по два суровых стражника стояли в каждом портале и у каждого открытого окна, чтобы оградить монарха от бесшумных шагов в ночи.

Осрик оставил непривычный для него шуточный тон, когда главный камергер приблизился к трону. Свет свечей играл на начищенном серебряном жезле камергера.

Король подозвал его:

— В чем дело, Чорос?

— Государь, он снова пришел — Яро, черный жрец Дуума, и просит личной аудиенции вашего величества по важному государственному вопросу.

На лице короля появилась невеселая улыбка.

— Просит, говоришь? Требуется, не иначе. Что ж, отправь его обратно в его конуру и не прерывай моего столь редкого удовольствия.

— Но, государь, — настаивал камергер, — Яро сказал мне, что это касается вашей дочери принцессы Яеймины.

Лицо короля посерело, глаза стали печальными.

— Хорошо. Но пусть его тщательно обыщут, и не пропустите его колец, брошей и других украшений. Эти служители Змеи хитрые и коварные люди, в их руках самый безобидный предмет может стать смертоносным оружием.

Когда камергер с поклоном удалился, Осрик подозвал капитана охраны.

— Очисти комнату. Скажи моим гостям, что меня ждут неотложные государственные дела. Я не хочу сви-

детелей. Оставь только Манеса и Вагоаса, моих самых преданных стражников. Пусть они встанут за колонной и будут готовы сражаться, если черный пес замыслит предательство.

— Да, государь, — ответил капитан.

— А когда они уйдут, вели слугам погасить самые большие свечи. Яркий свет режет мне глаза.

Капитан поклонился и повернулся, чтобы огласить волю короля. Вскоре придворные, стражники и девушки-рабыни удалились из зала. Остались только два воина, которые заняли свои места за двумя массивными колоннами у королевского трона. Когда вынесли свечи, по мраморному полу змеями поползли тени.

Осрик содрогнулся и облизал губы, но продолжал сидеть по-прежнему прямо, пряча свои дурные предчувствия за царственной осанкой. Король осушил кубок вина и, как всегда, отбросил его. Он забыл, однако, что слуга, который должен был поймать его, был выслан из комнаты. Сосуд ударился о мрамор и со звоном покатился к ногам Яро.

Черный жрец бесшумно вошел в приемный покой и медленной, размеренной походкой приближался к трону. Спокойно стоя перед королем, он приложил руки к своей груди и нагнул бритую голову в небрежном кивке. Осрик молча смотрел на него, но в его взгляде сквозили страх и ненависть.

— Государь! — начал жрец.

— Да? — спросил монарх, скрывая бравадой дрожь в голосе. — Ты хотел говорить со мной. По какому поводу?

— По очень важному делу, государь, — ответил Яро, еще на шаг подходя к трону. — Мой господин Тулса Дуум, истинный пророк Вечного Сета, желает оказать честь твоему дому и жениться на твоей дочери принцессе Яоимине.

— Оказать честь моему дому! — пронзительно закричал Осрик. — Оказать честь! Ты злоупотребляешь словами и моим терпением, любезный!

— Государь, женитьба — это почетное установление...

— Чудовище! И ты имеешь наглость прийти сюда и говорить это? — Король дрожащей рукой схватился за бороду. — Твое бесстыдство переходит все границы!

— Я не хотел вас обидеть, — бесстрастно сказал Яро. — Честь, которую Дуум окажет вам, больше, чем вы думаете. Великий Учитель желает, чтобы через этот союз Замора стала истинным королевством Сета и центром все расширяющейся империи.

Дрожа от ярости, Осрик поднялся.

— Довольно! — закричал он. — Пока я король, я никогда не дам согласия на этот чудовищный союз, на эту дьявольскую игру с законами брака. Стража!

Два дюжих телохранителя выступили из тени мраморных колонн. Яро оглядел их. Потом мягким, невыразительным голосом он сказал:

— Вы обещали, что мы будем одни. Вы обещали мне личную аудиенцию, король Осрик!

Смех короля напоминал лай рассерженного пса.

— Ты думаешь, я останусь наедине с человеком, пропитанным ядом Змеи? Я бы не жил так долго, если бы подставлял свою голую ногу под зубы крадущейся гадины.

— О мудрый и могущественный король! — Яро поклонился с фальшивой услужливостью, затем, повернувшись к двум вооруженным людям, он спросил: — Если я попрошу вас, сможете ли вы убить этого изменника дела нашего господина Тулса Дуума?

Словно во сне, двое стражников вынули мечи и приблизились к королю, который, дрожа, стоял на возвышении своего трона.

— Помогите! Убийца! Ко мне, верные стражники...

Осрик кричал напрасно. Его слабые крики не могли проникнуть сквозь тяжелые двери, которые по его приказу были плотно закрыты.

Когда звук тяжелых клинков, вонзившихся в тело, оборвал исступленные крики монарха, Яро повернулся и направился вон из огромного приемного покоя. Два стражника вытерли кровь со своих клинков о платье мертвого короля и последовали за ним.

На берегах внутреннего моря Конан, Валерия и Саботай продолжали наслаждаться гостеприимством колдуна-отшельника. За несколько дней киммериец полностью

восстановил свои прежние силы, и друзья разработали план спасения принцессы Ясиminy. Они должны будут действовать вопреки самозабвенному обожанию девушки Дуума.

Однажды поздно вечером, когда они сидели у огня в ветхой хижине, Конан сказал:

— Старик рассказал мне, что в Горе Могуущества есть целая сеть комнат: одни из них — естественные пещеры, другие сделаны теми, кто строил этот храм-укрытие Дуума. Я видел несколько этих комнат, когда проник туда под видом паломника.

Валерия возразила:

— Ты попробовал войти в дверь, открытую для верующих, и чуть не погиб. Нам придется идти этим же путем, иначе как мы попадем туда?

— Есть потайной ход, — пробормотал Конан. — За горой поток вымыл глубокое и узкое ущелье. Значительно выше ущелья есть неохраемый вход. Старик говорит, что никто, кроме него, не знает об этом.

— Ты хочешь сказать, — заметил Саботай, — что хороший вор может пройти по ущелью, украсть девчонку и ускользнуть, пока никто ее не хватился?

— Откуда колдун знает об этом входе? — подозрительно спросила Валерия.

— Старый колдун прожил здесь всю свою жизнь, — отозвался Конан. — Он излазил гору вдоль и поперек, до того как Дуум пришел в эти места.

Саботай, ковыряя палочкой в зубах, добавил:

— Какие глубины Преисподней извергли Дуума?

— Те же самые, в которые, да поможет мне Кром, я отправлю его!

Глаза киммерийца загорелись вулканически-синим пламенем, а рука сжала рукоять воображаемого меча.

Валерия внимательно посмотрела на Конана. Не в силах постичь кровавое выражение его лица, она сказала:

— Мы приехали сюда только с одной целью — доставить девчонку Ясимины к ее отцу и получить королевские дары. Время для мести наступит позже. Когда мы получим обещанные Осриком богатства, то сможем нанять убийц или собрать целые армии для осады этой крепости.

Саботай согласно кивнул. Конан сидел молча. Он задумчиво водил большим пальцем по кромке своего острого меча. Валерия замолчала.

На рассвете следующего дня друзья расстались с колдуном. Ветер рвал гривы коней. Валерия скакала галопом, и ее белокурые волосы плыли за ней, подхваченные потоком воздуха. Саботай несколько замешкался, прикрепляя свой лук и колчан, полный острых стрел, потом и он последовал за Валерией. Конан уезжал последним. Он хотел попрощаться с колдуном, который угрюмо сидел у порога своего теперь опустевшего жилища.

Погруженный в молитвы или раздумья, колдун потирал свои узловатые руки. Казалось, что он не замечает приближения киммерийца. Его глаза все так же смотрели в одну точку, даже когда Конан заговорил.

— Пожелай мне удачи, старик, — сказал варвар, — сегодня мы отдаемся в руки беспечных богов.

Конан не был уверен, что старик слышит его. Он помахал ему, повернул своего жеребца и помчался галопом за остальными. Мудрый старик смотрел вслед Конану до тех пор, пока всадник и лошадь не растаяли в тумане моря Вилайет, и слезы струились по его щекам.

Трое искателей приключений пересекли равнину и поехали по незаметной тропинке, которая огибала Гору Могущества. Они двигались очень осторожно, чтобы их не заметили стражники, расставленные на высотах, пока не добрались до подножия горы, к тому месту, где поток вымыл глубокое ущелье. Впереди, на невероятной высоте, в отвесной скале зиял проход. Зажатый между каменными стенами, весенний поток пенился и падал маленьким водопадом с горы. Он спешил, бурлил на камнях и, наконец, вливался в тихие заводи между скалами.

Там, где низкорослые деревья цеплялись за скудную землю, трое всадников спешили и привязали лошадей. Саботай вытащил из своего мешка какие-то странные предметы, которые он смастерил вместе со стариком. Это были просмоленные мешочки из козьей кожи. Пока мужчины надували и туго завязывали эти неуклюжие

пузыри, Валерия смешивала минеральное масло и угольный порошок, пока не получилась густая смесь. Затем все трое сняли одежду и обмазались смесью так, чтобы создать иллюзию игры теней на земле, а к голове привязали маленькие зеленые веточки. Теперь случайный наблюдатель увидел бы куст, а не человеческую фигуру.

В сером свете хмурого дня быстрый поток казался опасным и холодным, как лед. Но у них не было иного способа проникнуть в цитадель Сета. Привязав к спинам оружие, завернутое в темные тряпки, и пристегнув надувные мешки, они бросились в поток.

Они взбирались на выступающие скалы, чтобы отдохнуть от изнурительной борьбы с холодной водой. Нелегким оказался их путь. Доплыв до места, где вода падала с бешеной скоростью, Конан сумел уцепиться за выступающую скалу и вскарабкаться на крутой берег. За ним вылезли из воды Валерия и Саботай. Закоченевшие от холодного ветра, они начали подниматься вверх по грубым ступенькам ужасных скал.

Внизу редела падающая вода, и казалось, что каменные стены сомкнулись над ними, совсем заслонив бледный свет угасающего дня. Во время короткой передышки у громадного валуна они увидели высоко наверху мерцание огня у входа в пещеру. Вход оказался расселиной в скалистой стене, высокой и узкой, как бойница крепости.

Сквозь рев водопада был слышен медленный и монотонный ритм барабанов. По мере того как друзья продолжали свой опасный подъем, низкий и размеренный барабанный бой нарастал, настойчиво и неумолимо. Конан прошептал девушке, которая карабкалась за ним:

— Звучит так, как будто этот дьявол Дуум собирается приветствовать своих непроходимых идиотов. Если бы я только мог добраться до него...

Валерия почувствовала, что ужас, куда более холодный, чем пронизывающий ветер, леденит ее сердце. Она смогла только еле слышно выдавить из себя:

— Только девушку, Конан. Мы пришли только за ней.

Киммериец небрежно кивнул и снова полез вверх. Невидимые, как тени в сумерках, они наконец добрались до входа в пещеру и заглянули внутрь. Тихо, как призраки на кладбище, Конан и Валерия вжались в маленькую выемку в стене пещеры, а Саботай на цыпочках пошел дальше на свет огня...

Барабаны внезапно замолчали. Конан и Валерия, скрывавшиеся в углублении скалы, услышали какофонию слабых звуков: писк голодных крыс, медленные удары воды о камень и завывание ветра у входа в пещеру.

Саботай наконец-то вернулся и возбужденно помахал им, и тогда они очень медленно двинулись вперед, стараясь не задеть ни одного камешка, чтобы не выдать себя.

— Слышите! — прохрипел Конан, внезапно останавливаясь. — Опять барабаны...

Где-то над потолком узкой пещеры они услышали фанатичный барабанный бой, громкий и нетерпеливый. Бешеный ритм сопровождался исступленным пением сотни молодых голосов. Под прикрытием этого непрекращающегося безумного шума трое дошли до более широкой пещеры, откуда и исходил свет огня.

Множество факелов освещало картину самой Преисподней. Языки пламени окрашивали каменный потолок высоко над их головами в желтый, оранжевый и красный цвета. И в этом неземном свете перед ними открылась огромная пещера, просторная, словно храм. Точно так же как в храме, ее сводчатый потолок поддерживали известняковые колонны.

— Стража! — прошипел Саботай, дотрагиваясь до руки Конана.

В мерцании огня воры увидели фигуру вооруженного человека, и по знаку Конана они отступили в тень, пытаясь найти место, где можно было бы спрятаться. Там, в полутьме, среди неровных теней, их разрисованные тела были невидимы. Они приготовились к действию. Гирканец вынул из чехла лук и привычным движением натянул тетиву. Конан высвободил из тряпок свой меч, а Валерия обнажила длинный нож. Они знали, что очень скоро им понадобится все их воинское искусство.

XIII. Пещера

Конан осторожно смотрел из своего укрытия на прыгающие огни и здоровенных охранников, одетых в железо и кожу. Он облизал губы, по-прежнему оставаясь неподвижным, как будто ожидал какого-то сигнала, чтобы ринуться в битву с этими скотами, потому что, казалось, не было иного способа проникнуть в пещеру, кроме как силой.

Саботай выглядел не слишком счастливо. Вору были не по душе занятия, в которых он не может применить свое искусство, а в прямом открытом бою нельзя проявить ни один из воровских талантов, которыми он так гордился. Наконец он прошептал:

— Киммериец, ты думаешь, мы должны пробивать себе дорогу? Я не трус, это даже Эрлику известно, но было бы глупо лезть на рожон с такими ничтожными шансами на успех, если втихомолку, действуя с известным умением, мы сможем добиться цели.

Валерия согласно кивнула головой:

— Они стоят спиной к нам. Это дает нам некоторое преимущество.

Конан уступил:

— Они ничего не знают о входе из ущелья, если старый колдун сказал правду.

— До сих пор он был прав, — ответила Валерия.

Конан буркнул что-то нечленораздельное. Молодой киммериец настроился на бой. Кровь его кипела, и он стремился отплатить своим врагам за мучения, которые ему пришлось перенести. Все же он понимал, что если их присутствие откроется слишком рано, то они потеряют все преимущества, которые дает внезапное нападение.

Саботай, чьи острые глаза изучали окрестность, возбужденно прошептал:

— Посмотрите туда, налево! Видите те группы скальных колонн, стоящих отдельно от стены пещеры? Они будут хорошим прикрытием для нас, если мы сумеем вскарабкаться туда без лишнего шума.

— Там узко, — возразила Валерия. — Мы с тобой сможем пройти там, а Конан вряд ли.

Конан усмехнулся.

— Я не прочь оставить там немного кожи, если это нужно, — ответил он. — По крайней мере, избавлюсь от тошнотворной грязи на спине.

Следуя за Саботаем, они пробирались вдоль стены пещеры. Сталагмиты, напоминающие огромные зубы, скрывали друзей. Каменистая тропа вела вверх, так что, когда они остановились, чтобы посмотреть через пролом в стене, оказалось, что они стоят над самым центром пещеры.

В центре пещеры они увидели огромный котел на четырех массивных столбах из черного камня. Сам котел так же был сделан из чего-то, издали напоминавшего камень. Из-под него с ревом вырывались языки пламени, лижущие дымный воздух.

Вокруг котла сустились взмокшие от пота человеко-звери, подкладывая дрова в костер под этой громадной кастрюлей. Такие же покрытые шерстью существа возились с каким-то хитроумным приспособлением, перемешивающим содержимое котла. Густой пар столбом поднимался вверх. В кипящей воде уже плавали большие куски варившегося мяса, а обезьяноподобные мясники разрубали все новые туши, чтобы добавить их к своему пахучему вареву. За этой кухней располагалась большая столовая со столами на козлах и скамьями из бревен.

Вдруг судорога свела мышцы троих лазучиков, и они замерли, не в силах поверить своим глазам. У края котла они увидели подвешенные на крюках, наполовину скрытые паром и мерцающими отблесками костра человеческие тела, которые вытянулись и стали бескровными, подобно кускам говядины или ошипанной птице. По тонкой, почти прозрачной коже мертвенно-бледных лиц, по неподвижным конечностям было ясно, что эти жертвы когда-то были паломниками к Горе Могущества и служили змеиному божеству. Пока смельчаки с ужасом следили за происходящим, два человеко-зверя большими ножами раскромсали еще одно тело и, быстро поднявшись к краю котла, бросили куски в кипящую жидкость.

Валерия побледнела и уткнулась лицом в плечо Конана. Киммериец молча выругался. Саботая стошнило. К счастью, ритмичный бой барабанов усилился и заглушил изобличающие их звуки. По мере того как шум нарастал,

внимание лазутчиков переключилось на бешеную барабанную дробь, наполнявшую пещеру гулким эхом. Барабаны были огромны, как котел; их туго натянутая на каркасы кожа вибрировала не под ударами рук или колотушек, а под ногами прыгающих по ним уродливых, слабеющих существ.

Танцующие фигуры, или по природе своей обросшие шерстью, как звери, или закутанные в шкуры диких животных, были очень странного сложения. Тени, которые они отбрасывали в тусклом свете пламени, были похожи на демонов из самых глубинных кругов Преисподней.

— Что это за люди? Или они дьяволы? — с сомнением прошептал Саботай.

Конан только пожал плечами, вспомнив неуклюжих человекоподобных стражников, мимо которых ему пришлось пройти по дороге в храм.

Перешептывания лазутчиков были заглушены бряцанием оружия. И только они успели отпрянуть назад, во мрак, как отряд обросших шерстью существ в одежде стражников строем вошел в столовую. Все сняли шлемы и уселись обедать. Вскоре к ним присоединилась беспорядочная толпа опоздавших, и их ворчание еще более усилило общий шум.

Конан сделал резкий, не допускающий возражений жест, чтобы поторопить своих товарищей. Двигаясь с крайней осторожностью, они обошли пенящийся котел со страшным варевом и очутились у другой части пещеры, которую эти человеко-звери приспособили для жилья. Здесь женщины и дети чудовищ, такие же безобразные, как и их мужчины, занимались домашним хозяйством.

— Тролли! — произнес Саботай с широко раскрытыми глазами. — О них мой народ рассказывает легенды.

Валерия несогласно покачала головой:

— Нет, это потомки древнего народа, который жил в пещерах с незапамятных времен.

— Как же они смогли опуститься до уровня зверей? — задумчиво произнес маленький гирканец.

Валерия ответила:

— Как я слышала, они — совсем другое дело. Они не люди, превратившиеся в животных, а животные,

которые почти стали людьми. Мои родичи говорили, что много, много лет тому назад на земле было две ветви человеческого рода: наши предки и эти — обитающие во тьме. Мои предки называли их так потому, что эти человеко-звери не переносят дневного света и предпочитают устраивать свои жилища в подземных пещерах. Пока люди распространялись по земле в поисках света и плодородных земель, эти, живущие в тени, все глубже зарывались в землю.

— И питались человеческим мясом, — с отвращением добавил Саботай.

Валерия кивнула:

— Этот Дуум, должно быть, разводит их здесь в своих собственных отвратительных целях. Он кормит их телами своих почитателей или телами тех, кого убивают его ученики.

Конан вспыхнул:

— Так вот как змеиный пророк оберегает своих бездумных детей — армией животных-каннибалов, чьи желудки наполняются дураками, которые пошли за ним.

— Или теми, кто не захотел идти за ним дальше, — произнес Саботай.

За жилищами обезьяноподобных людей пещера кончилась, и Конан, Саботай и Валерия оказались у висячего моста, сделанного из связанных ремнями жердей, натянутых между двумя огромными колоннами. Этот узкий мост протянулся через широкую и очень глубокую расщелину, которая разверзлась внутри горы в незапамятные времена в результате землетрясения. За этим препятствием они различили роскошный рукотворный портал, из которого исходил загадочный переливающийся свет. Не заметив поблизости охраны, они рискнули проникнуть внутрь. Впереди всех, держа стрелу наготове, шагал Саботай.

Вдруг на дальнем конце моста появился полузверинный детеныш. По его росту — около четырех футов и мускулистой коренастой фигуре можно было судить о его недюжинной силе. Вытащив из-за пояса топорик, он сердито делал какие-то жесты руками и дико рычал,

как настоящий зверь. Потом существо двинулось прямо на них.

— Они не умеют говорить, — догадался Конан, приготапливаясь защищать себя и девушку, идущую следом.

Слова киммерийца послужили сигналом. Тут же прозвенела тетива, и детеныш замер, пронзенный стрелой. Он взвизгнул, пошатнулся и упал в пропасть. Саботай вздохнул:

— Он был еще ребенком.

— Да, но он должен был вырасти, — ответила Валерия. — Пошли вперед.

Они поспешили пройти через неохраняемый портал, откуда изливалось зеленоватое свечение, и очутились в узком коридоре, в каких обычно слуги ждут приказаний своих хозяев. Здесь не было никого, кто мог бы помешать им; и все-таки они двигались очень осторожно, прижимаясь к стене и стараясь держаться в тени.

— Это, наверное, проход для охранников Тулса Дуума, — прошептал Конан, — и тех, кто обслуживает лежковерных глупцов.

Саботай кивнул.

— А поскольку все они слуги Змеи, Дуум решил, что нет надобности оставлять здесь часовых.

— Все равно, надо быть осторожными, — сказала Валерия. — Мы не знаем, что ждет нас впереди.

Очень тихо они прошли вдоль коридора и поднялись по вырубленной в скале лестнице. Здесь было чему удивиться. Они оказались на пороге зала, задрапированного прозрачной материей. Весь этот павильон был наполнен зеленым светом. Наполовину скрытые легчайшими занавесями, как вечерним туманом, незванные гости в изумлении оглядывали внутренний сад с диковинными деревьями и клумбами цветов самых нежных оттенков. Пол из полированного темно-голубого мрамора светился, как поверхность спокойного озера, а из серебряных сосудов тонкими вьющимися струйками дыма кверху поднимался фимиам. Перекрывая шум барабанов, звучала песня флейты, подобная песне соловья, зачаровывая все вокруг.

В эфирном сиянии этого сказочного мира осторожно крались три человека, скользя от куста к кусту, как невесомые тени. За драпировкой павильона они увидели несколько десятков юношей и девушек, нагих или одетых в воздушный газ. Некоторые спали, другие вяло занимались любовью; были и такие, кто сидел, замерев в экстазе, опираясь спинами о стройные колонны из малахита, на которых висели занавеси, огораживающие этот райский уголок.

Молодые люди здесь двигались так медленно, если двигались вообще, что Конан, взглянув на своих товарищей, одними губами произнес:

— Они одурманены!

Вскоре острые глаза Саботая заметили сначала одного стражника, затем другого. Их человекообразные волосатые туши по-свински растянулись между теми, кого они охраняли. Стражники спали. Даже леопарды, цепями прикованные к колоннам, находились под действием паров наркотика, которые заполняли зал. Они лежали с закрытыми глазами, в полузабытьи положив головы между лапами.

Вдруг Валерия коснулась руки Конана и глазами указала ему в сторону. Конан узнал своего старого врага. Тулса Дуум сидел в алькове в состоянии полного транса, его руки и ноги были скрещены, голова опущена. Он вдыхал струйки дурманящего пара, поднимающегося из чаши на жаровне.

Перед ним на коленях стояла принцесса Шадизара Ясими́на. Ее прозрачные одежды спали с плеч, открыв изящные выпуклости высокой груди. Две служанки пели странную песнь на непонятном языке, а принцесса, потонув в сладострастном забвении, медленно раскачивалась и водила руками вверх и вниз по крутым бедрам. Ее голова была откинута назад, глаза полузакрыты, иногда она проводила по губам кончиком языка.

Дуум вяло поднял голову и, любуясь, остановил глаза на прекрасной девушке.

— Принцесса? — прошептала Валерия. Конан кивнул. Его голубые глаза пылали злобой и отвращением.

— Так это и есть Рай Сета! — заметил Саботай. — Этот пророк мог бы обратить меня в свою веру, ес-

ли бы его женщины были столь же пылки, как и желанны.

Валерия холодно взглянула на него. Затем, обратившись к Конану, она выдохнула:

— Что теперь?

Но Конан не ответил.

— Если мы немного подождем, — вставил Саботай, — они все заснут. И тогда... А ты что скажешь, киммериец?

Две пары глаз смотрели в лицо Конану в ожидании ответа, но его внимание было приковано к стене алькова, где Дуум и Ясимины забылись в наркотическом сне. От изумления Валерия разинула рот. Она никогда прежде не видела у Конана такого выражения лица: ненависть и животная свирепость овладели им, и вместе с тем здесь была глубокая сердечная боль, слишком глубокая для того, чтобы заплакать.

Валерия и Саботай, проследив за взглядом Конана, остановили свои недоуменные взгляды на нефритово-зеленой стене за спиной Дуума. Там, на двух серебряных колышках, висел тяжелый меч. Гарда его была выкована в виде оленьих рогов, а рукоятке придана форма лосяного копыта. Длинный клинок был превосходно сработан, и его полированная поверхность блестела в мутном зеленоватом свете, как зеркало.

Этот меч — настоящий шедевр из стали древних атлантов — был выкован отцом Конана.

XIV. Похищение

Молодой киммериец, забыв об осторожности, выступил вперед. Все его помыслы были теперь сосредоточены на одном желании — вернуть отцовский меч. Валерия и Саботай, презрев опасность, открыто последовали за Конаном. Когда три фигуры с оружием наготове отрезали себе все пути к отступлению из алькова, Тулса Дуум неожиданно вышел из оцепенения. Его глаза сузились, когда он увидел три решительных лица и три обнаженных клинка всего в нескольких метрах от себя. Злоба, куда более страшная, чем та, что когда-либо приходилось видеть двум гладиаторам, исказила его лицо. Эта дикая,

безумная ненависть во взгляде Дуума на мгновение ско-
вала их.

Валерия, вонзив ногти в руку Конана, держащую меч,
прошептала:

— Смотри!

Саботай вобрал в себя воздух и выругался по-гиркан-
ски. Один из леопардов, привязанных цепью к колонне,
открыл свои золотистые кошачьи глаза и, наострив уши,
молча наблюдал. Конан застыл в оцепенении.

А тем временем с грациозным телом Дуума происхо-
дили какие-то странные метаморфозы. По его шее про-
бежала судорога, и шея удлинилась. Нижняя часть лица
выдвинулась вперед, а челюсти растянулись. Орлиный
нос сжался и совсем исчез, а лоб сплюснулся назад. На
его аскетическом лице появились узкие черные линии,
похожие на дорожки, которые остаются весной на льду
реки. Эти линии перекрещивались, образовывали толстые
сходящиеся полосы. Губы Дуума сделались тонкими и
исчезли вовсе, а сонные глаза округлились, зрачки пре-
вратились в щелки в красном обрамлении, веки пропа-
ли совсем. Темно-красный раздвоенный язык высунулся
из теперь уже змеиной пасти Дуума и, тронув воздух,
скрылся.

— Кром! — пробормотал Конан.

Змеиная голова и шея Дуума извивались, словно у
кобры, которая танцует в корзине под звуки дудочки ук-
ротителя или вторит движениям его тела.

Саботай первым обрел дар речи.

— Мы должны выжечь это змеиное гнездо! — про-
шептал он.

Конан кивнул:

— Подобная мерзость должна быть уничтожена только
огнем.

— Однако после того как мы достанем принцессу, —
выдохнула Валерия.

— И клинок моего отца, — добавил Конан.

Со скоростью прыгающей пумы киммериец достиг
алькова, проскочил мимо извивающейся змеиной головы
и снял со стены огромный меч. В то же мгновение Ва-
лерия наклонилась над стоящей на коленях привержен-
ницей Сета.

— Иди сюда, — прошептала Валерия.

Принцесса Ясими́на посмотрела на женщину-воина, излучавшую необыкновенную силу и решимость, и закричала.

— Вставай, — приказала Валерия. Когда же на смерть перепуганная девушка отказалась повиноваться, она схватила ее за длинные волосы и бросила к своим ногам.

Ошеломленная принцесса лишь слабо сопротивлялась, и Валерии пришлось схватить ее за руку и протащить через комнату, в которой пресытившиеся любовники и жрецы лежали в наркотической дремоте бесстрастного самопогружения рядом со своими стражниками.

Когда Валерии удалось вытащить упирающуюся принцессу из алькова, Конан и Саботай поднесли свечи к ниспадающим занавескам, так уютно обрамлявшим место отдыха Тулса Дуума. Служительницы Сета, разбуженные едким запахом горячей ткани, бросились к центральному павильону, но и там они не нашли убежища.

Прикрывая отступление Валерии, Конан и Саботай задержались ровно настолько, чтобы успеть поджечь сначала одну газовую драпировку, затем вторую и третью. Между тем последователи Змеи постепенно просыпались. Они кашляли и терли глаза, изъеденные дымом. Очнувшись и увидев, что везде вокруг них горят занавеси, они, пронзительно крича от ужаса, попытались спастись через выход в дальнем конце комнаты.

Звероподобный стражник тем временем загородил незванным гостям проход. Раздался звон клинков, и получеловек упал, рассеченный почти пополам мечом Конана. Саботай сунул факел в лицо юноши в тюрбане, который подступил было к нему с оружием. Визжа, тот схватился за голову и отступил.

Достигнув потайных ступенек, киммериец оглянулся и поискал глазами в пылающей комнате Тулса Дуума, думая увидеть его мертвым. Но его надежде не суждено было осуществиться. Занавеси больше не тлели, дым рассеялся, а колдун, который, по-видимому, был не кем иным, как самим змеиным Богом, исчез.

Около узкой лестницы, по которой они проникли внутрь, среди всеобщего хаоса стояла Валерия. У ее ног лежала обезумевшая от страха, дрожащая Ясими́на, испуганные глаза которой искали возможность высвободиться.

Вдруг еле заметная улыбка появилась на ее сомкнутых губах и, словно язычок пламени, осветив ее лицо, исчезла. Для Валерии, с ее гладиаторским опытом, это было сигналом опасности. Прислушавшись, она услышала легкое поскрипывание ступенек. Этот звук был еле различим в исступленном бое барабанов, который доносился из нижней пещеры, во множестве панических криков в когда-то прелестном, сказочном уголке, созданном для любовников и их возлюбленных. Валерия обернулась и увидела перед собой огромного воина в железных доспехах. Он был немолод, от лица его веяло холодом смерти, мускулы руки, державшей меч, казались стальными. Воина сопровождали четыре мохнатых стражника с деревянными дубинами. Дикая ненависть горела в их глазах.

— Рексор! — позвала принцесса Ясими́на. — Рексор, спаси меня! Спаси меня для нашего Учителя, который любит меня!

Бросив принцессу на пол, Валерия пригнулась, чтобы избежать удара дубины стражника. Затем она молниеносно выпрямилась и нанесла удар, ее кривая сабля свистнула в воздухе, неся смерть на острие. Стражник пошатнулся и схватился за горло. Кровь сочилась между его волосатых пальцев.

Отскакивая, нагибаясь и увертываясь, Валерия кружилась перед стражниками, избегая ударов дубин, которые раздавили бы ее, как насекомое. Один из стражников, рыча, пошел на нее, но девушка опередила его, вонзив нож между кожаными пластинками его грубых доспехов. Получеловек заревел от боли, схватился за рану и рухнул. Окровавленный клинок Валерии настиг еще одного стражника, ранив его в шею, но он, дико вой, снова бросился на нее. Валерия отскочила, ожидая нового нападения, чтобы отправить стражника в центр комнаты, прямо в объятия пылающих занавесей.

Рексор и оставшиеся в живых стражники оттеснили девушку в угол. Валерия знала, что зажата в тиски, и

Теперь ей потребуются быстрота реакции и скорость, которые всегда были основой ее успеха. Как раз в это мгновение Конан, словно дикий зверь, проскочил между пылающими полотнищами ткани. В его руках был огромный отцовский меч. Человек-животное обернулся, но тяжелый меч Конана разрубил его доспехи и отсек голову.

Валерия двинулась на первого помощника Дуума, но Конан прорычал:

— Принцесса уходит! Поймай ее! Оставь Рексора мне!

Когда великан взглянул на киммерийца, его глаза загорелись красным огнем от гнева и удивления. Он оставил избитого Конана висеть на Дереве Скорби, однако он был здесь — цел и невредим. Но у Рексора не было времени осознать это чудо. Огромный меч Конана уже был занесен для сокрушительного удара.

Два клинка скрестились в яростной схватке. Не выдержав натиска стали атлантов, клинок Рексора упал на мраморный пол. Рексор тут же метнул рукоять в голову Конана, но тот уклонился от удара. Тогда защитник Культа прыгнул и железным кольцом своих рук зажал своего мощного противника.

Конан отбросил отцовский меч. Он был бесполезен в таком близком бою. Два гиганта закружились по пылающей комнате. Они не обращали никакого внимания на дым и языки пламени, их мощные мускулы были напряжены, а воля нестигаема. Они царапали, сжимали и били друг друга, пока Рексору не удалось схватить Конана за горло. Его мощные пальцы, словно железные зубы, врезались в шею киммерийца. Борясь за воздух, Конан отогнул один палец своего противника и сгибал его, пока не треснула кость. С проклятиями, в боли и ярости Рексор ослабил хватку и с силой швырнул юношу к центральной колонне. Полуоглушенный, Конан, опираясь о малахитовую колонну, попытался подняться на ноги, но Рексор уже потянулся за огромным мечом, много лет назад выкованным отцом киммерийца. Исход боя решил один из леопардов. Обезумев от огня и дыма, он разорвал цепь, которой был привязан к колонне, бросился на спину Рексора и повалил его, тщетно пытающегося защититься от когтей

и клыков зверя. В конце концов он, визжа, повалился на пол, а грациозная кошка, звеня о мрамор своей порванной цепью, помчалась дальше.

Конан в мгновение ока встал на ноги. Распростертый Рексор лежал в луже крови, а рядом с его рукой, бьющейся в судорогах, находился огромный меч. Подняв оружие, в густом дыму киммериец бросился искать Валерию и принцессу. Он увидел их около обгорелых занавесей, где Валерия изо всех сил пыталась удержать свою бьющуюся пленницу.

Конан двинулся было к ним, но зловещий скрежет над его головой заставил его осмотреться. Это начали разрушаться своды павильона, по которым языки пламени бегали, словно светящиеся мыши. Одна балка падала за другой; потрескалась и начала осыпаться каменная колонна, поддерживающая потолок.

Не задерживаясь более ни на мгновение, Конан поспешил на помощь Валерии. Ясимины яростно сопротивлялась, желая ускользнуть, так что, несмотря на выдержку и волю, силы начали оставлять Валерию. В тот самый момент, когда Конан наконец добрался до своей усталой подруги, в опустевшей комнате раздался гул обвала. Малахитовая колонна пошатнулась и упала, прижав Рексора, а съжившаяся ткань, обгоревшие балки и щебенка почти полностью завалили его.

Величественная картина разрушения фантастического сооружения и безумный грохот отвлекли Валерию. Ясимины удалось высвободить руку, и она бросилась прочь. Киммериец в несколько прыжков догнал ее и подхватил на руки, но обезумевшая девушка с проклятиями впиалась ногтями в его лицо.

Не желая более встречаться со стражниками и подвергаться новой опасности, Конан отбросил кодекс варварской галантности и жестко ударил принцессу по щеке. Ошеломленная, девушка затихла и больше не сопротивлялась. Киммериец перекинул ее грациозное тело через плечо и побежал к выходу. Валерия следовала за ним по пятам.

Они промчались по залу, обогнув дымящиеся груды камней и испуганные группы поклонников Змеи, которые запоздало искали спасения от дыма в дальних

коридорах цитадели их поведителя. Конан и Валерия нашли Саботая недалеко от лестницы, по которой они попали сюда. Гирканец спрятался за каменную вазу и держал стрелу наготове на тот случай, если еще один обезьяночеловек попытается проникнуть в этот еще недавно прелестный сад, превратившийся теперь в обгоревшие развалины.

Друзья выбрались из едкого дыма, и Саботай крикнул:

— Сюда, пока огонь не отрезал нас!

Сбежав по узким ступенькам, они вновь оказались в широкой пещере, где жили семьи обезьяноподобных стражников Тулса Дуума. Они промчались по мосту и только было спрятались за валуном, как мимо них пробежала группа стражников, призванных потушить пожар. Растворившись в темноте, Валерия и Саботай провели киммерийца с его потерявшей сознание пленницей на плече по узкому проходу между скалами к пещере, через которую они проникли в цитадель Дуума. Все это время барабаны неутомимо отбивали свой леденящий душу ритм:

— Дуум! Дуум! Дуум!

За ними, там, где когда-то был павильон наслаждения, огонь утих, и общий хаос постепенно прекратился. Те, кто старался укротить огонь, опаленные и измученные, отступили и стояли, виновато понуриив головы, когда Тулса Дуум показался из внутренних покоев своей горы-крепости. Он был облачен в воинские доспехи, голова имела привычный вид, а глаза пылали яростью. Предводитель звероподобных стражников выступил вперед, приветствуя его.

— Слава Сету, ты жив, Господин! — прокричал он. — Мы знали, что наш бог уберет тебя!

Глава Культа слегка кивнул, и злость исказила его узкоглазое мертвенно-бледное лицо.

— Где жрица Ясимины? Почему она не приветствует меня?

Груда камней зашевелилась, раздалось приглушенное рычание. По приказу Дуума стражники растащили

обломки балок и дымящиеся остатки роскошной мебели. Услужливые руки помогли Рексору подняться. Окровавленный и сильно помятый, он предстал перед главой Культа.

Гнев Дуума вспыхнул с новой силой.

— Знаешь ли ты, где принцесса?

— Человек, которого ты распял, и другие — они убили трех стражников, изранили меня и унесли ее, когда я был беспомощен.

— Предатели! Убийцы! Прислужники смерти! — зашипел глава Культа. — Они осквернили мое святилище; разрушили место нашего отдыха. Они должны захлебнуться в собственной крови. Найди их, верный Рексор, и доставь сюда живыми или мертвыми! Иди!

Рексор поклонился и поплелся прочь. Полуживотные последовали за ним и скрылись в густом дыму, который поднимался над догорающими углями.

Конан и его друзья стремительно пересекли пещеру. Бешеный бой барабанов заглушал их шаги. Они не останавливались посмотреть на кипящий котел с его жутким содержимым, не обратили внимания на пировавших у огня звероподобных существ. Каждый из них молился своим богам о том, чтобы сталагмиты помогли им укрыться от случайного взгляда обитателей пещеры.

И вот свершилось чудо, показался кусочек звездного неба. Конан вздохнул с облегчением, когда они, протиснувшись в ущелье, очутились на том самом месте, откуда проникли в Гору Могуущества. Рядом мирно нес свои воды все тот же водопад. Исступленный барабанный бой внутри пещеры сменился приветливым рокотом воды.

XV. Смерть

Чистый ночной воздух ласкал измученных, утомленных спасителей и спасенную. Легкий ветерок нежно, как пальцы возлюбленного, трепал длинные волосы принцессы Ясимины, и девушка шевельнулась на широком плече киммерийца.

— Если нам немного повезет, — тяжело дышал Саботай, — мы сможем смыться подальше от этого проклятого места прежде, чем они обнаружат нас.

Валерия прошептала:

— Я думаю, они потеряли нас в темноте и ищут какой-нибудь другой проход.

Конан мрачно тряхнул черной шевелюрой:

— Я слышу, как в пещере звенит их оружие. Мы должны торопиться.

Он передвинул Ясимиину; при этом руки ее, словно плети, обвили Конану шею.

— Валерия, свяжи ей запястья; чтобы спускаться вниз по скалам, мне понадобятся обе руки.

Отважная красавица развязала пояс и стянула им повисшие руки принцессы, недовольно бормоча:

— Если эта девка соскользнет с твоей спины, то задушит тебя.

Конан усмехнулся:

— Ну нет! Эта привилегия останется только за тобой.

Итак, согнувшись под ношей, он ухватился за кусок скалы и нащупал ближайший валун — ступень лестницы, ведущей к безопасности.

Как только варвар начал осторожно спускаться, Ясимиина полностью пришла в себя. Ее сны, улетевшие вместе с запахом дурманящего дыма, уступили место кошмару реальности. Водопад, казалось, чуть не поглотил ее. Бездонная черная пропасть разверзлась под ней, и грязный, воюющий гигант уносил ее прямо туда. А выше виднелись силуэты мужчины с натянутым луком и женщины-воина, крепко сжимающей в руке кинжал.

Ясимиина закричала, и этот резкий крик разорвал тишину ночи.

Конан крепко выругал Осрика и всю его семью, а потом жестко прибавил:

— Заткнись, если не хочешь умереть.

Но принцесса, обезумев от ужаса, истерически завизжала:

— Господин, господин, спаси меня! О Дуум, спаси меня!

Конан, едва балансируя на прямоугольном куске скалы, ударил принцессу по лицу, прильнувшему к его

шее. Ошарашенная девушка замолчала. Но было слишком поздно.

На вершине горы загорелись сторожевые костры. Лица вглядывались в темную пустоту. Какие-то предметы со свистом пронеслись мимо Конана и канули в темноту. Он не мог сказать, были это стрелы, копья или просто камни. Что-то сильно ударило его в плечо, и Конан скрипнул зубами от боли. Вынужденный увеличить скорость, Конан наконец спустился и, укрывшись за чахлым деревцем, стал оглядываться в поисках своих товарищей.

Проворная, как горная серна, Валерия спускалась вниз по каменной лестнице. Саботай был еще довольно высоко, он целился в кого-то, находящегося выше. Как заметил Конан, стрела вспорхнула вверх, описала дугу и во что-то вонзилась. Издав ужасный рев, пещерный человек пошатнулся и полетел прямо в сигнальный костер.

Вторая стрела отправилась вслед за первой, и новый стражник, стоявший на краю обрыва, схватился за пронзенную грудь. С диким визгом он свалился в ущелье, стремительно падая в каменную глотку, и пропал в водопаде, прежде чем затихло эхо его крика.

Как раз в это время первые охранники Дуума, как увидел Конан, начали протискиваться через узкий проход в горе, чтобы войти в ущелье. Смущенные жутким криком, усиленным эхом, они некоторое время топтались на уступе и тупо озирались по сторонам, пытаясь установить, откуда исходит этот странный звук. Их нерешительность дала Саботаю время, чтобы прыгнуть с уступа и спрятаться за глыбами, найоминавшими ступени лестницы. А чуть позже, когда мохнатые страшилища вернулись в пещеру, чтобы сообщить о случившемся, гирканец почти кубарем скатился вниз и присоединился к своим друзьям. Дальше склоны горы стали более пологими и ровными.

— Чтобы Эрлик сварил их всех в масле! — проворчал Саботай, осматривая стертую кожу на костяшках пальцев и расцарапанные ладони. — Я подумал было, что мне конец.

— Нужно найти наших лошадей, пока эти дьяволы не подняли тревогу, — сказала Валерия. — Мы переходили речку где-то здесь.

Они стали вглядываться в темноту, стараясь найти кожаные мешки, наполненные воздухом, на которых друзья переправились через эту быструю горную речку.

Но между острыми обломками скал и валунами было так много щелей и темных углов, куда свет не мог проникнуть, что пришлось отказаться от бесплодных поисков.

— Пойдем вдоль берега, пока не выйдем на равнину, — сказал Конан. Он поднял Ясими́ну и снова положил ее на левое плечо.

— Но река там становится шире, а мы, люди степей, не особенно хорошо плаваем, — возразил гирканец.

— Ну, ладно, делай как знаешь, — огрызнулась Валерия. — Эта глупая девица связывает нам руки.

Саботай пошел вперед, и все остальные двинулись следом за ним вдоль незнакомого берега бурного потока. Они шли молча, благодаря небеса за темную безлунную ночь и за то, что им удалось убежать из рук Дуума и его обезьяноподобных стражников. Тяжелая ноша на плече Конана замедляла их движение, но спящая принцесса не могла, по крайней мере, призывать стражников.

Слишком скоро, как им показалось, лучи рассвета покрыли небо румянцем и прогнали дружелюбные звезды. Птицы вылетали из гнезд и с жалобными криками кружились над листвой, скрывавшей молодых людей. Теперь каждый мог видеть, где находятся похитители. Валерия, замыкавшая шествие, скорее почувствовала, чем увидела, тропинку.

— Я, кажется, вижу дорогу или тропинку, петляющую по склону горы, — задумчиво проговорила она. — Как вы думаете, зачем она нужна?

— Я не сомневаюсь, что она ведет прямо к какому-нибудь сторожевому посту, — как всегда громко, ответил киммериец. — Они понаставили караулы по всему пути, где я поднимался вместе с баранами-паломниками.

— Пока поблизости нет ни одного стражника, — весело сказал Саботай. — Лошади где-то совсем близко. Мы уже пересекали этот мельничный пруд; вода здесь такая тихая, что даже я смогу пройти.

— Я помогу Конану справиться с черногривой девчонкой.

Валерия шагнула в воду, и поверхность пруда разбилась, словно зеркало.

— Моли Крома, чтобы она не заорала опять, — прошептал Конан, перекладывая принцессу на руки Валерии. Когда ледяная вода разбудила Ясимицу, Конан свирепо посмотрел на нее и прорычал: — Скажи только одно слово, я и утоплю тебя прямо здесь!

Конан и Валерия вдвоем протаскивали принцессу через тихую запруду. Тем временем Саботай уже перебрался на другую сторону и, мокрый до нитки, вышел на покрытый травой берег. Здесь он оставался настороже до тех пор, пока Конан и Валерия вытаскивали из воды насмерть перепуганную принцессу и затем, задыхаясь, повалились лицом вниз на траву.

С неусыпной воровской бдительностью Саботай следил за тропой, ведущей к наблюдательному пункту стражников Дуума.

— Конан, — сказал он, — нужно уходить, пока они нас не учуяли... О Эрлик! Посмотрите вон туда!

Он указал на извилистую тропинку на склоне над ними, по которой спускалась группа людей.

— Клянусь Кромом, это Дуум и Рексор с отрядом пещерных людей, — пробормотал Конан.

— Они заметили нас, — подтвердила Валерия. — Дуум показывает в нашу сторону.

Рексор, по-видимому, отдавал приказание, человекозвери послушно кивали головами и потом цепочкой начали спускаться по голому склону. На пути они издавали истошный дикий вой. Несмотря на то что в их свинячьих глазках не было даже искорки разума, оружие в своих волосатых лапах они держали очень ловко и, приближаясь, грозно потрясали дубинками, булавами и острыми топорами. Первые лучи солнца освещали их истекающие слюной пасти и отражались на металлических пластинках, покрывающих кожаные доспехи.

Три товарища приготовились к битве. Валерия стала так, чтобы защищать спину Конана, а Саботай выхватил легкую кривую саблю и встал слева от него. Грубые твари начали наступление. Члены маленького отряда Конана слаженно рубили и уворачивались от ударов, делали резкие выпады и ускользали от оружия полузверей. Каждый

старался отбить удар, предназначенный другому. Они действовали как безупречная, непобедимая команда. Движимые любовью и отчаянием, захваченные безумием боя, Конан и Валерия сражались так искусно, как не бывало ни до того дня, ни после.

Под мощными ударами киммерийца трескали кости. Быстрый меч Валерии кровью метил свой путь. Человеко-звери падали один за другим. Один из них годой рукой схватился за саблю Саботая. Острое лезвие разрезало ему кожу и жилы, но он, как будто не чувствуя боли, вырвал оружие из руки гирканца и поднял для удара свой меч. Саботай с проклятием отскочил назад, но Конан успел прийти к нему на помощь, и пещерный человек упал с распоротым животом.

Прислонившись спиной к валуну, Саботай достал лук, стрелу, натянул и отпустил тетиву. Хотя тетива отсырела и стрела летела довольно медленно, еще один противник повалился на землю, схватившись за стрелу, наполовину вошедшую в его тело. Сражение кончилось так же неожиданно, как и началось. Оставшиеся в живых животные с рычанием бросились прочь. Как побитые псы, поджав хвосты, они взбирались по склону горы к сторожевому посту, где все еще оставались Дуум и его преданный слуга.

Три пары усталых глаз следили, как стражники поднимались наверх. Три пары глаз увидели царственную фигуру Тулса Дуума, который стоял широко расставив ноги, и его первого приближенного. С быстротой молнии Дуум схватил змею, свернувшуюся кольцом у него на шее, и одним движением руки превратил гадюку в покрытую чешуйками стрелу. Взяв тугой лук из услужливых рук Рексора, он натянул тетиву и выпустил стрелу, которая за мгновение до того была живой змеей.

Отравленная стрела устремилась прямо к сердцу Конана. Но ее опередила женщина, женщина-воин, которая живым щитом стала на защиту любимого человека. Смертоносный наконечник стрелы вонзился в грудь Валерии и вышел между лопатками.

Валерия обмякла, но Конан схватил ее и, упав на колени, бережно обнял своими могучими руками. Затем он поднял голову и полными ненависти глазами посмотрел

на своего смертельного врага. Дуум наблюдал, как его слуга снимает тетиву огромного лука. Кривая дьявольская усмешка искажала его жестокое лицо.

Оскалив зубы, Рексор выразил свое восхищение.

— Очень сильный и меткий выстрел, хозяин! Смерть неверным! — прокричал он.

Тонкая улыбка обернулась нечеловеческой гримасой, и по округе пронесся его ответ:

— Смерть всем, кто встанет против меня!

Повернувшись на каблуках, Дуум пошел прочь.

Конан наклонился над раненой девушкой и поцеловал ее в побелевшие губы. Потом он увидел наконечник стрелы, торчащей из ее спины, и выдернул ее. Валерия чуть не задохнулась от боли, но была слишком слаба, чтобы кричать. В руках варвара стрела снова превратилась в змею. Преодолевая нахлынувшее отвращение, Конан швырнул ее в кристальную воду дремлющего потока.

— Живи! Ты должна жить, — стонал он. — Ты нужна мне.

Валерия слабо улыбнулась.

— Колдун... сказал мне... что я должна заплатить духам... — Голос Валерии стал таким же тихим, как шорох листьев при еле заметном ветерке. — И теперь я... плачу.

Конан прижал ее к своей груди. Их волосы, черные и светлые, спутались вместе в золотых лучах восходящего солнца. Со стороны моря Вилайет подул ветер.

— Обними меня крепче... крепче, — чуть слышно шептала Валерия. — Поцелуй меня... вдохни тепло в мое тело...

И он неистово, жадно целовал ее, прижимая к себе ее податливое тело, как мать успокаивает и ласкает ударившееся дитя. Ее лицо стало пепельным, длинные ресницы темными тенями легли на восковые щеки.

— Холодно... как холодно. — Валерия едва дышала. — Согрей... меня...

Ее губы снова искали его, а потом рука беспомощно упала на свежую траву.

Конан все еще крепко прижимал Валерию к себе, когда Саботай тронул его за плечо и безмолвно покачал головой. Тогда он уткнулся лицом в ее волосы.

Солнце еще поднималось вверх по лазурному небу, когда два всадника остановили своих взмыленных коней у двери лачуги колдуна. Конан слез с коня, держа на руках безжизненное тело Валерии. Саботай тоже спрыгнул с лошади и поспешил снять ремни, которыми была привязана к седлу принцесса.

Старый чародей сразу же вышел им навстречу. Он взгляделся в лицо хрупкой девушки, взял повисшую руку за запястье. Потом, в ответ на немой вопрос Конана, он поднял глаза, полные сочувствия, но лишённые надежды. Валерия была мертва.

Киммериец внес свою легкую ношу в жилище колдуна. Саботай, кивнув в сторону принцессы, сказал ему вслед:

— Я останусь здесь сторожить эту девчонку. Тебе захочется побыть одному.

С помощью старого отшельника Конан уложил Валерию на одеяло и снял с нее мокрую, испачканную землей одежду. Затем он смыл следы крови и прилипшие комочки грязи с ее бледной кожи. Огромный рубин, украденный из Башни Змеи, разливал свой холодный свет по израненной груди девушки.

Нахмурившись, Конан взял Змеинный Глаз, повесил его себе на шею и спрятал под одеждой.

— Этот камень, — спросил колдун, — как он оказался у нее?

— Я подарил ей эту безделицу, — прорычал киммериец. — Я не хочу говорить об этом.

Колдун пожал плечами и продолжал готовить Валерию к огненному погребению. Вместе они одели ее в сорочку из тонкого шелка, которую она купила в Шадизаре, чтобы носить по праздникам, скрестили руки на груди и вложили в них ее меч. Потом натерли лоб благовониями и расчесали длинные волосы.

— Она прекрасна, — дрожащим голосом проговорил колдун, — как невеста.

— О если бы так! — тихо сказал Конан, торопливо выскакивая из лачуги, чтобы помочь Саботая собрать дрова на берегу моря.

Солнце превратилось в огненный шар, висящий на западе невысоко над горизонтом. Погребальный костер был собран. Он стоял на самом большом холме, среди надгробий древних воинов и царей, а плиты, под которыми покоились их останки, образовали почетный караул вокруг костра. Туда Конан отнес Валерию и ласково опустил ее на последнее ложе. Там, на фоне розового заката, она казалась совсем юной, спящим ребенком.

Саботай помог старику подняться на холм. В дрожащих руках колдун держал зажженную свечу. Конан в глубокой задумчивости смотрел на свою возлюбленную, а потом тихо и медленно запел траурную песнь гладиатора:

Меч воспеваает кровь и месть,
Дорога воина
Сквозь плоть и кость
Ведет его во смерть.

Простившись с Валерией в последний раз, киммериец взял пылающий факел и, шагнув вперед, дотронулся им до сухих дров. Огненные языки пламени взметнулись к небу вокруг мраморно-белой красавицы. Легкий ветерок с моря ласково, как будто касаясь пальцами, шевельнул ее волосы и стих. Дым тонкой струйкой поднимался к темнеющему небу, словно желая дотянуться до вечерних звезд.

Конан замер, казалось, что он высечен из камня. Саботай тихо всхлипывал, и слезы одна за другой скатывались по его щекам. Колдун закончил бормотать заклинания и внимательно посмотрел на него.

— Почему ты так плачешь, гирканец? Она так много значила для тебя? — спросил он.

Саботай смахнул слезу и откашлялся.

— Мне она была другом, а для него она была всем, — ответил маленький человек. — Но он киммериец и не должен показывать слезы, поэтому я плачу вместо него.

Колдун задумчиво кивнул, размышляя о судьбах чужестранцев.

От костра остались одни угли, которые вскоре превратились в золу, и ночной ветер развеял этот пепел по всему свету. Все это время Конан стоял не шелохнувшись, а потом, когда ветер унес последнюю горстку праха, повернулся к Саботай и колдуну и сказал:

- Теперь мы должны готовиться.
- К чему готовиться?
- К тому, что они нападут на нас.

XVI. Битва

В домике отшельника в эту ночь никто не спал. Старый колдун кутался в свой грязный плащ и не отрывал взгляда от молодого гиганта, за чью жизнь была заплачена такая дорогая цена. Конан углем набрасывал на гладкой кладке печи план битвы. Саботай следил за Ясиминой, привязанной к кровати старика.

Едва рассвет озарил неподвижную гладь моря Вилайет, в маленьком домике начались бурные приготовления. Тюфяки были свернуты, а над только что зажженным огнем повесили котелок. Саботай отправился на поиски всего необходимого для предстоящей битвы. Старик бродил среди груды хлама, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь остатки оружия, доспехи или вещи, которые можно будет использовать в этих целях.

Ясиминая сидела на кровати, уставившись на киммерийца. Ее глаза пылали яростью, а алый ротик искажала усмешка.

— Наслаждайся этим днем, пес-варвар, — прошипела она, — так как он будет твоим последним.

Конан посмотрел на нее и поднял свои густые брови.

— Мой Змеиный Король знает, где вы, — продолжала она. — Он видел ваш огонь и придет сюда. Это так же верно, как то, что солнце встает на востоке. И он убьет тебя.

— Ты что же, предсказательница? — проворчал Конан. — Я думаю, что, конечно, нет — просто глупая девочка. Не знаю, и за что твой отец так любит тебя.

Он подошел к разгневанной принцессе, взял своей огромной рукой ее за подбородок и, посмотрев в ее сверкающие гневом глаза, мягко сказал:

— Я родился на поле боя... Первым звуком, который я услышал, был крик... Предстоящая битва не пугает меня.

— Меня она тоже больше не пугает! — бросила ему Ясими́на. — Потому что мой бог приведет своих людей, чтобы спасти меня. Мой бог... и будущий супруг, Тулса Дуум.

Конан мрачно усмехнулся:

— Тогда ты увидишь битву, каждый удар. Ты будешь находиться именно там, чтобы приветствовать его, когда он придет за тобой.

У девушки был несколько испуганный вид, когда варвар отвязал ее от спинки кровати и, словно мешок, взвалил на плечи. Поднявшись на ближайший могильный холм, он привязал ее к надгробному столбу.

— Отсюда ты все увидишь. И тот, кто придет за тобой, легко найдет тебя.

Саботай позвал снизу. Конан спустился по склону и увидел гирканца с целой охапкой бамбуковых палок, которые тот с шумом бросил на землю.

— Они сойдут для копий, — сказал он, затем взял одну из них и заострил конец ножом.

— Где ты нашел их? — спросил Конан, принимаясь обрабатывать концы других палок.

— Там, около моря — за густой травой.

Наконец, когда последнее копые легло на землю, Саботай сказал:

— Дуум скорее всего придет прямо с горы. Не вырыть ли нам ров с дальней стороны могильного холма?

— Да, — согласился киммериец, — и мы покроем его тонкими палочками и дерном.

— Если у нас будет время, — сурово сказал Саботай. — Я возьму лопаты из подвала колдуна.

Вскоре двое мужчин уже работали в поте лица. Все утро летела земля; ров медленно углублялся. Маленькому вору приходилось время от времени отдыхать, Конан же копал без усталости, как машина. Безграничная ненависть и жажда мести вливали новую энергию в его мощные мускулы, увеличивая его и без того невообразимую силу. Он выкопал втрое больше, чем смог бы обычный человек.

Когда колдун принес им хлеб, сыр и кувшин домашнего пива, ров был уже готов и острые палки прочно установлены на дне.

— Вы собираетесь сражаться здесь? — спросил он.

— Здесь или на вершине ближайшего холма, — ответил Конан.

Старик посмотрел туда, куда указывал киммериец, и кивнул головой.

— Много битв видели эти места в давние времена, — сказал он. — По ночам тени мертвецов поют об этих сражениях наводящие ужас песни.

— Сегодня здесь будет бой, каких не бывало раньше, — ведь двое будут сражаться против тысячи. Старик, если мы падём, может быть, ты споешь и о нас песню, когда нас уже не будет в живых, — сказал Конан.

— Или нам, если мы выстоим, — жизнерадостно добавил Саботай.

— Я отнесу еды и питья строптивой дочери Осрика, — сказал Конан. — Мы ведь не можем допустить, чтобы она превратилась в тень, если надеемся на вознаграждение.

Взобравшись на холм, Конан предложил Ясимине грубую еду колдуна. Она поморщилась при виде простой пищи и свирепо взглянула на дающего ее, однако, как с удивлением заметил Конан, ела и пила с необыкновенным аппетитом.

И все же принцесса не сменила гнев на милость. Закончив еду, она язвительно улыбнулась:

— Теперь уже скоро.

— Да, скоро, — отозвался Конан.

Присоединившись к Саботаю, который вырезал стрелы, готовя свое снаряжение, Конан сел рядом и принялся точить мечи. Заостря свой огромный меч древних атлантов, киммериец вспоминал свое детство, размышлял о могуществе своего кровного врага, об умении и хитрости, столь необходимых, чтобы преодолеть во много раз превосходящую грубую силу.

Он благодарно подумал о Саботее. Хитрый гирканец знал множество уловок и был знаком со стратегией боя. Его кочующий народ был крайне воинственным, но кровная вражда истощила его силы, и людям часто

приходилось идти на хитрость, чтобы победить своих более многочисленных врагов. Сейчас это был бесценный опыт.

Так Конан и Саботай дружно укрепляли свои позиции. Они перекинули через ров тонкие палки и прикрыли их мхом, чтобы создать впечатление твердой почвы. Осмотрев плиты на могильном холме, они выбрали самые прочные, разложили стрелы и камни в своем самодельном форте, поставили туда кувшин питьевой воды. Однако, проделав это, оба решили, что еще недостаточно подготовились.

— Скрытый ров позаботится лишь о первых пяти лошадях и их всадниках, — сказал Саботай, вытирая пот со лба.

— Да, их будет гораздо больше, — прорычал Конан.

— Может быть, духи умерших воинов протянут нам руку помощи, — безнадежно ухмыльнулся Саботай. — Вдвоем можно сделать то, что мы сделаем, не больше.

— Вы, со всеми своими приготовлениями, уже ходячие мертвецы, — сказала принцесса, вызываяще тряхнув тугими локонами. — Когда мой бог придет со своими людьми...

Внезапно Ясимины оборвала свои рассуждения на полуслове. Мужчины переглянулись и потянулись к мечам, так как услышали где-то у подножия холма скрежет металла о металл. В жизни они не слышали подобного лязга! Товарищи обернулись, их нервы и мышцы напряглись, подготовившись к бою. Вдруг Конан расхохотался.

К ним медленно подходил старый колдун, с ног до головы закованный в старинные латы. В руках у него была куча панцирей, шлемов и копий. Саботай поспешил к нему и возбужденно закричал:

— Где ты нашел все это, старик?

— У мертвых, — осклабился колдун. — Это их подарок. Ты найдешь еще много внизу. — Он махнул головой в сторону своей хижины.

Саботай сбежал с холма и принялся собирать наколенники, мечи, топоры, стрелы и связки дротиков, Конан же поднял прекрасный панцирь и внимательно осмотрел его.

— Ты сказал, у мертвых? Но это прочное, свеженачищенное железо. Оно не могло лежать в могиле.

— Ты забыл, что я знаю секреты колдовства. Если мне удалось разжечь уже затухающую свечу твоей жизни, то выпросить дар у тех, кто покоится под этим холмом, значительно более легкое дело. Кроме того, боги благосклонны к тебе. Они будут следить за предстоящей битвой.

— А будут ли они помогать? — спросил киммериец.

— Нет, этого они не могут сделать.

— Им может не понравиться это зрелище, — прорычал Конан. — Нас всего двое против...

— Нас трое, — прервал его колдун.

— Неужели ты будешь сражаться вместе с нами? — с удивлением спросил Конан.

— Почему нет, почему нет? — задумчиво отозвался колдун. — Если вы погибнете, они убьют меня за то, что я приютил вас. Поэтому я должен помочь вам всем, чем смогу. — Хитро улыбнувшись, он добавил: — А я еще не забыл некоторые уловки.

В то время, когда колдун пошел осматривать укрепления, киммериец облачился в кольчугу искусной работы, надел стальной шлем и наколенники из тонкой бронзы. На выбранной им позиции положил прочный щит, топор и воткнул в мягкую землю целый ряд дротиков так, чтобы в нужный момент они оказались под рукой.

Тем временем вернулся Саботай. Он прекрасно вооружился сам и принес с собой целую грудку оружия. Окружив себя своим любимым оружием: мечом, огромным луком и множеством стрел, он разложил также в непосредственной близости от себя еще целый арсенал ножей, мечей и копий. После всех этих приготовлений Саботай словно окунулся в поток чистой воды, и его упрямая уверенность в себе удвоилась.

— Удивляюсь, почему они все еще не пришли! — сказал Саботай. — Уж не боятся ли они нас, или они про нас уже забыли?

Ясиминая оглядела гирканца так, словно он был вредным насекомым.

— Идиот, неужели ты не знаешь, что сегодня выходной, установленный Сетом для молитв и отдыха? Никто не может работать до захода солнца.

— Почему ты не сказала об этом раньше? — проворчал Конан. — Тебе бы принесли ужин.

— Я не стану помогать тебе, варвар, я прекрасно обошлась и без еды. Ты враг Сета.

Солнце было уже на горизонте. По равнине, которая растянулась между могильными холмами древних королей и нависшей Горой Могушества, сердцем невидимой империи Дуума, поползли багровые тени. Конан, Саботай и старик-колдун смотрели из своего укрытия на темнеющий запад и ждали. Ожидание действовало им на нервы, потому что они твердо знали, что, как только мрак сотрет последние отблески догорающего дня, полулюди-полузвери начнут атаковать их.

— Что это за звуки? — спросил Саботай, вздрогнув, когда вдруг на холме раздалось какое-то пение. Осторожно выглянув из укрытия, они увидели привязанную у могильного столба принцессу, которая стояла и смотрела вдаль, на заходящее солнце, туда, где бесплодная равнина переходила в гору, и ветер развеивал ее длинные волосы. Последние лучи солнца поцеловали ее обращенное на запад лицо и залили золотом обнаженные руки и плечи.

Песня, которую она пела, была непривычна для слуха. Ее все расширяющаяся мелодия, в которой звучали страсть и тоска одновременно, действовала на слушателей странным образом. Сама же Ясиминая была похожа на жрицу, ведущую за собой людей, хотя одежда ее была испачкана и изорвана.

— И что теперь? — прошептал старик, не отводя глаз от колдовских движений девушки и поддавшись чувственной магии ее пения.

Саботай как замороженный слушал эту неземную мелодию.

— Как прекрасно! Что она поет? — прошептал гирканец.

— Не обращай внимания! — ответил Конан. — Это один из гимнов змеиного бога, направленный на привлечение последователей Сета. Он несет с собой разрушение. Не слушай!

Когда звезды осыпали темный свод небес, Конан поднял глаза к ясному ночному небу, — он очень устал от бесконечного ожидания. Конан редко молился Кром, богу киммерийцев, ибо знал, что бессмертные боги равнодушны к делам людей. Однако перед лицом неминуемой гибели варвар обратился к небесам свою молитву:

— Кром, у меня нет красивых слов молитвы, а для тебя исход этой битвы безразличен. Ни ты, ни кто другой не сохраняют воспоминаний о том, за что мы сражались и как мы погибли. Но мужество нравится тебе, Отец Кром, и для меня это важно. Сегодня ночью три отважных человека будут сражаться с сотнями, и это ты мог бы запомнить. За мою храбрость и мою кровь я прошу только одного: дай мне отомстить прежде, чем я умру.

Принцесса замолчала, и тишина опустилась на черную землю. Ветер слегка шевелил высокую траву. Стая морских птиц с жалобными криками пролетала мимо и растворилась в темноте. Где-то запел сверчок.

Убаюканный тишиной и уставший от непомерных трудов дня, Конан отдыхал, опершись о рукоятку топора. Неожиданно, сам не зная почему, он поднял голову и начал всматриваться в сгущающиеся сумерки. Его инстинкт варвара подсказывал ему, что вот-вот что-то должно произойти.

Словно материализовавшись из ночных кошмаров Конана, множество всадников, черных на сером фоне угасшего дня, топотом копыт лошадей и лязгом оружия разорвали тишину. Они, словно ураган, обрушились на холм, где Конан и Саботай поставили свои укрепления. Над головой знаменосца развевалось все то же незабываемое знамя с двумя перевитыми змеями, поддерживающими черный диск солнца.

Служители змеиного бога, безликие, в дорогих племах, подняли над головами копьа и мечи и завыли, как волки на полную луну. Они не успели еще достигнуть холма, а земля будто разверзлась под ними. Трое всадников попали на колья рва, приготовленные для них киммерийцем и его товарищем.

Одна лошадь сумела выбраться из этой ловушки и, не обращая внимания на своего беспомощного хозяина, умчалась прочь. Получеловек вылез за ней и, прихрамывая, побежал вдогонку за обезумевшим конем.

Другие лошади, послушные умелым наездникам, перепрыгнули скрытый ров или объехали его. Теперь всадники не спеша поднимались по склону в поисках врага. Варвар выступил из-за укрепления. Он стоял у всех на виду в полный рост, мрачный гигант в угасающем свете сумерек. Когда один из всадников приблизился к нему, Конан метнул дротик и услышал глухой звук падения. Тут же новый всадник оказался около него, и Конан метнул топор, который вонзился в ключицу врага.

Еще один дротик ранил лошадь, она заржала и сбросила седока; затем, пробежав несколько метров, рухнула на землю. Получеловек, с боевым кличем, не обращая внимания на опасность, с обнаженным мечом, бросился на киммерийца и сбил его с ног. Но в эту самую минуту пропела тетива, и Конан услышал свист стрелы. Его противник слишком поздно закрыл лицо руками, стрела пронзила его глаз, и он, воя, скатился с холма.

В яростном порыве с копьем наготове другой воин Дуума налетел на киммерийца. Наконечник копья ударился о щит Конана, и мощный удар отбросил киммерийца назад, но он тут же выпрямился и, выхватив меч, вспорол брюхо зверя. Лошадь, заржав, с круглыми от ужаса глазами встала на дыбы и сбросила всадника к ногам Конана. Следующий удар меча атлантов отсек голову от изуродованного тела.

Какой-то всадник, заметив за могильной плитой гирканца, галопом въехал на холм. Когда же тот приблизился, Саботай выпрямился и выпустил стрелу. Кровь хлынула из раны, и получеловек, рухнув на землю, покатился вниз по склону, а лошадь без наездника скрылась в темноте. Издав победный крик, Саботай вставил в лук новую стрелу.

Два новых всадника попытались с вершины холма обрушиться на своих врагов. Одному это удалось, другого же настигла стрела Саботая. В агонии он было приподнялся в седле, но повалился, его нога застряла

в стремени, и конь потащил своего поверженного седока по каменистой земле.

У ног Конана и Саботая, которые в пылу битвы незаметно передвинулись выше своего укрытия, копошился колдун, начищенные доспехи которого поблескивали при лунном свете. Думая, что старик от страха лишился рассудка, Конан попытался освободить ему путь к отступлению. Между тем трое врагов подъехали к колдуну, потрясая оружием. Копье колдуна, мелькнув в темноте, вонзилось в грудь ближайшего всадника, и тот откинулся на круп лошади. Поводья так натянулись, что лошадь, взвившись на дыбы, несколько секунд танцевала на задних ногах, а затем рухнула, придавив своего раненого седока к земле.

Два других наездника помедлили мгновение, взирая на упавшего, как вдруг ужас отразился на их обезьяньих мордах. Они увидели, как копье начало ходить из стороны в сторону, словно какая-то невидимая рука пыталась вырвать его из умирающего. Через мгновение оно высвободилось и полетело тупым концом в протянутую руку старого колдуна. С округлившимися безумными глазами всадники повернулись и поскакали прочь.

Конану не долго пришлось удивляться увиденному, так как очередной получеловек — на этот раз пеший — двинулся на него. Киммериец поднял отцовский меч и обрушил на своего противника страшный удар. Тварь удачно парировала и острием копья сбросила шлем Конана. Но огромный меч взвился вновь и перерубил древко пополам. Вскоре раненый получеловек пошатнулся, упал и с воем скатился с кургана.

По команде звероподобные существа отступили за холм, чтобы вновь сомкнуть там свои ряды. Конан поднял глаза и увидел, что Саботай вставляет новую стрелу. На вершине холма остался только один всадник. Он направлялся к могильному столбу, к которому была привязана принцесса. Когда он приблизился, девушка, которая во время битвы в страхе пряталась в высокой траве, вдруг с широкой улыбкой поднялась и крикнула:

— Рексор, ты пришел ко мне! Перережь только мои путы и отвези меня к тому, кого я люблю.

Рексор направил своего боевого коня к сгорающей от нетерпения девушке, которая протянула к нему руки, чтобы тот освободил ее. Но взгляд Рексора был мрачен и грозен; и, когда он поднял свой топор, холодно сверкнувший в лунном свете, принцесса неожиданно поняла, что топор нацелен в ее тонкую шею, а вовсе не на веревки, которыми она была связана. Ясимины инстинктивно упала на колени, и топор с силой врезался в старинное надгробие. В этот самый момент стрела Саботая со звоном ударилась о шлем Рексора, и мрачный всадник с проклятиями отступил.

Короткое мгновение непобедимая троица наслаждалась передышкой. Саботай, подойдя к Конану со старинным мечом в руке, сказал, что он уже выпустил свою последнюю стрелу. Колдун тем временем взобрался по склону, потрясая заколдованным копьём, которое достигло цели и вновь возвратилось в его руки.

— Не говорил ли я вам, что еще кое-что умею? — хихикнул он.

— Готовься! — неожиданно крикнул Саботай. — Они снова возвращаются!

Оставшиеся в живых стражники спустились с возвышенности и ровной шеренгой начали новое наступление. Они не спеша поднимались по склону, желая выманить кучку защищавшихся из-за надгробных плит королей, которые служили им укрытием. На полпути они остановились, словно в нерешительности.

— Атакуй! — прокричал Саботай. С копьём в руке он был готов уже выскочить вперед и сразиться со странными существами, медленно приближавшимися к ним.

Но Конан охладил его пыл.

— Их замешательство притворно. Я боюсь, что это ловушка, — проворчал он. — Оставайся наверху. У нас есть преимущество в позиции.

Через минуту вновь раздался бешеный звон мечей. Конан с ходу зарубил одного стражника, но почувствовал, что его левая рука ранена. Копье Саботая вонзилось в горло второго получеловека, однако, как только тот упал, другой схватился за древко, вырвал его из руки гирканца и нацелился окровавленным острием. Саботай отскочил, но, споткнувшись о камень, потерял равновесие и упал.

Прежде чем он успел подняться, стражник вновь бросился на него с его же собственным копьем. Копье скользнуло по панцирю гирканца и воткнулось в землю. Тогда стражник выхватил тяжелый меч, чтобы нанести смертельный удар, но дротик колдуна уже просвистел в воздухе, угодив прямо в сердце получеловека.

Как и раньше, дротик выдернула из тела убитого какая-то невидимая сила и вернула тому, кто его выпустил. Заколдованное оружие полетело вновь, чтобы убить еще одного стражника. Третий в ужасе бросился обратно к возвышенности, но земля подалась под ним, и он, визжа, упал на колья рва.

Разгоряченный безумием битвы, Конан выскочил из укрытия, надеясь застать врасплох одинокого всадника, который мчался галопом к вершине холма. Копье киммерийца со звоном ударилось в мерцающие в лунном свете доспехи, но древко копья разлетелось вдребезги, не выдержав удара о прочную сталь. Воин сбил его с ног. Подкованные копыта опустились на упавшего киммерийца; ловкий удар меча отбросил меч его отца к надгробному памятнику. Новый удар скинул с Конана шлем.

Конан истекал кровью. Ему удалось подняться на колени, но не хватило сил, чтобы встать на ноги. Всадник обогнул свою жертву, отъехал на несколько метров, снова повернулся, чтобы нанести своему искалеченному противнику решительный удар. Рексор поднял забрало, открыв свое ухмыляющееся лицо. Его жестокие глаза сверкали в предвкушении близкого смертоносного удара.

Но киммерийцу удалось схватить свой упавший меч и подняться. Когда он поднял клинок в салюте гладиатора, его глаза горели вулканически-синим огнем. Конан приготовился дорого отдать свою жизнь. Смеясь над отвагой израненного юноши, великан-военачальник поднял своего коня и занес меч для последнего удара.

В этот самый момент около своего беспомощного возлюбленного чудом возникла сверкающая Валерия. На ней были мерцающие доспехи, светящиеся белокурые волосы развевались под крылатым шлемом из неземного металла. Ее мускулистые ноги светились в лунных лучах; от поднятой кривой сабли исходило синее сияние.

Занесенную над головой Конана руку остановил волшебный клинок. Рексор отпрянул перед сверкающей фигурой, которая ударила ослепительным светом клинка по его незащищенным глазам. Рексор поднял руку, чтобы защитить глаза от невыносимого света, и застыл, словно пригвожденный к месту.

Конан не отрываясь смотрел на светящуюся фигуру, от благоговейного ужаса волосы встали дыбом у него на затылке. Девушка повернула к нему смеющееся лицо, и в его душе прозвучали ее слова:

«Киммериец, ты собрался жить вечно?»

Когда Конан выпрямился и новые силы разлились по его телу, мерцающая фигура в неземных доспехах растворилась, как призрак, в темном небе. И Конан вспомнил слова Валерии, произнесенные, когда колдун своими чарами вырвал его из цепких рук смерти. Она тогда прошептала:

— Моя любовь сильнее смерти. Если я буду мертва, а ты в опасности, я вернусь из самых глубин Преисподней, чтобы сражаться рядом с тобой.

Воспоминание об этой всеильной любви наполнило гордостью раненого варвара. Побеждая боль, он с трудом дотянулся до черной лошади еще не пришедшего в себя военачальника Дуума и выдернул из стремени ногу гиганта, а затем с силой сбросил его с седла. Когда Рексор, как кошка, приземлился на ноги, киммериец ударил лошадь по крупу, и испуганное животное умчалось в темноту.

Конан бросился на Рексора, беспощадно осыпая его ударами. Рексор, очнувшись от внезапного ослепления, теперь рубил плеча. Конан быстро нагнулся, избежал столкновения и снова бросился в бой, мощными боковыми ударами оттесняя гиганта, пока двуручный меч киммерийца не вошел в шею заклятого врага. Рексор замер на мгновение, затем громадой мускулов рухнул на землю. Неожиданно он приподнялся, послышался звон доспехов, но это был уже предсмертный рывок первого помощника Дуума.

Конан глубоко вздохнул и огляделся. Колдун и Саботай с перевязанной ногой стояли на вершине могильного холма, наблюдая за отступающими стражниками;

скачущими галопом к Горе Могущества. Вскоре мрак ночи поглотил их.

Слабый вскрик Ясиminy нарушил тишину опустевшего поля брани. Трое подняли глаза и увидели на фоне звездного неба худую фигуру Тулса Дуума. Изящный, в змеиных доспехах, он гордо восседал на коне. Его лицо было обращено к измазанной грязью девушке, которая была принцессой Заморы, жрицей Сета и его невестой.

— Учитель! Я говорила им, что ты явишься за мной, — пролепетала она. — Отвяжи меня, чтобы я могла прийти к тебе.

— Это невозможно, — холодно ответил глава Культа. — Они осквернили тебя так же, как осквернили святилище храма.

— Нет, бог Дуум, это не так. Я была предана тебе, мой господин, отец мой. Не покидай меня!

— Теперь ты не можешь быть моей невестой.

— Тогда, Учитель, я с радостью буду твоей рабыней. Не оставляй меня здесь, среди врагов Сета.

— Не бойся, дитя мое, — мягкий голос Дуума был успокаивающим.

Тулса Дуум, не говоря больше ни слова, снял с шеи ядовитую змею и, так же как раньше, превратил ее в смертоносную стрелу. Ясимины непонимающе смотрела на него, но Саботай, заметив движение змеи, понял, в чем дело. Когда Дуум приготовился выпустить волшебную стрелу, раненый гирканец бросился вперед, и в тот самый момент, когда стрела, с шипением рассекая воздух, уже готова была поразить свою жертву, Саботай загородил принцессу щитом. Стрела ударилась о дерево, вновь превратилась в змею и, извиваясь, упала на землю. Маленький вор выхватил меч и изрубил ее на куски.

Ясимины закрыла лицо связанными руками и истерически зарыдала. Конан медленно подошел к главе Культа. Сощуренные глаза киммерийца не отрывались от Дуума. Конан встал между принцессой и ее повелителем. Дуум косо посмотрел на меч, зажатый в руке киммерийца, — клинок из великолепной стали атлантов, выкованный много лет назад деревенским кузнецом. Когда он посмотрел в суровое лицо варвара, страх ледяной рукой сжал сердце

Тулса Дуума. Содрогнувшись, он повернул коня и поскакал за исчезающими остатками своей стражи.

— Здесь покоятся великие души, — сказал древний колдун и добавил: — Сегодня они сражались за вас.

— Знаю, старик, знаю, — пробормотал Конан, думая о сияющей фигуре Валерии. — Ты и Саботай много сделали для сегодняшней победы.

Молодой гигант обернулся и осторожно приподнял лицо принцессы.

— Он бы убил тебя, — сказал он. — Ты знаешь это. Сначала он послал своего слугу, потом пришел сам, чтобы сделать это.

Девушка молча кивнула. Конан продолжал:

— Теперь я должен убить его, потому что он — воплощение зла. И ты должна провести меня к нему. Ты готова?

Принцесса опять кивнула, и грустная улыбка растерянного ребенка показалась на ее заплаканном лице, когда он развязывал ей руки.

— Ты поймешь... когда-нибудь... когда ты будешь королевой, — сказал он.

Остаток ночи Конан и колдун по очереди присматривали за принцессой и за раненым Саботаем. Конан проснулся на рассвете и увидел около себя колдуна. Старик прошептал:

— Покажи мне талисман, который ты снял с убитой женщины-воина. Я изучу его на свету. — Указав на узкий луч света, пробившийся в хижину, он добавил: — Мои знания могут помочь тебе.

Конан снял с шеи драгоценный камень и протянул его колдуну. Старик поднес камень к окну, и сияние залило его простое жилище. Наконец он заговорил:

— Это Глаз Сета, не так ли? Знаешь ли ты о его магических свойствах?

— Нет, — ответил Конан. — Для меня это была всего лишь безделушка на продажу.

— Среди нас, колдунов, с ним очень считаются. Как он попал к тебе?

— Мы украли его из Башни Змеи в Шадизаре, — ответил киммериец. — Мы добыли его с риском для жизни.

— Ничего удивительного, что жрецы так его охраняли и были готовы убить тебя, чтобы вновь завладеть им! — воскликнул колдун. — Одно из многих его магических свойств, как говорят, — это управление полуклюдыми, которые служат Дууму. Стоит поднять его перед ними и приказать что-то — и они не смогут не повиноваться.

Конан с удивлением уставился на него:

— Кром, почему же ты не сказал мне этого раньше? Это помогло бы нам избежать отчаянной схватки вчера.

Колдун развел руками:

— Я пытался расспросить тебя об этом камне раньше, но ты отказался говорить о нем и прятал у себя на груди.

Конан сжал губы.

— Ты имел на это право, старик. Это, должно быть, была шутка безжалостной судьбы, от которой я получил хороший урок. Что ж, у меня еще остались дела, и это может еще мне пригодиться.

Сказав это, он снова перекинул шнурок через голову и спрятал Глаз под одеждой.

XVII. Возмездие

В большом храме верные слуги Сета собирались слушать проповедь Дуума. Сотни рук бережно держали свечи, маленькие огоньки выхватывали из полумрака возторженные лица паломников и, сливаясь воедино, слабо освещали пещеру. Юношеские голоса, звуки флейты и других музыкальных инструментов сливались в одну торжественную мелодию, которая, придавая собранию личину святости и безгрешия, отражалась от стен, летела по проходам, убаюкивая слух почитателей Сета.

Как только Тулса Дуум, сверкая доспехами, похожими на кожу змеи, появился на возвышении и повернулся лицом к пришедшим, мертвая тишина сковала зал. В черных таинственных глазах Дуума не было ничего человеческого. Он всматривался в лица людей, стоящих перед ним, как будто мог видеть будущее, мог видеть то, что

никто другой видеть не может. Затем Дуум начал говорить, растягивая слова:

— Роковой день настал. Близится час очищения. Все, кто стоял против нас, все, кто лгал вам, кто хотел отлучить вас от меня, — родители, учителя, судьи, — все отправятся в ночь крови и огня. А потом земля должна быть очищена и готова принять нашего Бога.

— Сет! — в экстазе завопили слушатели.

Мягким, вкрадчивым голосом Дуум продолжал:

— Вы, дети мои, вы — та чистая вода, которая очистит мир. Вы должны уничтожить всех, кто выступит против нас. В ваших руках вечный огонь, который горит в глазах Сета.

— Сет! — как один воскликнули паломники.

Дуум зажег свечу, которую держал коленопреклоненный жрец.

— Это пламя, — сказал он, — прогонит тьму и осветит вашу дорогу в Рай, если только вы будете послушны мне.

В нескольких милях от крепости Тулса Дуума бок о бок рысью бежали две лошади. Одной из них правила принцесса Ясимины, одетая в шелковое платье, взятое из седельной сумки Валерии. Рядом с ней на огромном жеребце восседал мужчина в кожаной одежде воина. Лицо его было скрыто шлемом, какие носят стражники Тулса Дуума. Несмотря на стук копыт, можно было услышать разговор всадников, потому что ветер подхватывал их слова, как легкие лепестки.

— Я любила его, а он пытался убить меня! Почему он сделал это?

Конан — а это был он — пожал плечами:

— Не знаю. Но с тех пор, как он появился на свете, ты в опасности, а мои молитвы о мщении остались безответными. Дуум должен умереть.

— Мне бы хотелось, чтобы Саботай был здесь и помог тебе.

— Но он ранен. Сейчас колдун заботится о нем, — ответил Конан.

— А какую пользу могу тебе принести я? — в голосе Ясимины слышались резкие нотки.

— Ты должна провести меня к своему господину, как ты его зовешь. Никто не знает все проходы внутри горы лучше тех, кто жил там.

Девушка долго смотрела на гору, которая недавно еще была ее домом. Вдруг дрожь пробежала по ее телу.

— Я все еще преклоняюсь перед ним. Как я могу помочь тебе убить его?

— Ты должна сделать это. Для тебя самой и для Заморы.

— Для моей страны? Почему?

Как можно мягче Конан ответил ей:

— Ты видела, как встает солнце. Оно прогоняет ужасы тьмы, от его света бегут и прячутся все черные силы зла. Ты должна стать для Заморы восходом солнца.

Ясимины кивнула, но слезы навернулись ей на глаза.

Ясимины смело подъехала к воротам черной цитадели; так же открыто, под видом стражника, Конан последовал за ней. Охранники, человекообразные страшилища, ничего не знали о похищении девушки и об отречении от нее их хозяина. Ворота распахнулись настежь, и лошадей отвели в конюшню.

Высоко подняв голову, как и подобает жрице Сета, принцесса проследовала по широкому коридору, ведущему к Храму Змей. На мгновение она остановилась, чтобы смочить пальцы ароматизированной водой фонтана, расположенного у подножия широкой лестницы, и взглянула на вооруженного мужчину, неотступно следовавшего за ней. Когда Ясимины и сопровождающий ее человек поднялись в святилище, лишь готовое вырваться из груди сердце выдавало сильнейшее нервное напряжение принцессы.

Бесшумными шагами они, никем не замеченные, переходили от одной темной ниши зала к другой. При слабых, мимолетных отблесках свечей принцессе трудно было узнать. Теперь она успокоилась и сделалась задумчивой. Позади поклоняющейся толпы стояло десятка два вооруженных стражников, но и они не заметили вошедших. Все, не отрываясь, смотрели на Дуума, своего предводителя, который, подняв руки, продолжал говорить.

— Знайте же, что на том трудном пути, по которому вы сейчас идете, вашим жребием могут стать усталость и боль. Голод и одиночество могут оказаться рядом с вами, и те, кого вы любите, станут вашими врагами. И тем не менее для Сета нет преград, а пока весь мир не станет подвластным ему, вы должны убивать всех, кто осмелится воспротивиться.

Конан взглянул на Ясимицу. Станные, смешанные чувства — печаль, любовь, ненависть, одно сменяемое другим, появились на лице принцессы, когда она смотрела на Дуума. Она думала, что этот человек любит ее, а он отмахнулся от нее так же небрежно, как выплескивают на землю остатки вина. Свирепо вспыхнули глаза Конана. Мсть перестала быть его главной целью, так как теперь он понял, что на его долю выпало куда больше — избавить землю от этого дьявола. Вся жизнь, догадался он, долгие годы мучительного труда на Колесе Страдания, бесконечные месяцы, когда он учился искусству и хитрости гладиатора, бесчисленные часы скитаний по дикой степи — все это было лишь подготовкой к решающему бою.

Высокий Дуум молча застыл на возвышении, держа в руке зажженную свечу. Один из младших жрецов, сменив Дуума, продолжил обряд дальше. Под его гипнотическое пение паломники начали раскачиваться, как змеи, танцующие под дудку заклинателя.

— О, ослепни, Великая Змея, — тянул жрец, — Кабил сабул, Кабил, Кабил хаким! Подними невидящие глаза к луне. Кого вызываешь ты из бездны ночи? Чья тень закрыла от тебя свет? О, Отец Сет, загляни в его глаза. Посмотри и преврати его душу в сухую пыль! Убей его, убей его, убей его! И всех, кто любит его, убей!

Восторженная толпа заревела:

— Убей!

Подняв над головой зажженную свечу, поющий жрец величественным шагом двинулся вперед. Тулса Дуум, пришедший с востока, колдун и верховный жрец Сета, блистающий в своих посеребренных змееподобных доспехах, как непобедимый завоеватель шел следом за своим слугой. Верноподданные, ряд за рядом, падали перед ним ниц. У большого портала Дуум остановился и обернулся, чтобы

в последний раз освятить когорты, готовые нести в мир новеления дьявола.

Когда он поднял руку для благословения, волна ужаса поколебала зал, подобно тому, как рябь от брошенного камня разбивает поверхность воды. Торжественное течение обряда нарушилось, и все погрузилось в тишину. Сотни пар глаз пытались разглядеть тени возле открытых дверей.

Дуум обернулся, чтобы увидеть причину такого замешательства. В тот же момент верные стражники встали между своим повелителем и его учениками. Сцепившись руками, они образовали живую цепь, которую никто не смог бы пробить, если бы попытался сделать это, и стали ждать дальнейших приказаний.

Конан медленно, небольшими шагами, как попавшая в облаву пантера, вышел вперед, сжимая в правой руке меч своего отца. Он двигался неумолимо, словно прилив, наступающий на прибрежную полосу. Шедший впереди всех жрец отпрянул в сторону, подавленный уверенностью киммерийца в том, что это Рок руководит им, но Дуум лицом к лицу встретил варвара, и ни тени страха или удивления не промелькнуло в его холодных змеиных глазах.

— Не бойтесь его! — сказал Дуум. — Он уже почти покойник. Он не сможет помешать нам победить! Охрана! Схватите его!

Прежде чем тупоумные человеко-звери успели понять приказ, Конан выхватил рубин, украденный им из храма в Шадизаре, и повторил слова, которым научил его колдун.

— Стойте, именем Сета! — прогремел голос киммерийца. — *Баканд рестрийнзе азерс!* Подождите, назад!

Увидев красный Глаз Змеи, стражники отступили, как будто их ударили рвущим мясом кнудом. Они отскочили, но их живая цепь не разорвалась. Паломники в беспомощном изумлении наблюдали за происходящим. Один только жрец с криками ужаса бросился вниз по широкой лестнице.

Худое лицо Дуума по-прежнему оставалось бесстрастным, но его острые глаза так внимательно изучали лицо Конана, что, казалось, они проникают в самые потаенные

глубины его души. В киммерийском юноше злой маг видел не только силу, но и человечность, а это он считал слабостью. Дуум перехватил и прочно приковал пристальный взгляд варвара к своим загадочным змееподобным глазам.

— Наконец-то ты пришел ко мне, Конан, как сын к своему отцу, — начал Дуум мягким гипнотическим голосом. — И это воистину так, ибо кто еще может называться твоим отцом, если не я? Кто дал тебе волю, чтобы бороться за жизнь? Кто научил тебя терпению? Я — источник твоей силы. Если я уйду, твоя жизнь потеряет всякий смысл.

Молодому киммерийцу казалось, что глаза Дуума расширяются все больше и больше, и вот они поглотили уже весь мир. Он очутился в какой-то безбрежной пустоте между звездами и видел только эти пылающие немигающие глаза.

— Без меня будет так, словно тебя не было вовсе. Сын мой, я твой друг, а не враг!

Всего лишь мгновение, показавшееся вечностью, черные глаза Дуума, наполненные неземной силой, скрывали Конана. Затем замороженный Конан сумел моргнуть и, прилагая всю силу воли, оторвать свой взгляд от глаз Дуума. В тот же момент киммериец поднес Глаз Змеи на расстояние вытянутой руки к лицу Тулса Дуума. Дуум какое-то время в упор смотрел на рубин, затем поднял широко раскрытые, наполненные ужасом глаза и встретил свирепый, мстительный взгляд Конана.

Застывшие паломники увидели, как шея Дуума начала удлиняться, челюсти стали растягиваться, нос сжался и исчез, лоб расплылся, губы стали тонкими и потом пропали. Его черные глаза округлились и превратились в выпуклые шары, лишенные век, а темно-красный язык высунулся наружу. На плечах Тулса Дуума сидела голова чешуйчатой змеи — голова древних человеко-змей, вечных врагов человечества.

Паломники как один разинули рты; толпа содрогнулась. Принцесса, из тени наблюдавшая за происходящим, издала полузадушенный вопль, и слезы горечи, смешанной со страхом и облегчением, потекли по ее щекам.

Меч Конана со свистом описал дугу и снес качающуюся змеиную голову с человеческого тела. Тело отшатнулось

и упало у самой лестницы, продолжая корчиться, словно раздавленная змея. Отрубленная голова покатилась вниз по длинной лестнице и остановилась у фонтана.

Конан смотрел на окровавленную голову, лежащую в багряных тенях умирающего дня. Потом, как бы про себя, он сказал:

— Мой отец был светом дня; Тулса Дуум — моей ночью. И все же в одном он оказался прав. Не важно, как закален клинок, важно, как закален человек.

Встряхнувшись, Конан повернулся лицом к стражникам, которые, по его приказу, все еще стояли цепью перед паломниками. Конан поднял Глаз Змеи еще раз и сказал:

— Все, кто был стражником на службе у Дуума, возвращайтесь в свои пещеры, откуда он призвал вас... И найдите себе другую пищу. Идите.

Когда человеко-звери скрылись, Конан обвел взглядом бывших последователей Тулса Дуума. Некоторые из них уныло оглядывались, как будто не знали, где они и как попали в это странное место. Другие оплакивали убитого вождя. Третьи рыдали по потерянному Раю, и их стоны то становились громче, то затихали как шум волн прибоя.

За суровыми словами Конан постарался скрыть свою жалость.

— Я знаю, вы сейчас чувствуете себя сиротами, но у каждого из вас есть дом, куда можно пойти и где вас всегда ждут. У меня этого нет. И все-таки я доволен жизнью, и вы должны быть довольны, потому что с этой ночи вы свободны. Идите и приготовьтесь к дороге домой.

Варвар стоял на пороге храма, а мимо него один за другим проходили и спускались вниз по лестнице дети Дуума. Они бросали свои горящие свечи в фонтан, и на мгновение свечи вспыхивали ярче, а потом с шипением гасли навсегда.

Когда вышел последний, Конан начисто вытер меч, который так долго занимал все его мысли и мечты. Сев у входа, он стал наблюдать, как гаснут маленькие огоньки. Положив отцовский меч на колени, Конан вспоминал прошлые годы и думал о том, что может принести ему будущее. Ясимины, которая вместе с другими погасила свою

свечу — символ намерений Дуума покорить мир, — присела на пустые ступени в двух шагах от Конана. Она восхищалась его силой, но, став смиренной, не решалась нарушить его покой. Так они провели ночь.

Как только бледный рассвет возвестил о наступлении нового дня, Конан заметил, что вокруг него произошли непонятные изменения. Каменные ступени перекошились и потрескались, как если бы прошло уже много-много лет. Все цветы в саду завяли, а кусты поникли; на дорожке вокруг полувывсохшего бассейна остались грязные следы подошв. Церемониальная дорога выглядела совершенно разбитой, как будто колдовство, призванное охранять эту дорогу от разрушения, само оказалось разрушено. За спиной Конана рухнул фасад пещерного храма, и каменные глыбы загроздили вход в него.

Напряжение наконец-то покинуло его, и он, впервые за долгое время, ощутил покой. Но к чувству исполненного долга примешивалось еще острое желание покинуть это оскверненное место, забыть все, что с ним связано. Конан встал. Принцесса тут же поднялась на ноги.

— И что теперь? — спросила она.

— Мы с Саботаем отвезем тебя домой, — сипло ответил Конан. — Твой отец будет счастлив увидеть тебя.

— Мой отец мертв, — сказала Ясими́на. — Не прошло и пяти дней, как прибыл гонец из Шадизара сообщить, что король зарезан приспешниками Яро.

— Значит, ты королева и тебе нужно быть в Заморе, чтобы управлять этой несчастной страной.

— А что с Яро? Он не потерпит меня на троне.

— Не бойся, я займусь Яро сам. А сейчас время трогаться в путь.

— Но, — перебила девушка, — есть и другие Башни Сета, и другие жрецы, кроме тех, что в Заморе. Как быть с ними?

Некоторое время Конан стоял в задумчивости и наконец ответил:

— Многие из них сбегут, потому что их цель умерла вместе с Тулса Дуумом. Этот культ, может быть, еще надолго кое-где сохранится: ведь змею трудно убить.

Култ Сета, может быть, возродится вновь, но, я думаю, это будет очень нескоро.

Ясими́на озабоченно посмотрела на варвара и улыбнулась.

Когда лето добавило к своему наряду красноватые краски осени, Конан в новых сверкающих доспехах, в алом плаще, развевавшемся за плечами, гнал галопом гнедого жеребца по колосющимся полям Заморы. Наконец он поравнялся с человеком, которого догонял, с маленьким гирканцем на косматом степном пони. После краткого приветствия они спешили.

— Почему ты уехал, не сказав ни слова? — спросил Конан.

Саботай пожал плечами:

— Мне сказали, что королева предложила тебе место на троне рядом с собой. — Маленький человечек усмехнулся и добавил: — Я думал, что ты будешь слишком занят своими... ну... королевскими делами, чтобы найти время для старого друга... Почему ты здесь? Я взял не больше, чем мне причитается из королевской награды за Глаз Змеи, хотя не могу представить, зачем он ей нужен.

Конан выглядел слегка смущенным.

— Я сделал то же самое, прежде чем уехал из города.

— Ты хочешь сказать, что отверг предложение этой барышни?

Конан кивнул:

— Если я когда-нибудь надену корону, то прежде я завоюю ее своим собственным мечом, а не получу в дар.

Саботай вздохнул:

— Станные вы люди — киммерийцы! Как ты справился с Яро? Хотел бы я тогда быть рядом с тобой, вместо того чтобы охранять дворец.

Конан пожал плечами:

— Боя в общем-то не было. Когда народ в Шадизаре узнал, что Дуум мертв, собственные люди Яро разорвали его на куски прежде, чем мне представился шанс зарубить его.

— И куда ты теперь направляешься? — спросил Саботай.

— На юго-запад. Иду к морю, — ответил Конан. — А ты?

Гирканец махнул рукой:

— На северо-восток, там моя родина. Встретимся ли мы снова?

Конан усмехнулся:

— Мир не так велик, и пути таких искателей приключений, как мы, обязательно пересекутся. Мы встретимся, но только Кром знает, где и когда.

— Может быть, только у ворот Преисподней, — улыбнулся Саботай.

— А до этого дня удачи тебе!

Друзья обнялись, похлопали друг друга по плечам и вскочили в седла.

— Что такого есть на юге, что тебя так тянет туда? — крикнул Саботай.

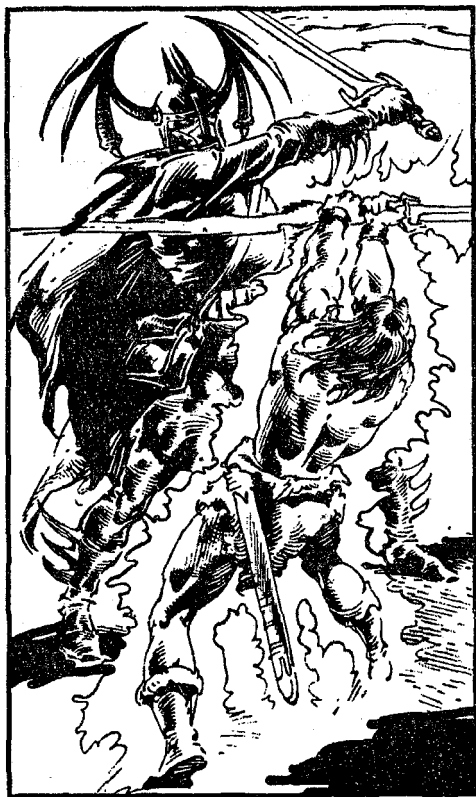
— Золото, драгоценности, красивые женщины и красное вино! — бодро ответил Конан.

Потом, махнув друг другу на прощание, они поскакали в разные стороны.

Роберт Джордан

Конан- разрушитель

роман

Глава 1

Кроваво-красное солнце изжаривало равнину Замора, а заодно и отряд всадников, державших путь по этим каменистым пустынным плато, сменявшимся покатыми холмами. Грудь всадников была защищена кирасой из черного дерева. Головы прикрывали от ударов шлемы с забралом. Кольчуги черного цвета защищали руки. Черными же были и щитки, поднимавшиеся от сапог к коленям. Все до единой части их снаряжения были окрашены в цвет темной ночи. Такие же черные металлические пластины и войлочные попоны с нашитыми металлическими бляхами защищали головы, шеи и бока их лошадей. На бедре каждого из всадников висело по длинной кривой сабле, а к седельным лукам были прикреплены шипастые палицы. Правда, в руках у них вместо ножей было по длинной деревянной дубинке. Были у них с собой и толстого плетения сети, достаточно прочные, чтобы удержать тигра.

Замыкала процессию повозка на больших колесах, на которой была установлена огромная клетка из металлических прутьев толщиной с человеческое запястье. Возница непрестанно хлестал двух лошадей, тащивших это сооружение; он должен был не отставать от колонны, которая, несмотря на жару и вес доспехов, отягощавших лошадей, держала очень приличный темп езды, и казалось, ничто на свете не будет способно заставить всадников хоть на миг притормозить на пути к их загадочной цели.

Тот, кто возглавлял отряд, был едва ли не на голову выше любого другого, а также заметно шире в плечах.

О его высоком положении можно было догадаться по искусной золоченой резьбе, покрывавшей кирасу. Там, среди арабесок, изготовился к прыжку золотой лев. Тонкие, побелевшие от времени шрамы на лице воина — один — через переносицу, а другой — от угла глаза через всю щеку к подбородку — давали понять, что этот человек не был чужд военному делу. Правда, сейчас эти шрамы были почти скрыты дорожной пылью, оседавшей на потной коже лица плотным слоем.

— Бесполезно, — пробормотал он почти про себя, — проклятье, абсолютно бессмысленно.

— Во всем, что я делаю, всегда есть смысл, Бомбатта.

Большой, сильный человек вдруг боязливо сжался, когда к нему галопом подлетел один из всадников, чье лицо помимо шлема было укрыто еще и маской из черной мягкой кожи. Он-то был уверен, что дальше его собственных ушей эти проклятья не долетят.

— Я просто не вижу необходимости... — он начал осторожно оправдываться, но второй всадник, чей голос, даже приглушенный маской, не утратил командного тона, резко оборвал его:

— Что должно быть сделано — должно быть сделано, как гласят древние Свитки Скелов. Именно так там и написано, Бомбатта.

— Что вы прикажете, — неохотно согласился тот, — будет исполнено.

— Разумеется, Бомбатта. Но я чувствую повисший в воздухе вопрос. Ну же, спрашивай. — Высокий воин продолжал, в сомнении, молчать. — Говори же, Бомбатта. Я приказываю.

— То, что мы ищем, — медленно произнес Бомбатта, — а точнее, где надо искать... Мне кажется, этого нет ни в каких свитках.

Смех всадника в маске заглушила черная кожа. Почувствовав издевку, Бомбатта вспыхнул.

— Эх, Бомбатта, неужели ты думаешь, что моя сила ограничивается только знанием свитков. Ты считаешь, что я знаю только то, что в них написано?

— Нет, — ответ был краток до непочтительности.

— Так выполняй же приказы, Бомбатта. Подчиняйся им и поверь, мы найдем то, что нам нужно.

— Я выполню все, что вы прикажете.

Могучий воин безжалостно сжал коленями бока своего коня, не обращая внимания на тех, кто вынужден был поторопиться, чтобы поспеть за ним. Он уже знал, что более высокий темп будет расценен как проявление послушания, как знак доверия полученным приказам. Пусть остальные проклинают все на свете, обливаясь потом. Он еще прищипорил коня, не глядя на пену, появившуюся на губах и шее животного. Его сомнения вовсе не были рассеяны. Но он слишком долго добивался своего нынешнего поста, чтобы вот так запросто потерять его сейчас. Вперед! Быстрее и быстрее, пусть даже придется загнать людей и лошадей до смерти.

Равнина Замора частенько являлась ареной, на которой происходили самые странные события. Безумие, жадность, разбойники, священные клятвы заставляли людей совершать абсолютно непонятные поступки. Здесь можно было бы увидеть человека в дорогах одеждах, спешно зарывающего в песок золотые монеты; целый караван, все наездники которого сидели задом наперед на своих лошадях, при этом раздетые догола; на горизонте вдруг могла появиться целая вереница девушек, чью одежду целиком заменяла голубая татуировка с головы до пят. Случайного наблюдателя причины этих странных явлений привели бы в изумление, сумеет он, конечно, до них докопаться.

То, чем сейчас занимались вдалеке от любого жилья, у подножия каменистого холма два совершенно непохожих друг на друга человека, тоже было бы абсолютно непонятно постороннему наблюдателю.

Их стреноженные лошади пощипывали редкую жесткую траву неподалеку. Первый из двоих, высокий, с крепкими мускулами молодой парень, был занят тем, что укладывал плоский обломок скалы длиной почти в его собственный рост на четыре здоровенных валуна, которые он предварительно подкатил один к другому. Чтобы выровнять плоский камень, он подложил под один из его углов несколько булыжников. На его груди на ремешке из сыромятной кожи висел золотой амулет в форме дракона.

Этот юноша с сапфировыми глазами больше был похож на воина, чем на строителя. На его ремне был закреплен прямой широкий меч старинной работы. Потертость его рукоятки, как и рукоятки кинжала, выдавала, что эти предметы служили не для украшения. Его лицо, обрамленное черной гривой волос, сейчас перехваченных широким кожаным ремнем, для невнимательного наблюдателя было лишь лицом юноши. Но более внимательный человек заметил бы на нем ту печать, которую может оставить только большой и тяжелый жизненный опыт.

Спутник голубоглазого юноши был полной его противоположностью. Невысокий, худой, но жилистый, с черными глазами, сейчас он стоял почти по пояс в узкой яме, выгребая из нее камни и песок лопатой со сломанной ручкой. Два набитых кожаных мешка лежали рядом с ямой. Время от времени парень стирал с лица пот и чертыхался по поводу непривычной для него работы. Но всякий раз при взгляде на мешки он снова с удвоенным усердием принимался за работу.

Наконец он все же отбросил доломанную лопату и спросил:

— Слушай, Конан, может, хватит, а?

Его крепко сложенный товарищ не услышал вопроса. Он, наморщив лоб, придирчиво осматривал воздвигнутое им сооружение. По замыслу, это должен был быть алтарь. С такими штуками ему не часто приходилось сталкиваться. Но в его родной суровой Киммерии он с детства уяснил для себя, что долги нужно отдавать, невзирая на трудности и препятствия.

— Конан, уже ведь глубоко, правда?

Киммериец мрачно посмотрел на своего товарища:

— Если бы ты не разевал рот не вовремя, Малак, нам бы не пришлось сейчас закапывать эти драгоценности. Амфарат никогда бы не узнал, кто стащил его камешки, городская стража тоже ничего бы не узнала, а мы могли бы попивать спокойненько вино в таверне Абулета, подсаживать на колени девочек, а не обливаться потом в этой проклятой пустыне.

— Да не собирался я звать тебя по имени, — пробурчал Малак.

Он запустил руку в один из мешков и вытащил горсть опалов, рубинов, сапфиров и изумрудов. Зеленый огонек блеснул в его глазах, когда он высыпал обратно отполированные камни. Зеленый сменялся искрами синего, алого, снова зеленого и золотого. Со вздохом сожаления он вновь крепче затянул мешок.

— Это я просто от неожиданности. Ведь никто не мог предположить, что там столько этих камней. Вот я и вскрикнул. Но я правда не нарочно...

— Кончай, Малак, — сказал Конан, вновь смотря на алтарь, а не на собеседника.

Киммериец зажал в кулаке золотой амулет. Эту вещь дала ему Валерия, и, дотрагиваясь до золотого дракона, он словно снова ощущал ее рядом.

Валерия — любовница, воин, вор, — все было перемешано в этой золотоволосой красавице. Она умерла, унеся с собой всю радость из его жизни. Он видел ее смерть. Но затем, уже после этого, он видел, что она вернулась, вернулась, чтобы вновь сражаться с ним бок о бок. Этот долг должен был быть оплачен.

Малак снова взял в руки то, что осталось от лопаты, и вдруг, повернувшись к Конану, сказал:

— Я не думал, что ты веришь в богов, Киммериец. Никогда раньше я не видел, чтобы ты молился.

— Бог моей родины — Кром, — ответил Конан, — черный господин загробного мира. При рождении он дарит человеку жизнь и волю, но ничего больше. Он не снизойдет до милости в обмен на жертвоприношения, не станет слушать мольбы и причитания. Как человек поступит с двумя подарками Крома — это его личное дело.

— А этот алтарь? — спросил Малак, когда Киммериец закончил.

— Это другая страна, здесь другие боги. Я не поклоняюсь им, но Валерия верила в них.

Конан, нахмурившись, раскрыл ладонь и посмотрел на амулет.

— Вдруг ее боги услышат меня, ведь жрецы утверждают, что они слушают нас. Быть может, я могу сделать чуть легче ее судьбу там, среди богов, в том мире.

— Кто их знает, этих богов. Вечно им не угодить, — сказал Малак, пожимая плечами. Он вылез из ямы и

сидел скрестив ноги рядом с мешками. — Даже жрецы и те толком не знают, где уж тебе...

Цокот копыт за холмом оборвал его на полуслове.

Малак с визгом бросился к мешкам. В одну секунду развязав их, он бросил в рот несколько камней. При этом его лицо перекошилось от судороги, его чуть не вырвало. Затем он швырнул мешки в яму и отчаянно заработал лопатой, закапывая обратно камни, песок — все что угодно, лишь бы успеть заровнять яму до появления всадников.

Конан положил руку на рукоять меча и спокойно ждал, устремив взгляд холодных синих глаз на гребень холма, туда, где должен был появиться первый из неожиданных гостей. Они, конечно, могли оказаться кем угодно. Быть может, им даже наплевать на него и на Малака и на то, чем они тут занимались. Может быть... Но Конан не верил в это.

Глава 2

Когда на холме появился одинокий всадник в закрывающем лицо шлеме и с золотой резьбой на доспехах, Малак неуверенно засмеялся:

— Один человек. Он может быть очень сильным, но вдвоем-то мы с ним управимся. Пусть только случится...

— Я слышал, что лошадей было много, — ответил Конан.

— Эрлик забрал их на небеса живыми, — простонал Малак, изо всех сил налегая на лопату, подsunутую под большой камень, чтобы перевернуть его. Наконец валун опрокинулся и закрыл собой яму. Малак тяжело вздохнул: — А наши лошади? Может, удастся смыться?

Конан презрительно фыркнул, но ничего не ответил. Да, конечно, на коне незнакомца было навешано столько железа, сколько, наверное, весил сам всадник. Но зато это был настоящий конь. Рванись они сейчас на своих клячах — преимущество было бы потеряно через несколько минут преследования. Таких лошадей, как у них, можно было купить лишь при большой нужде срочно

исчезнуть из Шадизара на чем угодно, лишь бы скорее. Торопясь, они заплатили, не торгуясь, столько, сколько стоила бы пара скакунов из королевского табуна. Пустить в галоп этих доходяг означало через несколько сот шагов продолжить бегство на своих двоих, к великому удовольствию преследователей.

Наблюдавший за ними всадник остановился на гребне холма.

— Чего он еще ждет? — спросил Малак, вынимая из-за пояса два кинжала. — Если они решили убить нас, то я не вижу причин...

Неожиданно всадник в черных доспехах поднял руку и помахал ею. Из-за гребня холма в обе стороны от него волной растеклись всадники в таких же кирасах эбенового дерева. Их было не меньше сотни. Размеренным галопом они понеслись вниз по холму, окружая Конана и Малака кольцом шагов в триста диаметром.

— Можно подумать, что перед ними целая армия, — усмехнулся Конан. — Похоже, кое-кто считает нас опасным противником.

— Слушай, но так много... — почти простонал Малак, с сожалением взглянув на забеспокоившихся лошадей. Те пофыркивали и пританцовывали, словно желая убежать. Малак, похоже, был готов рвануться вслед за ними. — Чтобы нанять такую ораву, нужно столько денег, что год можно в роскоши купаться. Ну кто бы мог подумать, что Амфарат так рассердится?

— Да кто его знает. Может быть, ему не понравилось, что его камешки уперли? — мрачно пошутил Конан.

— Но мы же взяли не все, что у него было, — возразил второй воришка. — Сказал бы спасибо, что хоть что-то осталось. Мог бы еще и пару монет в храм отдать, в благодарность богам за то, что у нас не было еще мешка. А он вместо этого что удумал...

Киммериец пропустил мимо ушей тираду своего приятеля. Он уже давно научился не обращать внимания на размышления своего жилистого товарища о том, что могло бы быть, если бы было по-другому, когда на самом деле все было как раз наоборот.

В это время холодные как сталь глаза северянина киммерийца ошупывали группу из четырех всадников, возив-

ящихся с длинным узлом, закрепленным на седле одного из них. Затем Конан перевел взгляд на вершину холма. Там, рядом с первым всадником, появился еще один, в маске, наблюдающий за происходящим внизу.

Неожиданно высокий всадник в черном поднес ко рту рог, наподобие тех, что используют во время охоты. Громкий тягучий звук скатился по склону, и четверо возившихся со свертком проворно разобрали его концы и галопом погнались лошадей к двоим, застывшим в ожидании. Еще четверо всадников с другой стороны рванулись на помощь своим товарищам.

Брови Конана сдвинулись: этого еще не хватало. Первая четверка несла огромную сеть, а другие четверо держали в руках длинные дубинки, словно для того, чтобы не дать добыче выскользнуть из-под сети.

Малак сделал было пару шагов к лошадям.

— Подожди. — Несмотря на его молодость, голос Конана звучал как голос командира. Это заставило меньшего остановиться. — Пусть подойдут поближе, если не хочешь оказаться легкой добычей.

Малак мрачно кивнул и покрепче сжал кинжалы.

Грохот копыт приближался. Осталось сто шагов. Пятьдесят. Десять. Загонщики уже набрали воздух для победного крика...

— Давай! — крикнул Конан и бросился к сети. Малак со стоном отчаяния последовал за ним.

В момент броска меч Конана покинул свои потерянные ножны из акульей кожи. Влекомое могучими мышцами, лезвие отсекло один из углов сети. С пронзительным воплем всадник, державший его, пронесся дальше, сжимая в руках лишь бесполезный кусок. Мчавшийся за ним воин бросил поводья своего скакуна и выхватил длинную кривую саблю. Конан, присев, увернулся от удара, а сам, в свою очередь, разгибаясь, вогнал меч под грудную пластину доспеха противника. Пронзенный почти насквозь, тот словно отскочил назад, вылетев из седла.

Прежде чем он коснулся земли, Конан уже освободил свой обгаренный кровью меч и резко обернулся, следуя лишь древнему инстинкту воина, предупреждавшему его об опасности. Лицо человека, нависшего над ним, было

перекошено гримасой ненависти и боевого азарта. Даже по глазам, видневшимся из-под шлема, можно было понять, что ему было бы куда приятнее замахиваться сейчас мечом, а не деревяшкой. Однако это оружие, длиннее человеческой руки, могло проломить череп, будучи применено в полную силу. А в желании вложить в удар всю злость и силу этому человеку было не отказать. Меч Киммерийца взлетел вверх, пронзая кость и мясо. Дубина и все еще сжимающая ее рука закувыркались в воздухе. Крича от боли, всадник перехватил занаястье, исходившее фонтанами крови, здоровой рукой; его лошадь, почувствовав свободу от поводьев, понеслась вскачь подальше от шума боя. Конан сию же секунду приготовился встретить нового противника.

Малак сцепился с одним из тех, кто держал сеть, намереваясь вытащить его из седла. Один из кинжалов маленького вора нащупал щель между шлемом и пластиной панциря. С булькающим стоном всадник повалился на землю, увлекая за собой и Малака. В следующее мгновение маленький черноглазый ворюшка уже снова стоял на ногах, с кинжалами наготове. Его противник больше не двигался.

Какую-то долю мгновения Конан и его приятель неподвижно стояли лицом к лицу с пятерыми оставшимися в строю атакующими. Сеть валялась на земле. Те двое, которые должны были накинуть ее на пленников, схватились за рукоятки сабель. Те, что держали дубинки, колебались.

Вдруг один из них отбросил деревянную палку и тоже схватился за более действенное оружие. Но прежде, чем его сабля вышла из ножен, над холмом снова прокатился призывный звук рога. Сабля влетела в ножны с громким стуком, и все пятеро помчались галопом к линии своих товарищей.

Малак облизал губы:

— На кой черт им сдалось ловить нас? Никак не пойму.

— Может, Амфарат еще более безумен, чем мы предположили. Он, наверное, решил узнать, сколько криков и стонов смогут выжать из нас лучшие специалисты по пыткам.

— Великий Митра! — вздохнул Малак. — Вечно ты ляннешь что-нибудь такое, от чего на душе совсем хреново становится.

Конан пожал плечами.

— Ты сам спросил, — сказал он и, услышав рог, добавил: — Слышал? Приготовься. Сейчас опять навалятся.

Снова четыре всадника разобрали между собой углы сети. Но на этот раз число помогающих им загонщиков возросло до двух десятков. Когда всадники подъехали поближе, Конан сделал незаметный знак своему товарищу. Малак пожал плечами, но согласно кивнул головой. Оба стояли, поджидая противника, как и в прошлый раз.

Сеть приближалась и приближалась. За ней неслись остальные загонщики. На этот раз не удастся беспрепятственно разрубить сеть и безнаказанно ткнуть мечом того, кто держал ее.

Когда загонщики приблизились вплотную, Конан метнулся влево, а Малак вправо. Всадники пронеслись между ними, рассыпаясь в проклятиях и пытаясь развернуть лошадей. Над головой Конана взвилась дубинка. Человек, державший ее, был удивлен, почувствовав, что его запястье оказалось крепко схвачено ладонью Киммерийца. Все еще не веря, он с криком вылетел из седла, влекомый сильной рукой юноши. Одно движение рукоятью меча — и всадник оказался на земле с выбитыми зубами и разбитым в кровь лицом.

Стук копыт предупредил Конана о новой опасности. Еще одна дубинка, выхваченная из рук, описала в воздухе сплошную дугу и с огромной силой опустилась прямо в низ живота всадника. Раздался треск ломаемого дерева, всадник вытаращил глаза, схватил ртом воздух и согнулся пополам. Его лошадь, ничем не удерживаемая, выскочила из-под него и понеслась дальше галопом, уже без седока.

— Конан!

Раньше, чем его последний противник ударился о землю, Конан уже увидел то, из-за чего Малак отчаянно просил его помощи.

Двое воинов в черных доспехах свесились с седел, чтобы достать дубинками извивающуюся на земле фигуру.

С диким воплем Конан налетел на них. Два удара окровавленного меча — и два тела рухнули на землю, а

он уже поднимал маленького вора на ноги. Тот плохо видел из-за крови, ручейками стекавшей по его лицу. Сеть снова приближалась, а Малак не мог твердо стоять на ногах, не то что драться.

Сильным движением Конан отодвинул друга в сторону, а сам, напрягшись, бросился на сеть. От неожиданности один из державших ее вылетел из седла и приземлился на груды веревок, обрывков сети, запутавших его руки и ноги, пока он перекатывался по ней. Следующая дубинка вскользь задела уворачивающегося Конана. Но удар его меча не был скольльзящим. Лезвие точно вошло под пластину доспехов.

Киммериец понимал, что спасения нет. Слишком много людей сгрудились вокруг него, размахивая дубинками и клинками. Пыль, поднятая копытами, покрывала его потное тело. Медный вкус крови застыл на губах. Скоро ему конец, но Конан знал, что не сдастся на их милость. Каждый удар его меча приходился по живому, незащищенному телу. Это был настоящий фейерверк сверкающей в воздухе стали. Конан смог чуть продвинуться вперед, пытаясь выйти из круга всадников, но они своей массой, почти закрывая солнце, оттеснили его к центру.

Вдруг раздался резкий зов рога. Уже нависшие над Конаном всадники повернули назад, с явной неохотой покидая своих убитых и стонущих раненых, чтобы снова занять свои места в круге.

Конан с удивлением наблюдал за их маневром. Струйка крови стекала по покрытому пылью лицу, пачкая воротник его туники. Малак исчез. Нет, его схватили! Обмотанного сетью, его несли словно свинью на рынок, лривязав руки и ноги к длинной жерди. В голове Конана пронеслось — не дожить до такого конца.

Он медленно обводил взглядом всех окружавших его. Несколько лошадей, оставшись без седоков, спокойно расхаживали между преследователями и жертвами. Схватить одну из них — и пробиться сквозь строй. Он так бы и поступил, если бы не Малак. Киммериец не сделал ни шага к лошадям. Рядом с ним лежали трупы. Раненые стонали, молили о помощи или протягивали руки в сторону круга молча стоявших всадников в черных доспехах.

— Ну, подходите же! — крикнул им Конан. — Пора кончать эту комедию. Или у вас кишка тонка? То здесь, то там какая-нибудь лошадь дергалась вперед, словно угадывая тайное желание своего седока. Но все оставались на своих местах, лишь молчание было ответом Киммерийцу.

Стук камней, катящихся по склону, возвестил о появлении двух всадников, до сих пор стоявших на вершине холма. Большой воин с золотой резьбой на доспехах остановился в десяти шагах от Киммерийца, но второй, с лицом, закрытым кожаной маской, проехал еще половину этого расстояния, прежде чем натянул поводья. Конан напрягся. Он ничего не знал о незнакомце, скрывавшем под маской лицо и под черным шерстяным плащом всю фигуру. Но если настал час последнего боя — Конан был готов.

Руки одинокого всадника прикоснулись к племю. Сначала снятый шлем, а затем и сброшенная маска открыли голову незнакомца. У Конана перехватило дыхание. На него глядела женщина, темноглазая, с высокими скулами, волосами цвета воронова крыла, заплетенными в тугие косы и уложенными вокруг головы. Она была красива. Так, как бывает красива женщина зрелая, оставившая позади первый цвет юности. Но в этой красоте чувствовалась какая-то ярость: в манере держать подбородок, во взгляде, словно пронзающем человека насквозь. Плащ был отброшен назад, открыв брюки для верховой езды и тунику черного шелка, облегающую каждый изгиб округлой груди и полных бедер. Конан глубоко вздохнул. Из всех женщин мира он меньше всего ожидал увидеть перед собой именно эту.

— Тебя называют Конаном, так? — ее голос был чувственен, но и царственно величествен.

Конан не ответил. То, что она оставила свой благоухающий дворец и тенистые сады и уехала в этот палящий зной, — уже было достаточно удивительно. Но то, что она это сделала, чтобы разыскать его (а это было очевидно), — внушало тревогу. Ну да не зря он уже пожил среди тех, кто называл себя цивилизованными людьми, а его — варваром. Он усвоил главные правила выживания в их мире. И вот теперь от него

не дождутся ни одного слова, пока он не узнает хотя бы что-то еще.

Итак, долгое молчание было его ответом. Всадница нахмурилась:

— Надеюсь, ты знаешь, кто я?

— Ты — Тарамис, — просто ответил Конан. При этом ее лицо стало еще более недовольным.

— Принцесса Тарамис, — сказала она с ударением на первом слове. Лицо Конана не изменило своего выражения, не опустил он и меч из боевого положения. — Я — наследная принцесса королевского дома Замора. Тиридатес, твой король, — мой брат.

— Тиридатес — не мой король, — отрезал Конан.

Тарамис улыбнулась, словно ощутив под ногами твердую, знакомую почву.

— Ну, да — вздохнула она. — Ты же с севера, варвар, не так ли? Да к тому же — вор?

Конан словно оцепенел, не давая себе оглянуться, даже чтобы посмотреть, не подкрадываются ли к нему сзади черные воины с сетями. Он чувствовал, что главная опасность могла исходить от женщины, стоявшей перед ним.

— Что тебе от меня нужно? — спросил он.

— Чтобы ты послужил мне, Конан-ворюга.

Ему уже было не впервой наниматься к кому-нибудь и получать золотые монеты за какое-либо особое похищение. А сейчас такому предложению альтернативой был последний короткий бой с воинами в черном. Но чувство противоречия пересилило.

— Нет.

— Ты отказываешь мне? — Тарамис не верила своим ушам.

— Мне не нравится, когда на меня охотятся как на зверя. Я не дикий кабан, чтобы накидывать на меня сети.

— Я могу дать тебе много. Больше, чем ты когда-либо сможешь иметь, даже удачно воруя. Будешь жить во дворце, как придворный...

Конан покачал головой:

— Ты, делая такой подарок, забыла об одной мелочи, которая очень важна для меня. А я не просил и не буду просить ее у тебя.

— Всего-то одна мелочь! Какая же, варвар?

— Моя свобода, — Киммериец улыбнулся улыбкой загнанного стаей гончих волка. — И вот ее-то я добуду себе сам.

В темных глазах принцессы Замора блеснуло удивление.

— Неужели ты и вправду надеешься победить всех моих воинов?

— Они смогут убить меня. Но это тоже свобода. Свобода погибнуть в бою, но не быть рабом.

Уставившись на него, принцесса произнесла, словно не замечая никого вокруг:

— Невероятно. Свиток говорил правду. — Она резко тряхнула головой, словно возвращаясь к действительности, и сказала: — Ты будешь у меня на службе, Конан, и ты еще попросишь моего дозволения на это.

Высокий воин с резным золоченым львом на груди вступил в разговор:

— Негоже тебе торговаться с этим. Позволь мне заняться им, и мы доставим его в Шадизар запакованным в сети, как его друга.

Не отрывая глаз от Конана, Тарамис сделала движение, словно отгоняя муху:

— Помолчи, Бомбатта.

Она протянула руку к Киммерийцу, ладонью вверх, словно изучая пальцами что-то. Грудь Конана коснулся легкий ветерок. Он почувствовал, как шевельнулись все до единого волоски на руках. Он сделал шаг назад. Удобнее поставив ноги, он крепче сжал рукоять меча.

Пальцы Тарамис опустились, и она повернула голову к сооружению, возведенному Конаном:

— У каждого человека есть самое сокровенное желание. Что-то, ради чего он может убить и может отдать свою жизнь.

С воротника туники она сняла золотую цепь с мелкими звеньями, с которой свисала капля алмазного кристалла чистой воды. Она зажала камень в левой руке, а правой показала на грубый алтарь:

— Смотри, Конан. Ты увидишь то, что ты ищешь.

Между ее пальцами, снимающими кристалл, забились сполохи алого пламени. Лошади всадников взволнованно заржали. Лишь конь Тарамис стоял неподвижно, хотя и

вытаращив от ужаса глаза. Его бока ходили ходуном. Вспышки шли одна за другой, все чаще и чаще, и вот уже непрерывный поток ярко-красного света, исходящий из ее кулака, осветил все вокруг.

Неожиданно голые камни алтаря запылали, словно сгорая в огне. Лошади воинов в страхе попятились. Захоти Конан сейчас убежать — он вряд ли бы встретил хоть какое-то сопротивление. Все всадники были заняты лишь тем, чтобы удержать охваченных страхом скакунов. Но Киммериец даже не обратил никакого внимания на это. Другое приковывало его взор: на алтаре среди языков пламени появилась лежащая фигура. Женщина с прекрасными золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам, с красивым телом, совершенно не тронутым ни тлением, ни пламенем, бушевавшим вокруг.

Не дав любимому имени сорваться с губ, Конан лишь процедил:

— Колдовство!

— А как же, колдовство! — Голос Тарамис был мягок, но неестественно сильно звучал в ушах Киммерийца, сквозь ржание и хрип лошадей. — Колдовство, которое может дать тебе то, что ты ищешь, Конан. Валерию.

— Она мертва, — резко ответил Конан, — мертва, и хватит об этом.

— Говоришь, хватит, варвар?

Сквозь огонь он увидел, как повернулась голова девушки. Чистые голубые глаза встретились со взглядом Конана. Она села, протянув руки к Киммерийцу.

Тарамис сказала:

— Я могу вернуть ее тебе. Вернуть ее в этот мир.

— Живым трупом? — огрызнулся Конан. — Я уже видел таких. Лучше пусть остается мертвой.

— Не холодное тело. А живую теплую плоть. Понял, варвар? Я могу вернуть ее тебе такой, какой ты ее хочешь видеть. А еще, если ты хочешь быть уверен в ее преданности навеки только тебе, — я могу это сделать. Хочешь, она бросится к твоим ногам, молясь тебе, словно богу? Я могу...

— Нет! — У Киммерийца перехватило дыхание. — Она была воином. И я не хочу, чтобы она... — фраза оборвалась на полуслове.

— Значит, ты все-таки поверил?

Одно движение руки — и видение исчезло. Ни Валерии, ни языков пламени, ничего, кроме голых камней без единого следа копоти или пепла. На шею черноглазой женщины снова заняла свое место алмазная капля.

— Я могу сделать все то, о чем говорила.

Конан медленно опустил меч. Он очень не любил колдовство. Даже в тех редких случаях, когда оно применялось без злого умысла. Но — за долги нужно платить. За его свободу пусть расплатятся, освободив другого.

— Отпусти Малака, — сказал он устало.

Бомбатта запротестовал:

— Очистив улицы Шадизара от еще одного вора, разве мы дадим уйти мерзавцу, чтобы он снова взялся за свое? Да по нему ни один человек в мире не заплачет.

— Одним вором больше или меньше — для Шадизара это пустяк. Но он мой друг. Или он уходит свободным, или все дальнейшие переговоры будут вести наши клинки.

Гигант Бомбатта открыл рот, чтобы ответить, но Тарамис взглядом оборвала его.

— Отпусти маленького вора, — сказала она негромко.

На лице Бомбатты смешались гнев и разочарование. Он повернул коня и, прищипорив его, понесся к воинам, державшим пленника. В несколько мгновений веревки были разрезаны, и худой человек свалился прямо на камни.

— Они мне чуть все кости не поломали, — сказал он, подходя к Конану. — Слушай, чего это у вас тут полыхало, а? Да, и еще — почему мы до сих пор живы?

Вдруг его взгляд остановился на Тарамис. Лишь возглас изумления вырвался из его груди. Затем он начал как-то бестолково кланяться, все время вопросительно поглядывая на Конана и причитая.

— Мы честные люди, о ваше светлейшее высочество. Не слушайте, что вам наговорят злые языки в Шадизаре. Мы, это... мы зарабатываем на жизнь, это... как охранники караванов. Да мы за всю жизнь и финика не взяли, не заплатив. Вы должны нам поверить, ибо мы...

— Заткнись, — сказала Тарамис, — или я перечислю все твои подвиги, о которых мне известно. А теперь — проваливай отсюда.

С сомнением глядя на охрану, Малак сделал несколько неуверенных шагов к их лошадям.

— Нам нужно на время расстаться, — сказал ему Конан, — а встретимся там же, где встречались после драки в таверне «У Трех Корон». Уезжай, удачи тебе.

Последний раз взглянув на стражников, маленький человек вскочил на свою лошадь.

Когда Малак галоном скрылся из виду, все оглядываясь назад, не веря в свое чудесное освобождение, — Конан повернулся к Тарамис.

— Что я должен сделать? — спросил он просто.

— Когда придет время, тебе скажут, — ответила прекрасная женщина. На ее губах светилась улыбка победителя. — А теперь я жду от тебя твоего решения.

Конан не сомневался:

— Я поступаю к тебе на службу, Тарамис.

Долг есть долг. И за него нужно рассчитаться, невзирая на цену.

Глава 3

Шадизар был городом золотых куполов и белоснежных шпилей, уносившихся ввысь, к лазурному небу, прочь от пыли и грязных камней равнины Замора. Во дворцах, в садах, усаженных финиковыми пальмами, били кристальные фонтаны. Белые стены отражали солнечные лучи, сохраняя прохладу внутри домов. Городом порока называли его, злым городом; и еще с десятков куда менее приличных, но не менее справедливых эпитетов служили для обозначения этого знойного города.

Здесь, за гранитными городскими стенами, люди искали золота и удовольствий. Те, у кого было первое, менялись с теми, кто мог дать второе. Стареющие богачи облизывали губы, оглядывая трепещущих невольниц. Дамы с горящими глазами, как кошки, рыскали в поисках добычи. Частенько благородные матроны, покинув дом мужа в поисках сомнительных приключений в веселых кварталах, именно там снова встречались со своими благоверными, решившими развеять скуку семейной жизни тем же самым способом.

Если порок и невоздержанность были душой Шадизара, то не что иное, как торговля приносила золото, чтобы покупать эту грязную душу. Караваны шли сюда из всех уголков мира: из Турана и Коринтии, из Иранистана и Кораджи, из Котха и Шема. Жемчуг, шелка, слоновая кость, благовония и специи — все стекалось сюда на необъятные базары Города Десяти Тысяч Грехов.

Улицы были, как обычно, заполнены торговцами, когда Конан въехал в город вместе с отрядом черных воинов принцессы Тарамис. Деревенского вида люди несли корзины с фруктами, погонщики гнали вереницы самой разной домашней скотины. Десятки продавцов выстроились неровной линией вдоль улицы, на все лады расхваливая свой товар и всячески подпихивая его поближе к покупателю. Надменные, одетые в шелка аристократы, толстые купцы в темном бархате, ремесленники в кожаных одеяниях и проститутки, на которых не было ничего, кроме гирлянд монет, нанизанных как бусы на нитку, — все двигались, уворачиваясь от длинноногих верблюдов, целый караван которых размеренно ступал по улице, ведомый явно чужими погонщиками, напряженно посматривавшими по сторонам. Воздух между домами был наполнен бляением и мычанием, кудахтаньем куриц и писком цыплят, криками лоточников, расхваливавших свой товар, завываниями нищих и криками торгующих купцов. Над всем этим висел тошнотворный запах, состоящий из равных частей ароматов специй, гниющих отбросов, благовоний и потных, невымытых тел.

Тарамис не снизошла до того, чтобы замедлить шаг. Половина ее отряда бросилась вперед, расчищая ей дорогу, нещадно колотя дубинками тех, кто не успел вовремя убраться. Оставшиеся закованные в эбеновые доспехи воины образовали кольцо вокруг Тарамис и Конана, охраняя ее и следя за ним. Киммериец понял, что хоть он и принят на службу, но за ним следят как за пленником. Он неторопливо, не провоцируя охрану, свесился с седла и схватил большую спелую грушу с лотка торговца фруктами. Так же не торопясь он выпрямился и поудобнее устроился в седле, всем своим видом давая понять, что не интересуется ничем, кроме сочного вкусного плода и созерцания людей по сторонам.

Улицу расчищали, оттесняя к стенам домов всех подряд: купцов и покупателей, аристократов и нищих. Летели в стороны лотки, переворачивались столы у входов в лавки. Угрюмые лица сопровождали процессию. Лица тех, кто не был скор на ноги, быстро покрывались кровавыми ранами и ссадинами. Большинство молчало, но ближайшие к Тарамис стражники, размахивая дубинками, заставляли толпу выкрикивать: «Слава принцессе Тарамис!» — или: «Да благословят тебя боги, принцесса Тарамис».

Взгляд Конана задержался на караване, загоняемом в переулочек впереди по ходу их движения. Передним верблюдом управлял смуглый человек в грязном тюрбане. Люди вплотную прижались к ногам верблюдов. Те же испуганно ревели и нервно переступали с ноги на ногу.

Проезжая мимо каравана, Конан коротким и точным броском отправил огрызок груши прямо в нос переднему верблюду. С диким ревом животное резко попятилось, вырвав поводья из рук человека в тюрбане. Постояв в нерешительности секунду-другую, словно сомневаясь в своей свободе, верблюд резко рванулся вперед, увлекая за собой еще десяток своих товарищей по каравану. Горбатые длинноногие животные пронеслись сквозь строй черных всадников и помчались дальше по улицам. Конан направил свою лошадь вслед за ними.

За его спиной послышались крики, но он лишь наклонился пониже и пустил лошадь галопом. Сбивая с ног торговцев и покупателей, верблюды неслись по извилистым улочкам, прикрывая Конана. Преследователи — а то, что за ним погонятся, Конан знал точно — не видели его. Но это преимущество не могло сохраниться долго. Киммериец соскочил с лошади и тут же получил основательный пинок ниже спины от одного из верблюдов. Вскочив на ноги, Конан быстро сиганул за груды корзин, провожаемый недоуменным взглядом их продавца. Грохот копыт по булыжникам мостовой вновь очистил улицу от любопытных. Два десятка всадников в черном, возглавляемые Бомбаттой, с ожесточенными лицами пронеслись вдогонку верблюдам.

Конан медленно поднялся, поправляя пояс с мечом и глядя вслед уносящимся всадникам. Он потерял ушибленное верблюдом место. Мерзкие твари, подумал он. Не то что

лошади. Ему никогда еще не приходилось иметь дело с верблюдами. Вдруг до него дошло, что продавец корзины все еще таращится на него.

— Неплохие корзины, — сказал Конан, — но не совсем то, что мне нужно.

Продавец все стоял неподвижно с открытым ртом, а Конан уже нырнул в боковой переулок, пропахший мочой и гниющими отбросами.

Узкими извилистыми закоулками он пробирался подалеже от центра, время от времени тихо ругаясь, когда его нога поскользнулась на чем-нибудь неаппетитно скользком. На каждом углу, прежде чем пересечь улицу, он внимательно смотрел, не появятся ли откуда-нибудь черные воины в шлемах с забралами. Так, петляя и уворачиваясь, он пробирался по Шадизару, пока не добрался до стоявшей в тени южной стены города таверны Манета, куда и нырнул через заднюю дверь.

Воздух внутри был приятно прохладен, хотя и провонял плохо приготовленной пищей. Девушки, сновавшие из кухни в зал и обратно, окидывали Конана удивленными взглядами. Обычно клиенты не вваливались через заднюю дверь, выходившую в зловонный переулок. Да и сам высокий, плечистый парень с мечом на боку не был похож на обычного клиента.

В общем зале сидели погонщики верблюдов и проводники караванов, в основном — чужестранцы. Запах пота и животных соперничал с вонью прокисшего вина. Кабацкие шлюхи демонстрировали свои прелести, вышагивая почти в чем мать родила по песчаному полу между столов. Многие из них, оценив взглядом Киммерийца, остались очень довольны и даже присвистнули от восхищения. Те, кто уже получил деньги за сегодняшний вечер, схлопотали по окрику, а то и по оплеухе от мужчин, уже заплативших за их внимание. Но все их мужское раздражение было сорвано только на женщинах. Даже те из присутствовавших, кто считал себя храбрее мастифа, почувствовали в этом здоровяке волка и предпочли, чтобы не рисковать, излить свою злобу на кого-нибудь другого.

Конану было наплевать на волнение, произведенное его появлением. Убедившись, что в обеденном зале нет черных воинов, он потерял всякий интерес к тем, кто там

находился. Он быстро подошел к прилавку, за которым управлялся Манет.

— Малак здесь? — тихо спросил Конан трактирщика.

— Наверху, — последовал ответ, — третья дверь направо.

Манет вытер руки какой-то жирной тряпкой и бросил опасливый взгляд за спину Конана, словно опасаясь, что тот привел за собой толпу преследователей.

— Что-нибудь серьезное? — спросил он.

— Не для тебя, — сказал ему Киммериец и направился к лестнице.

Он был спокоен за верность Манета. Не так давно Киммерийцу удалось вырвать дочь трактирщика из лап двух иранистанцев, решивших увести ее в Аграпур, чтобы продать там. Манет не выдаст его даже под пыткой.

На втором этаже Конан распахнул нужную ему дверь и отпрянул назад — острый кинжал просвистел в воздухе, чуть не полоснув его по горлу.

— Это я, придурок, — прорычал Конан.

Нервно ухмыляясь, Малак убрал кинжал в ножны и отступил в глубь комнаты. Конан захлопнул за собой дверь.

— Извини, — все так же нервно засмеялся худощавый ворюшка, — это... это просто... Милостивый Митра!.. Слушай, Конан... Эта Тарамис, охотящаяся на нас, этот огонь — наверняка ведь колдовство, да? Я ведь понятия не имел, что стало с тобой. А как... как тебе удалось выбраться? Я к тому же совсем забыл о той драке в харчевне «У Трех Корон», так что еле сообразил, где надо встречаться. Ну да ладно. Что, сваливаем из города? Давно пора. Интересно, а они выкопали камешки или нет? Первым делом надо двигать туда и забрать их от греха подальше. Этих побрякушек нам хватит, чтобы...

— Да поостынь ты, — сказал Конан. — Мы не уезжаем из Шадизара. По крайней мере, не сейчас. У меня есть одно поручение от Тарамис.

— Еще не хватало. Какое такое поручение? А сколько она заплатит? У нее, поди, золотишка-то навалом.

— Я еще и сам не знаю, чего она от меня хочет. А что до платы... Тарамис клянется, что может вернуть Валерию.

Его приятель аж присвистнул сквозь зубы. Темные глаза забегали, словно ища запасной выход.

— Колдовство, конечно, — выдавил он из себя наконец. — Я знал, что этот огонь был ведьминным пламенем. А ты и вправду веришь, что у нее хватит волшебных сил на такое дело? Да и вообще, стоит ли доверять этой...

— Я должен использовать этот шанс. Ради Валерии. Это мой долг...

Он тряхнул головой. Малак, конечно, старый друг, но какой ему смысл ввязываться в такое дело.

— Я понимаю, лично тебе до этого нет никакого дела, — сказал Конан, — но, если ты поможешь мне, я отдам тебе свою долю наших камней.

Малак просто засиял:

— Это предложение было абсолютно излишним, Киммериец. Мы ведь вместе работаем. Но сказано — сделано. Я его принимаю. Правда, с одним условием — я не переступлю порога дворца Тарамис. Ее люди уехали троих моих двоюродных братьев в тюрьму, и двое из них уже умерли, да и о третьем ни слуху ни духу.

— Я тебя об этом и не прошу. Да и принцессе ты во дворце ни к чему. Там, на холме, все, чего она от тебя хотела, — это чтобы ты свалил куда-нибудь подальше.

— Эх, да что она понимает в мастерстве, — вздохнул Малак. — Если ей был нужен вор, то разве найдешь кандидата лучше, чем я. Ладно, хватит шуток. Я готов сжечь все благоволия в храме Митры за то, что она выбрала тебя, а не меня. Это я должен буду сделать.

— Я отправляюсь во дворец Тарамис. Не знаю, сколько я там пробуду, но наверняка у меня не будет много времени, чтобы искать тебя. Так что постарайся не исчезать далеко. Да, самое главное — выясни, где сейчас Акиро.

— Еще один колдун! — воскликнул Малак.

Разумеется, Акиро был колдуном. Маленький, толстый человек с желтой кожей, как у жителей далекого Кхитая, хотя сам он никому не рассказывал о своей земле. Однажды он помог Конану своими чарами. Конан до конца не доверял ему, как и любому другому вол-

шебнику, но Акиро нравилась Валерия. Может быть, это склонит чашу весов и заставит его прийти на помощь Киммерийцу.

— Он может мне понадобиться в этом деле, Малак, пусть последит за колдовством Тарамис, чтобы она не наложилась на возвращенную Валерию какое-нибудь заклятие.

— Я его разыщу, Киммериец. А теперь, у тебя есть время, чтобы выпить за удачу, или ты возвращаешься во дворец сию же секунду?

— Я там еще и не был, — со смехом сказал Конан. — Пришлось покинуть эту компанию не попрощавшись, а теперь ее стража прочесывает город в поисках меня. Надеюсь, что смогу добраться до дворца, не убив никого из них.

— Тебе крупно повезет, если она не настолько рассердилась, чтобы украсить твоей головой один из зубцов дворцовой стены.

— Она-то, может, и рада бы, но не станет этого делать. Ей ведь нужен не просто вор, а именно я. Она знала мое имя и отправилась с целым отрядом, чтобы найти меня. Что бы она там ни затевала, но Конан Киммериец ей нужен просто позарез.

Глава 4

Дворец Тарамис снаружи больше напоминал огромную крепость, хотя и не такую большую, как дворец короля. Гранитные стены с узкими бойницами превосходили рост человека в четыре раза, лишь чуть-чуть не достигая высоты стен королевского замка. По четырем углам возвышались квадратные башни, еще две прикрывали высокие обитые железом ворота.

Подойдя к этим воротам, Конан увидел, что вход преграждают два стражника в черных доспехах. Они стояли неподвижно, словно статуи, чуть наклонив свои копья с длинными поблескивающими наконечниками. Еще две фигуры маячили над башнями, а через равные интервалы над стенами тоже были выставлены часовые. Конан тихо усмехнулся: поставили каменных идолов, а толку-то... Темной ночью опытный вор проберется между ними безо всяких хлопот.

Солнце уже клонилось к западу, и стража отсчитывала оставшиеся часы дежурства. Мысленно они уже были в казарме, попивали вино, ужинали, прихватывая за мягкие места поварих и подавальщиц. Поэтому, лишь когда Конану оставалось пройти три шага до ворот, они обратили внимание, что он и вправду собирается войти внутрь, а не пройти мимо стены. По их разумению, человек в таком виде мог войти во дворец принцессы только в кандалах, с охраной и только направляясь в дворцовую темницу. Копья стражников одновременно уперлись в грудь Конана.

— Проваливай, — огрызнулся один из них.

— Мне нужно увидеть Тарамис, — заявил Конан.

Они еще раз оглядели с ног до головы этого оборванного, покрытого слоем грязи наглого верзилу, и на их лицах промелькнула презрительная усмешка:

— Тебе же было сказано...

Неожиданно в воротах появился Бомбатта, словно смерч раскидав в стороны обоих часовых. Солдаты отлетели к тяжелым створкам открытых ворот и, ударившись о них всем телом, рухнули на землю. Бомбатта стоял на их месте, зло глядя на Конана, сжимая в кулаке рукоять меча.

— И ты... ты еще осмелился прийти сюда! — Большой, сильный воин просто задыхался от гнева. — Где, на каком Девятом Небе Великого Зандру ты пропадал все это время?

— Просто моя лошадь испугалась верблюдов. — Конан, нагло улыбаясь, смотрел на Бомбатту. — А еще я решил промочить горло после такого-то денька.

Бомбатта заскрипел зубами.

— Иди за мной, — процедил он, поворачиваясь, чтобы проследовать внутрь дворцового двора. Стражники уже вновь заняли свои места, но он, обращаясь к кому-то за стеной, крикнул: — Тогра! Замени этих шутов у ворот, чтоб духу их здесь не было.

Конан последовал за ним, но не стал торопиться, подстраиваясь под шаг Бомбатты, как какой-нибудь придворный слуга. Наоборот, он пошел не торопясь, словно не замечая напряженного лица Бомбатты, вынужденного сбавить скорость, чтобы не оставить Киммерийца одного внутри дворца.

Широкая, выложенная каменными плитами аллея вела от ворот к самому дворцу сквозь прекрасный сад с прохладными фонтанами и алебастровыми обелисками, превышающими высотой наружную стенку. Все вокруг было усажено диковинными, благоухающими растениями, привезенными из самых дальних стран, даже из Вендии и Зингары. В глубь зарослей уходили прогулочные дорожки; кое-где за кустами мелькали силуэты садовников-рабов, старающихся сделать эту красоту еще прекраснее.

Высокие резные колонны окружали сам дворец. За входом шла череда внутренних двориков, мощенных полированным гранитом, в которые выходили изящные балконы, спрятанные в стены на таком уровне, чтобы оставаться в тени даже во время самого жестокого полуденного зноя.

Великолепные занавеси ручной работы прикрывали входы во внутренние коридоры, а под ногами расстилались прекрасные ковры из Вендии. Слуги обходили покои, зажигая позолоченные светильники, чтобы рассеять сгущающиеся вечерние сумерки.

Бомбатта шел все дальше и дальше, и Конан уже решил, что они пройдут весь дворец насквозь, как вдруг, войдя в очередной дворик, Бомбатта остановился, даже не оглянувшись, чтобы удостовериться, остановился ли Конан за ним. Вдоль стен двора стояли ряды каменных стел, на каждой был выложен мозаикой из алебаstra, порфира и обсидиана какой-то символ. Некоторые из них были знакомы Конану по гадальным картам. Остальные были ему неизвестны, что, впрочем, мало его беспокоило. Между стелами группами стояли люди в оранжево-черных одеяниях с начертанными на них мистическими знаками и изречениями разной степени сложности. Отдельной группой стояли те, кто носил одежды золотого цвета. Все взгляды обратились к вошедшему Киммерийцу. Его взвешивали, измеряли, прикидывали, оценивали.

— Человек по имени Конан, — объявил Бомбатта.

Конан даже не сразу увидел, что он обращается не к людям во дворике, а к Тарамис, стоящей на резном балконе и вззирающей на всех них сверху.

Роскошная аристократка, так и не снявшая дорожного одеяния, вся пылала еле сдерживаемой яростью. Ее глаза сцепились с взглядом Конана. Принцесса ждала, что он отведет глаза, но Киммериец все так же спокойно глядел на нее. Наконец она раздраженно вскинула голову и приказала:

— Вымыть его и привести ко мне. — Не говоря больше ни слова, она ушла с балкона. Даже ее спина, казалось, выдавала всю ее ярость.

Однако ее чувства были не сильнее тех, что вскипели в Конане.

— Что? Вымыть меня? Я не лошады! — прорычал он.

К его удивлению, лицо Бомбатты было не менее искажено гневом.

— Ванная здесь, вор, — процедил он, не разжимая зубов, показывая жестом Конану вновь следовать за ним.

Киммериец, мгновение поколебавшись, шагнул за своим нелюбезным провожатым. Конечно, неплохая возможность смыть с себя грязь, а тон, каким было сделано приглашение (или приказание!)... — на это не стоило обращать внимания.

Стены помещения, куда Конана привели на этот раз, были выложены мозаикой, изображавшей горные пейзажи со сверкающими быстрыми реками. В центре комнаты находился покрытый белыми керамическими плитками бассейн. Рядом с ним — жесткое ложе и маленький столик с флаконами с благовонными маслами. Четыре девушки в одинаковых белых одеждах с одинаково уложенными тугими темными косами встретили Конана. Над четырьмя парами глаз взлетели ресницы, и четыре пары рук поднялись к губам, чтобы скрыть девичье хихиканье.

— За тобой придут, вор, — сказал Бомбатта.

Конан, с улыбкой глядевший на девушек, посерьезнел и холодно сказал:

— Мне начинает нравиться твой тон.

— Да если бы ты только не был нужен...

— Не задерживайся, договорим потом. Я буду здесь всегда к твоим услугам.

Бомбатта дернулся к своему мечу, но, сдержав себя, вышел из комнаты, не добавив ни слова.

Все четыре девушки молча следили за обменом любезностями. Теперь, прячась одна за другую, они боязливо косились на Конана,

— Я не кусаюсь, — сообщил он им как можно вежливее.

Они нерешительно приблизились к нему, одновременно начав стягивать с него одежду и снаряжение.

— Мы думали, что вы будете драться с ним, господин.

— Бомбатта — отважный боец, господин. Опасный противник.

— Вы, конечно, почти такой же высокий, как он. Я даже не думала, что есть еще такие высокие люди.

— Но Бомбатта больше вас. Только не подумайте, я не сомневаюсь в вашей силе.

— Хватит вам, — засмеялся Конан. Его смех заставил их отскочить в разные стороны.

— Так, говорить по одной, понятно? Теперь послушайте меня. Первое: никакой я не господин. Второе: я прекрасно умею умыться сам. И третье: как вас зовут, хотел бы я знать.

— Мое имя — Ания, господин, — ответила самая стройная из девушек, — а это — Тафис, Анук и Лиела. Мы здесь, чтобы помыть вас, господин.

Конан оценивающе оглядел ее:

— А я-то думал, для чего-нибудь поприятнее.

К его удивлению, Ания густо покраснела.

— Это... это запрещено, господин, — пробормотала она. — Мы — жрицы Спящего Бога.

Со стороны ее подруг послышался тревожный шепот. Лицо девушки побледнело так же быстро, как покраснело минуту назад.

— Спящий Бог? Это еще что за птица?

— Пожалуйста, господин, — взмолилась Ания, — об этом нельзя говорить. Пожалуйста. Если вы расскажете кому-нибудь, меня... меня очень сильно накажут.

— Я буду нем как рыба, — успокоил ее Конан. Но как он ее ни упрощал, больше ни она, ни ее подруги не произнесли ни слова, кроме как о его купании.

Он покорно позволил намылить себя и растереть мочалкой. Затем с него смыли пену, ополоснули проточной водой и растерли мягкими полотенцами. Настала очередь

благовонных масел. И хотя Конан постарался избежать самых резко пахнущих снадобий, ему все равно казалось, что от него за версту несет благоуханиями, как от какого-то придворного щеголя.

Когда девушки одели его в рубашку и брюки из белого шелка, в комнате появился маленький, высохший, абсолютно лысый человек.

— Мое имя — Ярванеус, — сказал старичок, слегка поклонившись, — я старший придворный распорядитель ее высочества принцессы Тарамис.

По его тону было понятно, что его положение все-таки несколько выше, чем у уличного вора.

— Если ты готов, я отведу тебя к... — Он прервал свою фразу, увидев, что Конан взялся за ремень с ножами и мечом. — Здесь тебе это не понадобится.

Конан лишь взглянул на него, а затем спокойно затянул ремень, пристроив поудобнее меч и кинжал. Он и вообще-то не любил оставаться безоружным. И чем больше он находился во дворце Тарамис, тем меньше ему нравилась идея расстаться со своим мечом именно здесь.

— Веди меня к Тарамис, — сказал он.

Ярванеус отчетливо произнес:

— Я отведу тебя к принцессе Тарамис.

Киммериец лишь жестом поторопил его, всячески показывая, что давно ушел бы сам, если бы знал, куда нужно идти.

Сюрприз следовал за сюрпризом. Старичок покинул его не в приемном зале, как можно было бы ожидать. В этой комнате позолоченные светильники освещали стоявшую в одном из углов огромную круглую кровать, под покрывалом из белоснежного шелка. Мраморный пол покрывали толстые мохнатые ковры вендийской и иранистанской работы. В центре стоял низкий полированный медный столик, на котором возвышался стеклянный кувшин с вином и два кубка чеканного золота. Тарамис, от шеи до пят затянутая в черный блестящий шелк, сидела на полу, облокотившись на подушки, разбросанные вокруг столика.

В комнате они были не одни. Четыре воина в черных доспехах стояли по углам. Они были без шлемов, а меч был укреплен у каждого за спиной так, что его рукоятка

виднелась из-за правого плеча. Все четверо неподвижно глядели перед собой, не шевеля ни одним мускулом, почти не дыша и не моргая.

— Мои телохранители, — сказала Тарамис, показывая на четверку, — лучшие воины Бомбатты. Почти такие же сильные, как он сам. Но ты не волнуйся, они действуют только по моей команде. Вина?

Она легко приподнялась и наклонилась, чтобы наполнить кубки. У Конана перехватило дыхание. Там, где шелк одеяния Тарамис образовывал свободные складки, он был непроницаемо черным. Но стоило ему обтянуть поплотнее тело принцессы, как он становился почти прозрачным. При этом на Тарамис не было ничего под ее черным платьем. Когда она приблизилась к нему с кубком вина, Киммериец поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от ее высокой полной груди.

— Может, ты не расслышал, я повторю: если ты голоден — тебе принесут поесть, — в голосе женщины зазвучали веселые нотки.

Конан посмотрел ей в глаза и покраснел:

— Нет, нет. Спасибо. Я сыт.

Злой на себя, он аккуратно принял кубок из ее рук. Еще не хватало. Уставился, как мальчишка, никогда не видевший обнаженной женщины. Он прокашлялся и сказал:

— Я понял, что ты хочешь дать мне какое-то задание! Но я не смогу выполнить твоё поручение, если не буду знать, в чем оно заключается.

— Значит, ты хочешь, чтобы твоя Валерия вернулась к тебе? — Тарамис приблизилась к нему вплотную. Ее грудь прижалась к груди Конана. Даже сквозь одежду его кожу жгло, словно к нему прижали два раскаленных угля.

— Я хочу, чтобы она вновь ожила.

Конан шагнул назад, поскользнулся на подушке (случайно, как сам он себя уверял) и растянулся на полу. Тарамис стояла над ним, дразня его взгляд линиями бедер, живота, груди. Конан даже не заметил легкой улыбки, пробежавшей по ее губам.

— Твое желание может быть исполнено, если ты удовлетворишь то, что я прикажу.

— Ты все еще не сказала мне, что я должен сделать, — Конану пришлось скрыть вздох облегчения, когда она отодвинулась от него и зашагала по комнате.

— У меня есть племянница, госпожа Дженна, — медленно заговорила Тарамис. — Она всю жизнь прожила в одиночестве, как отшельница. Ее родители — мой брат и его жена — умерли, когда она только-только начала что-то понимать. Этот удар оказался слишком сильным для малышки. Теперь она... в общем, с ней нужно обходиться очень осторожно, ничем не тревожить. Но несмотря на все это, ей нужно совершить одно путешествие, и я хочу, чтобы ты поехал с ней.

Конан отхлебнул большой глоток вина.

— Я? А что, больше некому? — сказал он, когда снова смог говорить. — Я не приучен сопровождать аристократок. Это не та работа, которой я занимаюсь.

— Ты хочешь мне напомнить, что ты — вор. Но я вовсе не предлагаю тебе стать городским стражем, Конан. Я не настолько глупа. Но в этом деле мне нужен именно вор. Дженна должна украсть один Ключ. Только она может прикоснуться к нему, как и к Сокровищу, замок к которому отопрет этот Ключ. А кто лучше подходит, чтобы помочь ей в этом деле, чем лучший вор в Заморе?

У Конана голова шла кругом. Он осторожно поставил кубок на стол. Вино сейчас было бы излишним. Сбравшись с мыслями, он стал неторопливо размышлять вслух:

— Итак, мне нужно поехать вместе с госпожой Дженной и помочь ей украсть какой-то заколдованный Ключ и Сокровище. Если за это ты возвратишь Валерию, я выполню все, что требуется. Но мне непонятно, почему бы ей не отправиться в путь со своей свитой и с сотней-другой твоих стражников, а не с одним вором в компании.

— Потому что в Свитках Скелов сказано, что она должна совершить это без свиты, — Тарамис резко оборвала фразу, даже закусив губу.

— Эти Свитки... — начал Конан.

— Пророчества, — ответила она, не давая ему говорить лишнего. — В них сказано, что нужно сделать и как. Выкинь их из головы. Все равно они написаны на древнем языке, известном сейчас только... только ученым людям. Так вот, там есть кое-какие неясности с числом спутников;

только двое из них особо оговорены. Я решила не рисковать и послать только тех, относительно чьей необходимости нет сомнений. Так выбор пал на тебя и Бомбатту.

Конан фыркнул и помянул недобрый словом древних авторов Свитков. Ехать вместе с Бомбаттой? Ладно, а устроить поединок можно будет потом или в пути, когда захочется.

— Где следует искать Ключ?

— Дженна покажет тебе.

— Лучше, если у меня будет карта и подробный план того места, где хранятся Ключ и Сокровище. И что это за Сокровище? Клад? Понадобятся ли нам выючные мулы или лошади, чтобы привезти его?

— Дженна сама все узнает, когда увидит его, мой милый воришка. И она сможет удержать его в руках. Только она и никто другой. Вот все, что тебе нужно знать. Карта? Нет никакой карты, кроме той, которая в голове у Дженны. При ее рождении были произнесены особые заклинания, настроившие ее внутренне на одну ноту с Ключом. Она будет его чувствовать во время пути и приведет вас к нему. Когда Ключ окажется в ее руках, она точно так же настроится на Сокровище и поведет к нему.

Конан вздохнул. То, что от него кое-что скрывали, было неудивительно. Мало кто в мире согласился бы полностью довериться вору. Но дело от этого не становилось легче.

— Может быть, я могу еще что-то узнать и подготовиться к этому? Пойми, что слишком большие неожиданности могут погубить не только меня, но и твою племянницу.

— Дженне нельзя причинять никакого вреда, — отчеканила Тарамис.

— Я позабочусь о ее безопасности, но вряд ли я смогу быть очень полезен, ничего не зная о возможных опасностях. Если тебе известно что-нибудь еще...

— Ладно. Я... полагаю, что Ключ сейчас во владении человека по имени Амон-Рама, он родом из Стигии.

— Колдун, естественно, — вставил Конан, не ожидавший уже ничего другого.

— Именно. Колдун. Вот и все, что я знаю. Я желаю, чтобы это путешествие было удачным, точно так же, а

может быть, и больше, чем ты. Ты не испугался? Сможешь достойно встретить опасности? И помни о своей Валерии.

Его лицо напряглось при этих словах:

— Я сказал, что сделаю это. И я выполню то, что обещал.

— Отлично, — сказала Тарамис. — А теперь — еще одна деталь, более важная, чем все остальное, по крайней мере, для тебя. Через семь ночей звезды на небе будут в таком положении, которое бывает раз в тысячу лет. Именно в эту ночь я смогу вернуть тебе Валерию. Если к тому времени ты вернешься с Сокровищем и Дженной... — Подняв руку, она прервала негодующе задышавшего Конана. — Мои астрологи не могут найти ни Ключ, ни Сокровище. Но они уверены, что за оставшееся время возможно найти и то и другое.

— Это они тебе так говорят, — Киммериец невесело усмехнулся.

Он заглянул в свой кубок и вдруг разом осушил его. Час назад он очутился по колено в этой грязи — колдовстве, но все еще соблюдал осторожность. Теперь же он пробирался в нем по горло, да еще к тому же — в крошечной тьме.

Неожиданно по дворцу пронесся крик. Кричала девушка. Еще раз, снова и снова. Конан вскочил на ноги, схватившись за меч. Он заметил, как напряглись телохранители принцессы, и понял, что только его резкое движение стало причиной этого. Крики, казалось, не заставили бы их даже моргнуть глазом.

— Это моя племянница, — торопливо сказала Тарамис. — Дженну мучают кошмары. Сядь, Конан. Садись. Я вернусь, когда успокою ее.

И, к удивлению Киммерийца, принцесса Заморы убежала из комнаты.

Тарамис не нужно было бежать далеко. Просто злость замедлила ее бег. Она уже думала, что с кошмарами покончено навсегда.

Ее племянница свернулась клубочком в середине кровати, нервно всхлипывая в неясном свете луны, прони-

кавшим через высокие узкие окна. Тарамис не удивилась, не обнаружив рядом с девушкой никого из прислуги. Все во дворце знали, что только она может справиться с ужасными видениями, мучившими Дженну. Принцесса наклонилась над постелью и положила руку на плечи девушки.

Дженна, вздрогнув, проснулась, увидела Тарамис и обхватила ее руками.

— Так это был сон, — всхлинула она, — такой ужасный сон!

Дженне еще не исполнилось и восемнадцати, она была стройна и красива, но сейчас большие темные глаза были наполнены слезами, а полные губы все никак не переставали вздрагивать.

— Да, всего лишь сон, — Тарамис ласково гладила девушку по длинным черным волосам, — не больше, чем сон.

— Но я видела... видела, что...

— Тссс. Тихо, Дженна. Успокойся. Завтра тебе отправляться в путь. Нельзя, чтобы какой-то сон мог испугать тебя.

— Но мне действительно было так страшно.

— Тихо, малышка, спи.

Тарамис кончиками пальцев чуть сжала голову Дженны и запела что-то чуть слышно, почти про себя. Потихоньку всхлипывания затихли, прекратилась дрожь. Когда дыхание вновь стало ровным дыханием спящего человека, Тарамис встала. Уже сто раз она думала, что кошмары и воспоминания о них ушли навсегда. Но проклятый сон каждый раз напоминал о себе. Тарамис сжала голову руками. Дженна была той, о ком говорили Свитки, и это сейчас — самое важное. Ничего, на этот раз наверняка удалось отогнать кошмарный сон надолго. Наверняка. Всю жизнь Тарамис шла этим путем. С самого детства. Как только она стала осознавать себя, ее тетя, принцесса Элфайн, начала учить ее тем двум вещам, с помощью которых женщина может стать сильной: искусству обольщения и колдовству. Когда Элфайн умерла, Тарамис, которой не было еще и десяти лет, не появилась на церемонии погребения. Старшие думали, что ребенку просто стало невыносимо тяжело от потери. На самом

же деле она в это самое время обшаривала личные покои тети в поисках волшебных фолиантов и всяких магических штучек, собиранию которых Элфайн посвятила свою жизнь. Там-то она и нашла Свитки Скелов. В ближайшее же полнолуние она начала работу, которая длилась двадцать лет, а сейчас была близка к завершению.

Неожиданно она почувствовала, что в дверях комнаты стоит Бомбатта и смотрит в одну точку — на девушку в постели. Она быстро подошла к нему и взяла его за руки. Секунду он еще сопротивлялся, а затем позволил вывести себя в темный коридор.

— Так ты даже не считаешь нужным больше скрывать это? — сказала она с презрительным спокойствием. — Ты возжелал мою племянницу. Я все вижу. Так что не пытайся отрицать это.

Он, словно башня, возвышался над нею, но при этом переминался с ноги на ногу, как мальчишка, ждущий наказания от учителя. Наконец он промывчал:

— Я ничего не могу с собой поделать. Ты — огонь и страсть. Она — невинность и чистота. Я ничего не могу поделать.

— И она должна оставаться невинной. Так сказано в Свитках Скелов.

На самом же деле Свитки вовсе не требовали от Дженны девственности. Речь шла о другой чистоте. Чистоте души. Она не должна была никому желать зла или предполагать, что кто-то может причинить ей боль. Ее жизнь в затворничестве помогала поддерживать ее в таком душевном покое. Но Тарамис поняла, что происходит с Бомбаттой, задолго до того, как он сам осознал, что с ним.

— Да, даже если бы и не эти Свитки, — сказала она ему, — ты — мой, и я не собираюсь делить то, что принадлежит мне. Ни с кем.

— Мне не нравится, что ты там наедине с этим вором.

— Наедине? — Тарамис рассмеялась. — Четыре твоих лучших стражника стоят наготове, чтобы охладить его или изрубить на куски, если он задумает причинить мне вред.

Мужчина что-то пробормотал про себя, и она нахмурилась:

— Говори так, чтобы я слышала, Бомбатта. Не люблю, когда от меня что-то скрывают.

Он долго молча смотрел на нее, сжигая взглядом, прежде чем заговорить:

— Я не могу избавиться от мысли о том, что этот вор смотрит на тебя, хочет тебя, быть может, даже прикасается к тебе...

— Ты, кажется, стал забываться. — Каждое слово вылетало словно острое лезвие.

Бомбатта отступил на шаг, а затем рухнул на колени, склонив голову:

— Прости меня. Но ведь этому Конану нельзя доверять. Он чужеземец, вор.

— Идиот! В Свитках ясно сказано, что Дженну должен сопровождать вор с глазами цвета неба. Другого такого в Шадизаре не найдешь, да и, пожалуй, во всей Заморе. А ты будешь делать то, что я тебе прикажу. Будешь точно следовать предписаниям Свитков. Точно!

— Как прикажешь, — пробормотал он. — Я повинуюсь.

Тарамис погладила его по голове. В этом движении было не больше нежности, чем в поглаживании одной из борзых ее своры.

— Ну разумеется, Бомбатта.

Она чувствовала, что победа уже близка. Рог Дагота будет принадлежать ей. С ним она обретет истинную силу и бессмертие. Это чувство словно пронизывало ее. Ее руки вздрагивали на волосах Бомбатты. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Будь уверен, все будет так, как я говорю. А сейчас — отправляйся к себе и ложись спать, и пусть тебе снится твоя победа.

Неподвижно стоя на коленях, Бомбатта смотрел, как она уходит по коридору. Его обсидановые глаза поблескивали в темноте.

Конан вскочил, когда Тарамис вошла в спальню.

— Как твоя племянница? — спросил он.

— Ей лучше. Она спит.

Чувственная женщина лишь слегка приподняла руку и махнула ею в воздухе. Все четверо телохранителей вышли, не произнеся ни слова.

— А как ты, вор? Ты спишь или бодрствуешь? Уже поздно, а ты почему-то решил поговорить о моей племяннице.

От резких шагов разрезы ее одеяния распахивались, открывая взгляду ничем не прикрытую кожу.

Киммериец смотрел на нее с сомнением. С трактирной девушкой или даже с дочкой богатого кунца вопросов бы не возникло, веди она так себя. Но что касается принцесс — тут у него опыта не было.

— Да ты мужчина или нет? — рассмеялась она. — Или видение твоей несравненной Валерии вконец истощило твою мужскую силу?

Конан вспыхнул. Он знал, что бесполезно объяснять Тарамис, что стояло и стоит между ним и Валерией. Он не был уверен, что и сам окончательно разобрался в этом. Но в одном он был твердо уверен.

— Я мужчина.

Руки Тарамис взлетели к шее. Секунда — и черный шелк водопадом сбежал к ее ногам. Своим взглядом и полной наготой она бросала ему вызов.

— Докажи!

Не теряя времени на то, чтобы дойти до кровати, Конан повалил ее на пол и представил все необходимые доказательства.

Глава 5

Конан пристально смотрел в огонь маленького костра. Сухой верблюжий помет горел неярко и не привлек бы нежелательного внимания того, кто тоже оказался бы ночью посреди равнины Замора. Киммериец вспомнил другой, волшебный, огонь на камнях алтаря. Его беспокоило, что они проехали уже целый день, а Малак все не появлялся. Вообще-то Конан никогда не позволял себе уж очень рассчитывать на чью-либо помощь, но теперь он был более чем когда-либо уверен, что ему потребуется помощь Акиро. Не только во время их путешествия, но и после, когда настанет время исполнения обещания Та-

рамис. Да где уж, на каком Девятом Небе Великого Зандру провалился этот Малак!

Усилием воли он заставил себя отбросить бесполезные гадания и занялся рассматриванием своих спутников. Скорее, одного из них.

Бомбатта аккуратно наполнил серебряную чашу водой из одного из их кожаных бурдюков и протянул ее Дженне. С благодарной улыбкой она протянула руку из-под белоснежного плаща, накинутого на нее, чтобы защитить от ночного холода. Девушка оказалась совсем не такой, какую Конан ожидал увидеть, и он все никак не мог привыкнуть к этому. Тарамис говорила о своей племяннице как о ребенке, и он представлял себе девочку лет девяти-десяти, а не стройную девушку, двигавшуюся в своей свободной одежде с неосознанной грацией газели.

Конан неожиданно прервал общее молчание:

— Дженна, утром мы поедем в том же направлении?

— Госпожа Дженна, понял, вор? — почти рыча, поправил его Бомбатта.

Дженна вздрогнула, словно удивившись тому, о чем ее спрашивают. Ее глаза, похожие на глаза молодого олененка, на мгновение остановились на Конане, а затем повернулись к Бомбатте. Ему и был адресован ответ:

— Более точно я смогу сказать завтра. А пока я знаю только одно: нам нужно ехать на запад.

К горам Карапаш, понял Конан. Не самое приветливое местечко, где недолго и пропасть навсегда, если не знать хорошенько эти места или не взять проводника. На картах были нанесены лишь основные перевалы, использовавшиеся как торговые пути. А местные жители, хоть и не такие озлобленные, как горные племена Кезанкиана, вовсе не отличались хорошим отношением к чужестранцам. Они имели обыкновение улыбаться гостю, приветливо встречать его и лишь затем, уловив момент, втыкали ему нож промеж ребер.

Киммерийца не удивляло, что он не получил ответа сам. С самого их отъезда из дворца Тарамис, еще до восхода, она ни словом не перемолвилась с ним, весь разговор шел только через Бомбатту. Но, будучи мастером своего дела, он понимал, что для вора нет ничего важнее

информации. Поэтому он продолжил этот странный разговор:

— А как тебе удастся узнать дорогу? Ключ сам притягивает тебя к себе?

— Ее не следует спрашивать, понял, вор? — вновь вскипел Бомбатта.

Где-то вдали завыл волк. Тяжелый, почти потусторонний звук, казалось, смешался с темнотой, пронизанной лунным светом.

— Что это, Бомбатта? — с любопытством спросила Дженна.

Человек со шрамами на лице бросил еще один уничтожающий взгляд на Конана, прежде чем ответить:

— Это такой зверь, малышка, что-то вроде собаки.

— А мы его увидим?

— Может быть, придется, малышка.

Конан тряхнул головой. Девчонка восхищалась всем подряд, ничего не зная о жизни в этом мире. Пустые улицы Шадизара, по которым они ехали к выходу из города, шатры караванов и спящие верблюды, стая гиен, следовавших за ними в течение полудня на почтительном расстоянии, — все так радовало ее, зажигало искорки в глазах и служило поводом для множества вопросов Бомбатте.

— То, что мне не удастся у тебя выяснить, может погубить нас, — продолжал убеждать ее Конан.

— Не пугай ее, вор! — процедил Бомбатта.

Дженна положила ладонь на скрывавшую руку воина кольчугу:

— Я не боюсь, Бомбатта. Мой добрый Бомбатта.

— Ну тогда скажи мне, как ты определишь, где искать Ключ. Или расскажи Бомбатте, если ты по-прежнему не хочешь говорить со мной.

Ее глаза обратились было к Конану, но затем остановились где-то на полпути между Киммерийцем и высоким воином в черных доспехах.

— Я не знаю точно, как я нахожу дорогу. Просто так получается. Как будто я здесь уже была, — она тряхнула головой и рассмеялась. — Конечно, я понимаю, что этого не может быть. Я ведь ни разу в жизни не покидала тетиного дворца вплоть до сегодняшнего утра.

— Если ты скажешь, куда нам нужно идти дальше, пусть даже приблизительно, я, наверное, смогу найти более короткий путь, короче, чем тот, по которому ты нас ведешь.

Вспомнив о том, что сказала Тарамис об особом расположении звезд, необходимом для оживления Валерии, Конан сжал в кулаке золотой амулет, висевший на его шее, и добавил:

— У нас мало времени.

Дженна в ответ еще раз тряхнула волосами и продолжила:

— Когда я вижу перед собой нужное место, я вспоминаю его. Но сначала мне нужно его увидеть.

Вдруг она рассмеялась и упала на спину, глядя прямо в звездное небо.

— А еще, я вовсе не хочу, чтобы наше путешествие закончилось побыстрее. Я хочу, чтобы оно продолжалось как можно дольше.

— Нет, малышка, так не получится, — сказал Бомбатта, — нам нужно вернуться в Шадизар через шесть ночей.

Конан сделал все возможное, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица. Этого еще не хватало. Его срок наступит через шесть ночей. Но Бомбатте нет никакого дела до воскрешения Валерии. Что же еще должно произойти в эту ночь?

— А теперь, девочка, тебе пора спать, — продолжил человек со шрамами, — нам рано в дорогу, ты должна хорошо отдохнуть.

Говоря это, он занялся приготовлением постели: убрал камни с земли и взрыхлил это место кинжалом.

— Бомбатта, ну пожалуйста, можно я еще немного посижу с вами? Здесь даже звезды не такие, какими я их видела из дворца. Они как-то ближе. Кажется, что до них можно почти достать рукой.

Бомбатта молча расстелил на рыхлой земле одеяло.

— Ой, как здорово, — сказала она, ложась и прикрывая ладонью зевок, — мне так хочется все попробовать, все испытать.

Лишь только она легла, Бомбатта укрыл ее вторым одеялом. В его движениях была видна неожиданная нежность.

— Ты еще все увидишь, все испытаешь, я обещаю тебе, девочка. Но сейчас для нас самое важное — вернуться в Шадизар через шесть дней.

Положив голову на руку, Дженна что-то пробормотала, уже сквозь охватывающий ее сон.

Он любит ее, подумал Конан, глядя на то, как Бомбатта склонился над девушкой, — самый настоящий любовник.

Не будь Дженна настолько явно девственницей, он бы подумал, что Бомбатта и вправду ее любовник.

Встав, Бомбатта подошел к костру и стал забрасывать его землей.

— Я буду дежурить первым, вор, — сказал он. Не говоря больше ни слова, он вернулся к спящей Дженне и сел рядом с нею, скрестив ноги и положив обнаженный меч на колени.

Конан сжал зубы. Этот черный стражник уселся между ним и Дженной: можно подумать, что он был главной грозой девушке опасностью. Не спуская глаз с Бомбатты, Конан лег на землю, не выпуская рукояти меча из рук. Он даже не стал укрываться одеялом. Куда более холодные ночи были ему не в диковинку, а вот одеяло могло на мгновение задержать его, случись срочно выхватить меч. А такое мгновение могло стать роковым, когда рядом противник с клинком, уже зажатым в руке. Но даже сквозь недоверие к Бомбатте в его голове закружилась еще одна мысль: что же должно произойти в Шадизаре через шесть ночей? Именно об этом он размышлял, когда сон наконец сморил его.

Солнце нещадно жгло трех всадников, двигавшихся к западу по равнине Замора. Дженна поглубже натянула на глаза капюшон своего плаща, пытаясь найти прохладу в его тени, падающей на лицо. Она уже поняла, что Бомбатта был прав, сказав, что плащ защитит ее от палящих лучей. Она на пробу высунула руку из-под плаща и оставила ее на солнцепеке. Сильное жжение убедило ее в правоте совета, но, даже избежав ожога, нельзя было спрятаться от самой жары. Это был как раз тот опыт, без которого, как она решила, вполне можно было обойтись.

Впереди виднелась цепочка гор со снежными вершинами. Горы Карапаш. Они манили прохладой и влагой. Дженна облизала губы, даже не почувствовав на них влаги.

— Бомбатта, а эти горы... мы до них скоро доедем?

Он повернулся к ней, и вдруг девушку пробрало чувство страха перед этим человеком со шрамами, в черном шлеме, с потным пыльным лицом. Чуть ли какая-то, подумала она. Бояться Бомбатты? Ей, которая знала его с самого раннего детства? Конечно, глупости.

— Не так быстро, малыш. Завтра. Хорошо, если утром.

— Но они кажутся такими близкими, — возразила она.

— Это воздух равнины. Он сокращает расстояние. А на самом деле горы намного дальше.

Дженна хотела попросить воды, но вспомнила, как Бомбатта смотрел на бурдюки после того, как она попила последний раз. Сам он попил лишь дважды с тех пор, как они выехали утром. Затем ее взгляд упал на Конана, двигавшегося впереди. Северянин сделал лишь один глоток на рассвете и с тех пор даже не посмотрел на бурдюки с водой. А теперь он легко сидел в седле, одной рукой придерживая рукоять меча, устремив взгляд вперед и, похоже, не замечая, что солнце уже почти изжарило их заживо, даже не дойдя до зенита.

Какой странный юноша, подумала она. Он был не старше ее, это точно, но эти синие глаза принадлежали взрослому человеку, много повидавшему в жизни. Казалось, жажда совсем не мучит его, не ощущал он и палящего зноя. Интересно, а может ли что-нибудь остановить его? Дождь, снег, ветер? Она слышала рассказы о снеге в горах, высоких-высоких, выше дворца. Нет, ей казалось, что его ничем не остановишь. Наверное, поэтому тетя и послала его с нею. Он, наверное, герой, переодетый или заколдованный принц, вроде тех, которых она знала по сказкам, рассказанным ей служанками, когда тети не было рядом.

Она украдкой взглянула на Бомбатту и спросила:

— Он ведь красивый?

— Кто красивый? — ворчливо переспросил он.

— Конан.

Бомбатта резко повернулся к ней; на миг она снова испугалась.

— Тебе не следует думать о таких вещах, особенно о нем, — его голос был тверд, без единой капли нежности, с которой он обычно обращался к ней.

— Не волнуйся из-за меня, Бомбатта, — возмолилась она. — Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты сердился.

— Я... я тоже люблю тебя, Дженна. Я не сержусь на тебя. Просто... Не думай об этом воре. Выкинь его из головы. Так будет лучше.

— Я не могу не думать о нем, не видеть его, пока он едет с нами. И все равно, Бомбатта, я тебе говорю, что он красивый, как в сказках про принцев.

— Он не принц, — отрезал Бомбатта.

Дженна ощутила сильнейшее разочарование, но продолжала свои рассуждения:

— Ну и пусть. Зато он все равно красивый. Хотя мне его и сравнивать-то не с кем. Разве что с тобой да со слугами во дворце Тарамис. А среди них нет ни одного такого красивого. Вечно они кланяются, падают на колени, извиняются.

Лицо Бомбатты совсем помрачнело. Дженна стала лихорадочно обдумывать, чем она могла его обидеть.

— Ну, конечно же, ты тоже красивый, Бомбатта. Я вовсе не хотела сказать ничего другого.

Зубы воина явственно скрипнули:

— Я же сказал тебе — не думать об этом.

— Он выше ростом и крепче, чем любой из слуг или рабов. Он почти такой же большой, как ты, Бомбатта. А как ты думаешь, он такой же сильный? Наверное, Тарамис потому и послала его с нами, что он такой же сильный, как и ты, такой же храбрый и такой же настоящий воин, как ты.

— Дженна!

Она подпрыгнула в седле и уставилась на него. Никогда раньше он не кричал на нее. Никогда.

Он продолжал ехать, тяжело дыша, уперев одну руку себе в бок. Наконец он сказал:

— Этот Конан — вор, малышка. Всего лишь вор и ничего больше. У принцессы были свои причины, чтобы

отправить его вместе с нами. Не мое и не твое дело спрашивать ее об этом.

Дженна закусил губу, осмысливая то, что только что узнала. Когда Тарамис сказала, что настал день путешествия, она была без ума от радости. Наконец-то она исполнит свое предназначение. Она найдет Рог Дагота и вернет его тете. Такое задание будет большой честью для нее. Но если Конан — вор, а Тарамис специально послала его с ними...

— Бомбатта, мы что, собираемся украсть Рог Дагота?

Он чуть не хлоннул ее по губам, прикрывая ей рот ладонью, а затем быстро взглянул на Конана. Голубоглазый гигант спокойно ехал впереди на расстоянии, когда можно расслышать лишь крик. Судя по его неподвижной спине, Дженна решила, что ему абсолютно наплевать и на Бомбатту и на нее. Сама не понимая почему, она почувствовала, что его безразличие задает ее.

— Дитя мое, — тихо произнес Бомбатта, — Тарамис же просила тебя не упоминать этого имени ни при ком, кроме меня и ее самой. И ты это знаешь. Это ведь наш секрет.

— Он не слышит нас. А я хочу знать, мы собираемся...

— Нет! — тон его голоса стал подчеркнуто терпеливым и спокойным. Таким он бывал только когда Дженна доводила его до белого каления. — Нет, Дженна. Мы не будем красть его. Ведь никто на свете не может прикоснуться к Ключу. Никто, кроме тебя, не может дотронуться до Рога. Никто во всем мире. Разве это не доказательство того, что мы берем свое. Так что твое предназначение — правое дело. Неужели ты сомневаешься во мне или в твоей тете?

— Ну конечно, нет, Бомбатта. Я просто... Но я и вправду не хотела причинять тебе беспокойство, я только...

Высокий воин вдруг пробормотал что-то злое и раздражительное.

— Что? Что случилось, Бомбатта?

Вместо ответа он пустил коня в галоп, настигая Конана.

Она посмотрела ему вслед и тоже заметила, что с севера по склону холма к ним быстро направляется чело-

век верхом, ведущий на веревке еще одну лошадь. Когда он подъехал поближе, она рассмотрела, что это некрасивый худой человек маленького роста, в кожаной куртке и грязных кожаных штанах. Неожиданно она поняла, что, кроме ругательств, пробормотал Бомбатта. Он назвал имя этого человека. Его звали Малак.

Конан позволил себе улыбнуться, увидев скачущего по гребню холма Малака со второй оседланной лошадью, привязанной к первой длинной веревкой. Перекинув из-под языка за щеку округлый камешек, который притуплял своей прохладой чувство жажды, он громко позвал своего приятеля:

— Эй, Малак!

— Эгей, Конан! — Рот маленького вора растянулся до ушей. — Ну и попотел же я, пока нашел вас. Ты же знаешь, я не следопыт, мы — люди городские, избалованные цивилизацией...

Словно смерч песка и камней, Бомбатта влетел в пространство между ними. Под его гневным взглядом улыбка мало-помалу сползла с лица Малака.

— Принцесса Тарамис подарила тебе жизнь. Почему ты не залег где-нибудь в свинарнике, чтобы отметить такую удачу?

— Я попросил его присоединиться к нам, — сказал Конан.

— Что значит — ты попросил? Да кто тебе дал право решать, кому принимать участие в путешествии? Принцесса Тарамис...

— Тарамис было нужно, чтобы я сопровождал Дженну, — прервал его Конан, — а мне нужен Малак.

— Я сказал, нет!

Конан глубоко вздохнул. Только спокойствие. Не надо ввязываться в драку с этим идиотом.

— Тогда поезжай дальше без меня, — сказал он даже хладнокровнее, чем сам ожидал.

Настала очередь Бомбатты задерживать дыхание, чтобы успокоиться. Его зубы заскрипели, когда он понял, что криком и запретами от Конана ничего не добьешься. С этим парнем где сидешь, там и слезешь.

— Есть вещи, о которых тебе, вор, не следует знать. Ты и госпожа Дженна должны следовать без посторонних.

— Тарамис сказала, что число провожатых не указано точно, — сказал Конан и с удовольствием отметил, как вытянулось в изумлении лицо его собеседника.

— Она тебе это рассказала?

Конан кивнул:

— Тарамис вовсе не нужно, чтобы наше дело провалилось. Поэтому она рассказала мне все.

— А, ну конечно, — медленно проговорил Бомбатта, но что-то в его голосе заставило Конана усомниться в своих словах. Может быть, от него и вправду что-то скрыли. Причем то, что не умалит шансы на успех путешествия, а сыграет свою роль лишь после него.

— Ну? — спросил Конан. — Малак едет с нами, или я отправляюсь с ним своей дорогой.

Ладонь Бомбатты сжала рукоятку меча так, что побелели костяшки пальцев.

— Можешь оставить этого маленького мерзавца. Но смотри не ошибись. Если из-за него с нами что-то случится — я вас обоих изрежу на куски и отдам собакам. И повежливей тут насчет принцессы и госпожи Дженны.

Натянув поводья, он галопом поскакал к Дженне, тревожно наблюдавшей за ними.

Малак тихо засмеялся:

— Не знаю, с чего я это взял, но мне кажется, что этот черный верзила недолгоблизает меня.

— Ты пережил многих из тех, кто недолгоблизал тебя. Переживешь и Бомбатту.

Конан посмотрел на запасную лошадь, шедшую на привязи вслед за конем Малака, и недовольно сказал:

— Жалкое зрелище.

Малак хихикнул:

— Это лучшее из того, что можно было украсть. Ничего, для Акиро сойдет.

— Ты разыскал его? Где он? У меня нет времени на долгие поиски.

— Недалеко. Сначала в том направлении, куда вы ехали, а потом — чуть южнее.

— Тогда поехали. Времени очень мало.

Малак пристроился позади Конана.

Киммериец привстал в седле и оглянулся, чтобы убедиться, что Бомбатта и Дженна следуют за ними. Все в порядке — они тоже двинулись в путь, но почему-то все время поддерживая довольно большую дистанцию. Быть может, Бомбатта не хотел, чтобы пыль из-под копыт передних лошадей мешала девушке, а скорее всего, ему просто не хотелось ехать рядом с Конаном. Впрочем, Киммерийца это мало занимало, если бы не желание время от времени оглянуться и посмотреть на Дженну.

Так они и ехали. При этом Малак все время буравил взглядом спину друга и наконец, не выдержав, сказал:

— Слушай, Конан. А что это вы там говорили про какие-то причины, из-за которых я должен или не должен быть здесь? Что такого особенного рассказала тебе Тарамис?

— Я все время ждал, когда же ты спросишь, — усмехнулся Конан и подробнее посвятил приятеля в суть дела. По крайней мере, он рассказал ему обо всем, что касалось поиска Ключа и Сокровища. Кое-что, сказанное принцессой в его объятиях, молодой Киммериец оставил при себе.

Когда он закончил, Малак грустно покачал головой:

— А я-то думал, что все дело упрется в сложности с оживлением Валерии. Эх! Послушал бы ты меня! Все, что я скажу, — предельно просто. Даже ты, надеюсь, сможешь понять. Сдается мне, что мы слишком далеко залезаем в эти колдовские штучки. А ты, ко всему прочему, еще и поверил колдунье: считаешь, что тебе все принесут на блюдечке, как обещано. Когда очередное заклинание убьет тебя, или еще чего похуже, — помани мои слова.

Он еще что-то пробормотал себе под нос, и Конан узнал молитву Белу, шемитскому богу воров.

— Не так все плохо, как тебе кажется, — сказал Киммериец.

— Не плохо! Ты еще скажи, что все здесь нормально. Девчонка с картой в голове — это тебе не черная магия? Какой-то волшебный Ключ, охраняемый неведомо кем. Потом — волшебный клад, на котором своими задницами сидит еще парочка волшебников, а то и похуже. Не многовато ли даже для такого безрассудного парня, как ты?

Послушай меня. Я знаю в Аренжуне трех сестриц. Девочки — пальчики оближешь. Ждут не дождутся, когда я приеду. Готов уступить тебе двоих. Выкинем этот Шадизар из головы, словно и не слышали о нем никогда. Тарамис в жизни не найдет нас в Аренжуне, даже если ей и придет в голову, что мы там. Ну, что скажешь? Махнем в Аренжун! Договорились?

— А Валерия? Мне и ее выкинуть из головы? Нет, поезжай, если хочешь, в Аренжун один, Малак. Я там уже бывал и не вижу смысла и повода снова появляться в этом городе.

— Значит, поедешь дальше? Независимо от того, как поступлю я?

Конан кивнул, а маленький вор, закрыв глаза, пробормотал еще одну молитву — Киале, иранистанской богине удачи.

— Ладно, — сказал он, подумав, — я поеду с тобой, Киммериец. Но только за то, что ты отдашь мне свою долю тех камешков. Бизнес есть бизнес.

— Ну разумеется. Я всегда знал, что ты — настоящий друг.

— Да-да, конечно, — Малак подозрительно взглянул на Конана, словно проверяя, не было ли во фразе Киммерийца иронии. Ничего не определив, он сказал, чтобы заполнить паузу:

— По крайней мере, во всем этом есть одна положительная сторона.

— Какая же?

— Как? Ты не понял? Мы же оказались лучшими ворами в Шадизаре, а это значит — во всем мире. Этот ваш колдун, Амон-Рама, поймет, что в его владениях кто-то побывал, когда мы уже будем далеко от него, на пути назад.

Глава 6

Не единожды эта гора выбрасывала из своих недр пламя и камни. Тысячу лет назад случилось последнее извержение, потрясшее землю на сотни лиг вокруг, разрушая города, уничтожая царства и королевские династии.

Небо почернело от пепла, а затем гора преподнесла еще один сюрприз: огонь сменился снегом. В течение долгих лет зелень весны и блеск льда заменяли здесь летний зной. Жители Карапашских гор называли эту гору горой Смерти и считали, что их души будут похищены темными силами, стоит лишь ступить ногой на эту гору.

В том последнем титаническом извержении половина горы исчезла, оставив после себя большой овальный кратер с глубоким озером на дне. Две стороны гигантской впадины представляли собой вертикальные стены, в сто раз превышавшие человеческий рост. Две других были пологими склонами. У подножия одного из них, на самой кромке озера, стоял дворец, который видела лишь одна пара человеческих глаз.

Дворец возвышался словно огромный драгоценный камень, сверкающий бесчисленными гранями. Стены, башни, купола — все искрилось и переливалось на солнце. Нигде не было видно ни единого камня. Казалось, что огромная игрушка вырезана из цельного горного алмаза, ограненного в виде дворца.

В центре этого хрустального дворца находилась огромная комната с высоким сводчатым потолком. Зеркала стен были скрыты за длинными золотыми занавесями. В центре зала стоял прозрачный постамент, на котором покоился камень, краснее красного, драгоценный кристалл, горящий и сверкающий так, словно кровь и огонь соединились в одно целое и плотно спрессовались, чтобы создать его.

Амон-Рама, бывший член Черного Кольца Магов Стигии, подошел поближе к тонкой прозрачной колонне. Алые одеяния стекали складками с его плеч до самого пола. Его лицо было лицом хищника. Нос больше походил на клюв орла. Десять тысяч черных заклинаний затмили последние искры света в его глазах. Похожие на клешни, его руки скользили вокруг камня. Но колдун был осторожен и внимательно следил, чтобы не задеть магический камень. Сердце Аримана. При каждом взгляде на пылающий красный огонь сердце колдуна наполнялось ликованием.

Когда его бывшие соотечественники узнали, что в его руки попало Сердце Аримана, они исключили его из Черного Кольца. Ибо существовали такие магические пред-

меты, которых боялись даже черные маги. Они не рисковали выпускать на волю скрытые темные силы, не зная точно, смогут ли они их удержать в повиновении. Он же не боялся ничего. Теперь ему некого было опасаться. Самим фактом обладания Камнем Сердца он стал выше всех своих врагов и соперников. Они были бы рады разделиться с ним, но знали его силу и опасались сокрушительного ответного удара, если их атака не удастся.

Его пальцы нашли нужное положение с двух сторон от Камня, и он начал нараспев читать заклинание на каком-то древнем, давно умершем языке: А'бат маа'бак удамаи мор'аас. А'бат маа'бак, а'бат маа'бак кафа'ар.

Хрустальные стены дворца задрожали, войдя в резонанс с вибрациями слов. С каждым звуком мерцание Сердца Аримана становилось все реже, а свет все бледнел. Все меньше рубина и крови, все больше малинового, алого — и вот камень стал совершенно прозрачным, а в его глубине показался горный пейзаж. По склону одного из холмов двигалось несколько точек.

Амон-Рама прищурился, присматриваясь к неясным силуэтам. Всадники. Девушка и трое мужчин, еще две запасные лошади. Пальцы чуть изменили свое положение, и девушка заполнила весь шар.

Колдун зло ухмыльнулся. Да, это она. Та, которую он ждал столько лет. Она, которая могла дотронуться до Сердца Аримана. Женщина из Шадизара хотела использовать ее в своих целях. Ей не откажешь в дерзости, еще бы — рискнуть использовать само Сердце Аримана в своем колдовстве, да еще и без ведома самого Амон-Рамы. Но этот камень — он скрывал в себе такие силы, какие ей и не снились. И как только к нему в лапы попадет девчонка, та самая, о которой говорилось в Свитках, — он, только он получит доступ ко всем этим скрытым могучим силам. А уж там он разберется, что стоит использовать, а что лучше не трогать. А Тарамис, — что ж, он даже сохранит ей жизнь, сделав рабыней, целующей ему ноги. Но это потом, а пока...

— Ну, иди ко мне, девочка, — шептал он, — приведите ее ко мне, мои храбрые воины.

Его пальцы снова закружились вокруг Камня, его губы вновь забормотали заклинания на неведомых языках.

Эти таинственные слова сторали в воздухе словно живые, корчась от боли. А вместе с ними бился, кипел в агонии и магический кристалл. Сердце Аримана горело ярче и ярче. Кровавый свет пульсировал и отражал тень волшебника от всех зеркальных стен. Казалось, что в комнате находятся двадцать, пятьдесят, сто человек в одинаковых мантиях. И все они продолжали петь магические гимны, глядя во все более яркий рубиновый огонь волшебного Камня.

Ощущение спешки крепло в Конане с каждым шагом его коня в направлении Карапашских гор. Все ближе и ближе к взметнувшимся склонам. Но нужно свернуть, чтобы найти Акиро, а времени совсем нет. Каждый час, потраченный на розыски колдуна, был потерян для поисков Ключа, явно находившегося где-то впереди, в горах. Значит, останется еще меньше времени, чтобы найти Сокровище и вернуться с ним в Шадизар. Каждый час промедления грозил часом опоздания, тем самым часом, которого не хватит, чтобы вернуть Валерию.

— Здесь, Конан.

Киммериец обернулся, услышав оклик Малака, но не притормозил лошадь.

— Акиро, — сказал Малак, показав рукой в нужном направлении. — Нужно свернуть здесь. Мы же собирались... Я думал... А может, наплевать на него, а?

Конан остановился в нерешительности. Нахмутив брови, он смотрел то на близкие уже горы, то на юг. Нет, на Акиро ему было не наплевать. Но и медлить тоже нельзя.

Бомбатта и Дженна остановились на расстоянии от призадумавшихся приятелей. Пряди красивых волос Дженны сбились ей на лоб, но, ничего не замечая, она все так же глядела вперед, на серые вершины у горизонта.

Черный воин утер пот со лба:

— Ну, что там еще? Почему ты остановился, варвар?

Челюсти Конана сжались, но он ничего не ответил. Он лишь хлопнул со всего размаха по крупу вьючного мула. Время! Совсем нет времени. А стоя тут, он терял его и вовсе бездарно, не разыскивая старого мага и не

продвигаясь к горам. Но какое же решение будет правильным?

— Да проклянет тебя Эрлик, варвар! Мы уже почти дошли до гор. Нужно поторапливаться. Нам нужен Ключ! Давай двигай живее!

Малак прервал тираду Бомбатты:

— Ну что, Киммериец? Будем искать Акиро? Клянусь ногтями Огуна, я лично понятия не имею, что делать.

Взрыв проклятий вырвался из горла Бомбатты:

— Еще кто-то? Ты что, всю окрестную шваль решил собрать, варвар? Тарамис может считать тебя очень важной персоной в нашем деле, но я считаю, что ты подвергаешь всех смертельной опасности. Один лишний человек может нарушить исполнение пророчества! Тебе есть хоть какое-то дело до этого? Или ты просто тянешь время? Может, ты трусил, ты, жалкий варвар с севера?

Он закончил, наполовину вынув саблю из ножен. Его глаза налились кровью.

Конан окинул его ледяным взглядом. Хватит. Довольно он выслушал окриков и оскорблений. Наступил предел терпению. Его ответ был прост и прям:

— Вынимай меч, Замориец. Обнажи оружие и умри. Я и один смогу довести Дженну до Ключа и вернуться в Шадизар.

Вдруг Дженна галопом ворвалась в пространство между ними. К их общему удивлению, ее глаза горели нешуточным гневом.

— А ну, прекратить! Я обоим приказываю! Вам сказано сопровождать меня, а вы сцепились, как голодные псы из-за кости.

Конан остолбенел, не веря своим глазам и ушам. Если бы мышь набросилась на стаю котов, он бы, наверное, не так удивился.

Бомбатта так и застыл с отвисшей челюстью. Когда Дженна замолчала, его рот захлопнулся, но с таким же звуком и его сабля вошла в ножны.

— Мы сейчас же продолжаем наш путь в горы, — сказал он ей хмуро.

Конан, стараясь сдержать свои эмоции, сжав свои чувства в кулак крепче, чем рукоять меча, молча повернул коня на юг.

— Так нельзя! — возмутилась Дженна. Маленький кулачок изо всех сил ударил по луке седла. Царственное величие девушки бесследно исчезло, словно дым на ветру. — Конан! Мы же решили, что идем туда, куда веду я. Мы же договорились!

Конан со вздохом повернулся к ней:

— Дженна, мы сейчас не играем во дворцовом саду. Я делаю то, что считаю нужным, а не то, что нужно по правилам игры.

— А я думала, что все это очень похоже на игру. Что-то вроде огромного лабиринта. Только ты почему-то не хочешь больше играть.

— Это и есть лабиринт. Только за каждым поворотом нас может поджидать смерть, а не приятный сюрприз.

— Нет, так не бывает! Так нельзя! — Было видно, что такой оборот дела совершенно неожидан для девочки. — Моя тетя говорила, что это — мое предназначение, что это обязательно нужно сделать. Но она никогда бы не отпустила меня, если бы это было опасно.

— Ну конечно, нет, — медленно сказал Конан, глядя ей в глаза. — Дженна, я дойду с тобой до Ключа и Сокровища. А потом мы вместе вернемся в Шадизар. Я сделаю все, чтобы тебя миновала любая опасность. Но сейчас тебе следует ехать за мной. Нам всем может очень понадобиться человек, которого я ищу.

Дженна нерешительно кивнула:

— Ладно. Я поеду с тобой.

Конан вновь повернул коня на юг. Малак и Дженна последовали вплотную за ним. На некотором расстоянии двигался бурчащий проклятия Бомбатта.

Прекратилась пляска теней в зеркальном зале. Погас ярко-алый свет, лишь привычно мерцало кроваво-красным Сердце Аримана.

Амон-Рама, чуть пошатываясь, отошел от прозрачного пьедестала. Его узкое лицо стало еще уже, и без того бледная кожа совсем посерела. Колдовство на расстоянии отбирает много сил. Следовало отдохнуть и подкрепиться, прежде чем продолжать.

Жаль, конечно, что заклинания, на которые потрачено столько сил, не сработали.

К тому же не удалось посмотреть, чем закончилось все там, на равнине. Сердце Аримана не могло одновременно служить магическим кристаллом и источником силы. Амон-Рама понимал, что не девчонка помешала заклинаниям. Она, конечно, отмечена судьбой, но не имеет никакого представления о реальном колдовстве. Вся ее жизнь подчинена одной цели, и колдовство никак не увязывалось с ее чистотой и непорочностью.

Значит, остаются эти люди, сопровождающие ее. Они, конечно, тоже не волшебники. Он бы почувствовал вибрации встречных заклинаний. Любой сильный талисман, способный защитить от заклятья, он тоже увидел бы при первом же взгляде сквозь волшебное зеркало Камня. Оставался лишь один ответ — каким бы неправдоподобным он ни казался. Один из них — один из двух воинов — обладал невероятной, непостижимой силой воли.

Черный маг злоеще улыбался. Неплохо. Железная, алмазная воля? Что ж, отличное дополнение к подарку. Девчонка, которая может управляться с Сердцем, и железная воля, отобранная у сопровождающего ее воина.

Но сначала — хорошая еда, крепкое вино и глубокий сон. Амон-Рама покинул зеркальный зал. Сердце Аримана угрожающе тлело на своем прозрачном пьедестале.

Глава 7

Кроваво-красное солнце уже коснулось вершин гор, но палящий зной все не ослабевал. Обливаясь потом, четверо всадников продолжали путь на юг. Бомбатта всю дорогу продолжал проклинать Конана и все подряд. Но делал он это негромко, себе под нос, и Киммериец не особо прислушивался к сопровождавшим его имя эпитетам. За любое из этих оскорблений он был готов убить кого угодно, но, решив для себя, что Дженне не нужно видеть смерть, он предпочел отложить выяснение отношений.

— За тем холмом, Конан... — неожиданно разорвал тишину Малак. — Селкет меня побери, если обитель Акиро не окажется там. Конечно, если меня не обманули в Шадизаре.

— Ты уже трижды говорил это, — раздраженно сказала Дженна.

— Госпожа, даже такой специалист, как я, имеет право на ошибку. Но на этот раз, уверяю вас, все будет без обмана.

Из-под копыт лошадей покатились камни, когда всадники направили их вверх по склону. Киммериец начал сомневаться, имеет ли Малак хоть малейшее представление о том, в какой стороне может находиться Акиро. Забравшись на вершину холма, он громко воскликнул:

— Ханнуман меня подери!

— Попридержи язык при Дженне, — гаркнул Бомбатта, но, подъехав к тому месту, где стоял Конан, сам прохрипел: — Вот так дерьмо Великого Эрлика!

Перед их глазами и вправду оказалась обитель Акиро — грубо сложенная из камней и глины хижина, наполовину врытая в склон. Ее хозяин, маленький желтолицый человечек, был привязан за руки и за ноги к столбу перед входом. Ветки, положенные у основания столба, весело потрескивали огоньком. Три человека в развевающихся, как крылья, белых одеяниях стояли спиной к наблюдателям на холме и, глядя в разгорающийся костер, читали какие-то таинственные заклинания. Еще две дюжины одетых в грязные лохмотья, немытых, нечесаных людей восторженно кричали, потрясая копьями, издавая одобрительные крики, за спинами белокрылых фигур.

— Вообще-то Акиро и мне не очень нравился... — осторожно начал Малак.

— Он нам нужен. — Ответ Конана был краток и ясен. Он молча повернулся к Бомбатте, и тот прочел в глазах Киммерийца немой вопрос.

— Нет, варвар. Если это и есть тот человек, из-за которого мы проделали такой путь, то теперь это твои личные проблемы.

— Почему вы что-то обсуждаете, вместо того чтобы помочь несчастному человеку там внизу? — разозленно спросила Дженна.

— Мое дело — охранять тебя, дитя мое, — ответил Бомбатта. — Неужели ты думаешь, что я потащу тебя туда, поближе к этим дикарям, или оставлю здесь, где поблизости могут шляться их приятели.

Малак влез в разговор, обратившись к Конану:

— Мы, кстати, еще можем махнуть в Аренжун.

— Вперед, Малак, к Акиро.

Меч Конана легко скользнул в его руки; закатное солнце блеснуло красным светом по всей длине лезвия. Пришпорив коня, Конан полетел вниз по склону.

— Да поможет мне Донар, — закатив глаза, простонал Малак вслед Киммерийцу, — надо думать, эти ребята знают свое дело, раз смогли скрутить колдуна.

Бормоча молитвы еще полудюжине богов, Малак отвязал приготовленную для Акиро лошадь и поскакал вслед за другом.

Молча, без боевого клича, Конан ворвался в группу оборванцев с копьями. Их завывания и причитания заглушили даже стук копыт приближающегося коня. Стоявшие кучкой разлетелись в разные стороны. Лишь немногие, собравшись с мыслями, повернули копьа в сторону незнакомца. Но Конан не стал тратить на них ни секунды. Троица, продолжавшая самозабвенно петь свою абракадабру, интересовала его больше. Несомненно, они творили какое-то колдовство, которое следовало немедленно остановить, чтобы спасти Акиро.

Стоявший в центре рухнул под копыта коня Конана со стоном и с треском ломаемых костей. Киммериец не испытывал никаких угрызений совести, нанав сзади, без предупреждения. Это был не рыцарский поединок, а маленькая война; эти люди собирались расправиться с его другом, и он должен был остановить их так, как мог.

Человек справа выхватил из-под складок одежды кинжал. Киммериец невольно содрогнулся от ужаса: его противник оскалил рот, зубы в котором были сточены каким-то инструментом в форме клыков. А под этой мерзкой пастью висело ожерелье из высушенных человеческих рук. Маленьких, детских ладошек.

Первым звуком, который издал Конан с того момента, как бросился вниз по склону, стал крик ярости, раздавшийся вместе с ударом меча, вошедшим в эту оскаленную

пасть. Руки жертвы поднялись к лицу, словно пытаясь удержать разваливающиеся кости черепа. Кровь фонтаном била сквозь растопыренные пальцы, покрывая кровавыми пятнами белоснежное одеяние.

Больше у Конана не было времени, чтобы рассмотреть этого колдуна, или кем там он еще был; его третий приятель, похоже, сам куда-то исчез. Но шок, заставивший остолбенеть толпу их спутников, прошел, и теперь они были готовы расчитаться с дерзким незнакомцем.

Первое направленное на него копьё Конан перехватил за середину, проткнув в следующий момент мечом горло державшего его человека. Древком он отбил другое копьё, одновременно перерубив мечом еще одно. Схватив обрубок, он изо всех сил ткнул наконечником в лицо одному из нападавших. Стальной треугольник вошел в череп точно между глаз.

Трое противников погибли в мгновение ока. Остальные отступили. Конечно, они могли просто задавить его численным превосходством, но при этом многим суждено было умереть. Понимая это, никто не хотел лезть вперед. Они нервно передвигались, то прячась за спины друг друга, то выступая вперед; на их лицах ясно был виден страх, смешанный со стыдом за эту трусость.

Осторожно, не сводя глаз с медленно приближающихся противников, Конан слез с коня. Преимущество длинных и легких копий будет сведено на нет в ближнем пешем бою. Кроме того, их следовало лишить последнего преимущества, не считая их численного превосходства: права напасть первому. Конан присмотрел слабейшее место в надвигающейся цепи и приготовился к броску.

Вдруг рядом с его плечом пролетел огненный шар, вонзившийся в голову одного из наступающих и взорвавшегося с треском разрываемых костей.

Несмотря на все свое самообладание, Конан подпрыгнул на месте. Затем он оглянулся. За костром стоял кривляющийся, гримасничающий, как клоун, Малак. Рядом с ним Акиро, во все еще дымящихся кожаных штанах и закопченной коричневой тунике, молча шевелил губами, читая какое-то заклинание. Сухие, словно покрытые пергаментом, руки совершали непонятные движения. Вдруг раздался хлопок ладоней на уровне груди, и между ними

возник еще один огненный шар. Этот плод магии проделал тот же фокус с еще одной жертвой. Двух трупов с дымящимся обрубок вместо головы вполне хватило, чтобы охладить пыл наступавших и обратить их в бегство. Их крики долго еще доносились из стусившихся вечерних сумерек.

— Мерзкие, полудохлые, вонючие верблюды! — кричал им вслед Акиро. Его седые волосы и длинные усы просто стояли дыбом от гнева. — Я их проучу, еще внуки их внуков будут со страхом произносить мое имя. Я заморожу кровь в их жилах, а их кости превращу в мягкий студень.

— Акиро, — окликнул его Конан. Малак внимательно слушал продолжающуюся череду проклятий, даже повторяя кое-что про себя, чтобы лучше запомнить.

— Я напущу на них чуму на десять поколений вперед. У них вся скотина передохнет, все посевы сгниют. Да у них у самих яйца отсохнут и зубы повывпадают!

— Акиро, — вновь обратился к нему Конан.

Желтолицый старик погрозил кулаком в сторону бежавших обидчиков.

— Они заявили, что я прогневал их богов. Богов! — он состроил презрительную гримасу и сплюнул. — Убогие шаманчики, они не могли придумать себе ничего поприличнее. Я им сказал, что если они принесут в жертву еще хоть одного ребенка, то я обрушу молнии на их мерзкие головы, и, клянусь Девятой Степенью Великой Силы, я это сделаю!

— Может, у тебя не получится? — съехидничал Малак. — Я имею в виду, что пока что они умудрились связать тебя и даже частично поджарить. Может, тебе лучше оставить их в покое?

Акиро внимательно присмотрелся к хитрой физиономии Малака и покровительственно заметил:

— Тебе нечего бояться, Малак. Твоим мужским достоинствам ничто не угрожает. Надеюсь, та гримаса, которую ты сотворил, выражает глубочайшее уважение к собеседнику, не так ли? Ну, тогда я расскажу, что случилось. Эти три шамана, называющие себя жрецами, ухитрились наложить на меня заклятие, пока я спал. Заклинание, к слову сказать, было весьма простеньким, но оно

позволило мерзким последователям мерзейшего культа навалиться на меня всей компанией и связать. Со связанными руками я не мог проделать ни единого магического жеста. Они засунули мне в рот кляп, — тут он остановил рассказ, чтобы сплунуть, — и я не мог произнести ни единого заклинания. А потом эти ублюдки решили принести меня в жертву своим богам. Какие там боги! Я им покажу богов! Я сам стану страшным демоном в их пантеоне, даже раньше, чем отправлюсь на тот свет. Я им... Эта девушка? Что она здесь делает?

Конан вздрогнул. Он решил, что лучше дать старому волшебнику возможность спустить пар, прежде чем о чем-то говорить. Но внезапная смена тона голоса и темы разговора застали его врасплох. В следующий миг он сообщил, что Бомбатта наконец спустился с холма с Дженной. Их силуэты едва вырисовывались в предвечерней мгле, и даже Конан, с его кошачьим ночным зрением, едва ли смог бы определить в одном из них женщину, если бы не знал об этом заранее.

— Она невинна, — тихо сказал Акиро; при этом Малак усмехнулся:

— Ты хочешь сказать, что отсюда видишь, что она еще никогда...

— Придержи язык, Малак! — оборвал его старик. — Это не имеет ничего общего с плотской девственностью. Тут дело в душе, и вот это-то и страшно.

— Страшно? — воскликнул Конан. — Это, конечно, не то, что я выбрал в жизни, но что уж тут страшного?

Акиро вздохнул:

— Такую чистоту надо беречь, как оберегают детей, лишь постепенно знакомя их с миром, чтобы они не стали легкой жертвой зла. Редкий случай, чтобы такая чистота сохранилась естественно. Обычно этих детей оставляют расти специально для каких-нибудь колдовских целей.

— Тот самый случай, — пробормотал Конан, нахмурившись. На достаточном расстоянии от хижины Бомбатта помогал Дженне слезть с лошади. Черный воин встал между нею и кровавым зрелищем, не давая ей увидеть следы сражения.

— Валерия, — произнес Акиро, заставив Конана вздрогнуть.

— Она — одна из причин того, почему я пришел к тебе.

— Подожди.

Акиро скрылся в своем жилище. Звуки, доносившиеся оттуда, свидетельствовали об усердных поисках. Когда он появился вновь, в его руках оказался маленький флакончик из полированного камня, запечатанный воском.

— Это для Валерии.

— Я не понимаю.

Акиро поджал губы и стал накручивать усы на пальцы.

— Я долго думал об этом, Киммериец. Я бросал Кости Судьбы, читал по звездам, тасовал карты К'фара — все для того, чтобы найти нужный ответ на мучающий тебя вопрос.

— Меня больше ничего не мучит, Акиро. По крайней мере...

— Не перебивай меня. А если говоришь, говори правду. Иначе я не смогу помочь тебе. Жизнь Валерии слишком тесно переплелась с твоей жизнью. Она была для тебя и любимой женщиной, и товарищем по оружию. А крепче этих двух связей ничего быть не может. Поэтому, даже погибнув, она вернулась на миг из Царства Теней, чтобы спасти тебя. Киммериец, такая сильная связь между жизнью и смертью может быть очень опасна. Валерия сама обрубил бы ее, если бы знала об этом. Но есть знание, недоступное и жителям Царства Теней.

— Акиро, я не собираюсь разрубать эту связь. Я пришел не за этим.

— Послушай меня, ты, упрямый северянин. Ты не выберешься из этой западни, полагаясь только на свой меч. И я вижу твою судьбу, если ты не одумаешься. Об этом говорят и карты, и кости, и звезды. Все вопиют об одном. Ты умрешь заживо. В один прекрасный день ты окажешься между жизнью и смертью, но не имея возможности попасть как в мир живых, так и в мир ушедших. Только забвение может спасти тебя. Мне пришлось здорово поломать голову и потрудиться над снадобьем в этом флаконе. Оно вычеркнет из твоей памяти Валерию, не оставив ничего связанного с нею, никакого следа. Поверь мне, Киммериец: если бы она знала, какой выбор

стоит перед тобой, Валерия сама бы поднесла к твоим губам этот сосуд. Она была не из тех, кто избегает трудных решений.

— А если бы Валерия могла вернуться? — тихо спросил Конан. — Не на миг, как тогда, а чтобы прожить то, что ей было суждено, если бы она не прикрыла меня от смерти в тот раз. Что тогда, Акиро?

Волшебник долго молчал, прежде чем ответить. Его взгляд упал на Дженну, и он, не торопясь, разомкнул губы:

— Я думаю, что первым делом нам надо убрать трупы, чтобы девушке можно было подойти. Затем надо хорошенько поесть. Лично мне нужно изрядно подкрепиться, чтобы выслушивать дальше то безумие, которое ты собираешься обрушить на мою голову.

Глава 8

Старый колдун не отвязался от Конана, пока тот не взял флакон и не положил его в мешочек, висевший у него на ремне. Его настойчивость куда-то исчезла, когда Конан с Малаком стали перетаскивать трупы за дом. Акиро пробормотал что-то невнятное про больную спину и старые кости, хотя под слоем его жира можно было нащупать еще очень крепкие мускулы. Бомбатта опять отказался покинуть Дженну и не подпустил ее поближе, когда она захотела рассмотреть, что великан Киммериец и его малорослый приятель таскают за дом старика, на другой склон холма.

Акиро уже сообщил, что ему необходимо поесть, а теперь он изобразил из себя умирающего от голода. Кролики, пойманные им этим же утром — с помощью самых обычных силков, безо всяких заклинаний, — были выпотрошены и обжарены на огне; полкорзины мелких коринтийских апельсинов появились из-за дверей жилища Акиро. Наконец последние кости были обглоданы и последние апельсиновые очистки брошены в огонь, обрисовывавший золотистый круг перед дверью хижины. Бомбатта достал точильный камень и занялся приведением в порядок лезвия своей кривой сабли. Малак решил

пожонглировать тремя апельсинами, чем привел в неописуемый восторг Дженну, несмотря на то, что поминутно ронял один из них.

— Ничего, это — составная часть фокуса, — сказал воришка, в четвертый раз поднимая апельсины с земли, — это все для того, чтобы остальные мои штучки производили еще большее впечатление.

Акиро дотронулся до руки Конана и кивком головы предложил отойти. Они растворились в темноте так тихо, что, похоже, никто не обратил на это внимания.

Когда они отошли на такое расстояние, чтобы их голоса не слышали сидевшие у костра, Акиро повернулся к Конану и сказал:

— Ну, а теперь расскажи мне, как ты собираешься оживить Валерию?

Конан изучающе смотрел в лицо толстенькому чловеку, хотя в этой темноте едва ли можно было рассмотреть что-либо, кроме неясных теней. Колдуны все делали не так, как нормальные люди, вечно они себе на уме, даже самые приличные из них. Хотя мало кого из их рода можно было назвать более или менее приличными или добрыми. Даже Акиро, с которым Конану довелось попутешествовать вместе, оставался для него загадкой. Но, в конце концов, разве можно хоть одному колдуну доверять полностью?

— Тарамис, — начал Конан, — обещала мне вернуть Валерию. Не как призрак, не как живой труп, а живую. Какой она была.

Колдун помолчал немного, подергивая себя за ус, а затем сказал:

— Я не думал, что в наши дни есть кто-то, у кого хватит знаний и могущества, чтобы совершить это. Менее всего я ожидал, что такой силой обладает принцесса Заморы.

— Думаешь, она лжет?

Акиро покачал головой:

— Может быть, и нет. В древних рукописях сказано, что Мальтанеус из Офира проделал такое тысячу лет назад. Еще, быть может, Ахмад Аль-Рашид, еще за тысячелетие до этого. Быть может, настало время для следующего чуда оживления умершего.

— Значит, ты веришь, что Тарамис может сделать это, раз она говорит так?

— Конечно. Хотя Мальтанеус был величайшим белым магом с тех пор, как было разрушено Великое Братство Правой Руки, еще во времена Агерона. А Ахмад Аль-Рашид трижды, как говорят, получил благословение от самого Митры.

— Слушай, что ты скажешь, как обезьяна с ветки на ветку? Можешь ты хоть раз прямо ответить на вопрос?

— Я могу сказать только, что такое было сделано в прошлом. Еще я могу сказать, что Тарамис, вероятно, способна сделать это. — Он помолчал, а потом тихо спросил: — С какой стати она будет делать это для тебя?

Как можно более кратко Конан рассказал, почему он оказался в роли сопровождающего Дженны, о Ключе и Сокровище, а также о том, что времени осталось в обрез.

— А, стигиец, понятно, — заметил Акиро, когда Конан закончил. — Говорят, что нет народов без хотя бы капли доброго в их душах, но я в своей жизни не встречал ни одного стигийца, которому можно доверять хотя бы на грош.

— Он, должно быть, сильный волшебник. Чересчур могущественный для тебя.

Акиро ответил коротким смешком:

— Не пытайся подзадоривать меня. Ты еще мальчишка. А я этих колдунов перевидывал на своем веку.

— Мне кажется, что ты мог бы быть нам очень полезен в дороге, Акиро.

— Я уже слишком стар, чтобы шататься по горам, Киммериец. Пойдем лучше к огню. Ночи здесь холодные, а у костра можно согреть старые кости. — И, не дожидаясь реакции юноши, колдун зашагал к своему дому.

— По крайней мере, Бомбатта будет спокоен. Он боится, что Малак или ты нарушите какое-нибудь предписание пророчества Скелов.

Акиро так и застыл, даже не опустив занесенную для очередного шага ногу. Медленно-медленно он повернулся к своему молодому собеседнику и шепотом переспросил:

— Скелы?

— Ну да, Свитки Скелов. В них сказано, что и как нужно делать, чтобы эта затея выгорела. По крайней мере, так утверждает Тарамис. А ты знаешь, кто такие эти Скелы?

— Братство волшебников, которые поумирали сотни лет назад, — рассеяно ответил Акиро. — Они написали много томов, изложив на папирусе и пергаменте свои тайные знания. Теперь эти рукописи найти не легче, чем девственницу в Шадизаре. Так ты говоришь, у Тарамис есть Свиток Скелов?

— Ну, ссылается она на него постоянно. Наверное, она не врет. Эй, куда ты?

Акиро направился к дому с такой скоростью, которая могла поставить под сомнение правдивость его жалоб на слабое здоровье. Обернувшись, он бросил через плечо:

— Ты говоришь, что времени мало. Вот и я думаю, что выехать надо еще до рассвета. А перед этим мне нужно отдохнуть.

Конан, улыбаясь, шел за ним и думал, что лучшим капканом иногда становится тот, который ты даже не собирался ставить.

Вернувшись, Конан обнаружил, что Дженна сидит у костра и дремлет, Бомбатта все возится с точилом, бросая уничтожающие взгляды на нагло храпящего Малака. Храп и вправду был на редкость немелодичен и противен. Из хижины доносилось невнятное бормотание Акиро. Конан разобрал лишь отдельные слова: «Я должен поспать... старые кости... Осел, объевшийся гороха...»

Вдруг в дверном проеме показалось недовольное лицо Акиро. Его взгляд остановился на Малаке, а губы зашевелились. Храп прекратился в мгновение ока. Маленький воришка с воплем вскочил, боязливо оглядываясь. Акиро не было видно. Нерешительно, держась одной рукой за горло, Малак снова растянулся на земле. Вскоре его дыхание стало глубоким и ровным, но уже никак не громче, чем потрескивание веток в костре. Через несколько минут раскатистый храп послышался из хижины.

— Он поедет с нами? — поинтересовалась Дженна.

— Да. Мы выезжаем еще до рассвета.

— Туда, куда я скажу?

— Именно туда, как договорились.

Конан чувствовал на себе ее взгляд, который приводил его в непривычное смущение. Он знал, как обращаться с бесстыжими трактирными девицами, с молоденькими женами старых купцов, с пьяной проституткой и страстной дочкой из аристократической семьи. А эта девушка была больше, чем просто девственницей. Непорочная и невинная — так описал ее Акиро. Конан был готов признать точность определения. Но кое-что не укладывалось в эти рамки.

— Слушай, — обратился к ней Конан, — тогда, когда мы с Бомбаттой сцепились там, на холме, ты так изменилась, по крайней мере, на миг твой голос стал похож на голос Тарамис, да и вся ты была так похожа на нее.

— Да, в эти мгновения я и была Тарамис. — Его глаза широко открылись, и она поспешила добавить: — Ну, не на самом деле. Просто мне не хотелось, чтобы вы продолжали ссориться, и я представила, что я — моя тетка, принцесса, а вы — двое слуг, повздоривших из-за чего-то.

— Я не слуга, — резко сказал Конан.

Дженна выглядела удивленной:

— Почему ты обиделся? Ты служишь моей тете и мне. Бомбатта же не обижается, что он слуга моей тети.

Шуршание точильного камня по стали прекратилось, но двое у костра не обратили на это внимания.

— Он может кланяться кому угодно и столько, сколько захочет. Я нанимаюсь, продаю свою силу, умение, удары своего меча. Все это на день, на десять. Но я не раб и не слуга никому — ни мужчине, ни женщине, ни богам.

— Вот это да! — восхищенно сказала девушка. — Я так рада, что ты поехал со мной. Я не помню, когда мне удавалось хоть парой слов перекинуться с кем бы то ни было, кроме тети, Бомбатты или моих служанок. Ты — совсем другой, и с тобой интересно. Да и весь мир, оказывается, совсем другой. Небо, звезды и много-много открытого пространства.

Он смотрел в ее карие глаза и чувствовал себя на сто лет старше нее. Такая милая девушка, такая красивая — и полная невинность, полное непонимание того, какие чувства она может вызывать у мужчины. Чтобы что-то ответить, он начал рассказывать:

— Это открытое пространство, тут, где мы находимся, — очень опасное место. В горах еще опаснее, даже если не брать в расчет колдуна из Стигии. Вообще-то это место не для тебя.

— Это мое предназначение, — сказала она просто, услышав в ответ фырканье.

— С чего ты взяла? Так написано в Свитках Скелов?

— Я была отмечена при рождении. Смотри.

Прямо перед остолбеневшим Конаном она расстегнула ворот своего платья и опустила его, открыв грудь почти до самых сосков. Симпатичные игрушечки для мужских ладоней, подумал Киммериец, у которого просто перехватило дыхание.

— Видишь? — спросила Дженна. — Вот здесь. Этот знак на мне с рождения. Он описан в Свитках, значит, боги сами выбрали меня.

Действительно, в ложбине между грудей он увидел родинку — четкую восьмиконечную звездочку, не больше ногтя размером, словно нарисованную по линейке.

Вдруг сверкающая в огне костра сталь рассекла воздух между ними.

— Не смей дотрагиваться до нее, вор. Никогда! — прохрипел Бомбатта.

Конан открыл было рот для нелицеприятного разговора, но вдруг понял, что его рука и в самом деле уже потянулась к девушке. Изогнутый клинок повис прямо перед его пальцами, словно он собирался дотронуться до сабли. Злясь на самого себя, Конан встал, лишь посмотрев в глаза черному воину.

Взгляд Дженны переходил с одного из них на другого. Было видно, что в ее глазах кружатся новые, совершенно непривычные для нее мысли.

— Уже поздно, — спокойно сказал Конан. — Лучше всем лечь поспать. Завтра мы выезжаем очень рано.

Бомбатта свободной рукой помог девушке подняться, все еще держа перед ней саблю, словно щит. Дженна еще раз бросила взгляд на молодого Киммерийца, но позволила Бомбатте уложить себя на одеяло, не говоря ни слова. Как и прошлой ночью, Бомбатта сел около нее, как страж.

Проклиная всех и вся, Конан завернулся в свое одеяло. Вот ведь дурь какая, думал он. В мире полно женщин, а

он позволил заморочить себе голову какой-то девчонке, которая даже не понимает, что делает. Она же совсем ребенок, несмотря на свои годы. Он уснул, и во сне ему виделось сверкающее в темноте тело Тарамис и всплывали картинки проведенной с нею ночи. Иногда на месте Тарамис оказывалась Дженна. В общем, такой сон не прибавил Конану много сил.

Темнота ночи повисла над Шадизаром, и скрытые занавесями коридоры дворца Тарамис были пустынные, когда она шла по ним, выйдя из спальни. Единственный звук нарушал тишину: шуршание ее шелкового платья по полированному мрамору пола. В тот зал, куда она направлялась, днем наведывались жрецы и астрологи, но ночные визиты, которые становились все более частыми, она совершала в одиночестве.

В углах помещения тускло горели светильники. Свет, исходящий от них, был так слаб и бледен, что мог бы сойти за лунный. Пол в зале был выложен отполированным до зеркального блеска мрамором. Резные алебастровые колонны поддерживали высокий свод потолка, выложенного ониксом с инкрустацией из сапфиров и алмазов, изображавших ночное небо. Звезды на этом небе располагались так, как они на самом деле располагаются раз в тысячу лет.

Под этим искусственным небом в центре зала стояло ложе из красного мрамора, отполированного волосами девственниц. На нем лежала алебастровая статуя, изображающая мужчину с закрытыми глазами, вполнину больше любого живого человека и более красивого, чем любой смертный. Лишь одно нарушало совершенство: посреди широкого лба статуи зияла круглая дыра шириной с ладонь и глубиной с половину человеческого пальца.

Тарамис медленно подошла к ложу и встала в ногах статуи. Взгляд скользил по алебастровой фигуре, дыхание замерло, пересохло в горле. Много мужчин было в ее жизни. Первого она долго выбирала в шестнадцать лет. На выбор каждого следующего уходило все меньше времени. Мужчин она знала едва ли не лучше, чем свой

родной дворец. Но что, если стать... любовницей божества?

Она сбросила с себя одежду и, обнаженная, припала к ногам статуи. Ничего подобного Свитки Скелов от нее не требовали. Но ей хотелось большего, чем обещалось в древних рукописях.

Прижимая лицо к холодному алебастру, она шептала:

— Я — твоя, о Великий Дагот.

Какой-то импульс подтолкнул ее пойти дальше, чем когда-либо до этого она позволяла себе. Покрывая каменные ноги поцелуями, она медленно двинулась выше, не оставляя ни одной точки, не обласканной ее горящими губами, пока не оказалась лежащей на статуе, как она легла бы на мужчину. Дрожащими пальцами она посмела прикоснуться к каменному лицу.

— Я твоя, о Великий Дагот, и вовеки буду твоей, — снова и снова шепотом повторяла Тарамис. — Когда ты проснешься, я возведу в твою честь храмы выше святилищ всех других богов. Но я буду больше, чем твоей жрицей. Божественная плоть соединится с моей, я буду хранить себя от всех мужчин, оставаясь только твоей. Я буду восседать по правую руку от тебя, и только твоей милостью я буду повелевать жизнью и смертью других. Вновь тебе начнут приносить жертвы, вновь склонятся перед тобой народы. Я клянусь, что все так и будет, о Великий Дагот, я клянусь своей душой и своей плотью.

Неожиданно у нее перехватило дыхание в груди. То, на чем она лежала, было все таким же твердым камнем. Но сегодня от него шло тепло живого тела. Не решаясь поверить, боясь, что это лишь отражение ее собственного тепла, Тарамис провела руками по прекрасным плечам и опустила их на широкую каменную грудь. Сомнений не было — камень излучал тепло.

Это ощущение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Неестественная быстрота изменения рассеяла последние сомнения женщины. Ее бог дал ей знак. Ее предложение будет принято. Она получит свою награду. Улыбаясь, она погрузилась в дурманный сон, так и оставшись на прекрасной алебастровой статуе Спящего Бога.

Глава 9

Конан прищурился, рассматривая пляшущие перед ним тени. Солнце еще не поднялось целиком над горизонтом, поэтому тени были огромными: они доставали до подножия лежащих впереди первых горных отрогов — гигантских отвесных скал, без намека на какой-либо проход или перевал.

— Дженна? — вопросительно окликнул он девушку.

Большого говорить не требовалось. Все молча обозревали местность, и даже обычно спокойная девушка нервно нахмурилась.

— Нам сюда, — настойчиво сказала она. — Я знаю, мы едем правильно. Прямо вперед. Я уверена.

Конан прищипорил коня. Что бы там впереди ни оказалось — это было лучше, чем бесконечный путь в ожидании.

Он присмотрелся к обрывам, тянувшимся далеко влево и вправо от них. Не меньше пятидесяти шагов в высоту — это в самых низких местах. Кое-где — раз в десять повыше. Тонкие вертикальные расщелины и трещины нарушали местами монолитность стены, но нигде до горизонта не было видно ничего похожего на проход внутрь.

Сам Конан, конечно, смог бы забраться по стене обрыва. Случалось ему встречать стены и повыше и поровнее в его родной Киммерии. Ловкий и проворный Малак тоже одолел бы подъем. Бомбатта — возможно. Но Акиро был, конечно, не скалолаз. А что касается Дженны, то единственное, что смогло бы поднять ее наверх, были крылья. Крылья? Конан задумчиво хмыкнул. А что, если Акиро сможет с помощью каких-нибудь колдовских штучек поднять себя и девчонку наверх, пока остальные доберутся туда более привычным способом?

Вдруг нечто более реальное привлекло его внимание. Прямо, говорила Дженна. И именно точно впереди он увидел узкую трещину, ведущую в глубь обрыва, теряясь из виду на резком повороте в пятидесяти шагах впереди. Конан понял, что едва ли может рассчитывать на счастье, что эта кишка не окажется их дорогой. К сожалению, двигаться придется именно по ней. Да, лучше было бы разжиться крыльями.

На лицах своих спутников Конан увидел те же чувства. Даже Бомбатта состроил подозрительно недовольную физиономию в ответ на вопросительный взгляд Киммерийца. Малак тут же бросился поминать всех известных ему богов разом. Лишь Дженна казалась уверенной, как никогда. На всякий случай Конан спросил:

— Сюда?

Она кивнула головой.

— Тогда я поеду первым, — сказал он, вынимая меч из ножен. — Малак за мной, затем Акиро с выучной лошадей. Потом Дженна. Бомбатта прикрывает нас сзади. — Черный воин кивнул, тоже вынимая свой клинок из ножен. — Посматривайте наверх, — закончил Конан, понимая, что толку от последнего совета было мало. Что они смогут сделать, начини кто-нибудь швырять сверху камни или еще что похуже, — Конан понятия не имел.

— Пылающие зубы Шакуру! — с тоской сказал Малак. — А ведь мы могли бы уже быть в Аренжуне.

Ничего не ответив, Конан въехал в открывшийся проем. Остальные последовали за ним. Небо сузилось до узкой голубой полоски между каменными стенами. Казалось, что день, не начавшись, вновь обернулся сумерками. Иногда щель между стенами едва давала пройти лошади. Серые камни чуть-чуть не касались колен всадников.

Так они и ехали, поворачивая, крутясь, возвращаясь, так что вскоре только инстинкт подсказывал Конану, что они все же двигаются на запад. Солнце стояло уже прямо над головой, отбрасывая причудливые тени на стены ущелья.

Конан вдруг резко потянул на себя поводья.

— Что там еще? — хрипло спросил Бомбатта.

— У тебя что, носа нет? — поинтересовался Киммериец.

— Горелое дерево, — сказал Акиро.

— Точно, — согласился Конан. — И побольше, чем костер.

— Что будем делать? — спросил Малак.

Конан лишь рассмеялся, а потом ответил:

— Угадай! Все просто: поедem вперед и посмотрим, что там горит.

Еще три поворота узкого коридора — и они оказались по ту сторону хребта, на открытом пространстве. Правда, к неудовольствию Конана, они попали прямо в середину большой деревни, пристроившейся у самого склона. Жалкие лачуги связывали пыльные тропинки, которые никак нельзя было назвать улицами. За крайними домами поднималось с десятков столбов дыма. Несколько детей возились в пыли вместе с тощими собаками. Их старшие товарищи, такие же грязные, как и малышня, если не хуже, с удивлением и тревогой уставились на незнакомцев.

— Накинь капюшон, Дженна, — тихо сказал Конан.

— Но мне будет жарко! — запротестовала она. Тогда Бомбатта молча сам накинул ей на голову белый треугольник и натянул его ей поглубже на глаза.

Конан кивнул. Чужеземцы могли нарваться на неприятности, даже просто проезжая через деревню; еще более вероятны были эти неприятности, если местные жители обнаружат в их компании красивую молодую девушку.

— Ни в коем случае не останавливаться. Ни под каким предлогом, пока не выберемся из деревни, — сказал Конан и, положив меч поперек седла, поехал вперед. Остальные последовали за ним в том же порядке, что и раньше.

— Послушай, Малак, — обратился Акиро к маленькому вору, — если тебе даже что-нибудь понравится в этой дыре, постарайся ничего не воровать.

— Я? — Руки Малака потянулись было к корзине с финиками, но вовремя убрались обратно. — О, прекрасная грудь божественной Фидессы, я что, по-твоему, совсем дурной?

Подозрительные взгляды провожали их. Одни оценивали лошадей и снаряжение, другие пытались проникнуть под плащ Дженны. Но людей было маловато для такой деревни. Лишь проехав почти до конца деревни и увидев перед собой те самые дымные пепелища, Конан понял, что большинство жителей деревни собрались здесь, привлеченные жестоким зрелищем.

Шесть солдат в кожаных нагрудниках и шлемах с красным крестом стояли широким кругом, опираясь на копыя, вокруг женщины, сжимавшей в руках деревянный шест, длиннее ее самой, а толщиной в два пальца. Кожа цвета полированного черного дерева выдавала, что ее ро-

дина лежит далеко-далеко на юге. Полоска ткани на небольшой груди и вторая, едва ли чуть пошире, — вокруг бедер, — вот и вся одежда, прикрывавшая сильное тело. Толстая веревка, завязанная на одной из щиколоток, удерживала ее в шаге от вбитого в землю кола.

— Эти люди — не солдаты Заморы, — сказала Дженна. — Разве мы уже вышли за границу Заморы? Помоему, нет.

Конан подумал, что сейчас — не лучшее время для лекции по поводу ситуации в приграничных землях. Солдаты носили доспехи одного из городов-государств Коринтии. Горы на границе Коринтии и Заморы обе стороны объявляли своими. Местным жителям приходилось сполна платить налоги тем, чьи солдаты добирались до их деревень. В остальное время они плевать хотели на свою принадлежность тому или иному государству.

Чернокожая женщина сделала шаг, чтобы ощутить веревку и нащупать узел. При этом она не спускала глаз с окруживших ее солдат. Стоило ее пальцам коснуться узла, как один из них сделал выпад вперед, пытаясь уколоть ее копьем. Женщина отскочила, насколько ей позволяла веревка. Шест в ее руках закрутился, как живой. Солдат отскочил в другую сторону с довольным смехом. В это время другой попытался со спины достать ее острием копья. Ей удалось увернуться и от этого укола. Но третий все же зацепил ее наконечником.

— Что она сделала такого, чтобы заслужить эти издевательства? — спросила Дженна.

Один из толпы зрителей зло бросил ей в ответ:

— Она — бандит. — Человек изогнул шею, пытаясь заглянуть под капюшон. Конан сжал рукоять меча покрепче. — Мы схватили и другого. Его мы замучили не торопясь. А потом пришли солдаты. Теперь нам самим до нее не добраться.

— Да, они уж займутся ею в свое удовольствие, — сказал другой человек, тоже попытавшийся рассмотреть лицо девушки и фигуру. — Только зря они рискуют. Не стоило ей этот шест отдавать. Она им убила двух человек, а потом чуть не смылась.

— Бомбатта, — сказала Дженна, — ты должен остановить их. Что бы она ни сделала, эти люди не имеют

права так обходиться с нею. Они пришли из Коринтии, а эта земля принадлежит Заморе.

— Бандиты и воры заслуживают смерти, — хриплым голосом ответил Черный воин. — А сейчас — время ехать дальше.

Девушка подъехала к Конану и, заглянув ему в лицо, спросила:

— А ты тоже ничего не сделаешь?

Конан глубоко вздохнул. Обстановка накалялась с каждой минутой. Все больше глаз, повернувшись к ним, придирчиво оценивали стоимость их вещей и оружия, прикидывали и то, сколько можно получить на рынке за девчонку, окажись она симпатичной. В другой ситуации все это было бы неприятно, но не так опасно. А сейчас жители деревни, разгоряченные кровавым зрелищем, озлобленные нападением разбойников, лишь искали повода, чтобы сорвать злость. И повернуться к ним спиной, ничего больше не сделав, означало дать им этот повод.

— Приготовились, — тихо скомандовал Конан.

— Да хранит нас Бел, — забормотал молитву Малак, пока Конан пробирался сквозь толпу.

Возбужденные зрители неохотно расступались перед конем. Приветственно кивнув солдатам, он въехал в их круг. Они переглянулись, не понимая, чего хочет этот незнакомец. Конан поднял меч.

— Не порти удовольствие, не убивай ее! Дай повеселиться, — раздались отдельные возгласы. Чернокожая женщина стояла с шестом в руках, недоверчиво глядя на Киммерийца.

Конан улыбнулся ей, надеясь, что будет понят. Меч взлетел и опустился, перерубив веревку у самой ноги. Их глаза встретились. На лице девушки не дрогнул ни один мускул. Ни капли страха, восхищенно подумал Конан.

— Что он сделал? — закричал один из солдат. — Он что, убил ее? Мне отсюда не видно.

Небрежно и неторопливо Конан выехал из круга, прожогаясь подозрительными взглядами. Прежде чем он присоединился к своим спутникам, черная женщина воспользовалась подаренным ей шансом. Ее шест засвистел в воздухе, вращаясь с невероятной скоростью. Она бросилась в атаку.

— Поехали, живее, — прокричал Конан.

Конец шеста разорвал горло одного из солдат прежде, чем они успели сообразить, что их пленница освободилась от привязи. Затем деревянное орудие, отскочив от шлема, неожиданно ударило второго солдата под колени, сбив с ног. Еще один выпад копьём был отбит, а шест вонзился в лицо второй жертвы.

Толпа с криками расступилась перед мечом Конана, описывающим круги в воздухе, и перед его всхрапывающим конем. Бомбатта перехватил поводья Дженны, хотя она и сопротивлялась, что-то крича Конану, который не слышал ее из-за общего шума, и показывая рукой в сторону сражающейся женщины.

Трое солдат в считанные мгновения пали жертвами страшного в этих маленьких черных руках оружия. Трое оставшихся остановились в нерешительности. Разящий шест взлетел над головой чернокожей девушки, и она издала пронзительный воинственный крик. Троица, переглянувшись, пришла к общему решению: покинуть поле боя как можно скорее. Еще один, победный, крик вырвался из ее груди, и девушка бросилась вдогонку своим обидчикам.

Конан зло перехватил поводья лошади Дженны. Она хотела что-то сказать, но Киммериец пустил животных таким бешеным галопом, что ей оставалось только покрепче ухватиться за луку седла, чтобы не свалиться на землю.

Жители деревни грозили им вслед кулаками, то тут, то там в воздух поднималось копьё или ржавый меч, но никто не сделал ни малейшего усилия, чтобы догнать удаляющихся всадников.

Только когда деревня скрылась за поворотом долины, Конан притормозил лошадей и вернул девушке поводья.

Она выхватила их из его рук и, задыхаясь, спросила:

— Почему мы оставили эту женщину там, в деревне? Она...

— У нее теперь куда больше шансов, чем час назад, — буркнул Конан. — И вообще, мы приехали сюда, чтобы спасти разбойников или искать Ключ?

Ему стоило немалых усилий сдержать гнев: эта дура так и не поняла, какой опасности она подвергала всех их.

Цокот копыт вдали заставил Бомбатту разжать зубы:

— Коринтийцы. Они, конечно, не забудут сообщить о нас в своем рапорте начальству.

Акиро прикинул:

— Они наверняка забудут упомянуть о чернокожей девушке. Зато нас окажется в несколько раз больше. Еще бы, одно дело — быть разбитыми большим отрядом вооруженных людей, и совсем другое — потерпеть поражение от одной женщины.

Дженна переводила взгляд с одного из говорящих на другого.

— Мы все равно должны были сделать это, — упрямо твердила она. — Эта женщина не заслужила издевательств и пыток.

— Куда дальше? — спросил ее Конан, с трудом сдерживая себя.

Дженна махнула рукой вдоль долины. Ну что ж, подумал Киммериец, по крайней мере, не назад к деревне. В дальнейший путь они отправились в полном молчании.

Глава 10

Долина, по которой они ехали, плавно перешла в другую, та — в следующую, а та — в узкий извилистый каньон, дно которого было загромождено большими валунами и обломками скал. Карапашские горы нависали над ними: высокие пики блестели снежной белизной, более низкие вершины покрывали пятна выжженных солнцем рощиц и зарослей кустов.

Конан посмотрел на солнце, стоявшее на полпути к закату, и прикинул, сколько оставалось времени. Всего три дня, а они не нашли пока что даже Ключ, не говоря уже о Сокровище. А вернуться в Шадизар надо не позже ночи третьего дня... Конан до боли сжал в руке золотой амулет.

Малак догнал ехавшего впереди всех Киммерийца и сообщил:

— За нами кто-то едет, Конан.

Тот кивнул:

— Я знаю.

— По-моему, он один, но он уже довольно близко.

— Значит, надо отсоветовать ему следить за кем попало, — сказал Конан. — Ты и Акиро останетесь с девушкой. И не приближайтесь ко мне. Я сам вас догоню.

Он натянул поводья и подождал, пока с ним поравнялся Бомбатта.

— За нами кто-то едет, — сказал он человеку со шрамом.

— Я слышу, — ответил тот.

— Надо бы убедить его отстать. Попробуем вдвоем?

Бомбатта бросил полный сомнения взгляд на Дженну и с явной неохотой утвердительно кивнул.

Остальные, не давая неизвестному повода насторожиться, последовали дальше, не останавливаясь. А Конан с Бомбаттой притормозили лошадей за двумя большими валунами, почти перегораживавшими путь через каньон.

Обнажив клинки, они застыли в ожидании.

Не успела Дженна со спутниками скрыться за поворотом каньона, как хруст гравия под копытами возвестил о приближении незнакомца. Конан недовольно поморщился: человек явно не пытался скрыть своего приближения — и это настораживало. Он бросил взгляд на Бомбатту — тот тоже весь превратился в напряженное ожидание.

Стоило морде лошади показаться между валунов, как Конан страшным голосом крикнул: «Стой! Кто идет?» В следующее мгновение он застыл с открытым в изумлении ртом; по другую сторону тропы Бомбатта сыпал проклятиями.

Переводя взгляд с одного на другого, перед ним стояла чернокожая женщина, спасенная ими в деревне. Она ехала верхом на кобыле, намного мельче, чем их кони, на которой было прилажено военное седло коринтийской кавалерии. Сзади к седлу был приторочен большой бурдюк с водой.

— Мое имя — Зула, я воин горного народа, живущего к югу от страны, называемой вами Кешан. Я хотела бы знать имя того, кто спас меня от смерти.

— Мое имя Конан, родом из Киммерии.

Зула пристально смотрела ему в лицо:

— Я даже не поверила себе, когда впервые увидела твои глаза. У многих людей в твоей Киммерии такие глаза, цвета сапфира?

— Хватит разговоров! — рявкнул Бомбатта. — Узнала то, что хотела, — и проваливай подобра-поздорову.

Женщина, казалось, даже не заметила его присутствия и не слышала резких слов.

— Я поеду с тобой, Конан из Киммерии. Быть может, у меня будет шанс отплатить тебе тем же, что ты сделал для меня.

Конан медленно покачал головой. Этот разговор о долге за спасенную жизнь был слишком похож на его мысли о Валерии. Явно это какой-то знак, но какой?

— Я сделал это не ради спасения твоей жизни, а для того, чтобы дать нам возможность в общем беспорядке смыться из этой деревни. Ты мне ничем не обязана.

— Важны не причины, а поступки. Только поступки. Благодаря тому, что ты сделал, я жива и на свободе, а если бы не ты — то была бы в плену, а то и мертва.

Прежде чем Конан смог сформулировать ответ, к ним быстрой рысью подъехали Дженна и оба ее спутника.

Конан гневно посмотрел на Малака и Акиро:

— Я что, непонятно объяснил, что вы должны охранять Дженну, не приближаясь ко мне и Бомбатте? А что, если бы за нами увязался эскадрон коринтийской кавалерии? Так-то вы оберегаете Дженну?

Малак виновато улыбнулся и погрузился в изучение поводьев вьючной лошади. Акиро только пожал плечами и вздохнул:

— Я уже слишком стар, чтобы не позволять женщине делать то, что ей взбредет в голову.

— Не прикидывайся глупым, Конан, — сказала Дженна. — Я прекрасно слышала, как ты согласился с Малаком, что за нами едет всего один человек, — она повернулась к Зуле: — Жители деревни называли тебя разбойницей.

— Они лгали, — презрительно ответила чернокожая всадница. — К югу от их деревни есть другая, много меньше этой. Жители большой деревни увели оттуда насильно нескольких молодых девушек, а меня и других наших воинов наняли, чтобы вернуть их. Ночью мы по-

дожгли пару сараев, чтобы отвлечь внимание этих псов, которые называют себя мужчинами. Нам удалось освободить девушек, но мой боевой товарищ, Т'кар, был ранен и не смог уйти, а я не могла оставить его.

— Значит, поэтому они и схватили тебя? — тихо, затаив дыхание, спросила Дженна. — Ты поступила храбро. О таких поступках слагают песни...

— Он был моим братом по оружию, — просто ответила Зула.

Дженна вскинула голову, явно приняв какое-то решение.

— Ты поедешь с нами.

— Нет! — крикнул Бомбатта. — О, всемогущий Митра! Ты так и будешь подвергать опасности все наше дело? Вспомни о пророчестве.

— Я что-то не припоминаю в нем ни слова, запрещающего женщине сопровождать меня. — Ее голос зазвучал твердо, но все же она повернулась к Конану, словно обращаясь за поддержкой: — Скажи ей, что она может ехать со мной. У тебя есть Малак и Акиро, а у меня только Бомбатта, да и тот только и делает, что кричит на меня. Раньше он никогда не повышал на меня голоса.

Малак со смехом влез в разговор:

— Да где ей угнаться за нами, на этой-то коринтийской овце!

Зула не была намерена переводить дело в шутку, но процедила сквозь зубы:

— Да уж ты-то даже во весь рост пройдешь под брюхом любой овцы, коротышка.

Конан прикоснулся к своему амулету. Бомбатта, может быть, прав. А что, если они и вправду нарушат условия пророчества, а значит — рискуют не выполнить его, и он лично — останется без Валерии. Но все же эта ситуация — явный знак судьбы.

— Я не скажу «нет», — сказал он наконец.

Бомбатта выругался, но Дженна уже сломила его сопротивление своим энтузиазмом.

— Значит, ты поедешь со мной.

— Я поеду с Конаном, и только поэтому — с тобой.

Дженна, казалось, не заметила поправки, так она была рада.

— Ладно, тогда давайте поехали все, а там разберемся, — подвел итог Конан, поворачивая коня и направляясь дальше в глубь каньона.

В кроваво-красном свете Камня Амон-Рама внимательно изучал двигающиеся фигуры. Еще двое, отметил он и внимательно присмотрелся к толстенькому желтокожему человечку с седыми усами. От него исходила Сила. Колдун. Но не такой уж и сильный по сравнению с самим Стигийцем.

— Идите же ко мне, — зловеще улыбаясь, шептал он, — приведите ее ко мне.

— Ну а когда ты вернешься в Шадизар с Ключом и Сокровищем, что тогда?

Дженна с удивлением уставилась на свою спутницу. Она даже не задумывалась об этом.

— Ну, я буду жить во дворце, как и раньше, — на ее лице отразилась какая-то тень неудовлетворенности, но что еще она могла предположить? — Это моя судьба и предназначение, — заключила она.

Зула только хмыкнула.

Сама не понимая почему, Дженна чувствовала себя совсем разбитой и рассеянно переводила взгляд с одного из своих спутников на другого. Конан по-прежнему ехал впереди, за ним Акиро с Малаком, а замыкал их процессию Бомбатта, напряженно всматривавшийся в окружающие их склоны, словно принявшись к запаху опасности, которая могла бы подстергать их повсюду, разлитая даже в предвечернем кроваво-золотистом свете солнца.

Но все же больше всего ее мысли занимал Киммериец. Он был так непохож ни на кого из известных ей людей и персонажей. Такие, как Акиро и Малак, попадались в сказках, рассказанных ей ее служанками. Но высокому северянину не находилось места в этих историях про утонченных принцев и изящных принцесс. Дженне никак не удавалось разобраться в тех чувствах, которые он внушал ей. Они не были похожи на те, которые описывались в

стихах и песнях. Да и трудно было бы представить его героем этих песен, вручающим золотую розу в хрустальных каплях росы, чтобы напоминать о себе, когда он уедет в дальние страны, и всякое такое. Скорее уж он перекинул бы ее через седло перед собой и... а что потом? Она не могла себе даже представить, но что бы он ни сделал — это всегда будет не так, как описано в сказках.

Зула, наверное, могла бы многое растолковать ей. Но что-то мешало Дженне спросить ее напрямую. Она решила постепенно подвести ее к разговору о Конане.

— Женщины-воины, — начала она, — это так странно. Это обычно в твоей стране?

Темнокожая женщина кивнула:

— Наши горы окружены недругами. А нас очень мало. Мы не можем позволить себе роскошь предоставить лишь мужчинам браться за оружие. Все должны уметь воевать, если мы хотим выжить.

— Я даже не знаю, есть ли в моей стране женщины-воины, — Дженна заинтересовалась этой темой. — Скажи, а я смогла бы стать воином? — спросила она, справедливо полагая, что такая жизнь сильно отличалась бы от поднадоевшего ей существования в дворцовых стенах.

— Быть может, если твоя воля выдержит тяжелые тренировки, испытания, лишения. И если у тебя хватит решимости. Это тяжелая жизнь, и главное — нужно всегда быть готовой к смерти. Собственной смерти или гибели близкого человека.

Дженна тихо, стараясь не задеть женщину, спросила:

— Т'кар. Ты назвала его твоим боевым товарищем. А он... он был твоим возлюбленным?

— Любовником? Да, и я тебе скажу, лучшим любовником из всех мужчин, которых я знала.

— А как... как это все началось? Между тобой и Т'каром?

Зула рассмеялась, словно вспомнив о чем-то веселом:

— Многие женщины хотели быть с ним. Еще бы — такой красивый и мужественный. Я сказала, что любая, которая захочет разделить с ним ложе, должна будет сначала выйти на поединок со мной. Никто не рискнул сразиться, а когда Т'кар увидел это, он пригласил меня в свой дом.

Дженна задумалась. Все это было так непохоже на то, что рассказывалось в сказках.

— Значит, ты просто решила быть с ним, сама выбрала его. Мужчинам это нравится?

— Некоторым — да. Настоящим мужчинам. А остальные боятся таких женщин. У них кишка тонка.

— А кого из тех, кто едет с нами, ты выбрала бы? Может, Малака, а?

— Ну, скажешь тоже. Ничего себе шуточки. Если серьезно, то я выбрала бы Конана.

— Потому что он спас тебе жизнь? — Дженна, сама не понимая почему, закипела от гнева. — А почему не Бомбатту?

— Этот считает, что грубость добавляет ему силы. Хотя его ничего не стоит привязать к себе. А Конан может быть сильным и добрым одновременно. Привязать его — нелегкое дело, если вообще это возможно, пока он сам не захочет. А лучше уж спать с кроликом, чем с женщиной, который тебе легко достался.

Зула искоса посмотрела на Дженну, и та, понимая, что ей не удалось скрыть своего смущения, покраснела еще больше.

— Не бойся, девочка, я не собираюсь отбивать его у тебя.

— Отбивать?.. У меня... Да ведь он и не мой вовсе... — Она выпрямилась в седле и, подражая голосу Тарамис, величественно произнесла: — И не называй меня девочкой. Я — женщина.

— Конечно. Извини, Дженна. — Зула помолчала, прежде чем продолжить: — У моего народа есть обычай. После смерти любовника я не могу спать ни с одним мужчиной в течение года. Если бы вчера погибла я, то Т'кар поступил бы так же.

Настал черед Дженны ехать молча, переваривая все услышанное. Мало что могло помочь ей. Никто вокруг не собирался вступать с ней в поединок за Конана, если бы даже она знала, как нужно драться. И если бы она была уверена, что именно это ей нужно. А что касается остального... Она, как бы невзначай, спросила:

— Зула, ты тут говорила что-то, кажется — спать с мужчиной. А что это такое?

— Видят боги! — воскликнула Зула. — Да ты и вправду ребенок.

Дженна уже открыла рот для гневного окрика, но замерла, так и не закрыв его. Перед ними открылась новая гора, вернее, половина горы — потому что ее вершина исчезла много веков назад. Даже с их места было понятно, что за этими обломанными склонами скрывается большой кратер.

— Конан, — прошептала она, а затем громко крикнула: — Конан! Там Ключ! Я чувствую, как он тянет меня. Он там — в кратере!

Она резко пустила свою лошадь в галоп.

Глава 11

— Стой, Дженна, — уже в десятый раз крикнул Конан, понимая, что уже поздно. Она не только доскакала до самого верха, но и перевалила через гребень на ту сторону и скрылась из виду.

Изрыгая проклятья, он рванулся вслед за нею так быстро, как только мог двигаться в гору его конь. Остальные отстали, но Конану было не до них. Он доскакал до гребня и замер, пораженный открывшимся зрелищем.

На дне гигантской впадины лежало озеро. Даже легкое дуновение ветерка не нарушало зеркальной глади. По двум сторонам озера возвышались отвесные обрывы. Впереди под ним был небольшой пляж с черным песком, окаймленный полосой кустов. Лошадь Дженны была уже на полпути к кромке воды. А на другом берегу возвышалось огромное, сверкающее сооружение, вид которого заставил волосы на затылке Конана встать дыбом.

Когда он наконец поравнялся с Дженной, ее взмыленная дошадь уже, шумно фыркая, пила воду из озера. Сама же она не отрываясь глядела на хрустальные своды и башни. Высокие стены кратера раньше времени сгустили вечерние сумерки над берегом озера.

— Ключ во дворце? — спросил Конан.

Дженна радостно кивнула:

— Да, я чувствую, как он тянет меня.

— Тогда нам нужно выбраться из кратера и обойти гору с другой стороны. По-другому туда можно добраться только вплавь.

Первыми их нагнали Бомбатта и Зула, затем Акиро и, наконец, Малак, со второй лошадей в поводу.

— Все в порядке, дитя? — взволнованно крикнул Бомбатта, и в тот же миг, словно эхо, раздался голос Зулы:

— Дженна, с тобой ничего не случилось? — Человек со шрамом и чернокожая женщина недоверчиво переглянулись.

— Только здесь, — настойчиво сказала Дженна, — это — единственный путь.

— Но как? — спросил Конан.

Даже Бомбатта недоверчиво посмотрел на девушку.

— Можно проехать в обход, малыш. Какая разница?

— Нет, только здесь, — повторила Дженна.

Малак неожиданно соскочил с лошади и деловито направился к зарослям кустарника. Через минуту он вновь показался оттуда, таща за собой длинную узкую лодку из кожи, натянутой на деревянную раму. В руке он зажал несколько тонких бечевки и костяных крючков.

— Я думаю, местные рыбаки не очень обидятся, если мы воспользуемся их посудой. Весла там, внутри.

— Очень кстати, — пробормотал Акиро. — Даже слишком удачно, чтобы быть случайностью.

— Что ты имеешь в виду? — спросил его Конан.

Приглаживая длинные усы, колдун мрачно смотрел на хрустальный дворец, щурясь, несмотря на то что солнце уже скрылось.

— Я и не знал, что жители Карапашских гор заядлые рыболовы. Да даже если и так, ты сам рискнул бы порыбачить под стенами *такого*?

— Но... вот ведь лодка... Крючки... Весла. Ты же не станешь отрицать, что видишь это своими глазами.

— Я могу не верить любому своему чувству. Кроме чувства опасности, — ответил колдун. — И мне кажется, что кто-то знал, что мы должны прийти именно сюда.

Малак бросил крючки и бечевки, словно они превратились в ядовитых змей, и отскочил от них, вытирая руки о штаны.

— Этот колдун из Стигии узнал, что мы приближаемся? О, Великий Бамба!

— Все равно останемся на ночь здесь, — сказал Конан, слезая с коня, — только не разжигая костра. Знает он о том, что мы здесь, или не знает, нет нужды извещать его об этом.

— Надо сейчас же переправиться на тот берег, — сказала Дженна. — Сейчас же. Я вам говорю, что Ключ — там.

— Там он полежит и до утра, — ответил Киммериец. С явной неохотой она в первый раз оторвала взгляд от дворца. Ее губы скривились в недовольной гримасе, но Конан не дал ей расхныкаться: — У меня не меньше причин поторопиться, чем у тебя, Дженна. Но переправляться мы будем на рассвете.

— Он прав, дитя, — подтвердил Бомбатта, — уже темно, и, если лодка перевернется, ты можешь утонуть раньше, чем я увижу, где ты... Я не могу так рисковать.

Дженна ничего не ответила, и Конан переключил свое внимание на Малака:

— Уезжай, если хочешь. Никто не мог предположить, что этот проклятый Амон-Рама будет поджидать нас. Ты сделал свое дело. Считай, что камешки твои.

— Какие камешки? — эхом откликнулся Бомбатта, но друзья не обратили на него внимания.

Малак шагнул к лошади, но вдруг остановился.

— Конан, я... понимаешь, если бы был хоть какой-то шанс. Но он знает, что мы здесь. Сверкающее око Балора! Ты же слышал, что сказал Акиро.

— Да.

— Но ты останешься? — спросил Малак. Конан кивнул. Маленький вор пробурчал: — Я не собираюсь карабкаться по горам один ночью. Поеду утром.

— Ну ладно, остаемся здесь ночевать, так хотя бы поесть перед сном, — проворчал Акиро, вылезая из седла и доставая из мешка сушеное мясо и финики.

Все притихли. Этот кратер как-то давил на тех, кто попадал сюда. Лишь Дженна искрящимися глазами смотрела на дворец, чувствуя близость того, ради чего они проделали весь этот путь.

Когда ночная тьма спустилась на озеро, лошади уже были стреножены, а сушеное мясо и фрукты съедены.

Дженна растянулась на земле, завернувшись в свои одеяла. Зула, ко всеобщему удивлению, села, поджав ноги, рядом с нею, что-то тихо напевая, пока та не заснула. Бомбатта ревностно поглядывал на чернокожую девушку, но взгляд ее темных глаз всякий раз заставлял его промолчать и оставить ее в покое.

Когда вышла луна, тьма несколько рассеялась. Кратер, казалось, притягивал лунный свет, делая его сильнее и ярче. В этом причудливом освещении можно было даже разобрать черты лица и выражение стоящего рядом человека.

Конан с Акиро сидели, глядя на дворец, сияющий и переливающийся в лунном свете, словно алмаз на черном бархате.

— Это место давит на меня, — сказал после долгой паузы Киммериец, — не нравится мне здесь.

— Это место и не создано для того, чтобы нравиться. Здесь хорошо себя чувствуют только колдуны. Я чувствую энергию, исходящую даже от скал. В этом месте рушатся привычные связи, разваливается то, что казалось монолитным. Все барьеры ослабевают, границы размываются, даже одно произнесение имени может вызвать душу покойного.

Кожа Конана покрылась мурашками. Он поспешил приписать это ночной прохладе.

— Хотел бы я поскорее выбраться отсюда и вернуться в Шадизар, привезя эти штуки, которые так нужны Тарамис.

Вдруг крик ужаса разорвал тишину ночи. Дженна билась под своим одеялом, широко раскрыв невидящие глаза, крича: «Нет! Нет!» Бомбатта вскочил, держа в руке обнаженную саблю. Малак судорожно боролся с одеялом, пытаясь выбраться из-под него, с кинжалом в каждом кулаке. Зула прижала стонущую девушку к груди и забормотала что-то, успокаивая ее.

Неожиданно руки Дженны обвилились вокруг черных плеч. Рыдания сотрясали ее тело.

— Это было ужасно! Ужасно.

— Сон, — сказал Бомбатта, убирая саблю в ножны. Он встал на колени, попытавшись забрать девушку у Зулы, но она лишь крепче прижала ее к женщине.

— Это всего лишь сон, малышка, — сказал он мягко, — не больше, чем дурной сон. Вот и все. Постарайся опять уснуть.

Зула пристально посмотрела на воина в черных доспехах поверх все еще обнимавшей ее Дженны и сказала:

— Сны бывают вещими. Пусть она расскажет, что ей приснилось.

— Согласен, — сказал Акиро. — В снах часто появляются предзнаменования. Расскажи, Дженна.

— Да это всего лишь детский кошмар, — прохрипел Бомбатта. — В этом дьявольском месте может присниться все что угодно.

— Говори, — обратился к девушке Акиро.

Чуть успокоившись на руках у Зулы, Дженна начала рассказывать, все еще вздрагивая:

— Мне приснилось, что я еще совсем дитя, едва научившееся ходить. Я проснулась в своей кровати и увидела, что кормилица спит. Мне захотелось к маме, и я побежала по темным коридорам туда, где была спальня моих родителей. Их кровать стояла под балдахином в середине комнаты. Я увидела, что они спят. Но в изголовье их кровати появилась еще одна фигура — молодой девушки или мальчишки. Слабый свет ночника как-то странно отразился от ее рук. Вдруг я поняла, что в этих руках был зажат кинжал. Кинжал взлетел в воздух и опустился. Из груди отца вырвался хрип, разбудивший маму. Она успела прокричать только имя, и еще один удар кинжала оборвал ее жизнь. Я побежала. Мне хотелось кричать, но язык словно прилип к гортани. Все, что мне оставалось, — это бежать, бежать...

Зула резко тряхнула ее, а потом снова нежно прижала к себе.

— Все в порядке, Дженна. Ты теперь в безопасности.

— Имя, — настойчиво спросил Акиро. — Чье имя она произнесла?

Дженна опасливо выглянула из-под обнимавших ее рук Зулы.

— Тарамис, — прошептала она. — Тарамис. Но почему мне снится этот ужас? Почему?

Никто не проронил ни слова, пока Бомбатта не нарушил молчания, небрежно бросив:

— Обычный кошмар нервной, изнеженной девчонки. Идиотский сон, навеянный идиотским местом. У меня самого такое в голове творится...

— Это-то видно, — сказал Акиро и повернулся к Зуле: — Ты посмотришь за ней?

Чернокожая женщина кивнула и снова запела колыбельную своего народа. Бомбатта сел по другую сторону от Дженны, собираясь тоже сторожить ее сон остаток ночи. Два воина, мужчина и женщина, не мигая смотрели друг на друга.

Вместе с Акиро Конан подошел к кромке воды. Помолчав, он тихо сказал:

— Когда Дженна едва умела ходить, Тарамис было лет шестнадцать или около того. Возраст, вполне подходящий, чтобы всерьез позавидовать титулу наследного принца, своего брата, да и его богатству.

— Может быть, это все-таки просто сон.

— Может быть, — сказал Конан. — Хорошо, если так.

Амон-Рама пристально уставился в глубины Сердца Аримана, рассматривая фигуры спящих людей. Все уснули. Последним сомкнул веки старый желтокожий колдун, все пытавшийся поймать энергию, которой, казалось, был залит весь кратер. Стигиец лишь недобро улыбался. Колдун долго мозолил ему глаза, когда все остальные уже уснули, кто свернувшись под одеялом, а кто и сидя, не смотря на то что собирался бодрствовать всю ночь напролет. Но вот и старик забылся сном. Утром они придут, и тогда...

Глубокая морщина прорезала его лоб. Утром. Как долго он ждал, и вот теперь, когда осталось лишь несколько часов, нетерпение просто сжигало его изнутри. Ничто уже не могло помешать выполнению его планов. Нужно было всего лишь подождать. Но почему словно муравьи забегали по его телу, заставляя зудеть и гореть кожу?

Он оторвался от Сердца, и свет сразу померк, оставив лишь красный, краснее рубина, светящийся камень. Нет, он не сможет дожидаться утра. Нужно кончать с этим.

Он быстро вышел из зеркального зала и поднялся по сверкающим лестницам и коридорам в самую высокую

башню дворца. С ее высоты он посмотрел на дальний берег озера, хотя без помощи магического кристалла человеческие глаза были бессильны против темноты. Из бесчисленных складок своего кроваво-красного одеяния он извлек черный мелок, сделанный из жженой кости убитых девственниц.

Быстрыми движениями он начертил на полу пентаграмму, оставив один разрыв, чтобы вступить внутрь. На каждом луче звезды он начертил два символа: один — одинаковый на всех пяти концах, а другой — отдельно для каждого. Эти символы усилят магическое воздействие пентаграммы. Подобрав мантию, он вступил внутрь пентаграммы и одним движением мелка завершил дьявольскую фигуру.

Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее он начал читать заклинания нараспев. При этом даже он сам не слышал ни звука. Эти гимны не предназначались для человеческого уха. Только после долгих лет болезненных тренировок он научился произносить их. И вот теперь в том месте, где размывались границы и рушились связи, Амон-Рама взывал к силам перемен и разрушения.

Словно сама ночная тьма сгущалась вокруг него, становясь плотнее, скручиваясь во что-то жесткое, скрывая его, словно густой дым. Этот дым менялся, принимая форму. Форму крыльев, хлопнувших в воздухе на высоте четырех человеческих ростов. Тяжелые когти за скрипели, оставляя царапины на поверхности алмазотвердой крыши башни. Там, вся пронизанная черными лучами, стояла гигантская птица, орел, состоящий из клубов дыма.

Ударили огромные крылья. Но ни звука не разнеслось вокруг — потому что воздух, в котором они бились, не был земным воздухом. Огромная тень взлетела в ночное небо. Хищная птица в несколько взмахов крыльев достигла противоположного берега озера.

Ни единое дуновение не потревожило сон чернокожей женщины и могучего воина, сидевших по обе стороны от укрытой одеялом девушки. Когти крепко обхватили ее хрупкое тело, но она даже не пошевелилась во сне.

Создание темных сил взлетело вверх и понеслось над озером к сверкающему под звездами шпилью башни.

Снизившись, птица снова обернулась клубами дыма, втянувшимися в пентаграмму на полу, оставив в ее центре Амона-Раму, держащего Дженну на руках.

Он осторожно стер ногой один из лучей магической фигуры и вышел из нее. Остальное можно стереть и потом. Сейчас есть дела поважнее. Лицо старого колдуна перекосила непривычная улыбка, когда спящая девушка, не открывая глаз, повернула к нему голову. Да, ему предстояли очень важные дела.

Хрустальные ступени вели его вниз, в залы дворца. Он почти бегом ворвался в зеркальный зал, прошел его насквозь и оказался в комнате, непохожей на все остальные в этом сверкающем сооружении.

В этом дворце повсюду было светло безо всяких светильников. Свет излучали сами хрустальные стены и потолки. Здесь же была темнота. Стены были скрыты в полнейшей мгле, так же как пол и потолок. Комната казалось бесконечной. И во всей этой бесконечности лишь в двух местах брезжил свет. Дверной проем светился ярким огнем, но этот свет ни на шаг не проникал внутрь, не освещая ни пола, ни пространства за входом. Неизвестно откуда исходил свет второй освещенной точки. Узкий круг выхватывал из темноты огромную кровать, выложенную шелковыми подушками и покрывалами. На нее-то Амон-Рама и положил свою легкую ношу.

Он смотрел на нее сверху вниз — в плоских черных глазах не было никакого выражения. Затем он медленно провел рукой по изгибам ее тела — от маленькой ступни к округлым бедрам, по тонкой талии и высокой груди. Все нормальные страсти и пороки были давно выжжены в нем его черным чародейством, но оставались другие, еще более страшные, приносившие ему мрачное удовольствие. И раз он собирался использовать девчонку для другой цели, не той, ради которой берегла ее чистоту эта глухая Тарамис, — то почему бы ему не отдался этим порокам, когда в его руках оказалась такая соблазнительная жертва. Но это потом, когда он разделается с остальными. Теперь, когда она наконец в его власти, нетерпение улетучилось. Настало время подготовки.

— Услышь меня! — воззвал он. Голос прокатился по всем закоулкам хрустального дворца. — Пусть не останется ни одного окна, ни единой двери, трещины, отдушины. Так я хочу, и так должно быть!

Дворец ответил низким гулом, словно огромный хрустальный колокол. Дело сделано; дворец стал неприступен — словно запечатан сургучом.

— А теперь посмотрим, как они обрадуются с утра пораньше, — пробормотал колдун.

Бросив последний взгляд на неподвижную Дженну, он вышел из черной комнаты. Дверь за ним захлопнулась, и теперь только узкое пятно света оставалось вокруг крепко спящей Дженны.

Глава 12

Жемчужная темнота все еще наполняла кратер, когда Конан проснулся. Ему даже не нужно было смотреть на чуть побледневшее небо, чтобы понять, что рассвет уже близок. Чтобы переправиться через озеро на рассвете, встать нужно было затемно, так что проснулся он вовремя. Эта способность вставать тогда, когда нужно, нередко помогала ему в жизни, хотя следовало признать, что чрезмерные возлияния накануне могли отключить этот внутренний будильник.

Откинув одеяло, он вложил в ножны меч, который пролежал рядом с ним всю ночь, и встал, потягиваясь. Нахмурившись, но все еще не понимая, он уставился на пустое ложе Дженны. Он оглядел склон кратера за спиной, пересчитал мирно спавших лошадей и только тогда затряс спящих Акиро и Малака, спокойно сказав им:

— Вставайте, Дженна пропала. Просыпайтесь же.

Оставив их — Малака, сыплющего проклятиями и ругательствами, и Акиро, бормотавшего что-то про старость не радость и юнцов, посмевавших потревожить усталые кости, — он подскочил к спящим по обе стороны от одеял Дженны Бомбатте и Зуле. Его сапог с размаху влетел в ребра похрапывающего вояки.

Со стоном, переходящим в ругательства, Бомбатта вскочил и потянулся было к рукояти сабли.

— Я убью тебя, ворюга! Да я...

— Дженна исчезла, — ледяным голосом произнес Конан, — ты только что не привязал ее к себе — и вот, получите. Она, быть может, уже мертва.

Ярость Бомбатты улетучилась при первых же словах. Он, словно оцепенев, уставился на пустую постель.

— Лошади все на месте, — крикнул Малак.

Черный воин прохрипел:

— Еще бы нет. Куда бы Дженна уехала от своей цели, от предназначения?

— Предназначения! — взорвалась Зула. — Это вы решили, что в этом ее предназначение! А может, она решила сама выбрать себе судьбу?

— Ну, если ты, черномазая, сделала с ней что-нибудь...

— Я? Да я ни за что в жизни не причинила бы ей зла. Это ты считал, что она игрушка в той игре, которую мы затеяли.

Шрамы белыми линиями выступили на лице высокого воина.

— Ах ты грязная, вонючая шакалиха! Я тебя на куски...

— Все поединки оставим на потом, — развел их Конан. — Сейчас главное — найти Дженну.

Напряженность между сцепившимися ослабла, но не исчезла. Бомбатта вогнал в ножны саблю, а Зула с явной неохотой опустила уже занесенный для удара шест.

Акиро встал на колени у постели Дженны, и его руки заскользили поверх одеял. Его глаза были закрыты, губы беззвучно шевелились. Когда он на секунду раскрыл веки, лишь белки глаз оказались видны. Малак отвернулся — его чуть не стошнило.

Наконец старик объявил:

— Девочку унесла птица.

— Старый дурак, — пробормотал Бомбатта, но колдун продолжал, словно не слыша его слов:

— Огромная птица, сотканная из дыма и тумана, движущаяся совершенно бесшумно. Она унесла ее в лапах. — Наконец в глаза старика вернулись зрачки, и он встал с колен.

— Говоришь, он старый дурак? — повернулея Конан к Бомбатте. — Нет, приятель. Это ты дурак. И я. Могли бы и предположить, что этот Стигиец что-нибудь предпримет.

— Куда унесла ее птица? — спросила Зула.

Акиро ткнул пальцем в сторону хрустального дворца:

— Конечно, туда.

— Тогда вперед, — сказала она.

Конан молча кивнул. Как один, они с Бомбаттой бросились к лодке и вытащили ее к воде.

— Но она может оказаться заколдованной, — запротестовал Малак, — Акиро же сам вчера говорил...

— Это наш единственный шанс, — оборвал его Конан, стоя по колено в воде и придерживая лодку. — Садись, живее.

В один миг все расселись по местам: Зула в центре, между Акиро и Малаком, Конан и Бомбатта — на носу и на корме. Весла в сильных руках вонзились в воду, и лодка, вспарывая поверхность зеркального озера, заскользила прочь от берега.

— Чаша Сигина! — взвыл Малак. — Я совсем забыл. Я же уезжаю сегодня утром. Поворачивай назад!

Конан ни на миг не прервал равномерное движение рук и плеч.

— Плыви! — бросил он Малаку.

Маленький ворышка посмотрел на полоску воды, отделявшую их от берега, и весь передернулся.

— Вода — это для питья, — печально заявил он, — конечно, если нет вина.

Ни волны, ни ветер не тормозили движения, и лодка чуть не вылетела из воды, влекомая веслами в руках двух сильных мужчин. Хрустальный дворец сверкал, быстро приближаясь, словно вырастая из земли и воды. От него в озеро выдавалась пристань, самая обыкновенная по форме, но словно сделанная из цельного драгоценного камня. В тот миг, когда они добрались до дворца, все сооружение вспыхнуло кистром искр и радуг.

Конан придержал лодку у пристани, пока все выбрались из нее. Затем, выскочив на сверкающий камень, он вытащил лодку из воды. Ни один вор не продержался

бы в Шадизаре так долго, если бы не умел вовремя продумать пути к отступлению. Сейчас озеро было спокойным, но ему не хотелось рисковать, если случайная волна унесет прочь их суденышко, которое вполне могло стать их единственным способом бегства из этого странного места.

Наконец он повернулся к дворцу и внимательно осмотрел его. Далеко вправо и влево уходили сияющие колоннады. Над ними к самому небу взлетали граненые купола и шпили.

— Невероятно, — пробормотал Акиро, положив ладони на зеркальную стену, — нигде ни одного стыка. Он действительно весь сделан из одного камня. Весь. Невероятно.

— Лучше, если бы это был нормальный мрамор, — озабоченно сказал Конан, — я бы смог найти способ забраться по нему. Ладно, пошли. Нужно найти какую-нибудь дверь или что-то в этом роде.

— Здесь нет дверей, — возразил Акиро, — ни одной.

Конан хотел поинтересоваться, откуда старик это узнал, но решил принять его слова на веру и рывкнул:

— Так как же тогда, о Девятое Небо Зандру, мы попадем внутрь?

Акиро удивленно заморгал:

— Ну, найти вход нетрудно. Он здесь всего один, — Акиро подошел к краю пристани и ткнул пальцем в воду. — Там внизу я чувствую отверстие. Оно достаточно широкое, чтобы пролезть в него.

— Может, ты еще и воду из озера вычерпаешь? — с сомнением поинтересовалась Зула.

— Не люблю я воду, — пробурчал Малак, не отрывая глаз от дворца.

Конан наклонился над зеркалом воды. Ничего. Лишь его собственное отражение глядело на него снизу вверх. Невозможно, подумал он, не может быть, что колдун отгрохал такой дворец без окон, без дверей и оставил такой простой вход. Ловушка, подумал он, — мышеловка с Дженной в качестве приманки. Что ж, пусть охотник узнает, что за зверя он собрался поймать. Конан глубоко вздохнул и бросился в воду. Лишь слабый всплеск обозначил место, где он нырнул.

Сильные руки Конана все глубже погружали его вдоль стены пристани. Ни единой ракушки, ни зеленого стебелька водорослей не зацепилось за хрустальную поверхность, и под водой рассыпавшую искры и сполохи.

Он быстро нашел отверстие — широкую трубу диаметром почти с его расставленные руки. Железные прутья преграждали вход в него. Примерившись, Конан уперся ногами в стену и потянул один из прутьев. Безрезультатно. Неожиданно рядом с руками Конана появилась еще одна пара рук. Повернув голову, он увидел Бомбатту, выглядевшего необычно без своего шлема и доспехов. Вдвоем они ухватились за решетку. Мышцы и жилы напряглись до предела. Легкие словно сжигало огнем.

Неожиданно один из прутьев с резким хрустом оторвался от стены. Облако пузырьков поднялось на поверхность. Сжимая в руке обломок, Конан налег на него как на рычаг. Один за другим были выломаны или отогнуты все прутья.

Вылетев на поверхность, Киммериец судорожно глотал воздух. Он даже не оглянулся, когда, так же тяжело отдуваясь, рядом с ним всплыл Бомбатта. Три изумленных физиономии наблюдали за ними с пристани.

— Путь открыт, — сказал Конан между вдохами, — пошли.

— Да подожди ты хоть секунду, — взмолился Акиро. — Восстанови дыхание. А пока, чтобы не терять времени, составим план.

— Времени нет, — отрезал Конан и, сделав последний вдох, снова ушел в глубину.

Он легко вошел в черную трубу и сильными гребками стал продвигаться по ней. Тридцать шагов — свет за спиной почти померк. Сорок — он почувствовал, что скоро понадобится воздух. Пятьдесят — впереди забрезжил свет! Он быстро подплыл к концу и, сдерживая скорость, стал подниматься. На поверхности он появился почти бесшумно, лишь несколько капель упали с мокрых волос.

Он оказался в колодце, стены которого представляли собой тот же камень, из которого был выстроен весь дворец. В воде плавало деревянное ведро. Веревка от него тянулась вверх. Конан осторожно потянул за веревку. Она не поддавалась.

Зловещая улыбка расплылась по его лицу. Этот Амон-Рама или забыл про этот вход — и, значит, ему не чужды обычные человеческие слабости; — или просто безмерно самонадеян, считая свою ловушку совершенной. Но там, на севере, где вырос Конан, говорили так: кто поймает киммерийца, поймает собственную смерть.

Кто-то всплыл рядом с ним, отдуваясь и фыркая. Звуки эхом понеслись вверх. Но Киммериец даже не посмотрел, кто нарушил тишину. Сейчас в его голове была лишь одна мысль. Схватив веревку, он полез вверх, перехватывая ее руками. Киммериец вошел в западню — значит, он начал охоту.

В зеркальном зале, стоя у Камня, Амон-Рама задумчиво почесал свой острый подбородок. И так, они попали во дворец. Он, конечно, дал маху, забыв про колодец, из которого во дворец поступала вода. Но как же быстро они разыскали его. Неплохо для мелкого колдунишки.

Ухмыляясь, он потрогал рукой одно из зеркал. Нет, конечно, его ошибка не оставляла им ни единого шанса даже на то, чтобы спастись бегством, не говоря о том, чтобы победить все силы темной магии, противостоящие им. Этот дворец был его дворцом. Настолько его, что ему позавидовал бы любой обладатель дворца или замка. Хруст выламываемых прутьев донесся до него. Дыхание чужаков, звук их шагов — все передавалось ему немедленно. Но сейчас ему было даже не до незваных посетителей. Дворец сам позаботится о них.

А сейчас настало время подготовки. Одно слово заклинания, движение рукой — и золотые портьеры поднялись, открыв взору сотню зеркал, составлявших стены зала. В каждом из них отражалось пылающее Сердце Аримана, но ни в одном не было видно отражения самого колдуна. Многолетние занятия черной магией сказались не только на зачерстневшей душе, но и произвели свой эффект на тело. У него не было отражения. Ни одно зеркало, никакая другая поверхность не возвращали ему собственного изображения.

В ряду зеркал было лишь два разрыва. Один — вход из коридора. Через второй он видел в беспросветной мгле

освещенное пятно постели со все еще неподвижной Дженной на ней. Через него и проследовал Амон-Рама. Из зала донесся звук, словно от камня, упавшего в воду. Одно из зеркал треснуло. Сто одно отражение и само Сердце Аримана замерли в ожидании.

Акиро чуть не с хрюканьем перевалился через бортик колодца и замер, не замечая стекающей с него воды, рассматривая стены и орнамент из золота и серебра, настолько тонко высеченный в камне, что казалось невозможным, чтобы человеческая рука выполнила такую тонкую работу. Повсюду висели занавеси с вышитыми магическими словами и символами. Под ногами расстилались ковры, на глазах менявшие цвет.

— Акиро? — окликнул его Малак.

Старик лишь восхищенно покачал головой. Ни одной обыкновенной вещи. Все сделано при помощи колдовства. Ни одной из этих вещей еще не касалась рука человека.

— Акиро!

Колдун гневно обернулся: Малак в луже воды, с прилипшими ко лбу волосами, выглядел словно спасающаяся после потопа крыса.

— Ну?

— Они уходят, — сказал Малак.

Акиро взглянул в направлении, указанном Малаком, и издал пронзительный крик-предупреждение. Бомбатта и Зула в этот момент как раз скрылись за углом коридора, а Конана уже и след простыл.

— Глупцы, стойте! — кричал он, передвигая как можно быстрее старые ноги. — Слабоумные! Вы врываетесь в обитель великого колдуна, как в дом богатого купца. Здесь ведь неизвестно что может случиться!

Повернув за угол, Акиро увидел впереди остальных; Конан был намного дальше всех. С мечом в руке Киммериец рванулся в дверной проем, и в тот же миг дверь опустилась за ним, отделяя его от всех его спутников. Бомбатта и Зула обрушили на дверь град ударов шестом и рукоятью меча.

Ругаясь на разных древних языках, Акиро подбежал к ним, лишь чтобы убедиться, что прохода нет. Дверь

была прозрачна как стекло: они ясно видели Киммерийца, оглядывающего зеркальную комнату, ни на секунду не опустив меч. Но при этом лупить по ней было столь же эффективно, как пытаться голыми руками выбить тяжелые, окованные железом крепостные ворота.

— Да он что, не слышит нас? — воскликнул Малак и позвал: — Конан! Ногти Огуна! Конан!

Зула опустилась на четвереньки, разглядывая пол:

— Если бы удалось ее приподнять... Нет! Ни единой щелчки!

— Отойди назад, — пророкотал Бомбатта, перехватывая саблю обеими руками. — Если ее вообще можно разбить — я разобью ее!

— Все отойдите назад! — умудрился перекричать его Акиро. — И всем молчать! — добавил он, роясь в мешочках на своем поясе и в складках мокрой одежды. При этом он не переставал нервно бормотать: — Это вам не кабацкая драка, и не пьяный солдат заперся там с какой-то девкой. Нечего зря мечами махать. Этот Стигиец — колдун что надо. Мне до него... Так что ведите себя соответственно, а не то всем нам...

Сияя от удовольствия, он наконец извлек откуда-то крохотный флакончик, запечатанный чистейшим воском, с нацарапанным символом силы.

Вдруг Бомбатта хлопнул себя по лбу:

— Да пропади он пропадом, этот варвар. Нам нужно найти Дженну, а с чего мы взяли, что она там? Ну а вор пусть сам выпутывается.

— Она здесь, — сказал Акиро, счищая воск с крышки. Это нужно было сделать осторожно, чтобы не нарушить целостность содержимого. — Неужели ты не чувствуешь... Хотя что с тебя взять. Девчонка там. Там, где сходятся все силы, вся энергия, пронизывающая дворец.

Остаток воска отлетел в сторону, открыв темное блестящее содержимое. Акиро коснулся этой массы ногтем левой руки, начертал несколько рун на правой стороне двери. Те же надписи он сделал слева ногтем правого мизинца.

Акиро недовольно поморщился, когда его знаки зашипели, словно масло на раскаленной сковороде. Но

с этим ничего нельзя было поделать. Он начал молча читать заклинания, лишь шевеля губами. Появилась сила, он ощутил ее всем телом, сила реализовалась в давлении. Он вызвал силу, способную открыть то, что открыть нельзя, поднять то, что нельзя оторвать от земли. Давление росло, подчиняясь силе заклинаний. По лбу колдуна ручьем стекал пот. Давление становилось все сильнее и сильнее.

Вдруг старик зашатался, застонал и упал бы на пол, если бы не ткнулся лбом в дверь.

— Ну? — спросил Бомбатта.

Акиро трясло, словно в лихорадке. Он в изумлении глядел на дверь. Сила все еще была здесь. Она давила, давила так, что остальные двери любого замка распахнулись бы как легкие пухинки... Стеклопанная дверь стояла незыблемо.

— Слишком могущественный колдун. Невероятная сила, — прошептал Акиро.

Помолчав, он добавил, глядя сквозь прозрачную дверь в зеркальную комнату:

— Если вы верите в каких-нибудь богов — помолитесь им.

Глава 13

Конан медленно обходил зеркальный зал, держа меч наготове. Огромные зеркала тысячекратно повторяли его напряженную фигуру, отражая отражения отраженных отражений. И столько же раз был повторен в них мерцающий багровый камень на тонком постаменте в центре комнаты. Ряд зеркал нигде не прерывался, и Конан понял, что потерял то из них, которое упало вслед за ним, когда он ворвался в зал.

Сначала он обходил камень, лишь с опаской поглядывая на него. Это мерцание и кроваво-багровый цвет подсказали Конану, что это не просто украшение. Все эти магические штучки — лучше их не трогать, если не знаешь хорошо, для чего они и чего от них ждать. А если и знаешь, то тоже лучше особо не соваться — все равно хорошего от них не дождешься. Но поскольку больше в

комнате ничего и никого не было, Конан все же приблизился к нему и протянул руку.

— Ты не очень-то терпелив, варвар.

Конан обернулся, ища того, кто произнес эти слова. Обнаружив его, он изумился не меньше, чем в первый момент, услышав их.

Одно из зеркал больше не отражало его самого. В нем появилась фигура человека в кроваво-красной хламиде с капюшоном. В голове Конана пронеслось, что по крайней мере по голосу и размерам это был человек, не больше и не страшнее любого другого. Глубокий канюшон скрывал лицо, и даже кисти рук были скрыты под складками мантии, спускавшейся до самого пола.

— А уж тебя-то я вовсе терпеть не намерен, Стигиец. Верни девушку или...

— Ты начинаешь утомлять меня, — два десятка голосов, как две капли воды похожих на голос фигуры в капюшоне, зазвучали за спиной Киммерийца. Подозревая, что это лишь фокус, чтобы отвлечь его внимание, Конан все же рискнул обернуться. Увиденное заставило его остолбенеть. Уже двадцать зеркал отражали фигуру в капюшоне.

— Девчонка моя, и ты ничего не сделаешь.

— Это Она, и Она будет принадлежать мне.

— Твои мышцы и сталь бессильны против моей силы.

Конан почувствовал, что у него закружилась голова. Одно за другим зеркала менялись. Вот уже почти сотня отражений колдуна со всех сторон обступила Киммерийца. Зубы Конана сжались, волосы встали дыбом. Но слишком часто судьба пыталась нагнать на него страх. И страх, этот похититель воли и разрушитель силы, был так же знаком ему, как и мрачный образ смерти. Но если встреча с нею была в итоге неизбежной, то сила страха была не настолько велика, чтобы Киммериец уже тысячи раз не побеждал ее своей волей.

— Ты что, запугать меня задумал, колдунишка несчастный? Плевать я хотел на твою силу. Ты прячешься за ней, как трусливый шакал, боясь выйти и встретить меня в бою как мужчина.

— Храбрые слова, — проворковали, как одно, все отражения, — может быть, я и последую твоему совету.

Неожиданно два отражения бросились одно навстречу другому. Две тени в багровом облаке столкнулись в дальнем конце зала, оставив там фигуру в капюшоне.

— Не думаю, что тебе это понравится, варвар. Ты будешь умирать долго и мучительно. Не раз ты со стоном призовешь к себе смерть, моля о ней как об избавлении. Твоя сила — ничто по сравнению с моей.

Одно за другим кровавые облака слетали к фигуре в дальнем конце комнаты, и с каждым из них она становилась чуть выше и мощнее.

Дважды, когда багровые тени проносились мимо него, Конан пытался поразить их мечом. Сталь проходила сквозь них как сквозь воздух, лишь слегка вздрогнув, давая понять, что клинок встретил что-то на своем пути. Киммериец встал неподвижно, предпочитая подождать, а не тратить силы напрасну. Наконец последнее зеркало внесло свою лепту в создание существа, стоявшего перед Конаном. Эта фигура больше чем на голову превышала его рост и была раза в два шире.

— И это ты называешь выйти лицом к лицу? — Конан брезгливо поморщился. — Ну, тогда давай же, вперед!

Гигантская тень откинула капюшон, и Конан вздрогнул. Стоголосый смех прокатился по залу. Поверх багровых одеяний оказалась обезьянья голова, черная как сажа, с белыми сверкающими клыками, созданными, чтобы рвать мясо. Черные глаза налились злобным огнем. На толстых волосатых пальцах рук показались тигриные когти. Одежда медленно сползла на пол, обнажив массивное, покрытое редкой черной шерстью тело и толстые ноги с копытами. Ни звука не исходило от этого существа. Не было слышно даже дыхания.

Произведение черной магии, подумал Конан, это точно. Но может, оно все-таки окажется уязвимым для стали? С криком он бросился вперед; его меч, словно бешеная мельница, вспарывал воздух. Чудовище с неожиданной для такой махины легкостью отскочило в сторону. И, лишь слегка махнув лапой, оно оставило четыре кровавых полосы на груди Конана.

Конан снова и снова атаковал с мрачной решимостью обреченного. Еще трижды он пытался поразить чудовище. Трижды оно уворачивалось от удара, как ртуть.

Кровь капала из ран на плече Конана, на его ногу и на лбу. Смех в сто глоток был ответом на проклятия, которые себе под нос пробормотал Конан. Движения монстра были все так же легки, а запыхавшийся, обливающийся потом и кровью Конан даже не поцарапал его кончиком меча.

Вдруг черная обезьяна сама бросилась в атаку, в один миг схватив его когтистыми лапами и поднеся к оскаленной пасти. Конану не хватило времени, чтобы замахнуться и рубануть мечом или нанести колющий удар. Все, что ему оставалось, — это полоснуть по оскаленной морде наискось — через глаза, нос и рот, что он и сделал, вложив в удар все оставшиеся силы. Зеленый зловонный гной хлынул из раны, когти чудовища впились в бока Киммерийца, и он почувствовал, что летит через весь зал, отброшенный сильными лапами.

«Плохо дело», — пронеслось в голове Конана прежде, чем он с размаху влетел в стену, чуть не раздавив грудную клетку от такого удара. Почти без сознания он сполз на пол. Последним усилием воли он пытался восстановить дыхание, встать на ноги, чтобы успеть встретить чудовище раньше, чем оно бросится на него. Когда ему удалось-таки подняться, он замер в изумлении.

Гигантская обезьяна стояла на четырех лапах и мотала головой, разевая пасть, словно издавая стоны агонии. Но из ее рта не доносилось ни звука. Зато этот стон, стократно усиленный, был слышен из каждого зеркала, где корчилась и стонала фигура колдуна.

Вдруг Конан осознал, что не все зеркала изображали одно и то же. То, об которое он ударился, покрылось паутиной трещин и отражало лишь фрагменты комнаты, но в этих осколках Конан увидел и себя и обезьяну, — все, кроме самого мага. Его клинок воткнулся в соседнее зеркало. Не успело оно осыпаться серебряным дождем осколков, как изображение Амона-Рамы в нем исчезло, а стоны оставшихся перешли в крики.

— Ну, теперь я тебе устрою, колдун! — Конан почти перекричал душераздирающие звуки, исходившие из зеркал.

Он побежал вдоль стены, нанося удар по каждому из зеркал. Одно за другим исчезали изображения человека

в кровавой одежде. Его крики перешли в вой, а затем в отчаянный визг.

Скрежет когтей по хрустальному полу предупредил Киммерийца об опасности. Он успел упасть на пол и откатиться в сторону, когда обезьяна снова бросилась на него. Меч сверкнул в воздухе, оставив глубокую рану в боку чудовища. Не менее глубокой оказалась и рана, полученная Конаном. Но главное, что он успел понять, это то, что чудовище двигалось медленнее, чем раньше. Не быстрее тренированного человека. Он бегом пересек зал, не обращая внимания на монстра. Добить мерзкую обезьяну не означало поразить самого Амона-Раму.

У противоположной стены Конан стал громить зеркала одно за другим. Стоны, исходившие от оставшихся отражений, выражали запредельную боль и отчаяние. Краем глаза Конан увидел, что гигантская обезьяна снова рванулся к нему; ее единственный целый глаз горел фанатическим огнем. Он заметил, что даже в пылу сражения чудовище старается держаться подальше от пылающего красного Камня.

Неожиданно меч Конана со звуком, словно его уронили в воду, прошел сквозь одно из зеркал. Киммериец остолбенел. Меч не разбил зеркало, а проткнул его и изображение Амона-Рамы заодно. В зале воцарилась гробовая тишина, нарушаемая только падавшими время от времени осколками разбитых зеркал. Те, что остались целы, давали обычное отражение, как нормальные зеркала. Обезьяноподобное чудовище исчезло, словно его и не было вовсе. Лишь горящие раны Конана напоминали ему, что оно было куда как реальным и смертельно опасным.

Из-под кровавого капюшона на Конана глядело лицо с носом, похожим на клюв. Глаза никак не могли поверить в то, что произошло, и с ненавистью и тоской смотрели на молодого Киммерийца. Вдруг огненный шар появился в том месте, где клинок Конана проткнул одежду мага. Шар прокатился по мечу и взорвался у самых рук Конана, отбросив его, словно камень из катапульты. Не успел он встать на ноги, тряся головой, чтобы привести себя в чувство, как Амон-Рама шагнул из зеркала в зал. Поверхность зеркала сначала выгнулась перед ним, а потом растаяла, как легкое облачко пара.

Черный маг не посмотрел на Конана. Он лишь дотронулся до меча, торчавшего из его груди, словно желая убедиться в его реальности. Неверными шагами он направился к багровому Камню.

— Невозможно, — бормотал Стигиец, — вся сила, вся воля могли быть моими. Должны были быть моими...

Его руки сомкнулись на горящем Камне. Долгий, казавшийся бесконечным вой вырвался из его горла; по сравнению с этим все звуки, которые он издавал до того, показались бы тихим шепотом. Сквозь его пальцы прорвалось алое пламя. Оно становилось все ярче и ярче. Казалось, что сам колдун постепенно окрашивается в этот алый цвет.

— Кром! — прошептал Киммериец, глядя на это.

Кроваво-красный свет растекся по рукам и по всему телу Амона-Рамы; вот он уже превратился в кренящуюся статую из кровавого пламени, и вдруг его тело стекло на пол, превратившись в алую лужу, кипящую и пузырящуюся. Ярко-красный пар поднимался в воздух и таял под потолком, пока наконец на полу не осталось ничего, кроме меча Киммерийца. Исчезла и прозрачная опора Камня, оставив его висящим в воздухе.

Осторожно, бросив не один подозрительный взгляд на Камень, Конан поднял свое оружие. Рукоятка из акульей кожи обжигала пальцы, но сам меч казался невредимым. Конан быстро отскочил подальше от висящего Камня. Подумать только! Он чуть было не дотронулся до него, когда Амон-Рама затеял свою смертельную игру.

С громким звоном разлетелось на куски еще одно зеркало, и спутники Конана ввалились в зал.

— ... а я же говорил, что сработает... — оборвал сам себя на полужразе Акиро.

— Слезающиеся глаза Раванны! — презрительно ответил Малак. — Ты утверждал, что ему везет. Какое уж тут везение. Просто этому стигийскому вонючке следовало бы подумать хорошенько, прежде чем связываться с Конаном и Малаком.

Акиро повернулся к Киммерийцу:

— Тебе и вправду повезло. Но однажды везение оставит тебя, и что тогда?

— Ты видел? — спросил Конан, когда смог вымолвить хоть слово.

Акиро кивнул, а Зула вся передернулась.

— Эта обезьяна, — пробормотала она, оглядываясь, словно подозревая, что та просто где-то спряталась.

— Она исчезла, — сказал Конан. — Ладно, надо найти Дженну и этот проклятый Митрой Ключ и сваливать отсюда поскорее.

Словно произнесенное имя пробудило ее, Дженна появилась в зале из того же проема, из которого вышел Амон-Рама. За ее спиной осталась беспросветная темнота. Она даже не взглянула ни на кого, а медленно пошла по направлению к неподвижно висящему Камню.

— Нет! — в один голос закричали Конан и Бомбатта, но прежде, чем они успели сделать хоть шаг, она протянула руку и взяла Камень в свою ладонь.

— Сердце Аримана, — тихо сказала она, глядя с улыбкой на кроваво-красный Камень, лежащий у нее на ладони. — Конан, это и есть Ключ.

— Что? Эта штука? — начал было Конан, но его вопрос был прерван резким толчком пола. Стены задрожали. Отовсюду послышались хруст и треск.

— Я должен был сообразить раньше, — взвыл Акиро. — Этот дворец построен волей Амона-Рама, и теперь, с его смертью... Что вы стоите, вы разве не поняли? Бегите, бегите, или мы все последуем вслед за Стигийцем! — Словно в подтверждение его слов, раздался новый удар в пол.

— К колодцу! — скомандовал Конан. Хотя мысль о таком заплыве, когда весь дворец мог рухнуть в воду в любую минуту, не улыбалась никому, даже самому Киммерийцу.

Акиро тряхнул головой:

— Дайте мне попробовать сделать то, что я могу, когда ушло противостояние Амона-Рама. — Он бросил многозначительный взгляд на Малака. — Смотри!

Его руки задвигались почти так, как они это делали тогда, когда Конан бросился спасти его от смерти на костре. И снова огненный шар стрелой сорвался с ладоней старика и влетел в хрустальную стену. На этот раз взрыва не было. Лишь часть стены рассыпалась на мел-

кие осколки, открыв рваную дыру размером с обычную дверь.

— Сюда, — сказал Акиро. — Ну, Малак, ты видел что-нибудь подобное?

Дворец снова задрожал, и уже безо всякого колдовства кусок потолка и одной из стен обрушился на пол, брызнув фонтаном осколков.

— Потом обсудим наши победы, — сказал Конан, хватая Дженну за руку. Остальные, не мешкая, устремились за ним.

Они бежали вниз по коридорам и залам неземной красоты. Всякий раз, когда очередная стена преграждала им путь в том направлении, которое они для себя выбрали, Акиро пробивал еще одну дыру при помощи своих заклинаний. Удары по полу и стенам становились все чаще и чаще, пока не слились в один монотонный гул. Рассыпался резной орнамент, сыпались осколки со стен, дважды громадные сверкающие плиты обрушивались за их спинами на пол.

Еще одно заклинание Акиро, еще один огненный шар — и они оказались на пристани. От дворца по озеру шли беспорядочные волны. Конан спихнул лодку в воду. На ее дне лежали доспехи Бомбатты. Усадив в лодку Дженну, Киммерийцу пришлось удерживать ее, сопротивляясь попытке Бомбатты отплыть раньше, чем в нее заберутся остальные.

Когда все оказались на своих местах, Конан схватил весло.

— Давай! — крикнул он Бомбатте, и тот, не говоря ни слова, вогнал весло в воду.

За ними хрустальный дворец играл всеми цветами сошедшей с ума радуги. От высоких шпилей сильные лучи били вверх, в небо.

— Быстрее, — торопил Акиро, оглядываясь через плечо. — Быстрее!

Он внимательно посмотрел на Конана и Бомбатту, надрывавшихся, работая веслами на пределе сил. Хмыкнув, он опустил в воду руки и забормотал заклинания. Перед носом лодки образовалась небольшая волна, которая повлекла суденышко быстрее, чем все усилия гребцов. Малак вслух пытался вымолить путь к спасению у

всего знакомого ему пантеона добрых и злых богов и божков.

— Не слишком ли много колдовства? — буркнул Конан.

— Может быть, — ответил Акиро. — А ты бы предпочел подождать, пока дворец...

С невероятным грохотом хрустальный дворец осел и обрушился. Сначала в спину беглецам ударил мощный шквал ветра. Затем они увидели, что их нагоняет огромная волна. Стена воды подхватила и понесла их суденышко к дальнему берегу. Все, что мог сделать Конан, — это опустить весло в воду и стараться держать лодку прямо перпендикулярно волне. Повернись они чуть-чуть боком к ревущему потоку — и все пропало.

Пляж с черным песком приближался невероятно быстро и вдруг исчез под набежавшей волной. Сильный удар возвестил о том, что лодка вылетела не берег, выбросив при этом всех их в бурлящую воду. Конан смог встать на ноги, сопротивляясь попыткам воды вывести его из равновесия и утащить обратно в озеро. Дженну выбросило дальше, и, когда ее понесло обратно, Киммерийцу удалось схватить ее за одежду и притянуть к себе. Она одной рукой обняла его за шею и так замерла, прижавшись к нему, когда схлынувшая вода оставила их на высоте четверти склона кратера.

— Ты цела? — спросил он девушку.

Она кивнула, а затем поднесла поближе руку, которой не обнимала его:

— Я даже не потеряла Ключ! — Багровый свет пробивался между ее пальцами.

Киммериец вздрогнул и не стал пытаться удержать ее, когда она шагнула в сторону. Из-под одежды она извлекла небольшой бархатный мешочек, в который и положила горящий Камень.

Конан тряхнул головой. Чем дальше продолжалось их путешествие, тем меньше ему нравилась вся эта затея. И на это были свои причины. Конан, задумавшись, сжал в кулаке золотого дракона — амулет, подаренный Валерией.

Он был приятно удивлен, увидев, что все его спутники не только живы, но и способны стоять на ногах, хотя и

получили немало синяков и ссадин и к тому же промокли до костей. Страх отогнал стреноженных лошадей, и теперь они, нервно всхрапывая, стояли выше на склоне. Лодка лежала внизу, у кромки воды; там, где еще недавно был их лагерь. От него мало что осталось: едва ли половина кожаных мешков для воды да одинокое одеяло, застрявшее в ветках кустарника.

На другом берегу единственным напоминанием о дворце оставалась огромная яма, с ревом заполняемая озерной водой. Акиро почти с сожалением и тоской глядел туда, тихо повторяя:

— И все — творение его воли! Это было потрясающе.

— Потрясающе? — Зула не верила собственным ушам. — Великолепно?

— Я бы хотела выбраться отсюда поскорее, — сказала Дженна. — Я теперь чувствую зов Сокровища, как раньше чувствовала Ключ.

При этих словах Бомбатта поспешил к ней, загораживая девушку от Зулы и Конана, словно главная опасность исходила от них.

Малак приложил руки к уху Конана и тихо, чтобы никто другой не разобрал его слов, сказал ему:

— Сокровище. Я не хуже колдунов понимаю в этом толк. Надеюсь, что на этот раз наши и их интересы не пересекутся. То, что не понадобится этой дворцовой кукле, вполне можем оприходовать мы с тобой; а? Скоро вернемся в Шадизар и заживем — как кум королю.

— Скоро, скоро, — согласился Конан.

Его глаза беспокойно поглядывали на Дженну, а рука так сжала амулет, что золотой дракон словно впечатался в ладонь.

— Уже скоро.

Глава 14

Конану начинало казаться, что лекарства Акиро были хуже, чем раны, которые они были призваны лечить.

Их маленький караван продолжал путь на юг. Над ними по-прежнему нависали серые горы. Их склоны были

изрезаны узкими ущельями, удобными для нападения. В густом кустарнике можно было нарваться на засаду, но Конан не мог сосредоточиться ни на чем, кроме своих повязок, закрывавших раны, оставленные когтями чудовищной обезьяны. Наложённая под повязкой мазь жгла как огонь. Конан судорожно потянулся к льняному полотну, обмотанному вокруг его груди.

— Не делай этого, — остановила его Дженна, — Акиро сказал, что не следует беспокоить раны.

— Это все чушь, — возразил Конан. — Такие царапины я получал и раньше. Промыть их и оставить открытыми. Вот и все, чем я лечился всю жизнь.

— Это не царапины, — твердо сказала она.

— Да еще эта вонь.

— Это же приятный аромат целебных трав. Я начинаю удивляться, как ты вообще умудряешься как-то обходиться без посторонней помощи. Я тебе повторяю, оставь свои повязки в покое. Акиро говорит, что эта мазь вылечит целиком все раны за два дня. Конечно, не очень-то верится, но он еще попросил, чтобы я не спускала с тебя глаз, чем я и занимаюсь.

Конан обернулся, чтобы посмотреть в глаза старому колдуну. Тот с показным равнодушием встретил его взгляд. Малак и Зула, похоже, и вовсе были рады новому развлечению и внимательно слушали диалог Конана и Дженны. Бомбатта казался погруженным в свои мысли, но по его глазам было видно, что он не заплакал бы, окажись раны, нанесенные колдовской обезьяной, смертельными.

— Должна сказать, что ты не выглядишь благодарным Акиро за то, что он так старается сделать для тебя. А ты...

— О, Великий Митра, — взмолился Конан и довольно грубо поинтересовался: — Слушай, девочка, может, ты займешься чем-нибудь другим?

Лицо Дженны помрачнело, глаза погасли, и Конан понял, что погорячился.

— Прости меня, — коротко сказала она и попридержала лошадь, чтобы поотстать от Киммерийца. Ее место тут же занял Малак. Конан повернулся к приятелю и сказал:

— Иногда мне кажется, что эта девчонка мне куда больше нравилась, когда шарахалась от собственной тени.

— А мне вообще нравятся только такие, которых можно полапать самому... — маленький вор осекся, заметив холодный взгляд Конана. — Слушай, я ведь не о девчонке хотел поговорить. Ты соображаешь, где мы едем?

— Думаю, да.

— Тогда почему мы не свернем куда-нибудь? Еще немного, и мы вплотную подберемся к деревне, где встретили Зулу. Не думаю, что ее жители обрадуются, увидев нас снова. Нам просто везет, что нас до сих пор не встретили градом стрел из кустов.

— Да знаю я, — сказал Конан.

Он посмотрел на Дженну. Она ехала опустив голову и закрыв лицо капюшоном. Она явно была очень расстроена.

— Мы должны ехать дальше, опять через деревню? — крикнул он ей.

Дженна выпрямилась, отчаянно пытаясь собраться с мыслями.

— Что? Какая деревня? — она осмотрелась и показала на восток, в узкое ущелье между двумя покрытыми снегом вершинами. — Нам туда.

— Хоть всем богам молись с этой красавицей, — вздохнул Малак.

В этот момент из зарослей им навстречу вылетел целый эскадрон — человек сорок — коринтийских кавалеристов, сверкающих лезвиями мечей.

Конан не стал тратить время на проклятия, да если бы и захотел — не успел бы. Его меч едва успел взлететь в воздух, чтобы отразить удар клинка коринтийца, намерившегося проломить Конану череп. Одновременно, высвободив ногу из стремени, Конан ударом сапога выбил другого нападающего из седла. Мгновение спустя удар меча перерезал горло первому противнику. Конан успел заметить Малака, подпрыгнувшего под меч коринтийца и вонзающего ему кинжал под полированную грудную пластину его доспехов. В этот миг еще один всадник налетел на Киммерийца.

— Конан! — отчаянный крик донесся до него даже сквозь общий гвалт. — Конан!

Конан бросил взгляд в том направлении, откуда шел звук; от увиденного у него перехватило дыхание. Смеющийся солдат схватил Джениу за волосы, и только то, что она судорожно ухватилась за седло, спасло ее от падения под копыта.

Один лишь взгляд, но, когда Конан повернулся вновь к своему противнику, тот содрогнулся, увидев в сапфировых глазах свою смерть. Он по-прежнему крепко держал в тренированных руках свой меч, но уже ничего не мог противопоставить ярости северянина, сошедшегося с ним в поединке. Трижды скрестились их мечи, а затем Конан повернул коня, оставив окровавленное тело на камнях долины.

Киммериец бросил коня галопом в сторону, где Джениа продолжала кричать, держась одной рукой мертвой хваткой за седло, а второй пытаясь вырвать волосы из сжимавшего их кулака или хотя бы ослабить боль. Коринтиец откинул голову назад, заливаясь смехом.

— Эрлик тебя подери, собака! — проорал Конан, привстав на стременах, чтобы вложить в удар всю силу и вес своего массивного тела.

Его злость была так велика, что он даже не заметил, как клинок перерубил шею коринтийца. Голова солдата оторвалась от плеч и с последней гримасой смеха на губах отлетела под копыта лошадей. Кровь фонтаном забила из обезглавленного туловища, некоторое время еще простоявшего прямо в седле, а затем рухнувшего вслед за головой. Пальцы, вцепившиеся в волосы Джениы, чуть не утащили ее вслед за мертвым телом, пока не ослабили свою последнюю хватку. Девушка почти легла на шею лошади, глядя безумными, вытаращенными глазами на обезглавленное тело рядом с ногами ее лошади.

Не больше секунды потребовалось Конану, чтобы оценить ситуацию на поле боя. Малак, верхом на коринтийской лошади, уже тянулся к крупу другой, хватая ее наездника за красный плюмаж на шлеме. Миг — и по открытой шее коринтийца полоснул отточенный кинжал шадизарского вора. Вспышки и гулкие удары сопровож-

дали судорожные метания Акиро по долине. Стоило ему остановиться, чтобы начать заклинания и магические движения руками, как кто-нибудь из нападавших подлетал к нему с диким воплем, заноса оружие. Акиро встречал их вспышками и громopodobными раскатами, которые, однако, не наносили никому вреда. С каждым разом у старика оставалась все меньше времени, чтобы в перерывах между нападениями сосредоточиться и преподнести коринтийцам более действенные доказательства магической силы. Зула и Бомбатта пытались держаться рядом с Дженной, но мощи сверкающей сабли и со свистом рассекающего воздух шеста едва хватало, чтобы просто сдерживать натиск нападавших коринтийцев и отражать град их ударов.

Казалось, что число уже погибших коринтийцев должно было остановить их товарищей. Слишком высокую цену приходилось платить за победу над этой странной компанией. Но эскадрон уже вошел в разбитвы, а кроме того — и Конан уже имел возможность убедиться в этом в своих странствиях, — умирать храбро и глупо там, где была возможность избежать этого, было одной из характерных традиций воинов из коринтийских городов.

— Уходим врассыпную! — крикнул Конан.

Два всадника бросились на него одновременно. Широкий меч описал круг, отхватив занесенную для удара руку по локоть и глубоко вонзаясь в плечо второго противника.

— Уходим! Их слишком много. Уходим!

Схватив поводья лошади Дженны, Конан направил своего коня галопом в сторону ущелья, куда Дженна собиралась повернуть их маленький отряд.

Три коринтийца бросились наперерез беглецам. Удивленные ухмылки пробежали по их лицам, когда они увидели, что Конан не собирается сворачивать, а несется прямо на них. Удивление сменилось смятением, когда тяжелый, крупный конь Киммерийца ударом корпуса сбил с ног небольшую коринтийскую кобылу, вдавив копытами в каменистую землю ее всадника.

Ошеломленные, двое оставшихся помышляли уже не столько о нападении, сколько о защите. Даже связанный

необходимостью удерживать лошадь Дженны, Конан быстро напомнил им о том, что лучшая защита — это нападение. Свой путь к указанному Дженной ущелью он продолжил, оставив позади еще два трупa и одного стонущего на земле противника.

Он не позволил себе даже обернуться назад. А что, если, оглянувшись, он увидит, что кто-то из друзей нуждается в срочной помощи? Броситься на выручку? Он не имел на это права. Дженна. Ее нужно довести до Сокровища, затем — вернуться с ней в Шадизар. Ради Валерии. Да и если бы не эта история с оживлением Валерии, Конан уже понял, что все равно не покинул бы девушку. Все, что ее ждет, — это упасть с перерезанным горлом или повиснуть перекинутой через седло любого из коринтийцев, решившего отвлечься от неравного боя ради такой соблазнительной пленницы.

Сжав зубы до боли, он поскакал вперед, увлекая за собой Дженну и стараясь не слышать звуков боя, доносившихся из-за спины.

Глава 15

Жемчужно-серые тени гор уже скрестились над ущельями, когда Конан наконец натянул поводья. Конечно, он не гнал лошадей галопом все это время — такой скачки животные не вынесли бы и на равнине, не то что в этом нагромождении скал, чередой подъемов и спусков, — но ни один конь не может скакать бесконечно, даже на умеренной скорости. А кроме того, Киммериец хотел приглядеть подходящее для ночлега место до того, как совсем стемнеет.

Он обернулся к Дженне, чтобы выяснить, как она пережила все это. Щеки девушки были покрыты слоем пыли, прорезанной следами скатившихся слез. Она была погружена в такое же молчание, каким встречала все его вопросы в начале путешествия. Вцепившись обеими руками в седло, она изъявила не больше желания взять поводья, чем во время всей их бешеной скачки. Видя, что на все его вопросы и замечания она отвечает, лишь утвердительно или отрицательно кивая головой, он был

вынужден признать, что его грубость в последние несколько часов тоже сыграла в этом свою роль. Казалось, что единственным ее занятием оставалось молча смотреть на него. Это заставляло Конана беспокоиться — не повредила ли она в уме, побывав впервые в жизни в самой заварухе боя.

— Ну, ты как, в порядке? — довольно грубо спросил он ее. — Ну? Скажи ты хоть что-нибудь!

— Ты... ты был страшен, — тихо сказала она. — Они с таким же успехом могли размахивать не мечами, а прутьями.

— Пойми, то, что ты видела, — это поединок рыцарей, а не игра, в которую ты все еще пытаешься играть, не замечая ничего вокруг.

Сам удивляясь охватившему его раздражению, он предпочел переключиться на поиски места для ночлега.

— Просто я никогда раньше не видела ничего подобного. То, что произошло с Зулой в деревне, бой у дома Акиро — все это было как-то по-другому. Это почти не касалось меня. Я смотрела на все как на какое-то представление, как на жонглеров или дрессированных медведей.

Конан не смог удержаться, чтобы не пробурчать в ответ:

— В этих спектаклях погибли живые люди. Конечно, для нас лучше, что погибли они, а не мы, но суть дела это не меняет. Никто не погибает ради удовольствия или неудовольствия зрителей.

Наконец он заметил симпатичное местечко — небольшую площадку, почти окруженную десятками валунов ростом выше, чем всадник на лошади. Натянув поводья, он повернул коня к пригланувшемуся месту.

— Я не хотела тебя обидеть, Конан.

— А я что, разве похож на обиженного? — резко возразил он.

Он провел ее лошадь в узкий проход между камнями. Туда, где на прикрытом со всех сторон пятачке смогли разместиться и они сами и их лошади. Валуны прикроют их от холодного горного ветра и, что самое главное, — от взглядов тех, кто может вознамериться искать беглецов. Спешившись сам, Конан помог Дженне слезть с

лошади и усадил ее, занявшись расседлыванием лошадей.

— Разведи костер, — попросила она, кутаясь в плащ, — мне холодно.

— Никаких костров!

Даже если бы в этом каменном мешке и было чему гореть, он все равно не стал бы рисковать, раскрывая их тайное пристанище.

— Вот, держи, — сказал он, протягивая девушке конские подседельные попоны.

— Но они так пахнут, — поморщилась Дженна, но прежде, чем он успел что-то сказать, она накинула грязные истертые полотна поверх плаща, не переставая, однако, шмыгать носом.

К седлу Конана был привязан мешок с сухим мясом. Этого хватило бы на несколько дней. Вода, однако, могла стать проблемой. Единственный бурдюк был наполовину пуст.

— Как ты думаешь, а им удалось выбраться? — неожиданно спросила Дженна. — Бомбатте, Зуле и всем остальным?

— Может быть.

Конан резким движением сорвал повязку с головы и принялся за ту, что прикрывала рану на груди.

— Нет! — воскликнула Дженна. — Не трогай их. Акиро сказал...

— Акиро и остальные, может быть, уже мертвы. И во многом по моей вине.

Конан стер повязками слой мази, закрывавший раны. К его удивлению, от них остались лишь тонкие розовые полоски, словно после долгих недель лечения.

— Я слишком увлекся своими ранами, жжением и запахом от повязок. Если бы не это, коринтийцам ни за что не удалось бы застать нас врасплох.

Он с тяжелым вздохом отбросил в сторону грязные тряпки повязок.

— Ты не виноват, скорее уж я. Это ведь я приставала к тебе, как ребенок, и дулась на тебя вместо того, чтобы вовремя указывать путь. Если бы не это, мы свернули бы раньше, чем они напали на нас.

Конан потряс головой:

— Это глупости, Дженна. В том ущелье ты смогла бы увидеть нужный путь лишь на несколько мгновений раньше. Коринтийцы все равно напали бы на нас, только увидев, что мы поворачиваем.

Он приступил к ужину, оторвав кусок вяленой баранины, по жесткости не уступавшей плохо выделанной коже, да и по вкусу мало чем отличающейся от нее. Дженна задумчиво хмурилась.

— Ну, положим, от меня ждать большего было нельзя. Но ты — ведь твой взгляд может проникнуть сквозь стены и за углы, ты видишь и чувствуешь любую опасность. Я и представить себе не могла, что буду путешествовать в сопровождении двух волшебников. Слушай, а почему ты не хотел с самого начала приделать всем нам крылья и в один миг добраться до цели?

Конан чуть не подавился куском мяса. Восстановив дыхание, он исподлобья посмотрел на нее, но лицо Дженны, как всегда, выражало лишь полную невинность. Неужели она и впрямь верила в то, что говорила, верила, что он... Ну нет, он еще не полный дурак, чтобы не почувствовать насмешки. Конан уже открыл рот, чтобы огрызнуться, но понял, что любой его ответ лишь усугубит его дурацкое положение.

— Ешь, — сказал он сурово, бросая к ее ногам кусок вяленого мяса.

Дженна аккуратно взяла его и принялась жевать. Киммерийцу показалось, что уголки ее губ растянулись в тщательно скрываемой улыбке. Этого еще не хватало, недовольно подумал он.

Сиренево-голубые сумерки спустились над горами. Дженна, закончив скромный ужин, стала подыскивать местечко поудобнее, чтобы лечь спать. Она раскладывала попоны и одеяла то так, то эдак на жестких камнях и вдруг жалобно попросила:

— Мне холодно. Сделай что-нибудь.

— Костра не будет. У тебя есть чем укрыться.

— Тогда забирайся ко мне под одеяло. Если ты не позволяешь мне согреться у огня, будь любезен согреть меня сам.

Конан уставился на нее. Нет, подумал он, надо же быть таким ребенком.

— Я не могу. Это... ну, в общем, я не буду.
— Но почему нет? Тетя зачем тебя послала? Я тут околеваю от холода, а ему и в голову не придет снасти меня от таких мучений.

Конан застонал и засмеялся одновременно. Послали козла сторожить капусту. Ему даже пришлось встряхнуться, чтобы отогнать ненужные мысли.

— Подумай, Дженна. Тебе следовало бы поостеречься Тарамис, когда ты вернешься в Шадизар.

— Бояться тети? С чего бы это?

— Я не знаю истинной причины, — тихо сказал он, — но короли и королевы, принцы и принцессы — они думают не так, как остальные люди. И совсем по-другому понимают, что такое добро и что такое зло.

— Тебя беспокоит мой сон? Бомбатта был прав. В этом кратере и не такое приснится. А тетя любит меня. Она вырастила меня, заменив отца и мать.

— Может, оно и так, Дженна. Но если вдруг когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, передай с кем-нибудь пару слов в таверну Абулетеса в Шадизаре. Я приду. И уж мне точно удастся найти для тебя безопасное место.

— Я так и сделаю, — ответила она, хотя было видно, что ей и в голову не могла прийти мысль, что это может понадобиться. — Но я так и не согрелась, — гнула она свое и даже приподняла край одеяла.

Еще несколько мгновений Киммериец колебался. Наконец, бурча что-то про то, что и вправду похолодало, что нет ничего страшного в том, чтобы согреть друг друга, снял пояс с мечом и устроился рядом с девушкой. Она натянула ему на плечи не только пропахшие конским потом попоны, но и часть своего плаща. Пока он поправлял одеяла, Дженна прижалась к нему. Инстинктивно Конан обнял ее. Его ладонь легла на изгиб ее бедра и отскочила как ошпаренная, судорожно пометалась вдоль тела и наконец успокоилась на талии девушки.

— Так даже теплее, чем я предполагал, — пробормотал он, вытирая пот со лба. — Лучше, наверное, отодвинуться чуть-чуть.

«Да не железный же я, — подумал он, — и сколько еще выдержки могут требовать боги от мужчины из плоти и крови».

Дженна еще плотнее придвинулась к нему и дотронулась пальцем до золотого амулета:

— Расскажи мне о Валерии.

Конан удивленно хмыкнул; Дженна подняла глаза:

— Я ведь не глухая. Я слышу твои разговоры с Малаком, да и с Акиро. Скажи, какой женщиной она была?

— Какой? Она была единственной из тысяч тысяч других. Наверное, таких больше нет. Воин, друг, боевой товарищ, спутник в путешествиях...

— И любовница? — добавила она к его перечислению. Конан хотел что-то ответить, но она поспешила опередить его: — А в твоём сердце остался хоть уголок для другой женщины?

Конан думал, как описать ей их отношения с Валерией. Как она бросалась к нему в постель со страстью тигрицы и как через несколько часов с неменьшей яростью могла закатить ему оплеуху, если он чересчур явно заглядывался на какую-нибудь трактирную девчонку.

— Понимаешь, — начал он осторожно, — между мужчиной и женщиной есть такие отношения, о которых ты ничего не знаешь и поэтому не сможешь правильно...

— Много ты понимаешь, — Дженна попыталась изобразить уверенность в голосе, — мы с Зулой хорошенько обсудили разные способы... это... вот, чтобы заарканить мужика.

Конан рассмеялся, но вдруг почувствовал, что она взяла его руку и опустила ее под расстёгнутое платье. Он невольно обнял ладонью маленькую грудь.

— Слушай, ты сама не понимаешь, что делаешь, — хрипло прошептал он.

Не успел он договорить, как она резко навалилась на него всем телом. От неожиданности он перевернулся на спину, и она оказалась на нём, всё крепче прижимаясь к его груди.

— Тогда научи меня, — прошептала она, и ее сладкие губы выкинули из его головы весь здравый смысл.

Холодный ночной ветер хлестал Шадизар, словно жесткая метла, старающаяся вымести из города всю его явную и скрытую грязь.

Тарамис приняла этот ветер как предзнаменование. Знак ухода старого и прихода нового рассвета. Ее платье — золото на небесно-голубом — тоже означало неизбежный приход нового дня, новой эпохи.

Темные глаза обежали большой внутренний двор, мощный большими полированными плитами светлого мрамора и окруженный алебастровой колоннадой. Выходившие во двор балконы были пусты; ни единого огонька не мигало в темных окнах. Страже было строго приказано не подпускать никого близко ко двору.

Окруженная свитой жрецов, она смотрела не спящую фигуру Дагота — прекраснейшего из мужчин. Жрецы новой веры, возрожденной из тьмы веков, были одеты в золоченые мантии, спадавшие до пят. Голову каждого венчала корона с выгравированным на лбу широко открытым глазом — символом бодрствования служителей Спящего Бога.

Самая высокая корона венчала того, кто стоял рядом с принцессой, сжимая в руке длинный жезл с алмазом на конце, вставленным в оправу в форме глаза. Это был Ксантерес — Верховный жрец. И действительно, он был выше всех остальных — не считая, конечно, Тарамис.

— Настала третья ночь! — неожиданно произнесла она торжественным голосом.

Круг жрецов откликнулся эхом:

— Третья ночь до Ночи Пробуждения.

— Благословенна будь Ночь Пробуждения, — пропел верховный жрец.

— Спящий Бог никогда не умрет! — возвала принцесса, и ответ жрецов эхом вернулся к ней:

— Там, где есть вера, — нет места смерти!

— Пусть прольется на нашего Бога то, что должно пролиться в эту ночь.

— Славься та, кто окропит Спящего Бога, — нараспев ответил хор жрецов.

Негромко зазвучали свирели, сначала медленно, а затем все быстрее и громче. Еще двое жрецов с коронами на головах появились из колоннады. Между ними шла девушка; ее толстые косы были аккуратно уложены вокруг головы, платье сияло снежной белизной. Введя ее

в круг, жрецы сняли с нее одежду, и, не стыдясь своей наготы, девушка шагнула вперед, к изголовью лежа Дагота. Тарамис и Ксантерес подошли и встали по обе стороны от нее.

— Ания! — позвала ее Тарамис; девушка с усилием отвела взгляд от лежащей фигуры. — Ты первая, избранная Спящим Богом за твою непорочность.

— Я не достойна такой чести, — прошептала она.

— При рождении ты была отмечена Спящим Богом. Служишь ли ты ему и по сей день добровольно?

Тарамис знала ответ еще до того, как искры экстаза запрыгали в глазах девушки. Жестокая принцесса долго и хорошо готовилась сама и готовила других к этому действию.

— Я, недостойная, молю о разрешении служить ему.

Свирели залились громкими трелями.

— О Великий Дагот, — крикнула Тарамис, — прими наше подношение. Прими первое помазание перед Ночью Твоего Возвращения.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ксантереса, когда его пальцы, вцепившись в волосы Ании, резко наклонили ее над головой алебастровой фигуры. Еще одно движение — и ее голова запрокинулась к небу, оставив открытым незащищенное горло. Из складок мантии появился позолоченный кинжал; он блеснул в воздухе — и вот уже алый фонтан брызнул на лицо Снящего Бога.

— О Великий Дагот! Твои слуги приносят тебе первую жертву! — воскликнула Тарамис. Хор жрецов вторил ей.

Тарамис рухнула на колени и в поклоне опустила к мраморному полу голову. Ее молитва взлетела к ночному небу:

— О Великий Дагот! Твои слуги ждут Ночи Твоего Пришествия. Я жду Ночи Твоего Пришествия.

Усиленная хором жрецов молитва вновь и вновь отражалась от дворцовых стен:

— О Великий Дагот! Твои слуги ждут Ночи Твоего Пришествия!

Тело Ании вздрогнуло в последний раз и затихло там, где она упала, всеми забытая в луже уже остывшей крови на розовом мраморе пола.

Глава 16

Каменистым было дно ущелья, по которому двигался конь Конана. Каменным было и выражение лица его сёдока. Конан старался занять все мысли только наблюдением за дорогой, не позволяя себе отвлекаться ни на что другое.

— Ну, поехали же быстрее, — время от времени восклицала Дженна. — Я же знаю дорогу, поехали быстрее!

Он подождал, пока лошади перебрались через каменную гряду, отделявшую их от склона другого ущелья, и только тогда ответил:

— Я могу за два дня довести тебя до Шадизара. За один день — если мы до смерти загоним лошадей.

Он замолчал, в который раз подсчитывая оставшиеся дни и ночи. Теперь многое зависело от того, сколько еще смогут продержаться их кони и как быстро они смогут скакать.

— Я решил вернуться.

— Но мое предназначение!

— В твоё предназначение не входит погибнуть в этих горах. Я доставлю тебя во дворец твоей тети.

— Ты не посмеешь препятствовать моему предназначению!

— Да пошло оно, твоё предназначение...

Дженна подогнала лошадь и поравнялась с ним.

— А Валерия? Да, это я тоже слышала, и я знаю, что за награду тебе обещала тетя.

Титаническим усилием Конану удалось сохранить бесстрастное выражение на лице. Да, долг должен быть оплачен. Оплачен любой ценой. Но платить должен и может только он, но не Дженна.

— Я могу защитить тебя по дороге. Но не в том случае, если мы сами будем нарываться на неприятности. Неужели ты думаешь, что твоё Сокровище будет лежать просто так, на блюдечке.

— Валерия...

— Она не просила меня обменять твою жизнь на её. А теперь замолчи и поезжай за мной.

Некоторое время она и вправду ехала молча, лишь про себя всхлипывая и беззвучно шевеля губами. Занятый

своими мыслями, Конан даже не заметил ее расстройства и раздражения.

Неожиданно она снова взмолилась:

— Это где-то здесь. Я чувствую, Конан. Пожалуйста, сверни туда. Я прошу тебя!

Сам того не желая, он обернулся туда, куда указывала Дженна. Не самая высокая из окружающих гор. Такие же серые склоны. Но у подножия рассыпались гигантским ковром изломанные скалы — каменные столбы и шпильи. Лабиринт, — вспомнил Конан, как называла их путешествие Дженна. Это был настоящий лабиринт. В его закоулках можно было спрятать целую армию. Нет, это не место для девчонки, даже если там и находится столь нужное для Тарамис Сокровище. Киммериец решил обогнуть гору с юга. Он не сказал Дженне ни единого слова.

— Конан!

Он закрыл уши руками, не желая слышать.

— Конан!

Вдруг до его сознания дошло, что уже не Дженна, а кто-то другой окликает его. Рука сжала рукоять меча: то, что звавший знал его по имени, еще ни о чем не говорило. Вдруг из-за бугра вылетела низкорослая лошаденка, оседланная на коринтийский манер. Верхом на ней восседал маленький, худенький черноглазый человек.

Рот Конана растянулся до ушей:

— Малак! А я думал, что ты...

— Еще не хватало. Я слишком красив, чтобы умереть.

По пятам за Малаком скакали остальные: Бомбатта, Зула и Акиро, трясущийся в седле и что-то бормочущий про старые кости. Чернокожая женщина сразу метнулась к Дженне, и обе застыли, уткнувшись лицом друг другу в плечи.

— А как же коринтийцы? — спросил Конан. — И как вы нашли нас?

Акиро открыл было рот, но Малак поспешил вмешаться в разговор:

— Когда они увидели, как ты рванул в ущелье, чуть не половина этих ребят двинулись следом, на скаку

решая, кому первому достанется девчонка. Ну, что вы на меня уставились? Видит Митра, это они сказали, а не я! В общем, их стало поменьше, и у Акиро появился шанс заняться любимым делом. Давай, расскажи им, что ты такое сотворил.

Акиро снова попытался что-то сказать, и снова Малак перебил его, залившись звонким смехом:

— Он напустил на них тигра. Размером эта киска была со слона. Ты бы видел, что стало с их лошаадьми! Ладно, Акиро, рассказывай дальше.

— Это была лишь слабая иллюзия, — осторожно начал Акиро, все поглядывая на Малака, видимо, опасаясь, что тот снова перебьет его. — Все-таки времени было совсем мало, да и условия — не те. Это был лишь зрительный обман, правда — с запахом тигра. Он и двигаться-то не мог. Но, к счастью, их лошади об этом не знали. Они словно взбесились от ужаса. Наши, впрочем, тоже. Но как бы то ни было, это дало нам возможность смыться. Правда, без запасной кобылы, но зато с целыми шкурами.

Слишком много колдовства в этом путешествии, снова подумал Конан, но, честно говоря, он ничего не имел против, когда оно спасало жизнь его друзей.

— Отлично, что вы нашли нас. Мы вместе влезли в эти горы и вместе должны выбраться отсюда. Нет, нам просто повезло, что мы встретились.

Малак уже раскрыл рот, но осекся под колкочим взглядом Акиро.

— Тут нет никакого везения. Вот, смотри, — он протянул Конану кожаный шнурок с маленьким, покрытым резьбой Камнем на конце. Легким движением Акиро пустил камень по кругу, но круг тотчас превратился в овал, а затем Камень маятником закачался по прямой линии, соединяющей Конана и колдуна.

Киммериец невольно задержал дыхание:

— Не люблю я, когда такие штучки связаны со мной.

— Не с тобой, а с амулетом. Найти такую штуку легче, чем живого человека. Другое дело, если бы у меня был твой волос или хотя бы лоскуток твоей одежды. Мы бы нашли тебя еще быстрее.

— Кром! — выпалил Конан.

Еще не хватало, чтобы кто-нибудь из колдунов, пусть даже и дружелюбный пока что Акиро, заполучил себе его волос.

Воспользовавшись молчанием Конана, Акиро продолжил:

— А так, настроившись на неживой предмет, мы потратили уйму времени, чтобы точнее определить направление. Это похоже на поиск выхода в темноте в незнакомом доме.

— А Бомбатта, тот и вовсе не хотел ждать, пока мы разберемся с этой штукой, — не удержавшись, влез в разговор Малак. — Он сказал, что не доверяет колдунам.

Тут он снова осекся и опасливо поглядел на Акиро.

— Все в порядке, Малак, — успокоил его Акиро. — Я уже почти закончил.

Все это время Бомбатта, не слезая с коня, переводил взгляд с Конана на Дженну и обратно. Наконец он громко произнес:

— Он не причинил тебе вреда, дитя?

Дженна вадрогнула и прервала разговор с Зулой.

— Что? О чем ты, Бомбатта? Конан защищает меня так же, как и ты.

Ее ответ, похоже, не удовлетворил воина в черных доспехах. Его лицо потемнело, шрамы резче выступили на коже. Он, поколебавшись, повернулся к Акиро и спросил его:

— Эй, колдун. Я должен знать правду. Скажи, невинна ли она по-прежнему?

— Бомбатта! — охнула Дженна, а Зула, стоя рядом с нею, выпалила:

— Это не тот вопрос, на который нужно отвечать тому наглецу, который посмел задать его.

— Скажи правду, колдун, — настаивал Бомбатта, — наша жизнь и многое другое, о чем ты даже не можешь предполагать, зависит от этого.

Акиро разомкнул губы и утвердительно кивнул.

— Она невинна. Я это ощущаю так сильно, что только удивляюсь вам, не чувствующим этого.

Подождав, когда Бомбатта, облегченно вздохнув, отойдет, Акиро наклонился к Конану и сказал:

— Я уже говорил, что здесь все дело в душе, а не в плоти.

Конан покраснел, а затем покраснел еще сильнее, осознав, что краснеет.

— Ну ты, соглядатай. Только не надо пробовать на мне свое ясновидение. Надеюсь, ты ночью не подглядывал.

— Вспомни тот флакон, который я дал тебе. Выпей его содержимое — и скачи отсюда. Бери девочку, если хочешь, — и вперед. Я не сомневаюсь, что она за тобой, хоть на край света... в крайнем случае, через пару таких ночей. А здесь тебе больше нечего ждать. Разве что новых ран. Только учти, раны души куда труднее залечить, чем раны на теле.

Рука Конана нащупала в пояском мешочке каменный флакон. Валерия... Неоплаченный долг...

Голос Дженны словно разбудил его:

...и он говорил мне, что не поедет туда со мной. Но нам надо именно туда. Я знаю.

Бомбатта с презрительной усмешкой повернулся к Киммерийцу:

— Эй ты, вор, забыл свою ненаглядную Валерию? Может, коринтийцы вытряхнули из тебя последнее мужество? Да и было ли оно у тебя...

Глаза Конана блеснули таким холодом, что Бомбатта оборвал фразу на полуслове. Его пальцы снова сжали саблю так, что казалась, рукоятка рассыплется в пыль в кулаке. Конан же даже не прикоснулся к своему оружию.

Спокойствие, повторял он про себя. Человек, лишенный терпения, не протянул бы долго в его родной Киммерии. Время еще не пришло. Свои счета они сведут позднее. Когда он заговорил, его голос был холоден и спокоен.

— Я не поведу ее туда, куда она хочет, один, без еще нескольких пар внимательных глаз и еще нескольких острых клинков. Теперь они у нас есть. Давай-ка не будем тянуть время. Нам обоим позарез нужно вернуться в Шадизар завтра ночью. И у нас есть одно дело, которое нужно будет утрясти по возвращении.

— Я жду не дождусь, когда мы сможем взяться за это дело, — прохрипел Бомбатта.

— А я уже решаю, чем заняться после, — сказал Конан, встряхивая поводьями.

Глава 17

Чтобы добраться до чудовищных ломаных каменных пальцев, им пришлось потратить почти полдня. Вблизи эти громады показались Конану не более привлекательными, чем издали. Каменные стены все теснее обступали их, и вот уже путники вынуждены были двигаться цепочкой, по одному. Сотни миниатюрных каньонов и ущелий переплелись в огромной каменной паутине. Иногда по дюжине узких проходов открывалось на выбор перед ними (причем один хуже другого для продолжения движения и для копыт лошадей) за очередным поворотом.

— Направо, — слышался голос Дженны из-за плеча Конана. — Еще правее. Нет, не этот. Вот тот, туда! Я чувствую, оно уже так близко! Мы бы двигались вдвое быстрее, если бы вы пустили меня вперед.

— Нет! — рявкнул Бомбатта.

Конан промолчал, обшаривая глазами три коридора, открывшиеся перед ним и ведущие в разные стороны этого лабиринта. Уже не в первый раз Дженна просилась вперед, и он давно устал объяснять ей всю опасность такого решения. Бомбатта же не только опасался за девушку, но и очень не хотел оставлять ее рядом с Конаном, не говоря уж о том, чтобы Киммериец оказался между ним и ею. Впрочем, Конану сейчас было не до рассуждений на эти темы.

— Почему мы стоим? — раздался возглас Дженны. — Сюда, нам нужно сюда, — она показала на центральный коридор.

— Здесь слишком узко для лошадей, — сказал Конан, слезая со своего коня и с трудом пробираясь между его боком и каменной стеной. — Придется оставить их здесь.

Ему совсем не нравилась эта идея. А вдруг с лошадьми что-нибудь случится? Без них им как своих ушей не видеть Шадизара вовремя. Его спутники тоже спешили и, связав передние ноги своих коней, пробрались к Конану.

— Малак, — сказал он, — я думаю, тебе лучше остаться с лошадьми.

Тот огляделся, окинув взглядом вздымавшиеся вокруг каменные стены, и поежился.

— Остаться здесь? Лук Сигина! Конан, я-то думал, что нам не стоит разделять наши силы, что мы будем держаться все вместе. Да здесь и вздохнуть-то нечем!

Собравшись уже ответить порезче, Конан вдруг задумался. Он ведь и сам изрядно мучился в этих каменных щелях. Ему тоже казалось, что эти громады закрывают доступ воздуху. Он внимательно посмотрел на лица своих спутников. Дженна — вся нетерпение, Зула — ожидание; ожидание нападения в любой момент и с любой стороны. Бомбатта, по обыкновению, хмурился и что-то недовольно бурчал. Акиро, тоже как обычно, задумался о чем-то. Может, это удушье — только плод его воображения?

— Хорошо, остаемся все вместе.

Конан вынул из ножен меч и кинжал.

— Так я буду отмечать наш путь, — сказал он, процарапав стрелу на стене коридора, — тогда будет легче найти лошадей. И держитесь поближе друг к другу.

К радости сгорающей от нетерпения Дженны, Конан двинулся вперед, хотя и не так быстро, как ей бы хотелось. Через каждые десять шагов он чертил на камнях очередную стрелу. Если случится самое страшное, думал он, то даже одна Дженна сможет найти лошадей. Даже одна она будет иметь возможность спастись.

Подчас коридор был настолько узок, что даже Зула или Дженна не могли свободно пройти между стенами; остальным же приходилось протискиваться, царапая плечи, спины и бока. Но как бы трудно ни было продвижение, меч Конана всегда был наготове, так же как и кинжал, не менее полезный, случись какая-нибудь заварушка в этой тесноте.

Чем дальше они углублялись в этот лабиринт, тем сильнее он ощущал нависшую опасность. Что-то висело в воздухе, исходило от серых камней; что-то зловещее, недоступное ни зрению, ни слуху, ни обонянию, но ощущаемое какими-то древними, первобытными инстинктами.

Конан обернулся, чтобы посмотреть на остальных.

На всех лицах было написано то же чувство. На всех, кроме лица Дженны.

— Почему мы идем так медленно? — вновь и вновь спрашивала девушка. Она попыталась обойти Киммерий-

ца, но тщетно — ширины прохода едва хватало для его крепкого тела. — Мы ведь уже почти на месте.

— Акиро, что скажешь? — спросил Конан.

Лицо седого колдуна было перекошено, словно от какой-то мерзости, попавшей на язык.

— Я это почувствовал, еще когда мы только вошли в эти щели. Но теперь это чувство все сильнее и сильнее. Это... заклятие, черная магия. Но оно настолько древнее, что вряд ли реально угрожает нам. Оно потеряло свою мощь еще несколько веков назад.

Конан кивнул и снова двинулся вперед, но слова Акиро вовсе не убедили и не успокоили его. Его чувства, конечно, не были сверхъестественными, но они до сих пор сохраняли ему жизнь там, где ничего не стоило погибнуть. И сейчас они предупреждали его об опасности. Поэтому ни на миг не ослабевали его руки, державшие оружие.

Неожиданно коридор вывел их на открытое место. Здесь скалы были убраны, а их остатки образовали сложный узор на открытой площадке. На эту площадку выходил портал какого-то огромного храма, вырытого, видимо, прямо в толще горы. Массивные резные колонны украшали вход. Некогда два десятка статуй охраняли его. Каждая — в четыре человеческих роста высотой. Лишь одна из них уцелела — обсидиановый воин, сжимающий в руках гигантское копье. Черты его лица были стерты ветрами и дождями. От других статуй остались лишь черные постаменты да обрубки ног.

Конан убрал в ножны кинжал и схватил за руку Дженну, уже собравшуюся бежать к храму.

— Поосторожнее, девочка, — сказал он ей. — Мы здесь все рискуем, но хотелось бы рисковать поменьше.

Бомбатта сжал ее вторую руку. Оба усталились друг на друга поверх ее головы. Теперь их связывало еще и обещание выйти на смертельный поединок. Еще одна причина поскорее вернуться в Шадизар, мелькнуло в голове у Конана. Таким обещаниям негоже долго оставаться невыполненными.

— Пустите меня, — сказала Дженна, извиваясь в тисках их рук. — Я должна найти Рог. Он там, внутри! Пустите же меня.

Зула, злобно глядя на обоих воинов, положила руки на плечи Дженны:

— Вы решили разорвать ее? Или, может, раздавить промеж ваших боков?

Конан разжал руку, за ним и Бомбатта. Зула отвела девушку в сторону, что-то тихо говоря ей на ухо. Конан не мигая смотрел на Бомбатту.

— Это дело нужно решить, вор, — прохрипел воин со шрамами.

— В Шадизаре, — уточнил Конан, и его противник кивнул в знак подтверждения.

Когда они подошли ко входу, Акиро принялся, скупая палец, стирать пыль с пьедестала статуи, чтобы прочесть сохранившиеся надписи. Их, правда, осталось немного.

— Что ты там высматриваешь? — привычно подцепил старого колдуна Малак. — Читаешь декоративный орнамент? Много ума не надо. Да и рисуночки-то так себе. Видал я такие — их только одноглазый пьяница может нацарапать. А нормальный человек придумает что-нибудь поприличнее.

Акиро со вздохом выпрямился и вытер руки.

— Я бы смог прочесть это, по крайней мере большую часть, если бы они получше сохранились. Это не украшения, а надписи. Последние слова на этом языке были записаны три тысячи лет назад, и уже тогда он был древним и мертвым языком. Нет, тут почти ничего не осталось. Может, внутри найдется еще что-нибудь.

— Мы тут не для того, чтобы расшифровывать древние письмена, — рявкнул Бомбатта.

По правде говоря, Конан был с ним согласен, но он лишь негромко поторопил всех:

— Пойдемте же внутрь.

Стая скальных голубей сорвалась со своих гнезд, свитых под капителями колонн. Их крылья, словно взрыв, разорвали неподвижную тишину.

Конан подошел к высоким бронзовым дверям, позеленевшим от времени. Сквозь пыль и зелень на каждой двери просматривалось изображение открытого глаза.

Конан, не очень веря в успех, сильно потянул за кольцо, вделанное в одну из створок. К его удивлению, дверь

подалась, хотя и неохотно, сильно скрипя. Конан был доволен, услышав такой скрип. Если бы люди пользовались этими дверьми, то наверняка смазали бы петли. Но это вовсе не было поводом расслабляться.

— Всем внимание, — скомандовал он, — оружие наизготовку.

Конан шагнул внутрь.

За большими дверями пол был покрыт многовековым слоем пыли. В стены были вделаны позолоченные держатели для факелов. Потолок терялся в тени, а само помещение уходило дальше, в глубь горы.

Вдруг раздался короткий визг Зулы: по ее босой ноге пробежал паук величиной с ладонь.

— Это всего-то паук, — ехидно сказал Малак, раздавив насекомое и пнув сапогом то, что от него осталось, — вовсе нечего бояться этих...

Маленький вориска, коротко вскрикнув, замолчал, увидев, как шест Зулы метнулся к самой его переносице. Скосив глаза, он с ужасом смотрел на смертоносное оружие, лишь на ладонь не дошедшее до его лица.

— Я вовсе не боюсь, — прошипела Зула. — Просто я не люблю пауков. И крыс, — добавила она, покосившись в сторону раздававшегося из темноты попискивания.

Конан снял со стены факел и полез за кремнем.

— Если, конечно, эта штука будет гореть...

Губы Акиро шевельнулись, и неожиданно пламя заплясало между его пальцами. Он поднес их к факелу, загоревшемуся с хорошо слышным в тишине потрескиванием.

— Она будет гореть, — сказал колдун.

— А ты не можешь подождать, если тебя не просят лезть с твоими колдовскими штучками? — недовольно поинтересовался Конан.

Акиро виновато пожал плечами.

Бомбатта и Малак зажгли свои факелы от факела Конана. Теперь, при свете, они смогли лучше рассмотреть огромный зал. Их ноги потревожили пыль, не тронутую до них никем. Лишь цепочки мелких крысиных следов тянулись из угла в угол. Скелеты зверьков и каких-то мелких птиц валялись тут и там в пыли, некоторые — скрытые под ее слоем, некоторые — поверх нее. Отовсюду слышалось недовольное пищание. В сотнях бусинок глаз

отражался свет беспокоивших их факелов. Сотни носов припихивались к незнакомому запаху людей. Зула что-то бормотала и вертела головой, словно стараясь смотреть во все стороны сразу. Малаку тоже было не до шуток над ее страхами. Он, в свою очередь, всячески старался не смотреть в сторону искрящихся глаз; в его монотонном бормотании смешались проклятья и молитвы, возносимые к дюжине богов одновременно.

В дальнем конце зала широкие ступени вели к возвышению с троном на верхней площадке. Перед троном лежала маленькая горка высохших от времени костей. Другая часть скелета покоилась на сиденье трона, увенчанная черепом, пустые глазницы которого слепо взирали на Конана и его спутников. Доспехи, одежда, корона — все, что когда-то было на этом человеке, — все превратилось в пыль, рассыпалось прахом по полу.

Дженна ткнула пальцем вправо, показав на широкий сводчатый дверной проем, наполовину скрытый в темноте.

— Вот путь к Сокровищу, — сказала она. — Нам нужно сюда.

Конан с некоторым облегчением воспринял то, что Сокровище, Рог — кажется, так его называла Дженна, — оказался не среди праха, окружавшего трон. Много лет назад тот меч, который он сейчас сжимал в руках, был взят им у подножия другого трона, не слишком отличавшегося от этого. Киммерийцу вовсе не улыбалось повторить этот опыт.

Бомбатта поспешил к арке и сунул в нее факел.

— Еще одна лестница, — поморщился он, — сколько же еще нам надо лезть в брюхо этой проклятой горы?

— Сколько нужно, столько и будем лезть, — сказал Конан.

Оттеснив Бомбатту в сторону, он первым шагнул вперед.

Глава 18

Широкая лестница спирально уходила в глубь горы. Кое-где были видны следы землетрясения, быть может, того же самого, которое уничтожило статуи у входа в

храм. В одном месте лестницу пересекал разлом, словно кто-то, разрезав коридор поперек, отодвинул одну часть от другой на расстояние ладони. Трещины помельче сплошной паутиной покрывали стены. Настоящей паутины, правда, тоже хватало, как и ее строителей. При прикосновении факела толстые пыльные сети вспыхивали и таяли в воздухе.

— Не нравятся мне эти штуки, — шепотом сказал Малак.

— Тогда подожди наверху.

— С крысами? — в голосе Малака сквозило такое отвращение, что Зулу чуть не стошнило.

С последним поворотом лестницы они оказались в большом помещении с высоким сводчатым потолком, который поддерживали позолоченные колонны. Часть из них обрушилась, и куски камня со слоем позолоты устлали мозаичный пол. Резьба на потолке представляла череду каких-то символов, лишь один из которых был знаком Конану: открытый глаз, такой же, как и на бронзовых дверях, повторялся чаще всего среди других фигур. Что они обозначали — Конан даже не пытался догадаться.

— Конан, — позвал его Акиро, — похоже, что, не считая лестницы, здесь есть еще один выход.

Старик стоял в дальнем конце зала у широкой двери, сделанной, видимо, из стали, но без единого пятнышка ржавчины. Не было на этой странной двери и никаких петель — словно кто-то просто вмуровал в каменную стенку металлическую плиту.

— Нам туда, оно там, — прошептала Дженна, завороченно глядя на дверь или на что-то, скрытое за нею.

На гладкой поверхности двери не было ничего, кроме вездесущего глаза и двух барельефов оскаленных голов демонов: из их пастей выдавались вперед острые клыки, наподобие кабаньих. Подумав мгновение, Конан ткнул мечом в каждый из оскаленных ртов. Из одного из них вывалилась, извиваясь, огромная ярко-красная сороконожка. Ее укус означал бы неизбежную мучительную смерть. Малак, передернувшись, отскочил с ее дороги, когда она, извиваясь, поползла искать себе новое укрытие.

Убрав меч в ножны и отдав Зуле факел, Конан наклонился перед дверью. Как он и предположил, его руки удобно легли в оскаленные пасти барельефов. Все тело могучего Киммерийца напряглось.

— Так это же ручки! — воскликнул Малак, показывая на головы демонов.

Напрягая каждый мускул, Конан уже начал сомневаться в том, что он и Малак пришли к верному выводу.

Металлический лист поддавался не больше, чем если бы он и впрямь был частью горы. В этот момент Бомбатта присоединился к Конану, взявшись обеими руками за одну из голов. Двое сильных мужчин объединили свои усилия. Вены на их телах вздулись, каждый сустав и мускул, казалось, был готов закричать. Перед глазами поплыли разноцветные круги, но все же дверь, наполняя помещение металлическим скрежетом, поддалась и пошла вверх, пока не остановилась над головами поддерживавших ее Конана и Бомбатты.

Вперед! — сдавленно прохрипел Конан. — Живее.

Когда все остальные проскользнули между ними, Бомбатта тоже бросился вперед, оставив Конана одного. Все тело Киммерийца задрожало от удвоившегося веса, но он все не отпускал тяжелую плиту, стоя в нерешительности. Отпустить ее сейчас — и она захлопнется, перекрыв выход. А на обратной стороне ему пока не удалось обнаружить ни голов демонов, ни других приспособлений, чтобы открыть ее изнутри. Так они окажутся в ловушке. Но если ему не удастся придумать способ оставить ее открытой, то все равно, еще миг — и он будет вынужден ее отпустить.

Задумчиво бормоча что-то, Акиро шагнул к стене, из которой выступал бронзовый рычаг с большим набалдашником в виде все того же глаза. Одно движение — и рычаг по самую ручку ушел в стену.

Конан вздрогнул. Вес стальной плиты перестал вдавливать его в пол. Он осторожно ослабил упор — дверь не шелохнулась. Со вздохом облегчения Конан сделал шаг в сторону.

— Премного благодарен, — сказал он Акиро, — но хотелось бы знать, не могли ты точно так же сам открыть ее?

— Конечно, мог. Но ведь мне сказали не соваться, пока меня не спросят. А на этот раз никто...

— Ладно, где остальные? — оборвал его Конан.

Факел Акиро одиноко горел в темноте, освещая лишь узкий коридор, из которого не доносилось ни звука, ни проблеска света. Сыпя проклятия, Конан бросился вперед. Акиро с трудом поспевал за ним. Неожиданно они влетели в большую круглую комнату и остолебели от изумления. Их товарищи тоже были там и тоже обалдело взирали на открывшееся их глазам зрелище.

Прямо напротив двери из стены выступала огромная каменная голова, больше человеческого роста. Еще две двери по сторонам круга выходили в комнату. Одна из них была погребена под грудой заваливших ее обломков скалы и булыжников. Стены были покрыты рельефными изображениями невиданных животных с драгоценными камнями вместо глаз, когтей и рогов. На равном расстоянии друг от друга в стенку были вмурованы большие золотые пластины, покрытые надписями на неведомом языке. Низкий купол потолка был выложен ониксом и инкрустирован алмазами и сапфирами, блестящими в свете факелов, как звезды на ночном небе.

Акиро бросился к одной из золотых плит и стал возбужденно водить пальцами по гравированным сторонам.

— Это тот же язык, что и там, наверху, у постаментов. Я, пожалуй... да, я смогу прочесть эти записи. Вот, слушайте: на тридцатый день Великой Битвы боги вступили в войну, и горы задрожали от их шагов...

Колдун продолжал что-то говорить, но Конана больше интересовало, что собирается делать Дженна. Она — единственная, кого не привело в волнение роскошное убранство комнаты. Все ее внимание было нацелено на страшную каменную пасть. Она подошла к ней. Под ее ногами оказался мраморный круг, покрытый вырезанными на нем руками. В его центре была высечена пятиконечная звезда. Конан вздрогнул. Он знал могущество этого страшного колдовского знака — пентаграммы — средоточия колдовской силы.

Конан уже поднял руку, чтобы остановить девушку, но вновь в его голове возник образ Валерии. Будь что будет, решил он, — ведь Дженна сама все время говорила,

что в этом ее предназначение, что она родилась, чтобы исполнить его. Ему оставалось лишь, сжав кулаки, смотреть и ждать, чем все это кончится.

Из складок платья Дженна извлекла черный бархатный мешок с Сердцем Аримана. Камни звездного неба вспыхнули в его багровом свете. Дженна осторожно опустила камень Сердца в центр пентаграммы, где он нашел себе место в вырезанной точно под нею лунке. Впав в транс, девушка нараспев стала произносить какие-то заклинания на ей самой неведомом языке.

С каждым ее словом свет Сердца Аримана усиливался, хотя теперь он шел лишь в одну сторону, ярким лучом освещая огромную каменную голову. В глубине ее глаз промелькнули какие-то тени.

— Она оживает, — прошептала Зула.

Малак приступил к перечислению богов.

— Мы должны остановить ее. Пожалуйста, Конан, — вдруг умоляющим голосом затараторил Акиро, дергая Киммерийца за рукав, но неожиданный приступ удушья оборвал его просьбы.

Каменные челюсти беззвучно распахнулись. Трое взрослых мужчин могли бы за один присест быть проглочены такой пастью. В глубине этого чудовищного рта пылал огонь. Такого пламени Конан еще никогда не видел. Словно сама кровь превратилась в огонь.

Все, даже Бомбатта и Конан, попятились, закрывая глаза руками. Жар, шедший из пасти, казалось, выжжет даже воздух и камни стен.

Несмотря на резь в глазах, Конан сумел рассмотреть в глубине этой топки легкую подставку, наподобие той, на которой покоилось Сердце Аримана в хрустальном дворце. На этом постаменте возвышался золотой рог, похожий на бычий. Ни на рог, ни на его опору, похоже, не действовала огненная буря, ревавшая вокруг.

Дженна продолжала не мигая смотреть в глубь пылающей пасти. Ее руки медленно, словно во сне, поднялись к плечам, и через мгновение платье соскользнуло на пол, подставив кровавым отблескам пламени стройное нагое тело. Родинка на ее груди вспыхнула тем же алым светом. Быстрыми, уверенными шагами она приблизилась к страшной пасти. Бомбатта, не пошевелив ни единым мус-

кулом, смотрел на нее. В его черных немигающих глазах металось отражение языков пламени.

— Нет! — закричал Конан. Но было уже поздно.

Дженна шагнула в ревущее пламя. Мятущиеся языки огня словно взбесились, ощутив вторжение. Казалось, что через миг от девичьего тела не останется и пепла, но она шаг за шагом шла вперед, целая и невредимая. Взяв золотой Рог обеими руками, она так же медленно вышла из беснующегося пламени и снова встала в пентаграмму.

Все присутствующие словно окаменели на своих местах. Вдруг Дженна вздохнула, осела и чуть не упала. Лишь Зула, бросившись вперед, поддержала ее. Чернокожая женщина быстрыми движениями набросила на Дженну ее платье.

— Дело сделано, — тихо отчеканил Бомбатта, — Рог в ее руках.

— Конан, — весь трясясь, неуверенно начал Акиро, — очень важно, чтобы ты узнал кое-что...

Вдруг порыв ледяного ветра хлестнул их по лицам, чуть не погасив факелы. Погасло пламя в каменной топке. Ветер прекратился так же неожиданно, как и начался, оставив после себя лишь холод.

— Конан, — снова заговорил Акиро,

— Потом, — отрезал Конан, которому до смерти надоело все, что касалось магии и колдовства. — А сейчас — уходим отсюда!

Едва дождавшись, пока Дженна положит обратно в мешок Сердце Аримана, он бросился к выходу из этой странной, таинственной комнаты.

Выйдя из комнаты, он увидел, что в коридоре уже собрались все остальные.

Глава 19 — Исчезновение Дженны — Дженна исчезла, и никто не мог ее найти.

Конан, как обычно, возглавлял процессию, двигавшуюся по узкому коридору. Дженна несла золотой Рог, крепко прижав его к груди. Бомбатта и Зула прикрывали ее с двух сторон. Киммериец, хотя и был счастлив тем, что Дженна осталась жива, — все равно не мог без содрогания вспоминать о том, что ей пришлось пережить. Кроме того, его беспокоило, не причинит ли ей вреда эта загадочная штукавина, которую она так бережно несла.

Акиро дернул Конана за рукав.

— Я должен поговорить с тобой, — тихо сказал он, опасливо поглядывая на Бомбатту, — но один на один. Это срочно.

— Да-да, конечно, — рассеянно согласился Конан. Ему уже поперек горла стояли всякие колдовские штуки, с которыми он слишком много встречался за свою еще не очень долгую жизнь. Еще больше он невзлюбил всякую магию за время этого путешествия. Весь его опыт общения с волшебством подсказывал, что от прижатого к груди Дженны предмета веет чем-то недобрым. Ему еще больше захотелось выбраться из этого места и поскорее вернуться в Шадизар.

— Да, Акиро, с глазу на глаз... Потом, попозже. Малак бегом вырвался вперед, чуть не пританцовывая от желания поскорее выбраться из мрака подземелья.

— Быстрее, — крикнул он через плечо, — это место проклято всеми богами! Надо выбираться отсюда. Живее! — Он скрылся из виду за поворотом.

— Вернись, придурок, — крикнул Конан, — нашел место для прогулок в одиночестве.

Ворвавшись в зал с золотыми колоннами, Конан оборвал себя на полуслове и замер. Малак тоже стоял рядом, нервно вращая глазами. Кроме них в зале находилось не меньше двух дюжин воинов в доспехах какого-то древнего образца, стоявших опершись на длинные копья. Самый маленький из них все равно был на полголовы выше Конана и Бомбатты и намного шире в плечах. Их кожа была черной, как обсидиан стоявшей у входа статуи. Конана даже удивило, что эти великаны дышали — их грудь равномерно поднималась и опускалась. Значит, они не статуи, а живые люди, — первое, что подумал Киммериец.

Двое из черной когорты шагнули вперед, из-под бронзового шлема одного из них спускались по плечам длинные локоны седых волос. На другом не было шлема, но из-под кожаной круглой шапочки тоже выбивались рыжие пряди. Первым нарушил молчание седой воин, обратившись к Дженне:

— Мы долго ждали Тебя, Ту самую. Мы спали, как спит наш бог, и мы проснулись в день твоего прихода. Приближается Ночь Великого Пробуждения.

— Эта девушка — не та, которую вы ждете, — не очень веря в это сам, начал Конан. — Просим прощения, если мы потревожили ваш храм, но мы долго были в пути, и теперь нам нужно идти.

Говоря, Конан внимательно присматривался к воинам. Он хотел бы избежать схватки, если это было возможно. Но эти люди сказали, что сооружение — их храм. А Конан по собственному опыту знал, как могут разъярить людей чужеземцы, вторгшиеся в их святилище.

— Вы можете идти, — последовал ответ. — За то, что вы привели к нам Ее, мы дарим вам жизнь. Но Она останется с нами.

Сделав все возможное, чтобы это выглядело случайным, Конан сделал шаг и встал между великаном и Дженной.

— Она — не та, которую вы ждете.

Но седой воин, словно не слышал его, вновь обратился к Дженне:

— Долгие века мы спали, храня Рог Дагота и ожидая Тебя, Ту, которая может дотронуться до него. А теперь Спящий Бог проснется и его карающая рука сметет предавших...

Конан краем глаза уловил какое-то движение: это Бомбатта безо всякого предупреждения бросился вперед и всадил кинжал в горло говорившего стражника. Кровь хлынула изо рта черного гиганта, он покачнулся и рухнул на пол.

— Назад! — крикнул Конан. — Быстро!

Вперед пути не было. Разве что сквозь строй яростно сжимающих копы великанов. Киммериец ткнул факелом в лицо одного из них и, выхватив меч и отбив им удар копы второго, всадил его в живот третьему.

Металлический скрежет донесся из-за его спины. Отбываясь от все большего числа ножей, он все же рискнул обернуться. Дверь быстро опускалась и вот-вот была готова совсем захлопнуться. С громогласным кличем киммерийских воинов он бросился на противников, вращая разящим мечом. Несмотря на явное численное превосходство, они, озадаченные такой дерзостью, подались назад. Неожиданно для них Киммериец бросился на пол и подкатился к уже почти опустившейся двери. Ее низ расца-

рапал Конану плечо, когда тот пролезал в оставшуюся щель. Мгновение спустя толстая железная плита опустилась на свое место, отгородив его на время от преследователей.

Акиро, Малак и Зула молча смотрели на него.

— Чего уставились? — сказал он, вскакивая на ноги. — Надо сваливать отсюда. Если эти ребята, стараясь зацепить меня, успели засунуть под дверь пару наконечников своих копий, они эту железяку в два счета поднимут.

— Посмотрим, что я смогу сделать, — сказал Акиро. Вывернув мешочек, висевший на поясе, он достал нужный ему флакончик и начал выводить его содержимым какие-то символы на двери.

— Мог бы и свистнуть, чтобы предупредить, что вы запираете дверь, — бросил Конап Малаку.

— Это все Бомбатта, — ответил тот. — Он первым схватил девчонку и бросился сюда. Я так думаю, что это он и дернул за рычаг, не предупредив никого.

— Вот, — вздохнул Акиро. — Это задержит их на некоторое время.

На двери, словно раскаленные угли, бордово-красным светом пылали какие-то символы. Но Конан вдруг осознал, что его не интересует ни дверь, ни враги за нею.

— Где Дженна? — спросил он. — А Бомбатта?

Зула резко обернулась и осмотрела темный зал.

— Я... я так волновалась за тебя, — виновато прошептала она, — что я даже не... если только этот громила... если он хоть пальцем...

Конан уже не слушал ее. Ворвавшись в круглый зал, он бросился к единственному возможному выходу — незаваленной двери.

Мрачные мысли пронеслись в его голове. Наверное, Бомбатта решил один привезти Дженну в Шадизар, чтобы, представив все дело по-своему, оставить его без награды. Это было бы в стиле черного заморийца — похитить шанс Валерии на воскрешение лишь для того, чтобы досадить ему. Нет, нечего ждать возвращения в Шадизар, чтобы расквитаться с ним. Нужно свести счета немедленно!

Коридор был прямой как стрела, без единого поворота, разветвления или боковой двери. Он, словно туннель, был

пробит в толще скалы, и его стены, пол и потолок представляли собой монолит. Пыль покрывала пол ковром, и в свете факела две цепочки следов, судя по длине шагов бежавших людей, вели Конана дальше и дальше по коридору.

Коридор неожиданно оборвался, выйдя в квадратный зал с множеством резных колонн. Эти дряхлые, полуразсыпавшиеся колонны поддерживали потолок, весь покрытый трещинами и разломами. Было видно, что легкого толчка хватит, чтобы обрушить многие из колонн.

Света факела хватало, чтобы разглядеть темный прямоугольник на противоположной стене — дверь, ведущую куда-то дальше. Следы вели прямо к ней, но Конан замедлил свой сумасшедший бег. Бомбатта мог спрятаться где-нибудь за колонной, и ровная цепочка следов привела бы в западню. Крадучись, готовый прыгнуть в любую сторону, сжав в руках меч, Конан пробирался через лес колонн. Его глаза обшаривали темноту, ловя малейшее движение.

— Дженна, — позвал он, сначала тихо, а затем громче: — Дженна!

Вдруг он увидел Бомбатту, стоящего рядом с дверным проемом с толстым ржавым железным ломом в руках. Вдруг он резким движением вогнал лом в глубокую трещину в одной колонн и навалился на рычаг всем телом.

Конану показалось, что время замедлило свой бег. Словно в тяжелом сне, колонны и потолок стали медленно обваливаться. Пыль и камни посыпались дождем на Киммерийца. В один миг он развернулся и бросился прочь от каменного водопада. Но тут что-то тяжело ударило его по затылку, голова закружилась, и полный мрак окутал Киммерийца.

Дженна напряженно всматривалась в коридор, откуда они с Бомбаттой пришли и куда он снова решил вернуться, приказав ей строго-настрога не сходить с места. Пока они бежали, Дженна болталась за ним, словно какой-то мешок. Сейчас она злилась на него. Мало того, что он волок ее за собой, как куклу, так еще и не стал слушать то, что она хотела сказать ему. А теперь она ждала его, даже не

глядя на солнечный луч, пробивавшийся сквозь щель за большим обломком скалы. Там, за камнем, был день, солнце, обратный путь домой, в Шадизар. Но по другую сторону, в глубине горы, оставался Конан. А что, если он ранен и она нужна ему? А если он...

Тяжелые шаги возвестили о возвращении Бомбатты. Он бегом появился из коридора.

— Что с ним? — тревожно спросила девушка.

Пыль и грязь покрывали лицо воина в черных доспехах; по щеке текла кровь. Он посмотрел на девушку и вдруг нервно закричал:

— А где Рог, девчонка? Девятое Небо Зандру! Если ты его потеряла...

— Вот он, — дожидаясь, она завернула драгоценную ношу в куски ткани, оторванные от плаща. Да, она помнила, что Рог Дагота — ее предназначение, но что-то в этой вещи было такое, из-за чего она не хотела касаться ее руками. И Сердце Аримана, и Рог Дагота лежали, обмотанные несколькими слоями белой шерсти, и Дженне хотелось, чтобы этих слоев было как можно больше.

— Где... где все остальные?

— Погибли, — коротко бросил Бомбатта. Напрягая сильные мышцы, он навалился на загораживающий выход камень.

Дженна опустилаась на пол как подкошенная. Погибли? Нет, Конан не мог умереть. Она не могла себе этого представить. Да и другие — Зула, Акиро, даже Малак, — все они стали близкими и важными для нее. Никого из них не хотела бы она видеть мертвым или раненым. Но этот голубоглазый молодой Киммериец! Его руки, такие мягкие и нежные, когда они не сжимают меч, его лицо... Он был кем-то особым для нее.

— Я не верю, — прошептала она.

Огромный валун с грохотом выкатился наружу и понесся вниз по склону, подняв облако пыли и увлекая за собой другие камни.

— Я же слышала, как он звал меня!

— Пошли, Дженна. У нас мало времени.

Бомбатта железной хваткой сжал ее запястье и потащил к выходу. Они вылезли на самом краю большого

двора перед храмом. Солнце уже клонилось к западу. Поглядывая на бронзовые двери, ругаясь на ходу, Бомбатта тащил Дженну за собой в каменный лабиринт.

— Я не верю, что Конан мертв, — сказала она во весь голос.

— Вот наш знак, — словно не расслышав ее, Бомбатта ткнул в стрелу, нацарапанную на каменной глыбе. — Теперь — вперед. Надо найти лошадей. Тогда до темноты мы будем уже далеко отсюда.

— Бомбатта, я не могу поверить в это. Скажи, ты сам видел, как он погиб?

— Да, я видел, — хриплым голосом сказал тот, даже не замедлив шаг и не ослабив кулак, сжимавший ее руку. — Он бежал, позорно бежал, как и подобает трусливому псу, вору. Эти черные верзилы проткнули его насквозь, как и всех остальных. Мне пришлось обрушить потолок, чтобы оторваться от погони. А, вот и лошади.

Строноженные животные стояли все вместе. Дженна даже не обратила внимания, далеко ли отбредли лошади от того места, где их оставили. Ее мысли были заняты другим.

— Может быть, он только ранен, — начала она, но осеклась, наткнувшись на что-то новое во взгляде Бомбатты.

— Мы можем поехать отсюда куда угодно, — сказал он негромко, — например, в Аграпур. Колдун Турана или сам король Илдиз дадут за эти вещицы столько, что нам хватит купаться в роскоши до конца наших дней. — Он сильными руками поднял ее и усадил в седло. — Береги их, Дженна, — закончил он, распутывая ноги лошадей и привязывая их поводья так, чтобы те встали гуськом.

— Что ты делаешь? — удивленно спросила она. — Мы не можем забрать всех.

— Они нам понадобятся. До Аграпура путь неблизкий.

— Какой еще Аграпур. Мы возвращаемся в Шадизар. А лошадей забирать нельзя, пока есть хоть какой-то шанс, что остальные остались живы. Если ты хочешь забрать всех лошадей, отведи меня обратно в храм и покажи мне тела погибших.

Бомбатта покачал головой:

— Это слишком опасно.

— Опасно или нет, но я не оставлю их, не убедившись, что они уже мертвы.

Злоба, искажившая лицо Бомбатты, заставила сердце девушки сжаться от страха. Ей стоило огромного труда остаться сидеть прямо с высоко поднятой головой и, не мигая, смотреть ему в глаза.

Бросив поводья остальных лошадей, Бомбатта подогнал своего коня поближе к Дженне.

— Он, он! Все время только о нем! Да ты пойми. С этими вещичками мы могли бы податься куда угодно, — каждое слово вылетало из его рта словно кусок железа. — Куда только захотим.

Вдруг его иссеченное шрамами лицо перекошилось от боли. Дженна в изумлении уставилась на него: никогда раньше она не видела, чтобы Бомбатта чувствовал боль. Гримаса исчезла через одно мгновение, лишь в глазах затаилась боль, погасив огонь и сделав их пустыми и темными.

— Мы едем в Шадизар, — хрипло сказал Бомбатта и, взяв в руки поводья ее лошади, повел ее по каменному лабиринту.

Дженна крепко прижимала к груди сверток с тем, ради чего она пережила столько опасностей во время этого путешествия. Она не позволила себе оглянуться. Вопрос был прост: Конан или ее предназначение. Одно — ценой другого. Она лишь поразилась тому, как это оказалось больно. Как только боги позволяют, чтобы человек терпел такую боль. Как они смеют ставить ее перед таким страшным выбором! Всклипывая, вздрагивая от плача, она бесильно сидела в седле и позволила вести себя туда, куда направлялся Бомбатта.

Глава 20

Конан вдруг ощутил, что сознание вернулось к нему, и тотчас же все вспомнил, сжав в руке меч. Акиро и Зула изумленно смотрели на него. Малак, запустив в темноту камень величиной с кулак, вытер о штаны руки и сказал:

— Ты вовремя очухался, Киммериец. А то я уж было подумал, что ты решил тут проваляться, пока мы все не поумрем.

— Сколько? — коротко спросил Конан. Голова все еще болела. Струйка запекшейся крови застыла на затылке.

Малак лишь пожал плечами. Акиро ответил за него:

— Может, два поворота песочных часов, может, чуть больше. Трудно сказать точнее. Мы нашли тебя лежащим, словно быка, которого оглушили ударом по голове. Я попытался сделать что-то, но раны головы — такое дело, что лучше оставить их затягиваться естественным путем.

— У меня есть кое-какие травы, которые могут помочь при ушибах головы, — сказала Зула, — но здесь нет воды, чтобы размочить их.

Киммериец кивнул, и ему вдруг показалось, что комната закружилась вокруг него. Усилием воли он заставил мир принять нормальное положение. Слабость была сейчас непозволительной роскошью.

Дальний угол зала представлял собой грудку остатков колонн, придавленных сверху глыбами рухнувшего свода. Малак, вскарабкавшись по ним, установил повыше их факелы, которые теперь равномерно освещали своим желто-красным светом часть зала. Кроме факелов, в зале появился еще один источник света: из коридора, по которому они пришли, бил ярко-голубой луч, резавший глаза.

— Это еще что? — спросил Конан.

— Кое-какая защита, — ответил ему Акиро. — Я успел подготовить девять огненных преград, прежде чем эти громилы успели открыть дверь. Тогда мне пришлось привести в действие первую из них. Эта штука поможет нам некоторое время продержаться. Но остальные восемь преград я буду устанавливать только по одной, не раньше, чем догорит предыдущая. Здесь все и так еле дышат — было бы опасно включить слишком большую силу.

— Сколько еще?.. — хотел спросить Конан, но вопрос повис в воздухе, не нуждаясь больше в ответе. Голубое мерцание сначала участилось, а затем резко пошло на

убыль. Акиро начал спешно чертить в пыли на полу свои закорючки. С последней вспышкой старого луча с того же места забил новый. Лишь стон разочарования донесся с другой стороны в момент смены.

Акиро прислушался, а затем сказал:

— Первая степень отработала свое. И надо сказать, неплохо. Хотя ее бы хватило куда на большее, если бы не колдун среди тех верзил. Если этому идиоту Бомбатте захотелось связать нас в бой с ними, он мог бы постараться угрожать того с рыжими волосами. Он у них ведаёт всеми колдовскими делами. Без него этим черным ребятам было бы и дверь-то ни за что не открыть, не то что снять огненную стену. А теперь я должен противостоять ему, действуя почти что голыми руками.

Я вообще не понимаю, зачем ему это понадобилось. Они не сделали ни одного угрожающего шага, а он... — раздраженно сказала Зула.

Не дав ей договорить, Конан возразил:

— Я сомневаюсь, что они отпустили бы нас подобру-поздорову. Особенно вместе с Дженной. И я не мог позволить заколоть меня словно свинью, если уж Бомбатта заварил эту кашу.

Все правильно, — вставил Малак. — Если на тебя нападают, ты защищаешься. А если потом выяснится, что все это произошло по ошибке, то победитель потом воздаст искупительную жертву богам — и дело с концом.

— Не всегда это лучший путь, — подумав, сказал Акиро, — но эти громилы — отвратительные ребята, попросту говоря — изрядные мерзавцы.

— С чего ты взял? — возразила Зула.

— Просто ты не умеешь читать на древних языках, как я. То заклятие, которое мы все ощутили, как только вошли в каменный лабиринт, было наложено ими и их приятелями. Человеческие жертвы — это лишь одна из мерзких составляющих таких заклятий. Те шаманы, с которыми вы... э-э... скажем, помогли мне разобраться, — просто невинные дети по сравнению с ними.

— По мне — хоть людоеды, — сказал Конан. — Сейчас не до них. Главное — выбраться отсюда. Бомбатта и Дженна с каждой минутой приближаются к Шадизару. Не сомневаюсь, что наш великий воин представит все

происшедшее в нужном ему свете. А я не хотел бы лишиться обещанного вознаграждения.

Акиро сочувственно поглядел на него, а Зула, помявшись, тихо сказала:

— Но я думала... мы думали, что... Дженна... — Она лишь безнадежно махнула рукой в направлении груды обломков.

— Бомбатта обрушил все это на мою голову, — сказал Конан. — Ему не терпелось посчитаться со мной, не дожидаясь возвращения. Но я не думаю, что он заодно похоронил себя и Дженну. Мы должны выбрать-ся отсюда и попытаться догнать их. И не смотрите на меня как на сумасшедшего. Я прекрасно видел, где заканчивается эта комната. Отсюда до коридора, куда нырнул Бомбатта, всего несколько шагов. А нам и нужно-то всего лишь высвободить узкий лаз, только чтобы пролезть человеку. У нас еще останется ночь и день, чтобы добраться до Шадизара.

С этими словами он обхватил руками кусок колонны размером с человеческое туловище и отбросил его в сторону, освобождая остальным поле деятельности — нагромождение камней поменьше.

Не говоря ни слова, Зула принялась за дело, правда, все еще недоверчиво косясь на наваленные глыбы. Малак чуть задержался, чтобы, хитро прищурившись, спросить Акиро:

— Не хочешь ли помочь? Неужели ты не можешь разнести всю эту кучу хлама одним движением руки?

— Ты вновь лишь демонстрируешь свое невежество, — возмущенно буркнул колдун. — Я должен неотрывно поддерживать усилием воли огненную преграду и вовремя пустить в действие следующую ступень защиты, когда ослабнет эта. Иначе первым предупреждением о появлении наших приятелей станет острое копьё, воткнувшееся тебе в задницу.

— Ах ты старый жулик! Включи ты сразу все свои огонечки и принимайся за работу.

— Слушай, разве я когда-нибудь учил тебя, как лучше воровать? Позволь мне самому заняться тем, в чем я разбираюсь лучше тебя.

Конан работал как одержимый. Два камня вылетели из-под его рук в то время, пока Зула и Малак вместе откатывали один. Пот ручьями лился с него, почти смыв грязь и оставив влажную кожу блестеть в свете факелов. Когда вдруг обрушился град камней, уничтожив результат всех их стараний, он отогнал всех подальше назад, чтобы работать без помех, твердя про себя лишь два имени: Дженна и Валерия. Дженна. Валерия. Найти Дженну. Отплатить долг Валерии...

Когда еще раз Акиро пришлось заменить голубой луч защиты, Малак тихонько прикоснулся к его плечу:

— Слушай, а ты и вправду можешь читать эти золотые пластины?

— За работу! — рявкнул на него Конан.

Акиро же явно решил поговорить:

— Да, я могу прочесть большую часть того, что выбито на них. Эта золотая штукавина — Рог Дагота.

— Да, так его называл тот черный бугай, — вставил Малак.

— Не перебивай. Тысячелетия тому назад между богами началась война. В те времена это было частым делом. В страшной битве Дагот был повержен: из него выдернули Рог и далеко спрятали. В этом Роге заключена его жизненная сила, а без него он тотчас же обратится в камень. Если верить этим преданиям — сейчас он спит, но как только Рог будет возвращен на свое место, он пробудится.

— А, так вот зачем он нужен Тарамис, — сказал Конан, не прерывая работы. — Значит, она решила разбудить бога. А тот и вправду сможет вернуть мне Валерию.

— Да, — вздохнул Акиро. — Я полагаю, что Дагот смог бы оживить мертвого человека.

— Значит, Тарамис мне не соврала, — удовлетворенно подытожил Конан.

Этот вывод словно придал Киммерийцу новых сил. Остальные, устав, замедлили работу, а он все продолжал расшвыривать камни — быстрее и быстрее. Зула пыталась продержаться в его ритме, но почувствовала слабость и упала. Конан отнес ее на руках к Акиро, а сам вновь взялся за работу. Когда Малак тоже свалился, он лишь

отпихнул его ногой, ровно настолько, чтобы не завалить выгребаемыми камнями.

Он смутно понимал, что уже наверняка докопался до конца комнаты, но обломки скалы вновь и вновь вырастали впереди. Задуматься об этом означало признать возможной мысль о поражении. Чтобы не дать этому настроению овладеть собой, Конан продолжал изнурительный труд, снова и снова наваливаясь на преградивший ему путь завал. Камень за камнем. Обломок за обломком. Дженна. Валерия. Два образа почти слились в один. Валерия. Дженна. Нет, он не остановится, пока может шевелить руками.

Он ухватился за очередной обломок свода, раскачал его и выдернул из груды других. Раздался грохот осыпавшихся камней, и Конану лишь чудом удалось отскочить, не дав булыжникам завалить себя по пояс. Но, уворачиваясь, Конан успел заметить светлое пятно, мелькнувшее впереди. Вернувшись к кромке завала, он недоверчиво посмотрел в ту сторону. Свет явно пробивался из-за каменной груды.

Конан метнулся туда, где, поджав ноги и уставившись в голубой огонь, сидел Акиро. Зула молча лежала рядом, а Малак лишь приподнял голову и вяло поприветствовал его.

— А, вот и наш рудокоп. Ты тоже притомился, Киммериец? Неплохо поработали. Эрлик меня подери, если это не так.

До Конана не сразу дошло, что его приятель шутит.

— Я добрался, — тяжело сказал он. — Там свет. Может быть, дневной.

При этих словах Малак вздрогнул.

— Отлично, Киммериец! Клянусь костями Митры и Деятым Небом Зандру! Им не удастся остановить нас.

— А ты уверен, Конан? — негромко переспросил Акиро.

— Если это факелы в другой комнате, то они там должны гореть десятками. Проход поднимается вверх, он должен выходить на поверхность.

На самом деле, подумал Конан, этот коридор мог вести в преисподнюю, но ему нужен был именно путь наверх, и он не хотел, не мог признать другого выхода.

— Будем надеяться, что это лучи солнца, — подытожил Акиро. — Сейчас включена уже седьмая ступень. Остались еще две. Забирай Зулу и Малака и выбирайтесь скорее. Я пойду за вами, как только смогу. Давай, приятель, пошевеливайся со своими друзьями.

Зула попыталась встать, но Киммерийцу пришлось почти нести ее да еще и помогать Малаку карабкаться на каменный склон. Но стоило обоим ослабевшим увидеть свет впереди, как они рванулись к нему, развив неплохую скорость.

Акиро продолжал поторапливать их, и было в его голосе что-то такое, что и впрямь заставляло пошевеливаться побыстрее.

Коридор оканчивался квадратным люком в площадке перед храмом. Солнце начинало свой путь с востока на запад. Малак и Зула смотрели на красный диск, словно все еще не веря, что вновь видят его.

Конана же интересовал только храм, его колоннада и обломки статуй. Если только черные великаны не были полными дураками, то они должны были оставить часовых. Но ничто не шелохнулось в тени колонн, пока беглецы перебежали двор. Лишь снова стая голубей, хлопая крыльями, сорвалась со своих гнезд под капителями. С другой стороны, подумал Конан, какой смысл оставлять охрану здесь, наверху, если все противники заперты, словно крысы в подземелье.

Ржание быстро вывело их к лошадям. Конан отметил снятые с их ног путы и связанные поводья. Остальные, не обращая ни на что внимания, бросились к бурдюкам с водой. Несмотря на душившую его жажду, первым делом Конан плеснул несколько раз в рот своему коню. Затем, запрокинув голову, он припал к мешку с водой и пил, захлебываясь, пока вода не залила ему все лицо. Под конец он снова дал попить коню: животному не меньше нужно было освежиться, если ему предстояла долгая скачка.

Вдруг словно двойной удар пришелся по его ногам. Это вздрогнула земля, причем толчок явно шел со стороны храма. Малак, сдерживая взбрыкивающую от страха лошадь, пробормотал:

— Это еще что такое. Девять Имен Кепры?

Акиро, глядя в небо, пробурчал:

— Я немножко изменил заклинание. Когда седьмая ступень рухнула, две оставшиеся сработали вместе. Теперь смею вас заверить, эти мерзавцы больше не прощутся, чтобы губить невинных во имя своего Дагота. — Неожиданно он улыбнулся, глядя на Малака: — Теперь ты понял, почему я не мог поставить сразу все девять ступеней?

— То, что они не доставят нам больше хлопот, — просто великолепно, — сказал Конан, запрыгивая в седло, — но если мы хотим добраться до Шадизара до темноты, чтобы успеть на церемонию пробуждения этого Дагота, — то нам нужно двигаться немедленно. Я не хочу, чтобы Бомбатта лишил меня шанса на воскрешение Валерии.

Улыбка испарилась с лица Акиро:

— Знаешь, Конан, я не сказал тебе раньше, потому что думал, что нам суждено погибнуть. А человеку не стоит говорить перед смертью горькие вещи. А сейчас, боюсь, слишком поздно. Я пытался предотвратить это; ты помнишь, как я не хотел пускать ее в эту огненную пасть. Но мне не хватило настойчивости.

— Хватит причитать, Акиро, — раздался громовой голос Конана. — Говори, что ты там начитал на этих золотых пластинах, или я отправлюсь в Шадизар один.

— На скрижалях выбито, что ритуал Пробуждения занимает три ночи. Каждую ночь в жертву приносится девушка. На третью ночь жертвой становится Она, Та, Которая приносит Рог, невинная. Ею суждено стать Дженне.

— Может быть, это не она, — предположила Зула. — Этот Бомбатта, вечно пожирающий ее глазами, не стал бы отправлять ее на верную смерть.

— Бомбатта знал, что Дженна и есть Та самая. Он знал и то, что ей уготована смерть.

Конан прикоснулся к золотому амулету. Боль охватила его. Он готов был взвыть, как раненый волк. Валерия!

— Дженна не умрет, — выдавил он из себя, не сжимая зубов.

— Слушай, мне тоже нравится девчонка, — возразил Малак, старательно не замечая гневных взглядов Зулы, —

но рассуди сам: мы все измучены, нам просто не добраться до Шадизара до темноты, даже загнав лошадей.

— Когда мой конь сдохнет, — ответил Конан, — я побегу, затем поползу. Но я клянусь всеми богами, что Дженна не погибнет сегодня ночью, даже если мне нужно будет для этого поплатиться жизнью.

Не дожидаясь, пока остальные последуют за ним, Конан пришпорил коня, включаясь в гонку наперегонки с бегущим по небу солнцем.

Глава 21

Тарамис с балкона оглядывала мраморный двор, в центре которого под пологом из золотого шелка лежал Спящий Бог. Полотенце закрывало от солнца лишь саму статую. Жаркое светило нещадно сжигало жрецов, распевающих вокруг мраморного ложа свои молитвы.

Тарамис обежала взглядом остальные балконы и окна, хотя прекрасно знала, что никаких непрошенных свидетелей там оказаться не может. Вот уже три дня эта часть дворца была только что не запечатана. Ни один раб или слуга не мог прийти в эти покои без ее личного разрешения. Любого, кто попытался бы это сделать, стража разорвала бы в клочья. Другое беспокоило Тарамис, по другому поводу возносила она свои молитвы.

Она нерешительно подняла голову, надеясь, что солнце остановит свой неудержимый бег. Нет, оно уже перевалило зенит. Если Бомбатта не привезет девчонку через несколько часов, если они не нашли того, за чем их послали... Такой день наступит лишь через тысячу лет. Тарамис облизала губы. Нет, только не это. Такого не могло случиться. Она не могла позволить себе умереть, зная, что через тысячу лет кто-то другой обретет Силу и Бессмертие.

Легкое покашливание за спиной заставило ее обернуться, готовую разорвать того, кто осмелился побеспокоить ее.

Перед нею стоял Ксантерес, как всегда невозмутимый, но с каким-то незнакомым огоньком в глазах.

— Она вернулась, — провозгласил он, — Бомбатта привел ее.

Тарамис отбросила подобающее ей достоинство и, оттолкнув седовласого жреца, бросилась по коридорам и залам дворца навстречу прибывшей племяннице. Наконец в приемном зале она увидела стоящего Бомбатту — пыльного, пропахшего потом, держащего в руке свой черный шлем, и Дженну, бережно прижимавшую к груди что-то завернутое в грязную тряпку, бывшую некогда тонкой белой шерстью. Тарамис едва заметила высокого воина. Все ее внимание было обращено на измученную дорогой девушку.

— Ну? Он у тебя? — прошептала она, медленно подходя к ней. — Ради всего, что есть священного в этом мире, скажи — он у тебя?

Дженна неуверенно протянула вперед сверток. Она еле стояла на ногах, но принцессе было не до таких мелочей.

Верховный жрец уже был здесь. В его руках сверкала золотая чаша.

— Положи сюда то, что ты принесла, дитя, — сказала Тарамис.

Сначала в руках Дженны багровым светом полыхнуло Сердце Аримана. Тарамис затаила дыхание. Грязные тряпки упали на пол, и в руках Дженны засверкал Рог Дагота.

Он тоже занял свое место в золотой чаше на хрустальной подставке. Принцессе пришлось побороться с искушением дотронуться до него, хотя она прекрасно знала, что такое прикосновение означало бы верную гибель для каждого, кроме Дженны. Пока что. Чуть позже он будет доступен только ей — возлюбленной Дагота.

С явным усилием Тарамис закрыла чашу и протянула ее Верховному Жрецу.

— Возьми ее и храни как зеницу ока.

Когда жрец, поклонившись, вышел, она позволила себе обратить внимание на Дженну и Бомбатту. Девушка вдруг непроизвольно потесалась.

— Где служанки из ванной? — строгим голосом спросила Тарамис. — Куда подевались эти глупые девчонки?

— Две девушки в белых платьях, с косами, уложенными вокруг головы, вбежали в комнату и упали на колени перед принцессой.

— Госпожа Дженна устала после дальней дороги. Ее нужно выкупать и сделать ей освежающий массаж. Разотрите ее благовонными маслами и оденьте соответственно сегодняшнему случаю.

Дженна устало, но тепло улыбнулась подбежавшим к ней девушкам.

— Я так рада вас видеть. Кажется, целую вечность я не мылась в нормальной ванне. А где Ания и Лиела?

Девушки побледнели, и Тарамис поспешила прервать затянувшееся молчание.

— Они приболели, девочка. Ты увидишь их позже. Отведите ее в ванную. Вы что, не видите, что она вот-вот упадет?

Проводив их глазами, Тарамис обернулась к Бомбатте.

— Дело сделано, — гордо заявил он, но в его голосе мелькнуло что-то, заставившее ее нахмуриться. Ее мысли заметались, выискивая то, что могло остаться невыполненным.

— Этот вор. Он мертв?

— Мертв.

— Ты сам вонзил меч в его сердце?

— Нет, но...

Ладонь принцессы, взлетев, со звонким хлопком опустилась на изувеченную щеку.

— Когда Рог окажется в Ее руках, — процитировала она древний Свиток, — вор с голубыми глазами должен умереть. Пока он жив — опасность выглядывает из-за его плеча и смерть висит на кончике его клинка. Ты что, забыл, что написано в Свитке?

— Этот варвар похоронен едва ли не под целой горой, обрушенной на его голову.

— Идиот. Если ты сам не видел его бездыханное тело. Я не могу позволить себе ни единого шанса на неудачу. Поднимай стражу по общей тревоге. Всех! Всех до единого!

— Из-за одного-то воруны, который уже наверняка мертв?

— **Делай что приказано!** — холодно скомандовала она. — **Чтобы мышь не проникла во дворец, не наткнувшись на острие копья.**

Не дожидаясь ответа, она вышла из зала. **Рог! Наконец-то он принадлежит ей.** И если пока что она не может прикоснуться к нему, то, по крайней мере, любоваться им — теперь в ее власти.

Шадизар называли **Городом Дьявола**, и мало что могло удивить или заинтересовать его жителей, которые уже повидали, казалось, все, что только может случиться под небесами. Но даже они, расступаясь, опасливо давали проехать четверем всадникам, с первыми сумерками вступившими в город. Их лошади еле дышали, сами они казались утомленными тяжелой и опасной дорогой. Но что-то в их глазах и особенно в сапфировых зрачках ехавшего впереди черноволосого гиганта заставляло даже выдавших виды городских стражников отводить глаза, чтобы не встретиться с ними взглядом.

Неподалеку от дворца **Конан** знал небольшую конюшню, владельцу которой и были вручены их измученные животные.

Прежде чем **Конан** успел броситься бегом ко дворцу, **Акиро** поймал его за рукав:

— **Постой-ка, мой юный друг.** Неплохо бы составить план.

Киммериец даже не притормозил. **Акиро** продолжал висеть на его руке, часто перебирая ногами. **Малак** и **Зула** следовали рядом.

— **Времени нет на болтовню,** — огрызнулся **Конан**. — **Ты что, не видишь, где уже солнце?**

Наконец в поле их зрения оказался дворец Тарамис. Тяжелые, обитые железом ворота были заперты. Шесть стражников, сверкая наконечниками копий, выстроились перед ними. На стене такие же черные фигуры маячили через каждые два-три шага.

Колдун затолкал **Конана** обратно в узкий переулок.

— **Ну, теперь ты согласен, что нам нужно хорошенько подумать?**

Малак нагло схватил с соседнего прилавка апельсин. Лоточник открыл было рот, но, посмотрев внимательно на спутников маленького наглеца, решил промолчать.

— Какой уж теперь план, — не торопясь сказал Конан. — Я должен попытаться спасти ее. Я поклялся сделать это. Но тут и дураку ясно, что ничего не выйдет. Нас всех прибьют, как только мы туда сунемся. Так что давайте лучше прощаться. Вам там делать нечего.

— Я пойду с тобой, — яростно вращая глазами, прохрипела Зула. — Ты спас мне жизнь, и я пойду за тобой до конца, пока не смогу отплатить тебе тем же.

— Вы что, совсем рехнулись? — отчаянно воззвал к ним Акиро. — Тут и целой армии делать нечего. Куда вы лезете?

При этих словах рот лоточника снова широко открылся от удивления.

— Слушай, ты, колдун, — донесся голос Малака из-за груды апельсинов. — Ты-то не можешь помочь? Какое-нибудь там заклинание, а?

— Нет проблем. Можно закатать в эти ворота такой огненный шар, что он пробьет их, словно пергамент. Но для этого я должен долго стоять в открытую перед входом, делая магические жесты и громогласно произнося заклинания. Сами понимаете, что кто-нибудь из этих болванов не упустит возможности попробовать на мне остроту своего копья. А вам только и останется, что вступить в бой с парой сотен стражников, если не больше.

Снова подобрав челюсть, но широко раскрыв от изумления глаза, продавец апельсинов почел за благо бежать подальше от этой странной компании.

Проводив его взглядом, Малак сказал:

— Нет, что-то в этой идее не то... Подумать только! Сколько сложностей — и все ради того, чтобы пробраться во дворец. Если учесть то, сколько намучился мой шурин, чтобы выбраться из него.

— А я-то думал, что он так и сгинул в дворцовых подземельях, — с отсутствующим видом пробормотал Конан, не отрывая глаз от дворца и от заката.

— Двое из них погибли там, а вот третьему удалось вырваться... — тут он запнулся, увидев, как сфокусировался на нем взгляд Конана, как полезли вверх брови на

лице Акиро и как напряженно уставилась на него Зула. — Да нет же, о чем это я... Все они там и того... Оттуда разве выберешься. Да и с чего вы решили, что я должен знать что-нибудь о том подземном ходе, через который он удрал... то есть я хочу сказать, не удрал, а погиб в темнице. И вообще, я стал часто забывать даже более нужные в каждодневной жизни вещи...

— Может, ему башку расколоть? — задумчиво предложила Зула.

— Тогда он не сможет говорить, — возразил Акиро. — Но вот яйца ему для этого не понадобятся. Можно устроить так, что они у него просто отсохнут. Дело нехитрое.

Конан, поглаживая рукоять кинжала, дал понять, что для этого вовсе не нужно применять колдовские методы.

Малак внимательно посмотрел в глаза каждому, вздохнул и печально сказал:

— Ладно, уговорили. Покажу вам то, что знаю.

Конан лишь молча ткнул его в плечо, предлагая бежать впереди, показывая дорогу. Их путь и вправду был странным — извилистым, как след змеи. Причем они все дальше уходили от дворца, пробираясь по этим пропахшим дерьмом закоулкам. Неожиданно Малак подбежал к задней стене какого-то дома, где находилась каменная дверь, ведущая в погреб.

Киммериец склонился над ведущими в темноту ступенями.

— Нужен свет, — недовольно поморщившись, сказал он. — Акиро?

Маленький огонек затрепетал на кончиках пальцев колдуна. Они оказались в грязном и давно не используемом подземелье. Пыль и паутина покрывали все сплошным ковром. Акиро нашел воткнутый в щель между камнями факел и предпочел воспользоваться им, как более естественным источником света.

— Неужели отсюда можно добраться до дворца? — недоверчиво спросила Зула.

Встав на четвереньки, Малак отсчитывал большие квадратные камни на полу вдоль одной из стен.

— Вот, — сказал он, показывая на один из них, внешне ничем не отличавшийся от других. — Кажется, этот, если я не ошибаюсь.

— Тебе же хуже, если ты ошибаешься, — мрачно отозвалась Зула.

Конан наклонился над камнем. Щель с одной его стороны была достаточно широкой, чтобы просунуть пальцы. Приподняв слегка камень, Конан перехватил его поудобнее и в два счета выворотил его наружу. Открывшийся колодец был выложен камнем, в одной из стен виднелись углубления, вполне подходящие, чтобы поставить ногу или ухватиться рукой. Заглянув туда, Акиро сказал:

— Кто бы ни строил этот дворец, он знал свое дело. Даже в самой сильной крепости должна быть парочка тайных выходов за ворота.

Конан уже влез в дыру по поясу.

— Ты не забыл про две сотни стражников? — поинтересовался Малак. — Лук Сигина! Киммериец, я тебя уверяю: от того, что окажешься внутри дворцовых стен, их не станет меньше.

— Ты абсолютно прав, — ответил Конан. — Этот ход лишь ненамного увеличивает наши шансы. Но тебя это не касается. Свое дело ты сделал. Наш договор остается в силе. Ты свободен и можешь не соваться дальше.

Зула лишь презрительно сплюнула, и рот Малака скривился в ухмылке:

— Вот уж не думал, что побрякушки Амфарата будут стоить мне так дорого.

И он тоже полез вниз по колодцу, едва поспевая за Конаном.

Глава 22

Сумерки спускались над Шадизаром, когда Тарамис вновь вышла на балкон, глядя на Спящего Бога. Полог исчез, а вокруг ложа появилось несколько новых жрецов. Ее четыре телохранителя и еще шесть лучших, лично отобранных Бомбаттой воинов в черных доспехах стояли по стенам дворца. Тарамис это не нравилось. Эти ребята служили не за страх, а за совесть. Их не проймешь жестоким зрелищем. Но в Свитках было сказано, что на Церемонии Пробуждения не должны присутствовать лиш-

ние свидетели. Она была вынуждена пойти на это из-за тупости Бомбатты.

По правде говоря, маловероятно, чтобы этот вор остался жив. А если даже и так, то что он может сделать — несчастный уличный ворюга — против всего ее могущества, против высоких стен и мощной стражи. Но в Свитках прямо говорится о возможной... нет, об очень вероятной опасности срыва всего дела, если вор останется в живых. А этот придурок — Бомбатта еще и исчез куда-то в дворцовых закоулках, обидевшись на ее ругань. Ладно, когда ночь пройдет, у нее еще будет время придумать ему наказание.

Еще один взгляд на темнеющее небо — и Тарамис вернулась в свои покои. Ей еще многое нужно было успеть.

Из шкатулки черного дерева, выложенной серебром, она достала маленький пергаментный пакетик. Из прозрачного кувшина в золотую кованую чашу было налито вино. В него и посыпался белый порошок из мешочка, бесследно растворяясь в бордовом напитке. Рядом с первой чашей на том же лакированном столике стояла еще одна. Порошок не был колдовским зельем, ни одно заклинание не усиливало его действие. Сегодня ночью не допускалось никакого колдовства, кроме того, что было связано с Церемонией Пробуждения.

Принцесса хлопнула в ладоши и приказала вбежавшей рабыне:

— Попроси госпожу Дженну прийти ко мне.

Скоро, думала она про себя, уже совсем скоро.

С факелом в вытянутой руке Конан, пригнувшись, неся по низкому коридору.

— Не так быстро, — пожаловался Малак. — Кости Великого Митры, неужели тот, кто это строил, не мог сделать туннель в рост человека?

— Тебе-то что, ты и здесь не очень-то нагибаешься, — сказала Зула, подгоняя его тычками шеста под ребра.

Малак гневно посмотрел на нее, но сказал лишь, что надеется на ступеньки в конце туннеля.

— Не улыбается мне еще раз карабкаться по стене.

Конан выругался, когда его факел осветил глухую стену впереди. Но выяснилось, что потолок здесь был выше, а в одном месте уходил вверх узкий лаз, наподобие того, по которому они спускались в туннель. Конан без колебаний полез вверх.

Акиро хриплым голосом позвал его:

— Конан! План! Ты ведь не знаешь, что там наверху.

Конан продолжал карабкаться вверх. С факелом в руке это было нелегко. Одна ошибка, потеря равновесия — и падение на каменный пол было бы неизбежным.

Наверху у самого конца колодца Конан обнаружил железный держатель для факела, вмурованный в стену. В камень над головой было вделано кольцо — чтобы помочь закрыть лаз за беглецами, если вдруг случится так, что хозяевам дворца придется воспользоваться тайным ходом для спасения своей жизни. С другой стороны на камне не было никаких запоров: никто не предполагал, что непрощенные гости смогут найти вход и появиться снизу.

Высунув факел и голову, Конан увидел, что оказался в тюремной камере: голые каменные стены, гнилая солома на полу, крысы... Выглянув через глазок в коридор, Конан увидел, что тяжелый засов не задвинут. Толкнув дверь плечом, он поморщился — ржавые петли отчаянно закрипели. Но темный коридор был пуст. Ни одного звука не раздалось в ответ на скрип.

— Мог бы и подождать, — прошипел Акиро, вылезая из люка. — В конце концов, откуда ты знаешь, куда мог привести этот подземный ход?

— Куда же еще, как не в тюрьму, — возразил Конан. — Едва ли родственничек Малака сумел найти выход из тронного зала или спальни Тарамис.

Старый колдун аж крикнул от удивления:

— Логично. Я даже не ожидал от тебя такого странного умозаключения. Обычно ты предпочитаешь решать проблемы не головой, а силой рук и остротой сжатого в них клинка.

Малак, которому Зула помогла вскарабкаться наверх, обиженно пробурчал:

— Откуда вы знаете, что мой шурин выбрался из дворца, не освоив сначала спальню принцессы? Все

мужчины в нашей семье пользовались успехом у женщин.

Зула фыркнула, и Малак приготовил новый аргумент для продолжения дискуссии.

— Потом, — оборвал их Конан.

Все четверо выбрались в коридор. Выбор направления оказался делом нетрудным. Один конец коридора тонул в непроницаемом мраке, из другого шел слабый свет. Подойдя поближе, Конан и его товарищи увидели, что попали в комнату тюремщика. Большое кубическое помещение было ярко освещено множеством факелов. В противоположном углу была видна лестница, удивившая вверх, в дворцовые переходы. Но между лестницей и тюремным коридором сидел сам дворцовый тюремщик — здоровенный, толстый мужик, у которого на руках и на груди явно было больше волос, чем на голове. В толстых коротких пальцах он сжимал изрядный ломоть жареного мяса и, громко чавкая, отрывал от него кусок за куском. Он успел бы пробежать половину лестницы, подняв тревогу прежде, чем Конану удалось бы порезать его мечом.

И все же Киммериец напрягся, чтобы ринуться. Вдруг рука Зулы коснулась его плеча. Чернокожая девушка молча покачала головой. Неожиданно она скинула полоску ткани, закрывавшую ее маленькую грудь, и обмотала ее вокруг бедер. Малак оценивающе рассматривал ее, но она даже не взглянула на маленького вора. Затем, изобразив приветливую улыбку на лице, она шагнула в комнату, опираясь на шест как на дорожный посох.

Толстый тюремщик так и застыл с недоеденным куском в руках.

— Из какого Девятого Неба Зандру ты вылезла? — прорычал он. — У меня таких в тюрьме не числится.

Зула ничего не ответила, а лишь ближе подошла к нему, покачивая бедрами.

— Если ты не узница, то какого черта ты там делала? А раз ты не должна была быть там, но была, то тебя можно и подвергнуть допросу. Болезненное, надо сказать, мероприятие. Что ты молчишь? Язык проглотила? Ну и ладно. В общем, так. Если ты, ведьма,

не хочешь понюхать каменных щипцов и повисеть на дыбе, то я рекомендую отнестись ко мне как к богу во плоти и как к земному возлюбленному в одном лице. Вот так-то.

С этими словами он направился к ней. Улыбка не сошла с лица Зулы, лишь шест был поудобнее перехвачен обеими руками. Один взмах — и из-под кадыка тюремщика забил кровавый фонтан. Его глаза чуть не повылезали из орбит; согнувшись пополам, он упал на колени, и еще один удар шестом в основание черепа довершил дело. Зула спокойно восстановила целостность своего костюма.

— Весьма эффективно, — улыбнулся Акиро, подмигивая девушке. Малак при этом всячески старался даже случайным взглядом не зацепиться за едва прикрытую грудь.

Ни секунды не мешкая, Конан бросился вверх по широким каменным ступеням. Остальные последовали за ним по пятам.

— Тетя, ты звала меня? — спросила Дженна, появившись в дверях.

Тарамис улыбнулась; по-семейному и, как ей казалось, естественно. Дженне предстояло сыграть еще одну роль, и она была неплохо подготовлена к ней. Черный шелк укрывал ее от шеи до пят. Волосы волной спускались по плечам. Черное платье — символ черноты Великой Ночи. Бледное лицо — сама невинность. И рядом — огненно-алый шелк, подчеркивающий чувственные изгибы тела Тарамис.

— Да, дитя мое, — ответила Тарамис. — Сегодня тебе предстоит выполнить твое предназначение. До конца. Выпей со мной праздничный кубок. Ты теперь женщина, уже достаточно взрослая для того, чтобы узнать вкус вина.

Дженна нерешительно взяла чашу обеими руками и всмотрелась в рубиновую жидкость.

— Я часто хотела попробовать его. Мне было так интересно.

— Тогда пей. Пей все, до дна. Так вкуснее.

Тарамис нервно ждала и облегченно вздохнула, увидев, как Дженна запрокидывает голову и подносит чашу ко рту.

Девушка легко рассмеялась, оставив почти опустевшую чашу.

— Так тепло. Во мне словно бежит жидкий огонь.

— Голова не кружится? Такое иногда бывает, — участливым голосом сказала Тарамис.

— Не знаю... Я... я чувствую... — икнув, девушка замолчала.

Взяв из несопротивляющихся пальцев чашу, Тарамис посмотрела в широко раскрытые глаза Дженны. Вино не подействовало бы так быстро и так сильно. Порошок. Это его эффект.

— На колени! — приказала Тарамис.

Улыбаясь, как если бы это было обычным делом, Дженна встала на колени перед принцессой.

Отлично, подумала Тарамис. Порошок действует лучше любого заклинания.

— Вставай, дитя мое, — обратилась она к Дженне и, обернувшись, позвала Верховного Жреца: — Ксантерес! Она готова!

Жрец вошел в комнату с золотой чашей в руках. Тарамис сама открыла ее и сказала:

— Возьми Рог, Дженна.

Ее глаза ревниво следили за руками Дженны. Ничего, думала Тарамис, завтра утром она будет единственной, кому будет даровано право прикоснуться к Рогу и Сердцу. Завтра утром.

Четыре удара гонга пронесли по дворцу. Наступила ночь.

— Пойдем, дитя мое, — сказала Тарамис.

С Рогом на вытянутых руках Дженна последовала за ней навстречу судьбе.

Конан бесшумно ступал по коридорам дворца, не обращая внимания ни на великолепные ковры вендийской работы, устилавшие пол, ни на гобелены из Иранистана, свисавшие со стен, на которых горели позолоченные светильники. Его спутники едва поспевали за ним. Страж-

ники стояли чуть ли не на каждом шагу. Несколько раз Конану и его товарищам приходилось прятаться в боковых переходах за занавесями, пережидая, пока мимо пройдет патруль — десяток воинов в черных доспехах. Разобраться с такой компанией не подняв шума было невозможно. А Дженну следовало разыскать, не вызвав никакой тревоги, если только они хотели сохранить хоть малейшую надежду на то, чтобы выбраться с нею из дворца живыми.

Киммериец шагнул из одного коридора в другой. Скрип кожаной одежды дал ему шанс. По обе стороны от входа, прислонившись к стене, стояли два стражника в черных доспехах и шлемах с забралами. Их руки рванулись к рукояткам сабель. Времени на размышления не оставалось. Надо было действовать.

Сжимая меч двумя руками, Конан метнулся влево и вонзил клинок под эбеновую пластину. Стражник успел лишь до половины вынуть саблю из ножен. Продолжая начатое вращение, Конан выдернул меч из тела жертвы. Второй страж, выхватив саблю, совершил ошибку, занеся ее для рубящего удара, вместо того чтобы колоть. Меч Конана воткнулся под занесенную руку. Еще мгновение, и Конан, шагнув вперед, довершил дело, полоснув клинком по шлему изо всех сил. Первое тело еще не затихло на полу, когда труп второго стражника уже рухнул на него.

Малак восхищенно присвистнул. Зула тоже смотрела на Конана, оцепенев.

— Ты... такая скорость... Я никогда...

— Вот что, — прервал ее Конан. — Этих двоих или обнаружат в виде трупов, или, по крайней мере, хватятся очень скоро, независимо от того, будем мы их прятать или нет.

— Ты хочешь сказать, что все двести, или сколько их там, стражников узнают, что мы здесь? — голос Малака задрожал. — Костлявая задница Данха!

— Проваливай обратно в тюрьму и выбирайся отсюда, — презрительно бросила Зула. — Путь пока открыт.

Малак соорил ей рожу, а потом вытащил кинжалы.

— Всегда мечтал стать героем, — сообщил он.

Конан сказал:

— Я думаю, прятаться дальше нет смысла. Надо найти Дженну. И побыстрее!

Словно леопард он бросился вперед, подгоняемый опустившейся за окнами темнотой.

Взрыв молитв жрецов встретил маленькую процессию, появившуюся во дворике. Тарамис знала, что хвалебные молитвы возносятся Дженне, но и она ощущала себя причастной. Ведь кто, как не она, сумел организовать все для этого триумфа своей племянницы.

Тарамис стояла рядом с Дженной, придирчиво поглядывая на нее и на стоящего рядом Верховного Жреца. Тот, сменив чашу на золотой посох, увенчанный алмазным глазом, тоже с удовлетворением внимал благодарным молитвам своих единоверцев.

— Спящий Бог никогда не умрет, — привычно затащила Тарамис.

— Там, где есть вера, — нет смерти, — последовал ответ стоявших на коленях жрецов.

Тарамис широко развела руки.

— Пришла Ночь Пробуждения, — крикнула принцесса, — ибо вернулась Она.

Эхом прокатился ответ:

— Слава Ей, служащей Спящему Богу!

Десяток стражников отступили в тень колоннады, как было приказано. Заиграли флейты, возвещая наступление времени жертвоприношения. На черном бархате неба звезды выстроились в том порядке, в каком они бывают лишь раз в тысячу лет. Настал момент.

Власть, сила, думала Тарамис, слушая замолкающее эхо молитв. Власть и бессмертие. Завтра они будут принадлежать ей.

Конан был вынужден остановиться, когда высокий, едва ли не выше и шире в плечах, чем он сам, человек в черном шлеме с саблей в руке шагнул навстречу ему из бокового коридора.

— Я знал, что ты придешь сюда, мерзкий вор, — тихо сказал Бомбатта. — Как только я наткнулся на трупы, я

понял, что ты жив. И я понял, что ты направляешься в центральный двор, чтобы спасти ее. Но если Дженна не может быть моей, она не достанется никому из смертных. Она отправится к богам, вор.

Сабля блеснула в свете масляных ламп. Конан жестом приказал своим спутникам отступить. В этом узком коридоре, увешанном портьерами, они бы только мешали ему. Киммериец держал меч прямо перед собой, сжимая рукоятку обеими руками.

— Что, язык проглотил? — спросил Бомбатта. — Девчонка умрет через несколько мгновений в самом центре дворца. Я рад увидеть отчаяние на твоём лице, вор. И я счастлив утешить свое горе от этой утраты тем, что могу наконец убить тебя.

— У меня нет времени на разговоры, — ответил Конан. — А тебе пришло время умереть.

Оба клинка взвились в воздух. Грохот сталкивающейся стали заполнил весь коридор. Атаки и контратаки, уколы и рубящие удары, защита и обманные финты — все это следовало с такой скоростью, что казалось единой каруселью сверкающей стали и искр.

Неожиданно меч Конана был вывернут из его рук. Предчувствуя победу, Бомбатта ухмыльнулся. Но в тот же миг сапог Киммерийца точным ударом отправил его саблю в другой угол. Оба противника бросились навстречу друг другу. Сначала каждый попытался дотянуться до кинжала, но затем Бомбатта сжал голову Конана руками и стал поворачивать ее. Киммериец тоже схватил одной рукой за гребень шлема, а другой — за нижний край забрала, пытаясь свернуть противнику шею. Главным звуком боя стало тяжелое дыхание. Вздудись могучие мускулы, напряглись, сопротивляясь, шеи, сильные ноги переступали в поисках лучшего упора и для сохранения равновесия.

Раздался негромкий, но отчетливый хруст, и Конан вдруг обнаружил, что продолжает сжимать мешок с костями, а не грузного противника. Отпущенное тело Бомбатты шумно упало на пол.

— Самое время сматываться отсюда, — сказала Зула, — а мы даже не знаем, где искать ее.

Конан покрутил головой, восстанавливая подвижность шеи.

— То есть как не знаем? Этот болван все сказал нам. Она в центральном дворике дворца.

— Еще он сказал, что через несколько мгновений она умрет, — напомнил Малак.

— Тогда у нас нет времени на болтовню, — подытожил Конан. — Вперед!

— О Великий Дагот, — продолжала Тарамис, — в Ночь Пробуждения мы, твои слуги, приходим к тебе.

Флейты зашлись в безумной мелодии, когда она прикоснулась к руке Дженны. Вдвоем с Ксантересом они подвели несопротивляющуюся девушку к голове лежащей фигуры.

— О Великий Дагот! В Ночь Пробуждения твои слуги призывают к тебе! — «нараспев тянула Тарамис, а затем зашептала на ухо Дженне: — Рог, малышка. Установи его, как я тебе говорила.

Дженна вздрогнула, в ее глазах мелькнуло сомнение. Тарамис вся сжалась: неужели порошок перестал действовать! Но затем, все так же не понимая, что происходит вокруг, Дженна вставила Рог в углубление на лбу Дагота.

Дрожь пробежала по огромному алебастровому телу. Мрамор обмяк и принял оттенок человеческой кожи.

Ликование охватило Тарамис. Ничто, ничто больше не могло помешать ее мечтам. Спящий Бог просыпался. Оставалось лишь довести дело до конца.

— О Великий Дагот, — позвала она, — прими нашу жертву и подношения тебе. Прими третье окропление. Окропление Ее кровью.

Дженна даже не вздрогнула, когда Ксантерес схватил ее за волосы левой рукой и наклонил ее голову над полуожившей головой статуи. Изогнутый резной кинжал взлетел в воздух, сверкнув в звездном свете.

Ворвавшись в большой двор, Конан в один миг увидел все, что здесь происходило. Он заметил и черных стражников, и склонившихся жрецов, и подрагивающий Рог, торчащий из какой-то гигантской головы. А главное, он

увидел Дженну, стоявшую с открытым горлом, подставленным ножу, сверкающему в руках старого, седобородого человека.

Всего лишь миг понадобился ему, чтобы все это увидеть и оценить ситуацию. В следующий миг он уже действовал. Перекинув меч в левую руку, он обрушил сжатый кулак на шлем стоявшего справа охранника, следующим движением перехватив выпадающее из ослабших рук копьё. В тот момент, когда кинжал жреца пошел вниз, Конан метнул копьё. Кинжал со звоном упал на мраморные плиты, за ним, наваливаясь на древко, последовал седобородый Верховный Жрец, подставив небу горло с торчащим окровавленным наконечником копьё.

Хаос воцарился во дворике. Черные стражи ринулись к Конану, который не без удивления обнаружил рядом с собой Малака, сжимающего кинжалы в обеих руках. Зула, нещадно обрушивая на спины жрецов шест, прорывалась к Дженне, чтобы, схватив ее за руку, оттащить от вздрагивающей и извивающейся фигуры на мраморном ложе.

— Еще не все потеряно, еще есть время! Я все исправлю! — стонала Тарамис, на четвереньках бросившись к упавшему кинжалу.

Гигантская фигура села, сверкая золотым Рогом посреди лба. Холод наполнил весь двор при первом же движении прекрасного тела. Красивая голова повернулась, большие глаза, сверкающие золотым огнем, обвели взглядом дворцовый двор. Неожиданно голова запрокинулась, и Дагот застонал. Он начал вставать на ноги, и при этом его стоны возвещали о величайшей боли, испытываемой им.

Ужасающий звук словно вывел Конана из паралича. Он перехватил меч и приготовился к бою, но стражники, побросав копьё, метнулись мимо него к выходу. Что-то более страшное, чем сталь клинка Киммерийца, гнало их прочь.

Под кожей Дагота набухли узлы мышц. Они росли, но чем дальше, тем больше отличались от нормальных человеческих форм. Кожа на лице превратилась в чешую, лоб склонился назад, а челюсти, наоборот, сильно подались вперед. Острые клыки прорвали губы. Руки и ноги стали тоньше, а на концах пальцев выросли длинные когти.

Кожа на спине лопнула и выпустила на свободу черные кожаные крылья огромной летучей мыши. В центре двора встала гротескная фигура, напоминающая мужское тело, но втрое превышающая человеческий рост. Лишь золотые глаза, не изменившись, горели все тем же жутким огнем.

Эти глаза замерли на Тарамис, стоящей на коленях с прижатым к груди кинжалом. На лице принцессы не было никаких других чувств, кроме ужаса.

— Ты! — словно гром прокатился по дворцу. — Ты своими устами обещала быть моей, Тарамис.

Надежда мелькнула в лице принцессы.

— Да, — выдохнула она и, вскочив на ноги, бросилась к своему богу. — Я обещана тебе! А ты — ты дашь мне власть и бессмертие. Ты...

Клешнеобразные лапы подтащили женщину поближе, и огромные крылья на миг скрыли ее. Крик, в котором смешались неверие, разочарование и нестерпимая боль, донесся из-за черных крыльев. Когда они распахнулись, лишь алое шелковое платье слетело к ногам Дагота.

— Вот что значит познать бога и быть познанной богом, — вновь прокатился громовой голос.

Зула с ужасом смотрела на кровавое пятно алого шелка. К счастью, Дженна не воспринимала происходящее вокруг нее.

Бросившись вперед, Конан схватил обеих за руки и подтолкнул к выходу из дворца.

— Бегите! — скомандовал он им, и они побежали.

— Нет, смертный! — раздался удар грома. — Это Она. И Она принадлежит мне!

Конан почувствовал, как вздрогнула земля, когда Дагот сделал шаг. Женщины не могли пошевелиться от ужаса. Настало время вступить в бой за них. Впервые в жизни Конан был уверен, что противник перед ним — сильнее него, что его нельзя победить. И все же он вышел навстречу богу.

Огненный шар прорезал воздух над его головой и ударился о грудь Дагота. Он отскочил, словно булыжник от горы.

— Беги, Киммериец, — закричал Акиро, — Эрлик тебя раздерет! Беги же! Я ничего не смогу поделать с этой тварью!

Крылья Дагота хлопнули за его спиной, и Акиро упал на пол, откатившись к стене двора.

— Ну а ты, смертный, — прогремыхал Дагот в сторону Конана, — ты что, хочешь сразиться с богом? Побойся кары за такую дерзость.

Конан действительно почувствовал захлестнувшую его волну страха. Этот страх смел в нем все — все, называвшее себя Конаном из Киммерии. Теперь посреди дворца стояло существо из далеких времен. Существо, не знавшее ни имен, ни огня, ни богов. Это существо привыкло восполнять недостаток когтей и клыков, а также меньшую, чем у медведя или тигра, силу большой яростью и волей к жизни. У этого существа был только один ответ на страх. С ревом, когда-то приводившим в ужас древние пещеры, Конан бросился вперед.

Дагот лишь громоподобно хохотал, в то время как раны, наносимые мечом Конана, затягивались, лишь только Киммериец вытаскивал клинок из них. Клепцевидные лапы сомкнулись вокруг его тела и поднесли свою жертву к изогнутым клыкам.

Извиваясь в последних попытках вырваться, Конан услышал неясные слова, обращенные к нему. Одно из них крепко отпечаталось у него в голове: «Rog!» Затем звуки сложились в крик Акиро:

Его единственное уязвимое место — это Rog!

Конан смотрел в золотые глаза без страха. Это чувство покинуло его еще до того, как он бросился на Дагота с мечом. Он спокойно принял оставшийся ему выбор: убить или быть убитым.

Киммериец засмеялся, выпуская меч и хватаясь обеими руками за сверкающий Rog. Его сильные плечи напряглись, и Rog вылетел из чудовищной головы. Дикая боль перекосила мерзкую рожу бога, и он открыл рот пошире, чтобы разорвать в клочья смертного, доставившего ему такие страдания. Но ярость атаки не так-то легко было выбить из Конана. Почувствовав, что Rog оказался у него в руках, Киммериец перевернул его острым концом вперед, вонзил в один из золотых шаров, зло уставившихся на него, и надавил что было мочи.

Все стоны и крики, которые Дагот издавал до сих пор, показались легким шепотом по сравнению с раздав-

шимся в этот момент ревом. Конан отлетел в сторону и рухнул на мраморные плиты. Рев все не прекращался. Звук становился все выше и выше... Вот уже уши перестали опущать его, лишь кожу словно кололи бесчисленные раскаленные иглы. Сжав руками голову, Конан попытался встать. Он должен сражаться. Он должен убить. Он должен...

Вдруг он, несмотря на всю боль, понял, что может видеть небо и звезды. Видеть их сквозь Дагота. Гигантская тень все еще висела в воздухе дворцового дворика, с каждой секундой становясь все менее плотной, почти неосязаемой. Неожиданно Дагот стрелой взмыл в небо и растворился там. Исчезла и боль в голове Конана.

Киммериец недоверчиво осмотрел двор. Жрецы разбежались кто куда. Из стражников остались лишь те, кому обеспечили покой они с Малаком. Зула склонилась на Дженной, обхватив и прикрыв ее своими руками.

— Она рухнула на землю, когда ты вырвал этот Рог, — сказала Зула, — но я думаю, что это не страшно. Она скоро очнется.

— Привет, Конан, — раздался голос Малака, лежавшего у основания одной из колонн. Акиро, что-то причитая, перевязывал какой-то золотистой тряпкой кровоточащую рану на боку маленького ворышки. — Я тут наткнулся на кольцо, но дело не в этом. Мы победили! Яйца Ханнумана! Мы победили!

— Как знать, — устало сказал Конан. Он сжал амулет на своей груди так сильно, словно хотел раздавить золотого дракона. — Скорее всего, да.

Эпилог

С резного алебастрового балкона прекрасного мраморного дворца, некогда принадлежавшего Тарамис, Конан смотрел на всходящее над горизонтом солнце. Второй раз он встречал здесь восход. На размышления и принятие решения у него были день и ночь. Приняв решение, он отдал несколько приказаний и даже пригрозил

кое-кому из слуг мечом, когда те попытались поставить под сомнение правомочность его требований.

— Господин Конан, — раздался голос одной из служанок, — принцесса Дженна... э-э... просит вас зайти к ней.

Женщина споткнулась на середине фразы от непривычного сочетания слов. Никогда раньше аристократки Заморы никого не просили, а только приказывали. Особенно принцессы.

— Никакой я не господин, — сказал Конан, а затем быстро добавил: — Ладно, веди меня к принцессе Дженне.

Зал, в котором он оказался, был предназначен для неформальных аудиенций. Трон был поднят всего на высоту одной ступени, да и сам представлял собой резное кресло черного дерева безо всяких драгоценных украшений. Дженна прекрасно смотрелась на нем в своем белом платье. Все остальные присутствующие, казалось, тоже более-менее очухались после всех приключений. Малак довольно сжимал в руке золоченый кубок с каким-то напитком, явно не похожим на воду. Руки Акиро нетерпеливо поглаживали целый ворох древних рукописей и свитков. Зула, опершись на шест, стояла у трона Дженны как верный телохранитель.

— Конан, — Дженна улыбнулась входящему юноше, — наконец-то. Знаешь, король Тиридатес признал меня наследной принцессой Заморы и передал мне всю собственность и богатства Тарамис.

— Прими мои поздравления, — сказал он. При этом лицо Дженны стало серьезным.

Затем улыбка снова появилась на ее губах, и новоявленная принцесса сказала:

— Я попросила всех вас прийти сюда, потому что у меня есть просьба к каждому из присутствующих. Малак, сначала ты. Я прошу тебя остаться со мной. Ты можешь жить во дворце, постоянно напоминая мне, что даже тот человек, которого все считают глупым и трусливым, может быть храбрым и, главное, добрым.

— Даже моя мать не называла меня добрым, — громко произнес Малак, внимательно глядя на золотой кубок в своих руках. — Но я, пожалуй, останусь здесь. На время.

— Лучше всего — сразу приставить к нему охрану, — съехидничал Акиро.

— Акиро, ты тоже останься со мной, — сказала Дженна. — Ты мудрый человек, а мне в будущем понадобятся мудрые советы.

— Это невозможно, — ответил колдун. — Я получил то, ради чего вмешался в это дело, — Свитки Скелов. Но я не могу остаться здесь, пока там эти мерзкие шаманы продолжают свои страшные жертвоприношения. Я поклялся положить этому конец.

— Я дам солдат в твоё распоряжение, чтобы помочь тебе поскорее разобраться с этими шаманами. А потом, когда ты надумаешь вернуться, я отведу тебя в комнаты, где Тарамис собрала множество всяких колдовских книг и волшебных предметов. Ты сможешь изучать их столько, сколько захочешь.

— Солдаты? — пробормотал Акиро. — Ну, я думаю, солдаты вполне справятся с этими мерзкими шаманишками. Так ты говоришь, что там есть несколько комнат? А сколько их, поточнее?

— Много, — рассмеялась Дженна. — Зула, ты тоже должна остаться со мной. Ты уже многому научила меня и как женщина, и как воин. Но ещё большему мне предстоит учиться. Например, обращаться с шестом так, как ты.

Чернокожая женщина вздохнула с сожалением:

— Я не могу. Я обязана жизнью Конану, и я должна следовать за ним, пока...

— Нет! — резко оборвал её Конан. — Долг нельзя отплатить таким образом!

— Тогда как?

— Пойми, Зула. Я и сам только недавно осознал это. Есть долги, которые нельзя отдать подобным образом. Спаси жизнь другого человека — и я буду считать, что ты расплатилась со мной.

Зула кивнула и повернулась к Дженне:

— Я остаюсь, Дженна. И с большой радостью.

— Конан, — начала Дженна и поспешила продолжить прежде, чем он успеет оборвать её, — послушай меня, Конан. Останься со мной. Ты будешь сидеть рядом со мной на этом же помосте, на таком же троне; ты...

— Я не могу, — вежливо, но твердо сказал Конан.

— Но почему? Клянусь всеми богами, я хочу, чтобы ты остался. Ты мне нужен!

— Я живу своим умом и своим мечом. Неужели я буду нужен тебе в виде комнатной собачки? А это все, чем я могу стать здесь. Дворцы и шелка — это не по мне.

— Тогда я пойду с тобой, — сказала она и вся напряглась, когда он рассмеялся.

— У туранцев есть такая поговорка, Дженна: орел не бегаёт по горам, а леопард не летает в небе. Ты принесешь в мою жизнь столько зла и боли, сколько я принесу в твою. Я живу, день за днем сражаясь за свою жизнь или мчась с ней наперегонки на верном коне. Это мой путь, и тебе на нем нечего делать.

— Но, Конан!

— Прощай, Дженна, и пусть все боги хранят тебя. Будь счастлива.

Он повернулся и вышел из зала. Она еще несколько раз позвала его, но он не обернулся. Как он и приказал, конь уже ждал его, оседланный и отдохнувший, у самых ворот дворца.

Солнце уже стояло в зените, когда он добрался до каменного алтаря на равнине. Ветер нанес песка и грязи вокруг, и Конан подумал, что Малаку придется потрудиться, чтобы найти точное место, где зарыты драгоценные камни. Кроме этого, ничего не изменилось.

Сняв золотой амулет с груди, он положил его на алтарь. Из мешочка на поясе он извлек флакон, который всучил ему Акиро. Как же давно это было! С тех пор прошла целая вечность. Что ж, некоторые долги не удаётся отдать напрямую тем, кому они были обещаны.

— Прощай, Валерия, — негромко сказал он и, сорвав закрывающую флакон печать, выпил одним глотком все содержимое.

Жар пробежал по всему его телу. Глаза зажмурились, словно от яркого света. Даже конь невольно задрожал под седоком. Когда Конан снова открыл глаза, жар исчез. Какая-то золотая вещь блеснула перед ним. Какая-то подвеска в виде дракона, подумал он, почему-то оказавшаяся на этой странной гряде камней. Он свесился с

седла, наклонившись над побрякушкой. Но что-то остановило уже протянутую руку. Что-то непонятное, неизвестное твердило ему, что не следует брать эту вещь. Не иначе, колдовство какое-то, подумал он.

Ну и ладно, в Шадизаре полно незаколдованного золота и девочек, мечтающих усестись к нему на колени и помочь потратить все честно украденное им. Со смехом он прищипорил коня, и тот галопом понесся к городу. Ни разу Конан не обернулся, чтобы взглянуть на эти камни. Не потому, что боялся, а просто не хотел. Он уже совсем забыл о них.

ВЕСТНИК
КОНАН
КЛУБА

Роберт Говард

ПРОКЛЯТИЕ
МОРЯ

ДОМ ЭРЕЙБУ

ОБОРОТЕНЬ

ПРОКЛЯТИЕ МОРЯ

Как от внезапно вспыхнувшего света
В немом смятенье пробуждаясь ото сна,
Сквозь капель стук по крыше в вое ветра
Ночные пляски духов слышит явственно она.

Киплинг

Они были самыми отъявленными скандалистами и хвастунами, горлопанами и выпивохами Фэрингтауна, Джон Калрек и его закадычный друг-приятель Канул Лживые Губы. Сколько раз я, парень со взъерошенными волосами, тайком проскальзывал в дверь таверны и забивался в уголок послушать их перебранки и моряцкие разухабистые песни, красочные истории и жаркие споры, одновременно побаиваясь этих отчаянных бродяг и восхищаясь ими. Да что там, весь народ Фэрингтауна глазел на них со страхом и восхищением, ведь они были не такие, как все, не довольствовались мелкой торговлишкой на берегу или жалким плесканием среди отмелей и скал, похожих на акульи зубы. Нет уж, никаких тебе яликов-лодочек! Они уходили в далекие плавания, бывали в таких краях, о которых никто из наших и слыхом не слыхивал. На огромных, величественных морских кораблях отправлялись они вместе с пенистым отливом храбро сражаться с грозным серым океаном, достигая самых что ни на есть экзотических стран. И когда эта экзотическая пара возвращалась в Фэринг, который, даром что именовался городом, был простой рыбацкой деревушкой на побережье, там наставляли горячие деньки. Сопровождаемый следующим за ним по пятам Канулом, Джон Калрек важно спускался по сходням — внасквозь просоленной морской робе, на широком кожаном ремне остро отточенный кинжал, — снисходительно здоровался со знакомыми, лапал попадавших под руку девок и, горланя какую-нибудь полуприличную моряцкую песню,

направлялся вверх по улице к таверне. Вокруг двоих героев роем вились всякие лентяи и висельники, подхалимничая и хохоча с готовностью над самой скверной шуткой. Для завсегдатаев таверны, бездельников и пьяниц, эти парни с их разухабистым враньем и грубыми выходками выглядели доблестными рыцарями, едва ли не полубогами, лишь по счастливой случайности сошедшими к ним с небес в облике из плоти и крови.

И если сказать, что все их любили, было бы неправдой, то уж боялись-то все без исключения. Настолько, что, когда бывал избит мужчина или оскорблена женщина, деревенские лишь недовольно ворчали — но ничего не предпринимали. Вот и в этот раз, когда Джон Калрек обесчестил племянницу Молл Фэррелл, никто не отважился даже на словах осудить его.

Молл никогда не была замужем и не имела семьи, кроме этой девушки, вместе с которой жила очень уединенно в небольшом домишке на берегу моря, — так близко к воде, что пенистые волны прилива порой докатывались почти до самых дверей. Люди считали старую Молл кем-то вроде ведьмы, — это была мрачного и несколько зловещего вида худая пожилая женщина, нелюдимая и неразговорчивая, зарабатывающая себе на хлеб собиранием съедобных моллюсков и выброшенного морем на берег плавника. Джон Калрек давно обхаживал ее племянницу, но девушка, миленькая, но пустая и немного придурковатая маленькая штучка, не поддавалась на его комплименты и увещевания...

Помню, был холодный день с пронизывающим до костей восточным ветром, когда старая женщина объявилась на улицах деревни, пронзительно вопя об исчезновении девушки. Люди бросились искать ее на берегу и среди удаленных от моря голых каменистых холмов — все, кроме Джона Калрека и его друга, которые сидели себе в таверне, играли в карты и кости. А вдалеке, за мелководьем, вздыхало о чем-то, шумело не смолкая громадное серое чудовище под стальным небом.

И в неверном призрачном свете занимающегося рассвета девочка Молл Фэррелл возвратилась домой. Волна принесла ее к самой двери и нежно положила на влажный песок. Мраморно-белой была ее кожа, руки сложены на

застывшей груди, лицо дышало странным спокойствием и умиротворенностью. Серо-голубые струйки бежали вдоль стройных ног.

Глаза Молл Фэррелл превратились в камни. Безмолвно, как статуя, стояла она над телом мертвой девочки, но тут из таверны приплелись, пошатываясь, Джон Калрек и Канул. Оба были пьяны — в руках их и теперь были кувшины с вином, — и люди покорно расступились перед теми, кого в душе считали виновниками несчастья.

— Черт возьми! — пьяно заорал Джон Калрек. — Глянь-ка, Лживые Губы, а девка-то утопилась!

Канул осклабился, уродливо скривив тонкие губы. Он давно ненавидел Молл Фэррелл, ведь именно она дала ему такое прозвище — Лживые Губы. Покачиваясь на неверных ногах, Джон поднял свой кувшин и провозгласил:

— За упокой души несчастной дуры!

Все вокруг потрясенно замерли от такого кощунства. Тогда послышался голос Молл Фэррелл, взвинченный почти до крика, звенящий, и от него холодная дрожь пробрала людей, собравшихся над телом утопленницы.

— Будь ты проклят во веки веков, Джон Калрек! Да падет Божья кара на твою подлую душу! Пусть опалит ее адское пламя, пусть выжжет твои глаза и вспенит ядовитую кровь! Чтоб ты горел в геенне огненной миллионы миллионов и еще миллионы лет до скончания света! Налагаю на тебя проклятие моря и суши, земли и воздуха, тварей океанских и демонов бездонных трясин, лесных бесов и гоблинов гор! И на тебя... — Ее сухой палец уперся в Канула, и тот отшатнулся, побледнев. — Ты станешь смертью Джона Калрека, а он станет твоей. Ты доставишь его к воротам ада, а он приведет тебя на плаху! Печать смерти на твоем челе, Джон Калрек! Жить тебе в страхе и подохнуть в ужасе далеко за студеным серым морем! Море приемлет лишь чистые души, тебя же отрыгнет, выбросит в пески твой мерзкий гниющий труп! Запомни мои слова, Джон Калрек, — она говорила с такой убежденностью, что постепенно пьяная веселость мужчины уступила место безнадежному отупению загнанного зверя, — море взывает о жертве, но жертву эту отвергнет!

Не успеет растаять снег на вершинах гор, как твой холодный труп будет лежать у моих ног и я плюну на твое лицо. Лишь тогда я смогу успокоиться...

В то же утро Джон Калрек и его приятель ушли в далекое плавание, а Молл Фэррелл вернулась в свою хибарку к нехитрому ремеслу и — ожиданию. Она еще больше высохла и окончательно замкнулась в себе, в глазах затеплился крохотный огонек безумия. Дни скользили один за другим, и постепенно люди начали поговаривать между собой, что дни Молл, похоже, сочтены. Но, более похожая на призрак, чем на живую женщину, она продолжала вести привычный образ жизни, отвергая всяческую помощь.

То лето выдалось короткое и холодное, шапки снега на далеких вершинах так и не растаяли — это было весьма необычно и вызвало множество толков среди деревенских. Молл ежедневно встречала и провожала солнце, выходя на берег и с нечеловеческим напряжением во зоре рассматривая то сверкающий на горных вершинах снег, то морские дали.

Постепенно дни становились все короче, ночи темнее и длиннее, пришли холодные сырые туманы, а следом за ними шквальный восточный ветер принес дожди и град.

В один из промозглых осенних дней в бухту вошло большое торговое судно и пришвартовалось к берегу. Все местные бездельники и голодранцы поспешили на пристань, ибо это была та самая посудина, на которой ушли в море Джон Калрек и Канул. И вот по сходням спустился Лживые Губы, ступая осторожно, как будто украдкой, но Джона Калрека нигде не было видно. Посыпались расспросы, Канул покачал головой.

— Калрек дезертировал с корабля в порту Суматры, — сказал он. — У него вышла ссора со шкипером, вот так-то, парни. Он хотел, чтобы и я ушел с ним, но нет уж, дудки. Как бы я тогда встретился снова с такими славными парнями, как вы, а?

Тон его был почти заискивающим, и вдруг он, вздрогнув, отпрянул, увидев, как сквозь толпу к нему протискивается Молл Фэррелл. Мгновение стояли они, поедая

друг друга глазами, потом губы Молл сложились в жутковатую злорадную усмешку.

— Кровь у тебя на руках, Канул! — выкрикнула она столь внезапно, что Лживые Губы невольно дернулся и принялся вытирать правую ладонь о левый рукав.

— Убирайся прочь, ведьма! — злобно огрызнулся он и крупно зашагал от пристани через раздающуюся перед ним толпу. Следом к таверне припустили его прихлебатели и собутыльники.

Назавтра еще больше похолодало, серо-стальной туман надвинулся с востока, укутав призрачным саваном бухту и берег. Никто не отважился выйти в море в такую погоду, рыбаки сидели у родных очагов, за исключением разве что тех, кто за выпивкой и рассказыванием небылиц коротал время в таверне. Вот так и случилось, что только я да Джо, мой ровесник и товарищ по играм, узнали о первом из целого ряда непостижимых и кошмарных событий, которые произошли в тот день. Безрассудства нам было не занимать, но явно не хватало ума — иначе разве сидели бы мы в утлой гребной лодчонке, плавающей у дальнего конца причалов; каждый из нас дрожал от холода и в душе мечтал, чтобы другой предложил убраться восвояси, поскольку у нас не было никакого повода находиться здесь, кроме замечательной возможности продемонстрировать — непонятно кому — свою храбрость и мужество. И беспрепятственно построить воздушные замки.

Джо предупреждающе поднял руку.

— Эй, ты слышал? — спросил он. — Кто бы это мог болтаться по бухте?

— Никто. А что именно ты услышал?

— Плеск весел. Это были весла, или я полный болван. Прислушайся!

Вокруг не было видно ни зги и уж точно не слышно ни звука. Но Джо божился, что слышал, лицо его приняло странное выражение.

— Говорю тебе, кто-то гребет сюда! Похоже, вся бухта забита лодками — их по меньшей мере штук двадцать! Неужто ты не слышишь, олух несчастный?!

Я покачал головой. Джо вскочил и бросился отвязывать фалинь.

— Я ни черта не вижу в этом тумане, но ты можешь обозвать меня трижды лжецом, если бухта не окажется полна лодок. Ну что, ты со мной?

— Разумеется, хоть и решительно ничего не слышу.

Мы двинулись в плотную серую муть, туман клубился впереди, туман клубился сзади, — мы плыли в сумрачном море дыма, ничего не видя и не слыша и направляя свою лодку только по наитию. Мне казалось, что мы навеки затерялись в безвременье, и я в душе на все лады склонял Джо, вовлекшего меня в эту идиотскую авантюру, которая, похоже, закончится тем, что нас унесет в открытое море. Память тут же услужливо выдала мне картину — иссиние-белое лицо утонувшей племянницы старой Молл, — и я невольно содрогнулся.

Как долго мы плыли, не знаю: минуты тянулись как часы, годы, столетия. Но Джо все клялся, что слышит плеск весел то совсем рядом, то вдалеке, и мы преследовали призрачные лодки, меняя курс в зависимости от того, с какой стороны, по его мнению, шел звук. Руки мои настолько занемели, что я с трудом удерживал весло, но вот, когда от холода и усталости мною уже начала овладевать странная дремота, сквозь окружающую нас влажную пелену проглянули бездушные белые глаза звезд, туман как-то вдруг рассеялся, распался на призрачные дымные клочья, и мы обнаружили себя уже за выходом из бухты. Над морем воцарился полный штиль, на поверхности темно-зеленой воды серебряными монетами сверкали отражения далеких светил. Холодно было так, что зуб не попадал на зуб. Только я хотел предложить Джо повернуть лодку обратно в залив, как вдруг услышал его истошный крик и в тот же миг — в первый раз за все время нашей погони за миражами — явственно услышал скрип уключин. Я обернулся через плечо туда, куда смотрел Джо, и кровь застыла у меня в жилах — прямо над нами громадным хищным клювом навис нос корабля...

Ужас сковал мои члены при виде этой гротескно-жуткой тени на фоне звездного неба, перехватило дыхание от страшного свистящего звука, который издавал при движении этот корабль. Джо заорал и стал бешено выгребать назад, и мы каким-то чудом успели ускользнуть с пути

корабля на мгновение раньше, чем плавающая громада проутюжила то место, где только что была наша лодка.

По обеим сторонам корабля мерно поднимались и опускались длинные весла, толкая его вперед, и, хоть мне никогда прежде не доводилось видеть подобных рукотворных монстров, я сразу признал в нем галеру. Но что она делала у наших берегов? Побывавшие в самых дальних уголках света морские волки, случалось, рассказывали об этих судах, по сю пору используемых варварами-язычниками. Но варварские страны от нас отделяли тысячи долгих миль, да и не была эта галера похожа на те, что описывали ходившие за три моря.

Мы пустились в погоню за кораблем и, как ни странно, хотя, казалось, она вот-вот взлетит, вспоров очередную волну острым, как жало, носом, довольно быстро нагнали ее — хвала Всевышнему, он создал галеру тихоходной. Привязав фалинь к свисающей с кормы цепи вне пределов досягаемости огромных весел, мы принялись громко кричать, приветствуя команду. Подождав и не получив никакого ответа, мы побороли свои страхи и, вскарабкавшись по цепи, очутились на палубе, самый вид которой наводил на мысли о давно минувших днях и рисовал в воображении яркие картины кровавых морских битв. Она была совершенно пуста.

— Вылитый пиратский рейдер, — угрюмо пробурчал Джо, — совсем древняя, гнилая калоша, — того и гляди, развалится на части!

Никого не было и у массивного рулевого весла, управляющего движением судна. Мы подкрались к трапу, спускающемуся к скамьям гребцов, и заглянули вниз... Если и случалось мне когда-либо балансировать на грани безумия, так это в тот самый момент — мы увидели гребцов, со скрипом онускающих весла в свинцово-серую воду. И все они были... скелеты!

Истошно вопя, мы кинулись по палубе к корме, где оставили лодку. На бегу я запнулся обо что-то и со всего маху грянулся на обветренные доски. И то, что я увидел, лежа, было еще ужасней кошмаров внизу: предметом, о который я споткнулся, оказалось человеческое тело, и в неясном призрачном свете крадущегося с востока рассвета я заметил рукоять кинжала, торчащего между его лопаток.

Джо, схватившись за планширь, торопил меня пронзительными криками. Вместе мы мигом отвязали свой линь и отчалили от злополучного судна. А потом медленно двинулись вслед за галерой, которая, казалось, направлялась напрямик к берегу, минуя причалы. Приблизившись к пристани, мы увидели, что она полна народа. Люди, видимо, разыскивали нас, пропавших, а теперь стояли, онемев при виде грозного призрака, возникшего из ночи и грозно шумящего океана.

Галера на полной скорости шла к берегу, с неприятным свистом рассекала воздух длинные весла и обрушивались в воду, создавая пенистые бурунчики, бурлила позади кильватерная струя. И вдруг, чуть-чуть не дойдя до мелководья, — громогласное «кр-р-р-рах!», потрясшее залив и породившее злое гулкое эхо, — корабль прямо на глазах начал растворяться в воздухе. Там, где он только что был, теперь лишь волновалась темно-зеленая вода. Впрочем, нет, что-то там плавало. Но в эти места никогда раньше не заносило плавника или каких-нибудь дохлых рыб!

Мы сошли на берег под возбужденный гул голосов, который внезапно смолк. Стало ясно, что за злое «плавник» носили волны.

В свете нарождающегося солнца стояла возле своей хижины Молл Фэррелл, ее тощая рука указывала в сторону моря. И, словно повинаясь безмолвному приказу, серая приливная волна выбросила на влажный песок к ее ногам нечто. И все мы, скопившиеся кругом, увидели пару невидящих глаз на неподвижном белом лице. Джон Калрек вернулся домой.

Волны слегка покачивали страшный подарок моря, и когда он, целиком послушный их воле, внезапно перекатился на бок, люди увидели торчавшую из спины ручку ножа — кинжала, который каждый из нас тысячу раз видел свисающим с пояса Лживых Губ — Канула.

— Да, черт возьми, это я убил его! — не имея более сил контролировать себя, закричал Канул, его трясло и корчило под десятками обвиняющих глаз. — Однажды в море — стоял мертвый штиль — в пьяной заварухе я зарезал его и спихнул тело за борт! А теперь он из далей морских пришел за мной, — голос его опустился

до отвратительного дрожащего шепота, — п-п-прок-кля-
тие с-сбыв-вается: м-море н-не ж-желает х-хранить ег-г-го
тело...

И негодяй, сотрясаемый крупной дрожью, безвольно
осел наземь, в его глазах застыла тень грядущей висе-
лицы.

— Да, — раздался голос Молл Фэррелл, глубокий и
ликующий, — это сам Сатана послал древнюю галеру из
ада затонувших кораблей! Послал корабль, красный от
крови, пролитой на его палубе, полный воспоминаний о
кошмарных злодеяниях! Ни одно другое судно не вынесло
бы груза этих гнусных останков, этой мерзкой падали.
Море творит свою месть и свое правосудие, помогая и
мне добиться своего!! А теперь смотрите все, как я плюю
в лицо Джону Калреку!

И с жутким победным смехом она наклонилась вперед,
лицо покраснело от прилившей к нему крови. Над беспо-
койно вздыхающим морем всходило солнце.

ДОМ ЭРЕЙБУ

...Дорога без возврата ведет к дому,
откуда нет выхода, к дому,
чьи обитатели, лишённые света дня,
облачены в покровы из перьев,
подобно птицам... Тьма — их жизнь,
пыль — их пища, глина — их еда...
Там, в густой непроглядной тьме,
в доме за закрытыми дверями,
на которых оседает пыль...

*(Из вавилонской легенды
об Иштар)*

— Такое впечатление, будто он увидел привидение или прислушивается к шагам Живущих-Во-Тьме, — эти насмешливые слова прозвучали в пиршественной зале роскошного дворца Нарам-нинуба, среди нежных переливов лютен, плеска искрящихся фонтанов и звонкого женского смеха.

Великолепный чертог вполне соответствовал богатству и положению его хозяина — как грандиозными размерами, так и фантастической роскошью убранства. Стены были покрыты пластинами цветных глазурей — синей, красной, оранжевой, а поверх них — сверкающими квадратами чеканного золота. В воздухе смешивались ароматы курений и запахи экзотических цветов, растущих в саду снаружи. Пирующие гости, разодетые в шелка вельможи Ниппура, восседали развалившись на бархатных подушках, потягивая вино из алебастровых бокалов и лаская напомаженных и усыпанных украшениями красоток, — слухи о богатстве и щедрости Нарам-нинуба неудержимо влекли жриц любви и веселья со всех концов Востока. Десятки их танцевали, позвякивая драгоценностями и взмахивая полными белыми руками в полумраке зала; всю их одежду составляли поддерживающие волосы обручи с драгоценными камнями, массивные золотые браслеты да резные нефритовые серьги. Исходившие от прекрасных тел ароматы благовоний кружили головы. Смех и неясный гул негромких разговоров накатывали волнами на зал, погруженный в пир и веселье, танец и любовь.

На широком возвышении в куче разноцветных подушек полулежал устроитель этого невообразимого праздника плоти, лениво поглаживая глянцеvitые черные локоны расположившейся рядом с ним грациозной арабской девушки. Внешность выдавала в нем сибарита: медлительный и тучный обладатель иссиня-черной бороды и живых искристых карих глаз, в настоящий момент с интересом оглядывающий гостей, был семит, один из множества, давным-давно по той или иной причине занесенных в Шумир и осевших здесь. Все приглашенные, за одним-единственным исключением, были шумирцами, с бритыми головами и подбородками, оплывшими от праздности и сытой жизни телами и безмятежным выражением лоснящихся лиц. Тем сильнее контрастировала с их изнеженностью и ленивым благодушием внешность стоящего поодаль человека: выше любого из них, скроенный с безжалостной экономичностью Природы, он казался воплощением Силы — первобытной, дикой, волчьей, что так и сквозила в мускулистых конечностях, жилистой шее, могучем своде грудной клетки, могучих крепких плечах. Из-под взъерошенной гривы золотистых волос двумя кристаллами льда сверкали голубые глаза. Крупные правильные черты словно высеченного из камня лица несли на себе печать той же неукротимой природной силы, которую воплощало все его тело. В его движениях и действиях не было ни намекa на расчетливую манерность других гостей, их отличали резкость и бескомпромиссная прямота и естественность. Если они цедили вино маленькими порциями, смакуя, то он пил огромными жадными глотками; если они церемонно откусывали крохотные кусочки, то он, хватая руками огромные ломти, вгрызался в сочное мясо крепкими белыми зубами. При этом лицо его сохраняло на удивление мрачное выражение, насуленные брови образовывали глубокую складку на лбу.

Князь Айби-Энгур снова прошепелявил почти в самое ухо Нарам-нинубу:

— Неужто господину Пиррасу мерещатся шепчущиеся призраки ночных тварей?

Нарам-нинуб обеспокоенно глянул на своего гостя.

— Право же, друг мой, — заговорил он, — вы сегодня необычно молчаливы и озабочены. Что-то на моем празднике расстраивает вас?

Пиррас словно очнулся от какого-то тяжелого и неприятного сна и покачал головой.

— Нет-нет, дружище, что вы. Если я и кажусь расстроенным, то причина этого кроется во мне самом. — По акценту в сильном низком голосе можно было сразу узнать варвара, даже не глядя на говорящего.

Соседи с интересом уставились на него. Еще бы, ведь этот аргайв был предводителем наемников Эннатума, его сила и мужество давно стали легендой.

— Наверно, виной всему женщина, а? — со смешком поинтересовался князь Энакалли. Стоило Пиррасу сверкнуть на него потемневшими глазами, как вельможа спиной ощутил неприятный холодок и ему сразу расхотелось смеяться.

— Да, женщина, можно и так сказать, — неохотно проворчал аргайв, — призраком возникшая в моих снах и захватившая их, как в дни затмения тьма захватывает луну. Сколько раз я чувствовал ее зубы на своей шее, а просыпаясь в холодном поту, слышал хлопанье крыльев и уханье совы.

Над группой именитых гостей, расположившейся на возвышении, нависла неловкая тишина, и стали отчетливо слышны доносящиеся из огромного зала внизу смех, болтовня, перезвон лютневых струн. Вот громко расхохоталась девушка, но в смехе ее прозвучали какие-то странные ноты.

— На него пало проклятие... — испуганно зашептала арабка. Нарам-нинуб жестом приказал ей замолчать, но едва он открыл рот, чтобы что-то сказать, как раздался пришепывающий голос Айби-Энгура:

— Милейший господин Пиррас, какую жуткую историю вы рассказали. Все происходящее с вами напоминает месть божества или духа, — вы что, оскорбили кого-то из богов?

Нарам-нинуб захлопнул рот, так ничего и не сказав. Лицо его скривилось в досадливо-раздраженной гримасе: было хорошо известно всем и каждому, что в недавней военной кампании против Эрека аргайв зарезал жреца бога Ану прямо в его напоминающем склеп храме. Пиррас резко вскинул голову — взметнулась грива светлых волос — и грозно поглядел на Айби-Энгура. Казалось, он

раздумывает о том, отнести ли это замечание к недостатку такта или умышленному выпаду в его адрес. Князь начал стремительно бледнеть и покрываться испариной, но тут стройная арабская куртизанка, поднявшись на колени, схватила за руку Нарам-нинуба.

— Вы только посмотрите на Белибну! — Она указывала на девушку, так неестественно рассмеявшуюся секунду тому назад.

Словно предчувствуя недоброе, ее соседи раздались в стороны, пропуская ту, что, казалось, не слышала и не видела их. А она закинула назад голову — блеснули драгоценности в волосах, — и над залом для пиршеств зазвенел ее надрывный истерический смех. Ее стройное тело раскачивалось из стороны в сторону, стукали друг о друга браслеты на воздетых к потолку белых руках, в темных глазах появился стеклянный блеск, полные алые губы кривили взрывы противоестественного хохота.

— Одержима... Рука Эрейбу на ней, — едва слышно вымолвила арабка.

— Белибна! — громко позвал Нарам-нинуб. Однако его оклик вызвал лишь еще один припадок странного смеха. Потом девушка охрипшим голосом пронзительно закричала:

— По дороге, с которой нет возврата, к дому тьмы, обиталищу Архиллы... о Апсу, сколько горечи в твоём вине!

Эта тирада завершилась диким воплем, и она, рванувшись со своей подушки, запрыгнула на возвышение, в руке блеснул кинжал. На разные лады закричали гости и куртизанки, в панике бросившиеся врассыпную прочь от опасности. Но целью девицы был один лишь Пиррас, это к нему она мчалась теперь с лицом, превратившимся в уродливую перекосившуюся маску бешенства и безумия. Аргайв перехватил и выкрутил ее руку, — что была сила женщины, пусть даже сумасшедшей, для стальных мускулов варвара. Он отпихнул Белибну от себя так, что она покатилась по ступеням вниз, где и осталась лежать среди бархатных подушек бесформенной грудой плоти с собственным кинжалом, вонзившимся в сердце во время падения.

Резко прервавшиеся разговоры возобновились с еще большей силой, когда стражники уволокли безжизненное

тело прочь и гости в сопровождении девушек-танцорок вернулись на свои места. Все старались поскорее вычеркнуть из памяти неприятный эпизод, вино опять полилось рекой. Только Пиррас, поднявшись, взял у раба свой широкий малиновый плащ и набросил на плечи.

— Останься, мой друг, — принялся убеждать его Нарам-нинуб. — Давай не позволим этому незначительному инциденту испортить нам праздник. Мало ли психов на свете!

Пиррас, хмурясь, покачал головой:

— Нет уж, довольно на сегодня возлияний и обжорства. Пойду домой.

— Что ж, значит, пир окончен, — во всеуслышание объявил семит, поднявшись и хлопнув в ладоши. — К дому, подаренному тебе королем, тебя доставит мой собственный паланкин... ах нет, я забыл, ты ведь не признаешь езды на спинах людей. В таком случае я самостоятельно провожу тебя. Господа, не желаете ли составить нам компанию?

— Идти пешком, как простолюдины? — запинаясь, отозвался принц Эрлишу. — Видит Энлил, я — за! В этом будет хоть какая-то новизна. Но мне понадобится раб нести шлейф моей мантии, дабы он не волочился в пыли. Пошли, друзья, нам давно пора посмотреть дом господина Пирраса, клянусь Иштар!

— До чего же странный человек, — зашепелявил Айби-Энгур, обращаясь к Либит-ишби, когда шумная компания вынырнула из-под величественного портала главного входа и двинулась вниз по широкой лестнице, охраняемой бронзовыми львами. — Ходит пешком по улицам без рабов и охраны, точно простой торговец.

— Будьте осторожны, — промурлыкал тот в ответ, — он скор на расправу и в фаворе у государя Эннатума.

— Даже фаворитам короля следовало бы поостеречься от оскорбления бога Ану, — сразу понизив голос, заявил Айби-Энгур.

Вельможи неторопливо шли по мощенной белым камнем улице, городской люд, разеваая рты от изумления при виде этой импровизированной процессии, склонял бритые головы при их приближении. Солнце только всходило, но люди Ниппура были уже на ногах, во множестве тол-

пясь и расхаживая среди торговых рядов и лавок, где купцы разложили свои товары, — ремесленники и чиновники, проститутки и солдаты в медных шлемах. Над ними светлеет лазоревое небо, обласканное первыми лучами нарождающегося светила, уже начинающего припекать. Играют солнечные зайчики на глянцеvitой поверхности стен. Ниппур был городом трех-, четырехэтажных зданий с плоскими крышами, сложенных из обожженного на солнце кирпича; стены их покрывались цветными эмалями, и это превращало столицу в буйство ярких красок.

Где-то неподалеку заунывно голосил жрец:

— О Баббар, к твоей милости и справедливости зываем...

Пиррас еле слышно выругался себе под нос. Они как раз проходили мимо грандиозного храма, посвященного Энлилу, вздымающегося в кричаще-синее небо на добрых три сотни шагов.

— Башни так высоки, что кажутся неотъемлемой частью небес, словно покрытых глазурью, — проворчал он, пятерней откидывая со лба непокорный локон. — Вот он, мир, созданный человеком.

— Нет, друг мой, — возразил Нарам-нинуб. — Эа построила мир из тела Тиамат.

— А я говорю, люди построили Шумир! — воскликнул Пиррас, выпитое вино затуманило его взор. — Эту скучную равнинную страну, такую сытую и благополучную, — утыкали ее тело городами, изрезали реками и налепили поверх лазоревой глазури. Вот я родился в стране, созданной богами, клянусь Имиром! Там, где высятся величественные голубые горы с искрящимися на солнце заснеженными пиками; между ними длинными вытянутыми тенями — тучные зеленые долины; шумя и пенясь, стремительно несутся с обрывистых склонов водные потоки, и что-то поет в листве высоких деревьев бродяга ветер...

— Я тоже частенько вспоминаю свою родину, Пиррас, — откликнулся семит. — Ночью, под луной, нустыня делается белой до жути и холодной, днем же преображается в раскаленную серо-бурую бесконечность. Но весь фокус в том, что лишь в кишаших народом городах можно достичь богатства и вкусить наслаждений, только в этих

улях из бронзы и камня, глазури и золота, шелков и человеческой плоти.

Пиррас хотел было что-то ответить, но тут его внимание привлекли оглушительные завывания — снизу по улице приближалась процессия, несущая резные изукрашенные носилки, на которых покоилась скрытая морем цветов фигура. Позади тянулась цепочка молодых женщин в изорванных одеждах, со спутавшимися, запорошенными пылью волосами; они били себя в обнаженные груди и стонали:

— О Айланну! Таммуз умер!

Толпы на улице подхватили крик. Носилки проследовали мимо, раскачиваясь на плечах несущих, в огромной куче живых цветов можно было разглядеть ярко нарисованные глаза на лице высеченного из камня изваяния. От криков и причитаний осталось лишь гулкое эхо, наконец и оно растворилось вдали.

Пиррас пожал могучими плечами:

— А скоро они примутся прыгать, плясать и вопить «Адонис жив!», и женщины, которые так горько сегодня рыдают, станут в экзальтации отдаваться мужчинам прямо на улицах... Сколько же всего здесь богов, черт подери?!

Нарам-нинуб указал на титанический зиккурат Энлила, довлеющий надо всем жестокою грезой безумного бога.

— Видишь вон те семь ярусов? Нижний — черный, следующий — из красной эмали, далее — синий, оранжевый и желтый; шестой отделан серебром, седьмой, что так полыхает на солнце, — чистым золотом. Каждый из них символизирует божественное начало: солнце, луну и пять планет, которые Энлил и его помощники избрали своими небесными символами. Энлил — самый великий из всех, а Ниппур — его любимый, избранный город.

— И он более велик, чем Ану? — задумчиво спросил Пиррас, вспоминая пылающий храм и умирающего жреца, разинувшего рот в немом крике предельного смертного ужаса.

— Которая из опор треноги величайшая? — вопросом на вопрос отвечал семит.

Пиррас, открывший рот для следующей реплики, внезапно с проклятием отпрянул, на солнце сверкнул его меч, молниеносно выхваченный из ножен. Прямо у его

ног, раскачиваясь, стояла на хвосте змея, всполохами красной молнии сновал взад-вперед раздвоенный язык.

— Что случилось, дружище? — Нарам-нинуб и другие вельможи в изумлении взирали на него.

— Что?.. — Пиррас выругался. — Да неужто вы не замечаете гада под собственным носом? Отойдите в сторону, сейчас я освобожу землю от ядовитой твари...

Он осекся, в глубине зрачков родилась тень сомнения.

— Ее уже нет, — недоумевающе промолвил варвар.

— Я ничего такого не видел, — сказал Нарам-нинуб, а остальные закивали головами, обмениваясь удивленными и в то же время понимающими взглядами.

Аргайв провел рукой по глазам, тряхнул головой.

— Может, это из-за вина, — сказал он, — а только секунду назад на этом самом месте была здоровенная гадюка, клянусь сердцем Имира. Должно быть, я и в самом деле проклят...

При этих словах спутники шарахнулись от него, как от заразного больного, глядя с нескрываемой опаской.

В душе Пирраса-аргайва всегда жило неизъяснимое беспокойство, бередающее его сны и не позволяющее оставаться подолгу на одном месте, влекущее в дальние странствия. Оно вело его от голубых гор, где жил его собственный народ, на юг, в примыкающие к морю плодородные долины, где располагались селения трудолюбивых микенцев, потом заставило перебраться на остров Крит, в выстроенную из грубообработанного камня и привозного леса столицу, знаменитую своим торжищем. Там шел бесконечный обмен товарами между смуглокожими местными рыбаками и ремесленниками и купцами, прибывающими на кораблях из Египта. Вскоре один из этих кораблей, покачиваясь на волнах, вез варвара в Египет, где тысячи рабов под плетью надсмотрщиков и палящим солнцем возводили первые из грандиозных гробниц-пирамид и где, встав в ряды северян-наемников Шердана, он познавал тонкости военного искусства. Но неутолимая жажда странствий опять позвала его в путь, за море, в грязную торговую деревушку, обнесенную низкими стенами и потоку взявшую на себя смелость называться «город Троя».

Оттуда начался его по сю пору незавершенный дрейф на юг: через разграбленную и обескровленную Палестину, исконных обитателей которой жестоко угнетали пришедшие с Востока захватчики-ханаанцы, в равнины Шумира, где город сражался с городом, а жрецы мириад соперничающих богов без конца строили козни друг против друга по установившейся от начала времен традиции. Лишь долгие столетия спустя в этих краях взойдет звезда незаметного ныне невзрачного городишки под названием Вавилон и его локального божка Меродаха, вошедшего в историю под именем Бель-Мардука, Победителя Тиамат.

Простое описание боевого пути аргайва — не более чем скелет, не облеченный плотью, да и как описать запах свежепролитой крови и помпезную пышность восточных пиров, свист бешено вращающихся острых, как бритва, клинков на колесах мчащихся в пыли колесниц и треск сшибающихся в abordажной схватке кораблей? Скажем лишь, что светловолосый аргайв не раз и не два удоставлялся почестей, оказываемых лишь королям, и во всей Месопотамии, если верить бытовавшим слухам, не было воителя более грозного и опасного для врагов. Последним из его подвигов была победа и разгром орд и Эрека, что позволило сбросить эрекское ярмо с шеи Ниппура.

Слава следовала за ним по пятам, и он был одинаково знаменит в бедняцких хижинах и дворцах из нефрита и слоновой кости. Разве мог он помыслить об этом в детстве, когда, вечно взъерошенный мальчишка, лежа на груди волчьих шкур в горной хижине, грезил походами и битвами? Теперешние его сны — на шелковом ложе, во дворце с башенками бирюзового цвета — были во сто крат кошмарнее и страшней. Именно такой сон и снился теперь Пиррасу, и он испытал настоящее облегчение, внезапно проснувшись, словно вынырнув из черного омута. Ночь тут же обрушилась на него удручающей духотой и зноем. В спальне не горело ни единой лампы, луна еще не взошла, и единственным светом было холодное мерцание далеких звезд за окном. Но даже и при этом более чем скудном освещении зоркие глаза аргайва внезапно различили очертания двигающейся гибкой фигуры, блеск глаз непрошеного гостя или, точнее сказать, гостыи. В окружающей тишине Пиррас мог слышать, как колотится в венах его

собственная кровь. Что за ужас в женском обличье затаился в его комнате? Но больше ему не удавалось разглядеть грациозное и сильное, как у пантеры, тело, не горели во тьме глаза. Со сдвинутым рычанием он вскочил с кровати, и меч со свистом рассек воздух... Но — только воздух: что-то вроде издевательского смеха коснулось его ушей, хотя — он убедился в этом — в спальне никого не было.

— Амитис! Я видел! На этот раз я уверен, мне не приснилось! Она смеялась надо мною, удирая через окно!

Торопливо вошедшая в комнату девушка с лампой, затрепетав, поставила ее на стол из черного дерева. Весьма привлекательная и чувственная Амитис была подарена аргайву королем Эннатумом; она ненавидела своего господина, и он знал об этом, но находил какое-то злобное удовлетворение в обладании ею. Но сейчас взаимную неприязнь вытеснил ужас.

— Эт-то б-была Лилиту! — запинаясь, выдохнула наложница. — Она посетила тебя собственной персоной! Подруга Ардата Лили, дух ночной, обитающий в доме Эрейбу! Ты проклят!

Его ладони увлажнились от пота. Казалось, в вены вместо крови вливался плавящийся лед.

— Что же теперь делать? К кому обратиться за помощью? Жрецы ненавидят и боятся меня с тех пор, как я сжег храм Ану.

— Есть один человек, не связанный более со жречеством, который мог бы помочь тебе, — выпалила она не подумав и тут же поняла свою ошибку и замолчала.

— Так скажи мне поскорей!.. — Он весь подобрался, снедаемый лихорадочным возбуждением.

Но при виде проявленной им слабости к Амитис вновь вернулась вся ее ненависть — от страха она сболтнула лишнего, теперь же увидела прекрасную возможность для мести.

— Я позабыла его, — вызывающе ответила она, в глазах вспыхнули злобные огоньки.

— Ах ты дрянь! — задыхаясь от ярости, аргайв сгреб в кулак ее густые черные волосы и швырнул девушку поперек кровати. Он схватил ремень, на котором обычно носил меч, и принялся неистово хлестать

в полную силу, придерживая свободной рукой извивающееся тело. Он так глубоко погрузился в багровую пучину собственного бешенства, что даже не сразу осознал — девушка, рыдая и отчаянно визжа, давно выкрикивала какое-то имя. Когда до него наконец дошло, Пиррас отшвырнул ремень в одну сторону, а девушку — в другую, и та повалилась на застланный циновками пол, дрожа и всхлипывая. Переводя дыхание, варвар зыркнул на нее глазами сверху вниз:

— Так, говоришь, Гимиль-ишби?

— Да! — сквозь плач выкрикнула несчастная, корчась у его ног от терзающей все ее тело невыносимой боли. — Прежде он был жрецом Энлила, но потом занялся некромантией и был за это изгнан из храма. Ах, мне так плохо! Я теряю сознание! Смиlostивсья!

— Где я смогу его найти? — настойчиво допытывался Пиррас, не обращая никакого внимания на ее жалобные причитания.

— В кургане Энцу, к западу от города. О Энлил, с меня живьем содрали кожу! Я умираю!

Повернувшись к девушке спиной, Пиррас поспешно оделся, закрепил доспехи и оружие, после чего вышел в коридор и зашагал между спящих рабов и слуг, стараясь никого не разбудить. Зайдя в конюшню, выбрал лучшую из своих лошадей. Таких было, вероятно, всего пара десятков во всем Нишпуре, принадлежали они или самому королю, или богатейшим из его приближенных, — их покупали у диких племен на далеком севере, по ту сторону Каспия, которых в последующие века стали называть скифами. Каждый из скифских коней был совершенством, своего рода произведением искусства и настоящей удачей для опытного седока. Пиррас взнуздal великолепное животное, закрепил на крупe седло, простую кошму, но великолепной выделки и с красочной вышивкой.

Солдаты в воротах поразевали рты, когда он, натянув поводья, на всем скаку остановил коня прямо перед ними и потребовал отворить громоздкие бронзовые створки, но повиновались беспрекословно. Конь галоном пронесся в ворота, малиновый плащ развевался за плечами пригнувшегося к шее коня варвара.

— Клянусь Энлилом! — забормотал один из солдат. — Не иначе как аргайв перепил египетских вин Нарам-нинуба.

— Вот уж нет, — отозвался другой, — видал, какой он бледный? Это не вино, а боги коснулись его. Быть может, он скачет теперь к дому Эрейбу?

Покачивая мнительно головами в шлемах, они долго еще прислушивались к перестуку копыт в ночи, постепенно стихающему на западе.

К северу, востоку и югу от Ниппура по всей равнине, на которой располагался город, были разбросаны хижины земледельцев, небольшие поселения и пальмовые рощи; целая сеть оросительных каналов соединяла между собою реки. И лишь на западе земля лежала безжизненная и голая до самого Евфрата, только пепелища рассказывали о стоявших там некогда деревнях. Несколько лун назад кровавой волной нахлынули из пустыни налетчики, волна эта поглотила виноградни и хижины, докатившись аж до самых стен Ниппура. Пиррасу запомнилась битва за город и боевые вылазки на занятую неприятелем равнину, когда его фаланги разбили осаждающих и погнали вспять, пока не опрокинули в Великую Реку. Тогда вся равнина покраснела от пролитой крови и почернела от дыма и копоти. Но жизнь неудержимо берет свое, и вот уже молодая зелень затянула шрамы войны, делая их все менее и менее заметными. На обугленных посевах проросли семена злаков, тогда как люди, посадившие их, давно ушли в страну вечных сумерек. Скоро уже потянутся в эту рукотворную пустыню первые переселенцы из густонаселенных районов. Еще несколько месяцев, самое большее год, и эта земля опять примет вид, типичный для Месопотамской низменности, кишящей деревеньками, нарезанной на крохотные наделы. Человек залечит раны, нанесенные земле другим человеком, и все происшедшее здесь позабудется до той поры, пока снова не примчится из пустыни живой самум смерти и разрушения.

Но все это будет потом, а пока местность вокруг была пустынной и необжитой: полусасыпаны высохшие каналы, разрушены запруды, тут и там торчат обугленные пеньки — остатки пальмовых стволов, высятся руины роскошных вилл и загородных дворцов. А далеко впереди,

отчетливо вырисовывающийся на фоне звездного неба, стоял таинственный курган-замок, известный в народе как Гробница Луны — Энцу. Эту возвышенность создала не природа, но чьи руки сделали это и для чего, никто теперь не знал, — еще не был основан Ниппур, а курган уже возвышался над гладью долины, и безымянные пальцы, придавшие ему форму, давно сгинули в бездне времени. К нему и направил Пиррас своего рысака.

А в городе, который он недавно покинул, происходило вот что: Амитис, озираясь, украдкой вышла из дворца и, петляя по узким улочкам, двинулась к некоей одной ей известной цели. Девушка явно нервничала и страдала от перенесенных побоев — она прихрамывала и то и дело останавливалась, принимаясь поглаживать места ушибов. Так, хромая, всхлипывая и тихонько ругаясь, она наконец достигла места назначения, где предстала пред очами человека, чьи богатство и власть в Ниппуре были необыкновенно велики. В его взгляде читался вопрос.

— Он поехал к Гробнице Луны на встречу с Гимилем-ишби, — начала она. — Лилиту опять приходила к нему нынешней ночью. — Тут девушка невольно задрожала, на время забыв и о своей ненависти, и о своей боли. — Похоже, он и вправду проклят.

— Кем? Жрецами Ану? — Глаза его превратились в щелочки.

— Так он подозревает.

— А ты?

— Что я? Я не знаю, да мне и дела до того нет.

— Ты все еще не понимаешь, почему я плачу тебе за то, что ты шпионишь за ним? — с нажимом спросил он.

Амитис пожала плечами:

— Твоя плата щедра, с меня довольно и этого.

— Зачем ему понадобился Гимиль-ишби?

— Я сказала ему, что отступник может помочь справиться с Лилиту.

В тот же миг лютая злоба исказила лицо мужчины, превратив в уродливую маску.

— А я-то полагал, что ты терпеть его не можешь!

Девушка отшатнулась, услышав угрозу в голосе собеседника:

— Я случайно проболталась насчет старого отшельника, а потом Пиррас — будь он проклят веки! — пыткой выудил у меня его имя. Еще много недель я не смогу ни сидеть, ни лежать спокойно... — Она задохнулась, словно негодование лишило ее дара речи.

Мужчина, погруженный в собственные мрачные мысли, не слушал ее. Наконец, он решительно поднялся с роскошного кресла, в котором сидел.

— Я ждал слишком долго, — заговорил он так, будто продолжал мыслить вслух. — Эта нечисть играет с ним, вместо того чтоб вонзить когти в глотку, а тем временем те, кто состоит со мною в сговоре, становятся все нетерпеливее и подозрительнее. Один лишь Энлил ведает, какой совет может дать Гимиль-ишби проклятому аргайву. Дождусь, пока поднимется луна, и поскачу по его следу, подкрадусь и заколю, — он даже и не заподозрит ничего, пока мой меч не погрузится в его плоть по самый эфес. Бронзовый клинок всяко надежнее, чем силы Тьмы. Дурак я был, сговорившись с ними...

Амитис в ужасе вскрикнула и судорожно схватилась за бархатный занавес, словно желая спрятаться за ним.

— Ты?.. Ты?.. — На языке вертелся вопрос, слишком ужасный, чтобы она отважилась его высказать.

— Да! — Он бросил на нее взгляд, исполненный мрачного торжества.

Испуганно взвизгнув, она бросилась в занавешенную дверь, от страха не помня о своих болячках.

Участвовала ли как-то Природа в прокладывании пещер и коридоров под курганом или эта честь целиком и полностью принадлежит человеку — неизвестно. Но, по крайней мере, стены, пол и потолок подземелья были симметричны и составлены из блоков зеленоватого камня, не встречающегося более нигде, кроме как в этой пустынной местности. Кем и для какой бы цели ни был создан сводчатый зал, но сейчас его занимал человек. С каменного потолка свешивалась лампа, струя по пещере неяркий свет, отражающийся от бритой до блеска головы человека, склонившегося над пергаментным свитком за каменным столом. Заслышав быстрые уверенные шаги на лестнице,

ведущей в его обиталище, он поднял глаза. В следующее мгновение в дверном проеме показалась высокая фигура.

Сидящий за каменным столом человек с нескрываемым интересом разглядывал вошедшего. То был Пиррас в медной кольчуге поверх куртки из черной кожи и медных же наколенниках, блистающих в свете лампы. Малиновый плащ ниспадал с широких плеч, и сквозь его складки проступали очертания массивной рукояти меча. Затененные островерхим бронзовым шлемом глаза блестели двумя голубыми льдинками. Так воин встретился лицом к лицу с мудрецом.

Гимиль-ишби был очень стар, тем страннее было видеть среди увядшей плоти древнего лица живые и яркие — чуть раскосые, что является большой редкостью среди чистокровных шумирцев, — глаза, похожие на полированные черные бусины. И если в очах аргайва таилась синева небес, с бегом облаков и плясками теней, то глаза Гимиль-ишби были непроницаемы, как дымчатый агат, и неподвижны на манер змеиных. Рот старца походил на резаную рану, самая добродушная улыбка на таких устах выглядела бы жутковатой гримасой.

Надета на нем была простая черная туника, ноги, показавшиеся Пиррасу странным образом деформированными, обуты в матерчатые сандалии. Варвар ощутил между лопаток знакомый зуд любопытства при взгляде на эти ноги — и отвел взгляд, вернувшись к зловещему лицу.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище. — Голос, прозвучавший из разомкнувшихся неприятных тонких губ, оказался неожиданно мягким и ласковым, это было странно и как-то противоестественно. — Я бы с удовольствием предложил тебе еды и вина, да, боюсь, та пища, что я ем, и вино, которое я пью, едва ли придется тебе по вкусу. — Он негромко засмеялся, сделав рукой неопределенный жест.

— Я прибыл сюда не для того, чтобы есть или пить, — отчеканил аргайв, — я хочу купить чары против дьяволов.

— Купить?

Аргайв опорожнил на каменную столешницу мешочек с золотыми монетами, матово заблестевшими в полумраке подземного зала. Раздавшийся в ответ смех Гимиль-ишби

напоминал шуршание скользкого змеиного тела в сухой мертвой траве.

— На что мне этот желтый прах? Собираешься сражаться с дьяволами, а сам принес мне в уплату пыль, какую носит ветер.

— Пыль? — Пиррас непонимающе нахмурился. Гимиль-ишби возложил руку на сверкающую горку и снова засмеялся. Где-то в ночи, вторя ему, заушала сова. Отшельник поднял ладонь — под нею оказалась лишь кучка желтой пыли. Внезапный порыв ветра, просочившийся по лестнице сверху, едва не потушив фитиль лампы, подхватил и закружил золотую пыль — мгновение в воздухе стоял столб искрящихся блесток. Пиррас выругался, — золотая пыль, осевшая на его доспехах, сверкала в каждой из чешуй кольчуги.

— Пыль, какую носит ветер, — вполголоса повторил старец. — Присядь, Пиррас из Ниппура, и давай побеседуем.

Пиррас окинул взглядом помещение, в котором оказался: вдоль стен были свалены целые груды глиняных табличек, поверх них навалом лежали свитки папируса; потом уселся на каменную скамью напротив жреца-отступника, сдвинув перевязь с мечом так, чтобы рукоятка оружия постоянно находилась под рукой.

— Далеко же ты забрался от колыбели своей расы, — заговорил Гимиль-ишби. — Ты первый и единственный из златовласых северян, ступивший в доли Ниппура.

— Я побывал во многих странах, — сказал аргайв, — но пусть стервятники выклюют мне глаза и растащат кости, если я хоть где-нибудь видел столь ненормальную страну, как эта, страдающая от переизбытка богов и демонов.

Его взгляд опустился и замер, очарованный руками Гимиль-ишби, — то были изящные, длинные, тонкие, белые и вместе с тем сильные руки юноши. Что-то тревожащее его было в несоответствии этих рук и глаз всему остальному телу.

— У каждого города свои боги и свои жрецы, — сказал Гимиль-ишби, — в которых могут верить лишь глупцы. Жрецы самовольно возвысили мелких духов до положения вершителей человеческих судеб, тогда как на самом деле за «изначальным» триединством Эа, Ану и

Энлила скрываются куда более древние и могучие боги, забытые и не почитаемые людским племенем. Так уж устроен человек — всегда отрицает то, чего не может увидеть или потрогать. Жрецы Эриду, поклоняющиеся Эа и свету, разве не столь же слепы они, как те в Ниппуре, что посвятили себя Энлилу, которого ошибочно считают богом Тьмы и первоосновой всего сущего. А он — лишь идол, божок той маленькой жалкой тьмы, которую придумали для себя люди, но не той Настоящей Тьмы, что больше любых понятий и представлений, превыше всех и всяческих божеств. Я мельком узрел истину, будучи жрецом Энлила, так эти болваны изгнали меня. Ха! Вот бы удивились они, узнай, сколько из их паствы приползают ко мне за помощью под покровом ночи, так, как ты сейчас...

— Я не ползаю ни перед кем! — молниеносно ошетинился аргайв. — Я приехал *купить* твое колдовство. Назови свою цену, или будь проклят, старик!

— Ну-ну, не надо гневаться, — ухмыльнулся жрец. — Расскажи мне лучше, с чем пришел.

— Если ты так чертовски мудр и догадлив, то должен уже сам это знать, — проворчал варвар, несколько успокаиваясь. Взор его затуманился, когда память отправилась вспять по собственному следу. — Какой-то колдун или служитель могущественного бога наложил на меня проклятие, — заговорил он. — Все началось с того, что после моего триумфального возвращения из Эрека конь мой то и дело начинал бесноваться и шарахаться в сторону от чего-то, что никто, кроме него самого, не видел. Потом мне стали сниться сны, ночь от ночи все более ужасные, пока не превратились в настоящие кошмары. В темноте моих покоев мягко хлопали крылья и крадучись ступали ноги. Вчера на пиру меня пыталась заколоть женщина, в мгновение ока преобразившаяся в обезумевшую фурию; по дороге домой кинулась под ноги гадука, словно возникнув из воздуха. Потом ночью в мою спальню проникла Лилиту — если верить наложнице — и дразнила ужасным смехом...

— Лилиту? — В глазах чернокнижника мелькнул огонек понимания, на лице, более всего похожем на обтянутый высушенной кожей череп мумии, заиграла жуткая ухмылка. — Да, воин, тебя поистине решили спровадить в Дом

Эрейбу. Против нее и ее дружка Ардата Лили меч твой бессилен, все навыки бойца ничего не значат. В сумраке полночи зубы ее отыщут твое горло, смех прожжет твои уши, а горячие поцелуи иссушат, как опавший мертвый лист, гонимый знойным ветром пустыни. Твоим уделом станут безумие и разложение, и очень скоро ты очутишься в доме Эрейбу, из которого нет ни выхода, ни возврата.

Пиррас невольно вздрогнул, услышав последнюю фразу, и чуть слышно выругался.

— Могу ли я предложить что-то, интересующее тебя, помимо золота? — прохрипел он.

— О, как ни странно, меня можно много чем заинтересовать. — Черные глаза сверкали, уродливая щель рта кривилась от необъяснимого веселья. — Я готов назвать тебе свою цену, после чего мы поговорим о том, как тебе помочь.

Пиррас выразил свое согласие нетерпеливым жестом.

— По-твоему, кто мудрее всех на свете? — резко спросил отшельник.

— Египетские жрецы, чьими каракулями испещрены вон те пергаменты и папирусы, — отвечал варвар.

Гимиль-ишби покачал головой; на стене заплескала его тень — тень огромного стервятника, терзающего умирающую жертву.

— Никто из них и никогда не был мудр и могуч настолько, как служители Тиамат. Глупцы верят, что она погибла давным-давно от меча Эа, но Тиамат бессмертна и по сей день властвует над теньями, осеняя их своими темными крылами.

— Ничего об этом не слышал, — невнятно пробормотал Пиррас.

— Люди в городах не знают о том, о чем не желают знать. Довольно и того, что я об этом знаю, что знают заброшенные пустоши и старые развалины, заросшие камышом топи и древние курганы, темные пещеры. Там нередко встретишь крылатых обитателей Дома Эрейбу.

— Я полагал, что из этого дома никому нет выхода, — промолвил аргайв.

— И верно, и неверно: никто из людей не возвращается оттуда, слуги же Тиамат входят и выходят по собственному желанию.

В наступившей тишине Пиррас размышлял, вспоминая эту обитель мертвых такой, какой представляли ее себе шумирцы: грандиозная пещера, запыленная, темная и тихая, по которой скитаются лишенные человеческого облика души умерших, не зная радости и любви, из всех людских качеств сохранив в себе лишь ненависть ко всему живому, оставшемуся за чертой, которую не перешагнуть.

— Я помогу тебе, — промурлыкал жрец. Пиррас вскинул увенчанную шлемом голову и впился в него взглядом. В глазах Гимиль-ишби не осталось ничего человеческого, то были лишь отражения языков пламени в бездонных омуты чернильной темноты. Губы, сложившиеся в хищный хоботок, со свистом втягивали воздух, будто с наслаждением вбирали все горести и беды человечества. Пиррас испытал внезапный прилив ненависти к нему, подобно тому, как страшится и ненавидит человек невидимую змею, притаившуюся во тьме и готовую к броску.

— Называй свою цену и помоги мне, — с трудом вымолвил он.

Гимиль-ишби сжал руку в кулак, а когда раскрыл ее, на ладони его лежал золотой бочажок с крышкой, на которой вместо ручки красовался какой-то драгоценный камень. Старик сдернул крышку, и Пиррас увидел, что крохотный бочонок полон серой пыли, и содрогнулся, сам не ведая отчего.

— Сей прах некогда был черепом первого из владык Ура, — торжественно произнес Гимиль-ишби. — Умирая — а смерть, как известно, приходит и к царям тоже, — он, искуснейший некромант, использовал все свои умения, чтобы сокрыть от посторонних глаз и алчущих рук свои останки, но я отыскал его крошащиеся кости и в скрывающей их тьме сразился с его неуспокоившейся душой, как человек бьется с питоном в непроглядной ночи. Моей добычей стал его череп — вместилище тайн куда более мрачных, чем те, что сокрыты в египетских пирамидах.

С помощью этого мертвого праха ты сможешь поймать Лилиту в ловушку. Не мешкая разыщи и обоснуйся в каком-нибудь ограниченном пространстве — пещере или комнате, — нет, пожалуй, лучше всего подойдет та разрушенная вилла, что стоит как раз посередине пути от этой берлоги до города. Войди в помещение и рассыпь

пыль тонкими дорожками вдоль порога и окон, — да смотри не оставляй просветов, даже таких, в которые можно едва просунуть руку. Затем ложись и прикинься спящим. Когда Лилиту войдет — если, конечно, она пожелает войти, — останется только произнести кое-какие слова, которым я научу тебя, и ты — ее хозяин, до тех пор, пока сам не освободишь ее, еще раз повторив заклятие. Убить ее превыше твоих сил, но ты можешь заставить ее поклясться оставить тебя в покое. Вели ей поклясться со-сками Тиамат — для таких, как она, нет обета более святого. А теперь придвинься поближе, я шепну тебе слова заклятья.

Где-то в бескрайней ночи резко закричала неведомая птица, но даже эти бросающие в дрожь крики были приятнее человеческому уху, чем шепот жреца-изгнанника, сравнимый разве что с шорохом скольжения гадюки по топкому илу. Произнеся Слова, он качнулся назад и хищно ухмыльнулся. Аргайв на мгновение застыл бронзовой статуей. Среди падающих на стену теней уродливый скрюченный хищник-падальщик увивался рядом с огромным рогатым чудовищем.

Пиррас, взяв бочажок, поднялся и запахнул на груди малиновый плащ. В своем островерхом шлеме он казался необычайно высоким.

— И какова цена этому?

Пальцы Гимиль-ишби изогнулись, как хищные когти, дрожащие от вожделения.

— Кровь! Жизнь!!

— Чья жизнь?

— Любая жизнь! Лишь бы кровь лилась, лишь бы страх искажал лицо, лишь бы агония была помучительней да дух рвался прочь из содрогающейся плоти! У меня одна цена на все — человеческая жизнь! Мужчина, женщина, ребенок — все равно. Ты поклялся, помнишь? Так сдержи обещание — ты должен мне жизнь. Человеческую жизнь!

— Ах, жизнь?! — Меч Пирраса рассек полумрак сверкающей дугой, и уродливая голова Гимиль-ишби упала на каменный стол. Тело выпрямилось и замерло на секунду — из перерубленной шеи толчками изливалась черная кровь, — потом с глухим стуком рухнуло на каменный

пол. Неподалеку грянулась оземь и голова, прокатившись по столешнице. На мертвом лице застыло ошеломленно-испуганное выражение.

Снаружи донеслось испуганное ржание и удаляющийся стук копыт — конь Пирраса, порвав недоуздок, бешено помчался прочь по равнине.

Пиррас бросился вон из сумрачного зала со всеми его клинописными табличками и испещренными непостижимыми иероглифами пергаментами — и останками их отвратительного хозяина. Когда он, одолев наконец вырубленную в каменном монолите лестницу, окунулся в звездный свет, то готов уже был усомниться в собственном рассудке.

Над равниной взошла луна, кроваво-красная, темная и мрачная. Зной и напряженная тишина воцарились над землей. Пиррас ощутил, как холодный пот выступил на коже, казалось, что кровь замедлила свой бег по венам, смерзаясь в лед, язык с трудом ворочался во рту. Доспехи вдруг показались непосильной ношей, плащ — опутывающей сетью. Сыпля нечленораздельными проклятиями, он, взмокнувший и дрожащий, сдернул с себя плащ и принялся стаскивать латы часть за частью и швырять в ночь. Древние страхи, с которыми аргайв столкнулся, пробуждали в нем первобытные инстинкты, все связанное с цивилизацией стало непреодолимо чуждым. Обнаженный, если не считать набедренной повязки и перевязи с мечом, он крупно зашагал по степи, стиснув в руке золотой бочажок.

Ни звука не нарушило спокойствия ночи, пока он добирался до полуразрушенного загородного дворца, остатки стен которого высились среди груд обломков и щебня. Единственный уцелевший среди развалин зал был по странному капризу судьбы практически не тронут ни рукой вандала, ни временем. Единственная ведущая внутрь дверь висела криво, сорванная с петель. Пиррас вошел — в комнате было не очень темно благодаря льющемуся сквозь три окна свету луны. Не теряя времени даром, он тонкой струйкой насыпал пыль вдоль порога, и так же поступил с оконными проемами. Затем, отбросив в сторону опустевший и бесполезный теперь бочажок, забрался на возвышение, удачно расположенное в самом темном углу. Объятия стискивающего его в последнее

время ужаса ослабли, — он, на кого еще недавно охотились, сам превратился в охотника. Ловушка была подготовлена, и он принялся терпеливо ожидать свою добычу.

Долго ждать не пришлось. По воздуху замолотили огромные крылья, и по ту сторону залитого лунным светом портала мелькнула гротескная тень. Напряжение достигло предела, в ушах Пирраса громоподобно бухали удары собственного сердца, словно рвущегося из клетки ребер. Но вот неясных очертаний фигура скользнула в дверной проем и тут же исчезла из виду в глубокой тени. Тварь была внутри, отродье ночи вошло в зал!

Рука Пирраса стиснула меч, и он резко поднялся со своего места. Громкий голос в клочья разнес покров безмолвия, произнося темные таинственные фразы заклинания мертвого жреца. Ответом ему стал испуганный возглас, послышалось быстрое шлепанье босых ступней, потом шум падения — и какая-то тень забилась на полу, не в силах подняться.

Пиррас проклял окружающую темень, и тут же, как по заказу, в окно заглянула луна желтым глазом гоблина и залила комнату мертвенным светом. Аргайв увидел свою жертву.

Но то, что корчилось у его ног на полу, никак не напоминало Лилиту. Тварь выглядела как мужчина, гибкий и жилистый, нагой, темнокожий. Тело извивалось в мучительной агонии, принимая самые немыслимые положения, на губах существа выступила пена.

С кровожадным ревом Пиррас подскочил к выгибающейся как червяк фигуре и вонзил в нее меч. Острие звякнуло о плиты пола, и жуткий крик сорвался с испачканных пеной губ, но это было единственным заметным результатом мощного выпада: аргайв, выдернув меч, застыл, пораженный, не узрев ни раны на теле, ни крови на стали клинка. Он резко обернулся, услышав, как на дикий крик его пленника эхом отозвался другой, снаружи. Прямо за зачарованным порогом стояла обнаженная смуглая женщина с горящими глазами на бездушном лице. Существо на полу перестало корчиться.

— Лилиту!

Она задергалась, будто сдерживаемая невидимой преградой, в глазах, вззирающих на аргайва, плескалась лютая ненависть и жгучее желание заполучить его кровь, его жизнь. Она заговорила, и это было страшно, — более естественным было бы, если бы заговорил по-человечески дикий зверь, чем эти прекрасные нечеловеческие губы:

— Тебе удалось заманить в ловушку моего милого! У тебя достало дерзости мучить Ардата Лили, перед которым трепещут боги! О, ты ответишь за это! Ты завоеешь, когда я начну рвать твои мускулы, жилы, кости на мелкие части! Отпусти его немедленно! Произнеси заклятие и освободи, тогда, быть может, рок минует тебя!

— Все это слова! — расвирепев, крикнул в ответ варвар. — Ты травила меня, как гончая — зайца, а теперь вот не способна пересечь дорожку из пыли, боясь угодить мне в руки, как это уже сделал твой приятель. Заходи же в зал, адская сука, и позволь мне приласкать тебя так, как я ласкаю твоего любовника — вот так! и так! и так!

Ардат Лили хрипел и выл, дергаясь при каждом ударе жалящей стали. Лилиту протестующе закричала, молотя руками по невидимому барьеру.

— Прекрати! Перестань немедленно! О, если бы я могла до тебя добраться! Я превратила бы тебя в слепой, глухой, немой, страдающий бесконечно обрубок плоти! Довольно! Скажи, чего ты хочешь, и я исполню твою волю!

— Ну, так-то лучше, — мрачно буркнул аргайв. — Я не могу отнять у этого отродья жизнь, но, как видишь, способен доставлять ему некоторые неудобства. И пока ты не удовлетворишь моего желания, я буду истязать его так, что ты даже не можешь себе представить.

— Вопросай же! Скорее! — убеждала она, приплясывая от возбуждения.

— Зачем ты преследуешь меня? Что такое я совершил, чтобы заслужить твою ненависть?

— Ненависть? — Она откинула голову. — Да разве станем мы, обитатели Шуалы, опускаться до личной ненависти — или любви — к людишкам? Нет, когда обрушивается топор судьбы, он падает слепо.

— В таком случае кто — или что — занесло надомной топор судьбы с твоей помощью?

— Один из живущих в Доме Эрейбу.

— Но почему, во имя Имира? — воскликнул Пиррас. — С какой бы стати мертвецу ненавидеть меня?.. — Он осекся, вспомнив умирающего жреца, на проклинающих устах которого пузырилась кровь.

— Мертвому приказывает живой. Некто живущий под светом солнца, но способный при этом в ночи общаться с обитателем Шуалы.

— Кто?!

— Не знаю.

— Врешь, тварь! Не иначе как это жрецы Ану, это их ты теперь покрываешь. За эту ложь твой любовничек взвоет от стального поцелуя...

— Мясник! — закричала Лилиту. — Останови свою руку! Клянусь сосками Тиамат, моей госпожи, я не знаю того, о чем ты спрашиваешь. К чему мне защищать каких-то жрецов Ану? Да я лучше вспорола бы все их жирные чрева — что сделала бы и с тобой, если бы только могла до тебя добраться! Освободи моего милого, а я провожу тебя в Дом Тьмы, где ты сам выведешь истину из уст того самого его жителя, конечно если тебе хватит смелости...

— Я иду, — решительно ответил Пиррас, — но Ардат Лили останется здесь в качестве заложника. Если ты нарушишь сделку, ему предстоит корчиться на заколдованном полу до скончания вечности.

Лилиту зарыдала от ярости, крича:

— Нет даже дьявола в Шуале более жестокого, чем ты! Поспеш, во имя Апсу!

Бросив меч в ножны на поясе, Пиррас шагнул за порог. Женщина обхватила его запястье пальцами, под бархатной кожей которых угадывалась сталь, и что-то хрипло прокричала на незнакомом языке. И тут же все — разрушенный дом, свет луны и долина вокруг — исчезло в холодной непроглядной тьме. Было ощущение стремительного броска сквозь пустоту, ревущую в ушах аргайва подобно ветрам-титанам. Но вот мгновение хаоса закончилось, и нога его натолкнулась на твердую поверхность. Пиррас понял, что в этот миг он пересек невообразимую бездну, разделяющую миры более чуждые, чем день и ночь, и

стоял теперь там, куда никогда не ступала нога живого человека.

Лилиту все так же держала его за руку, но видеть ее он не мог — вокруг царила темнота столь плотная, с какой он никогда не сталкивался прежде. Она была почти осязаемой, рядом с нею казалось невозможным само существование света и всего, что живет благодаря ему. То были явления совсем другого рода, самый мир жизни и света был прихотью, капризом случая, яркой искрой, мимолетно сверкнувшей во вселенской бескрайности пыли и мрака. Естественным состоянием космоса являются тишина и темнота, а не яркие краски, свет и шумы жизни. Неудивительно, что мертвые так ненавидят живых, нарушающих черную неподвижность Вечности своим звенящим смехом.

Пальцы Лилиту потащили его сквозь бескрайнюю тьму. У него возникло смутное ощущение пребывания в огромной пещере — слишком огромной для понимания и осознания ее размеров. Он инстинктивно чувствовал присутствие стен и крыши, но не видел их и ни разу не коснулся, словно они отодвигались при его приближении. Иногда ноги его задевали то, что, как он надеялся, было всего лишь пылью, — темноту вокруг пропитывал запах пыли в соединении со смрадом разложения и плесени.

Внезапно он увидел во тьме странных светляков — даже и они не были светом в том смысле, как люди понимают это слово, но лишь пятнами менее черного мрака и потому выделялись на его фоне. Они медленно плыли через бескрайнюю ночь. Один приблизился к путникам ближе других, и волосы на голове Пирраса встали дыбом, а рука инстинктивно схватилась за меч — он явственно разобрал очертания лица, почти человеческого, но в то же время удивительно птицеподобного. Лилиту, не обращая на это никакого внимания, влекла его за собой.

Пиррасу уже начало казаться, что вся его жизнь — не что иное, как нескончаемое запутанное путешествие сквозь черноту и прах в компании женщины-демона, как вдруг Лилиту остановилась, и он ткнулся ей в спину, услышав ее дыхание, со свистом вырывающееся сквозь зубы. Они пришли.

Перед ними мерцал еще один из странных светляков. Теперь Пиррас мог рассмотреть его получше, но так и не

решил, кого же видит перед собой — человека или птицу: создание с телом, напоминающим человеческое, стояло вертикально, но при этом было одето в серые перья (по крайней мере, это было больше похоже на оперение, чем на что-либо другое).

— Вот обитатель Шуалы, наложивший на тебя проклятие смерти, — шепнула Лилиту. — Спроси у него имя того, кто так ненавидит тебя на земле.

— Назови мне имя моего врага! — потребовал Пиррас, вздрогнув от звуков собственного голоса, ставшего в этой бездне потусторонним и жутким.

Глаза мертвеца загорелись красным, зашелестели перья... и вдруг в поднятой руке блеснула длинная полоска металла. Пиррас отпрянул, хватаясь за меч, но тут Лилиту зашипела: «Нет, используй вот это», — и он почувствовал, как ему в руку всунули рукоять оружия. «Ятаган», — сообразил он, уловив отблеск длинного серповидного лезвия.

Он успел подставить клинок под удар пернатой твари, и сноп искр посыпался во мрак слепящими сгустками пламени. Аргайв был сбит с толку внезапным нападением, да и без того схватка с тенью в сумятице ночного кошмара обещала мало хорошего. Только по странному блеску клинков мог он следить за действиями своего противника. Смерть трижды пропела в его ушах, когда он еле успевал уклониться от колющих и режущих ударов, потом его собственный изогнутый клинок рассек тьму и врубился со скрежетом в плечо врага. С пронзительным криком тварь выронила оружие и рухнула, молочно-белая жидкость струей полилась из зияющей раны. Пиррас снова занес свой ятаган, но вдруг отродье, задыхаясь, заговорило голосом, не более похожим на человеческий, чем скрип ветвей, трущихся друг о друга под порывами ветра:

— Нарам-нинуб, праправнук моего праправнука! Это он при помощи тайных знаний говорил со мной и повелевал сквозь пучину мрака!

— Нарам-нинуб!.. — От изумления Пиррас застыл как громом пораженный. Ятаган был вынут из его руки, пальцы Лилиту сомкнулись на его запястье, и они снова погрузились в ревущую, несущуюся навстречу черноту перехода между мирами.

Он пришел в себя, стоя у залитых лунным светом руин дворца, голова кружилась от пережитого. Рядом блеснули зубы ухмыляющейся при виде его слабости Лилиту. Пиррас ухватил ее за густые волосы и принялся дико трясти, словно перед ним была обычная смертная женщина.

— Ах ты шлюха адова! Каким колдовством ты отравила мой ум?

— Никакого колдовства! — Она рассмеялась и с легкостью вырвалась. — Ты проделал путешествие в Дом Эрейбу и вернулся обратно. Там ты имел некую беседу и победил мечом Апсу в жаркой схватке тень человека, мертвого многие столетия.

— Так, значит, это был не бред сумасшедшего! Но Нарам-нинуб... — Он осекся, мысли путались в голове. — Почему, во имя Имира?! Ведь он был моим вернейшим другом!

— Другом? — усмехнулась она. — А что есть дружба как не идеальное прикрытие для истинных чувств и черных замыслов? Но стоит часу пробить...

— Но чего ради, о боги?!

— Все жалкие интрижки лудишек! — с внезапной злобой воскликнула женщина. — Сейчас я припоминаю, как, скрываясь под плащами, люди из Эрека прокрадывались ночами во дворец Нарам-нинуба.

— О Имир! — слепящей вспышкой света к Пиррасу пришло понимание причины со всей беспощадной ясностью: да, он продал Ниппур Эреку, и ему первым делом надо было убрать меня с дороги, чтобы некому было возглавить полки, выступающие против сонмищ Эрека! Ах, пес, дай только моему клинку найти твое сердце!

— Пора сдержать обещание! — настойчивый оклик Лилиту вырвал его из багрового тумана ярости. — Я выполнила свою часть сделки, отвела тебя в место, недоступное для живущих, и невредимым доставила обратно. Я предала Тьму и ее жителей, и за это Тиамат продержит меня семижды семь дней на раскаленной добела решетке. Повтори же заклятие, освободи Ардата Лили!

Погруженный в невеселые мысли, еще не успев прийти в себя от гнусного предательства Нарам-нинуба, Пиррас послушно произнес слова заклинания. С громким вздохом облегчения демон поднялся с каменных плит и вышел нару-

жу. Глаза Лилиту сверкнули, она многозначительно поглядела на своего приятеля, и две тени стали медленно и неслышно подкрадываться к забывшемуся в думах аргайву, стоящему со склоненной головой, опустив руки. Некий первобытный инстинкт заставил его резко вскинуть голову, — демоны подобрались уже совсем близко, глаза их горели в лунном свете, хищные пальцы тянулись к его горлу. Он мгновенно осознал свою оплошность, но поздно — нужно было заставить их поклясться отпустить его с миром, а теперь никакие обеты не удерживали их от мести.

Со злобными кошачьими криками демоны атаковали, но аргайв оказался проворней, он рванулся в сторону и что есть сил помчался к далекому городу. Они бросились в погоню, так сильно жажда его крови, что позабыли о колдовстве. Страх словно приделал к ногам варвара крылья, но он постоянно слышал за спиной нестихающий топот ног и нетерпеливое тяжелое дыхание. Внезапно впереди послышался дробный перестук копыт, и прямо на него, бегущего, петляя между обгорелых пальмовых стволов, вынесся всадник, в руке его сверкала полоса металла.

Испуганно забожившись от неожиданности, конник стал разворачивать своего жеребца, тот поднялся на дыбы. В этот миг Пиррас разглядел дородное тело в кольчуге, сверкающие из-под купола шлема глаза, короткую черную бороду.

— Ты, пес! — в бешенстве заорал он. — Будь ты проклят! Давай посмотрим, сумеешь ли ты мечом закончить дело, начатое мерзкими чарами и предательством?

Конь бесновался, закусив удила. Яростно ругаясь и стараясь удержаться в седле, Нарам-нинуб обрушил меч на голову варвара. Пиррас парировал удар и сделал ответный выпад. Острые клинка скользнуло по пластинам кольчуги и рассекло щеку семита. Тот вскрикнул и упал с брыкающегося жеребца, обливаясь кровью. Он тяжело рухнул на землю, раздался треск ломающейся кости и пронзительный крик, на который ликующим воем ответил-ло эхо, гуляя по сгоревшей роще.

Пиррас ловко вскочил на спину лошади и дернул поводья. Нарам-нинуб стонал и корчился на земле, и аргайв успел заметить, как две тени метнулись к нему из-за остовов деревьев. Ужасный крик сорвался с губ семита, в

ответ ему раздался еще более жуткий залиvistый хохот. В ночном воздухе запахло кровью — то пировали ночные твари, в пылу погони не разобравшие, кто перед ними, и набросившиеся на свою жертву как бешеные псы, не делающие различия между людьми.

А аргайв уже мчался прочь, в сторону Ниппура. Спустя некоторое время, захваченный внезапной мыслью, он придержал коня. Вокруг расстилалась ночная равнина, тихая и спокойная, залитая лунным светом. Позади осталась устремленная в небо Гробница Энцу и терзаемый клыками жутких потусторонних созданий друг, оказавшийся врагом и самолично вызвавший своих убийц из бездонных колодцев ада. Дорога в Ниппур была открыта, ничто не мешало его возвращению.

Возвращению к странному народу, довольствующемуся ползанием в пыли под пятой короля и бесчисленных жрецов, в город, прогнивший насквозь от разврата и интриг, к чуждой расе, отказывающей ему в доверии, к женщине, которая его ненавидит.

И, вновь развернув коня, он направил его на запад, в пустынные земли, широко раскинув руки, словно готовясь, ликуя принять в объятия свободу и новую жизнь, навсегда оставляя за спиной прошлое со всем, что ему принадлежит. От забот не осталось и следа, усталость и страх отброшены, как изношенный плащ. Он скакал вперед, длинные золотистые волосы развевались на ветру, и долго еще над шумирской равниной разносился звук, которого она никогда прежде не слышала, — неконтролируемый дикий утробный хохот свободного варвара.

Страх? Извините, *Messieurs*, но что такое страх, вы не знаете... Да... да... Я за свои слова отвечаю. Вы — солдаты, искатели приключений. Вы знаете, что такое ярость сражений, бешенство морских волн. Но страх, настоящий страх, когда волосы встают дыбом, когда невидимая рука словно стальными клещами сжимает ваше сердце, вам неведом. А я испытал такой страх. Но пока легионы тьмы не выплеснутся из врат ада и весь мир не запылает, превратившись в руины, такого страха не узнает ни один человек...

Послушайте, я расскажу вам эту историю. Случилась она много лет назад далеко-далеко отсюда. Никто из вас не видел человека, о котором пойдет речь.

Так вот, все началось в тот день, когда я — безрасудный молодой кавалер выбрался из маленькой лодки... Большой корабль привез меня из Европы, а чтобы высадить меня на берег, спустили лодку... Как я проклинал грязь этой грубой пристани!.. Но вот она осталась позади, и я широким шагом направился к поместью по широкой дороге. В те края меня пригласил старый друг — Дом Винценти да Ласто.

Он был странным человеком — сильным, выделяющимся среди знати того времени. Быть может, в его венах текла кровь древних финикийцев, которые, как говорят священники, правили морями и строили города в далеких землях на заре веков. Судьба же Дом Винценти всегда казалась мне очень необычной... Некоторые из вас тоже могут так подумать... Иные называли бы моего друга счастливым. Ведь его поместье находилось на западном берегу Черного таинственного континента — Африки.

Мой друг очистил от джунглей небольшой участок земли, построил дом и склады. Действуя безжалостно, он выжал целое состояние из тех земель. У него было четыре корабля: три маленьких судна и один большой галеон. Они курсировали между его владениями и городами Испании, Португалии, Франции. Иногда, груженные редким деревом, слоновой костью, рабами, они добирались даже до Англии. Торговлей и завоеваниями Дом Винченцо сколотил состояние.

Конечно, рискованные предприятия приносят огромную прибыль. Мой же друг собирался создать настоящую империю в таинственных землях юга. И у него все получалось до тех пор, пока его племянник Карлос — человек, чем-то напоминающий крысу... Но я забегаю вперед.

Взгляните, *Messieurs*, я нарисую вам карту... Сейчас только обмакну палец в вино... Вот тут был тот маленький заливчик... Здесь — обширные верфи... Тут — небольшой холмик, по обе стороны которого поднимались скалы, больше похожие на хижины, а тут протянулся широкий ров. Через него был перекинут узкий подъемный мост, а само поместье окружал высокий бревенчатый палисад. Ров и палисад протянулись вокруг всего поместья, больше напоминавшего постройку античного мира, хорошо укрепленную и не слишком симпатичную. Дом был сложен из камней, доставленных издалека. Многие годы тысячи негров под ударами плетей надсмотрщиков возводили эти стены, и теперь дом выглядел неприступной крепостью. Таким ему и надлежало быть, потому что на эти берега частенько наведывались пираты, да и земли вокруг лежали дикие.

На полмили вокруг усадьбы лес был вырублен. Это потребовало невероятного труда, но рабочей силы на Черном континенте всегда было в избытке. Преподнесите подарок любому из вождей, и он обеспечит вас всем необходимым. А как заставить негров работать, португальцы отлично знали!

Менее чем в трехстах ярдах к востоку от поместья протекала широкая глубокая река. Она впадала в залив. Ее названия мне сейчас не припомнить... Какое-то языческое словечко... И в более молодые годы мне его было не произнести.

Явившись в поместье, я обнаружил, что я — не единственный приглашенный. Оказалось, около года назад Дом Винченцо пригласил нескольких приятелей, чтобы отдохнуть с ними недельку-другую.

Когда я добрался до поместья, уже наступила ночь и большой праздник был в самом разгаре. Меня радостно приветствовали уже порядком разгулявшиеся гости моего друга. А потом меня представили тем, кого я раньше не знал.

Теперь мне трудно будет описать все, что там происходило. Я в меру пил, слушал тосты и песни, пробовал угощение.

Мой друг Дом Винченцо в те годы был хорошо известен, так же как его хорошенькая племянница Изабель. Она-то и стала причиной, по которой я принял приглашение и явился в эти дикие края. Двоюродного брата моего друга — Карлоса я тоже знал, но не любил. Он казался мне скользким грубияном и чем-то напоминал крысу. Там был еще один мой старый друг — Луиджи Веренза, итальянец. С ним приехала его сестра — постоянно флиртующая кокетка. Она (а звали ее Марцита) не переставая строила глазки всем мужчинам. Еще среди гостей оказались невысокий невозмутимый немец, назвавшийся бароном фон Шиллером, Жан Десмарт — дворянин из Гасконии и Дон Флоренцо де Севилья — тощий, темный, молчаливый человек, назвавшийся испанцем. Он носил рапиру невероятной длины.

Были и другие мужчины и женщины... Но все это происходило так давно, что теперь я уже не помню ни имен, ни лиц.

У своего друга я встретил еще одного человека, чье лицо притянуло мой взгляд, как магнит алхимика притягивает сталь. Это был стройный мужчина, ростом чуть выше среднего, одетый просто, почти строго. Рапира его оказалась такой же длинной, как оружие испанца.

Однако не его одежды, не его оружие приковали мое внимание. Все дело было в его лице. Изящное и аристократическое, оно выглядело усталым и изможденным. Крошечные шрамы украшали скулы и лоб этого человека. Они напоминали следы когтей какого-то дикого зверя.

Со своего места я не мог разобрать выражение его чуть прищуренных серых глаз.

Повернувшись, я обратился к шалунье Марците и спросил имя этого человека. Оно сразу запало мне в голову.

— Его зовут де Монтоур. Он приехал из Нормандии, — ответила красотка. — Станный человек. Он мне не нравится.

— Значит, он успешно сопротивляется вашим чарам, маленькая колдунья? — прошептал я. Довольно давно зная Марциту, я с легкостью мог отличить ее ярость от женских уловок... Она не рассердилась на меня, а ответила мне что-то застенчиво, призывно глядя из-под длинных ресниц.

Я же снова стал разглядывать де Монтоура, ощущая какое-то странное очарование. Нормандец ел мало, пил много, говорил редко и только отвечая на вопросы.

Гости произносили тосты по кругу, и мне было интересно не пропустить то, что скажет этот странный человек. Вначале де Монтоур вставать отказался, потом поднялся (после того как его попросили во второй раз) и мгновение стоял, ничего не говоря, подняв кубок. Он, казалось, завладел вниманием всех присутствующих, повергнув всех в трепетный страх. И вдруг, совершенно неожиданно рассмеявшись, он вознес кубок над головой.

— За Соломона, который связал своей печатью всех демонов! — провозгласил он. — И пусть трижды проклят будет он, потому что некоторые исчадия ада спаслись!

Тост и проклятие одновременно! Пили мы молча. Многие, сомневаясь, стоит ли за это пить, отводили взгляды в сторону...

В эту ночь я рано отправился спать, усталый после долгого морского путешествия. От крепкого вина у меня кружилась голова.

Моя комната располагалась под самой крышей дома и окнами выходила на юг. Вдали виднелись лес, река и огромный склад. Обстановка была грубой, но по-варварски великолепной, как и все поместье.

Подойдя к окну, я посмотрел на часовых с аркебузами, расхаживающих вдоль внутренней части частокола.

За частоколом лежал пустырь, залитый лунным светом. Дальше темнел лес. У его подножия искрилась река.

От зарослей у берега реки доносились звуки музыкального инструмента — какого-то подобия лютни.

Птицы, спрятавшиеся в темных тенях леса, вторили ей насмешливыми голосами... Одновременно звучали тысячи печальных нот — пели птицы, звери, а может, и... демоны! Неожиданно завыл огромный кот джунглей. Я вздрогнул и отвернулся от окна. В тот миг мне показалось, что те дьяволы, о которых говорил де Монтоур, затаились в темных глубинах леса...

И тут в мою дверь постучали. Я открыл ее и удивился, увидев таинственного нормандца.

Ни слова не говоря, он подошел к окну и внимательно посмотрел на луну, которая в эту ночь была блестящей и сверкающей.

— Скоро полнолуние, не так ли, *Monsieur*? — наконец обратился он ко мне.

Я кивнул... И, могу поклясться, он вздрогнул.

— Извините, *Monsieur*. Я не стану вас больше беспокоить. — Он повернулся, чтобы уйти, но уже у самой двери остановился и вернулся ко мне. — *Monsieur*, не знаю, как вы отнесетесь к моей просьбе... — заговорил он шепотом. — Но я советовал бы вам хорошенько запереть двери в такую ночь!

И после этого он ушел, а я остался стоять посреди комнаты, недоуменно глядя ему вслед...

Я уже начал дремать, когда сквозь сон услышал отдаленные крики. Наверное, из-за того, что я сильно вымотался за время долгого путешествия, в ту ночь я спал очень крепко. Несмотря на странные звуки и шум, я спокойно проспал до утра. Все звуки текли мимо меня, отгородившегося от всего мира вуалью сна... Один раз мне показалось, что кто-то дергал и стучал в дверь...

Как и можно было догадаться накануне, большинство гостей на следующий день сказались больными. Они оставались в своих комнатах все утро, а некоторые и дольше. Среди гостей Дом Винченцо в то утро было только трое

трезвомыслящих мужчин: де Монтоур, испанец де Севилья (именно так он величал себя) и я. Испанец никогда не дотрагивался до вина, а де Монтоур хоть и истребил бесчисленное число кварт, выглядел как огурчик.

Дамы приветствовали нас в то утро самым обходительным образом.

— Ах, *Signor*, — обратилась ко мне Марцита. Она взяла меня за руку столь помпезно, что я едва не расхохотался. — Я счастлива видеть, что среди нас есть джентльмен, которому женская компания нравится больше, чем кубок вина... Большая часть мужчин плохо чувствует себя нынче утром. — Потом она с оскорбленным видом взглянула на меня: — Мне думается, что вчера почти все мужчины вели себя чересчур несдержанно... И если мне правильно подсказывает моя память, кто-то из напившихся изо всех сил колотил в мою дверь поздно ночью.

— Ха! — воскликнул я. — Кто бы это мог быть!..

— Нет, вы послушайте. — Она огляделась, чтобы убедиться, что мы в комнате одни. — Разве не странно, что *Signor* де Монтоур вчера вечером, прежде чем я легла спать, предупредил меня, чтобы я покрепче заперла дверь?

— Странно, — согласился я, но не стал рассказывать даме, что этот человек просил и меня сделать то же самое.

— И разве не странно, Пьер, что, хотя *Signor* де Монтоур пил как все, он оставался трезвым всю ночь?

Я пожал плечами.

— Сегодня вечером я оставлю дверь открытой и посмотрю, что за безумец бродит по дому по ночам.

— Не стоит вам этого делать.

Дама оскалилась в презрительной улыбке и показала мне маленький кривой кинжал.

— Послушайте, чертовка. Де Монтоур предупредил меня точно так же, как и вас. Видимо, он знал о том, что кто-то станет ночью бродить по дому. И тот, кто бродит в ночи, скорее убьет вас, чем согласится пуститься в амурное приключение. Держите двери крепко закрытыми... Ведь госпожа Изабель делит с вами комнату, не так ли?

— Нет... К тому же на ночь я отсылаю свою черную служанку в хижину для рабов, — прошептала женщина, рассерженно глядя на меня.

— Никто не говорил, что вы недостаточно отважны, — искренне продолжал я, обращаясь к молодой даме, характер которой отлично знал. — Но действуйте с осторожностью... И еще я поговорю с вашим братом... на всякий случай.

И я отправился дальше, чтобы засвидетельствовать свое почтение Изабель. Эта португальская девушка была полной противоположностью Марците. Тонкая и стройная, она не была такой красивой, как итальянка, но выглядела изысканно хорошенькой, почти ребенком. Я тогда думал... Хи-хи!.. Тогда я был молодым и глупым!

Извините меня, *Messieurs*. Разум старика блуждает в потемках. Так вот, рассказать-то я хочу вам о де Монтоуре... О нем и о двоюродном брате Дом Винценти — о том парне с крысиным лицом...

Так вот, выйдя из дома, я увидел, что толпа дикарей столпилась у ворот, держась в отдалении от солдат. Среди туземцев была дюжина молодых мужчин и женщин, совершенно голых, в ошейниках, скованных одной цепью. Это были рабы, приведенные сюда для продажи. Дом Винценти сам осматривал их.

Он долго спорил с работоторговцами, а потом началась меновая торговля, от которой я быстро устал. Я уже собирался уходить, удивляясь, как Дом Винценти мог унизиться настолько, чтобы торговаться с неграми.

Я направился было назад, к дому, когда один из дикарей ближайшей деревни подошел и прервал торговлю длинным обращением к Дом Винценти.

Пока они говорили, подошел де Монтоур, и Дом Винценти повернулся к нам и сказал:

— Одного из дровосеков этой ночью разорвал на кусочки леопард или какой-то другой хищник. Это был сильный молодой человек, неженатый.

— Леопард? Туземцы видели его? — неожиданно спросил де Монтоур. И тогда Дом Винценти сказал, что нет. Зверь неожиданно появился, а потом растаял в ночи. Тогда де Монтоур дрожащей рукой вытер пот со лба... Мне показалось, что это холодный пот страха...

— И еще, Пьер, — обратился ко мне Дом Винчен-то. — У меня здесь есть один раб, который... удивительно, честное слово... хочет служить вам. Хотя только один дьявол может сказать почему.

Он подтолкнул вперед стройного молодого негра. Лицо черного расплылось в широкой улыбке.

— Этот черный — твой, — сказал Дом Винценто. — Он хорошо обучен и станет великолепным слугой. Раб намного лучше простого слуги, так как нуждается только в пище, набедренной повязке и время от времени в кнуте, напоминающем ему о его месте...

Вскоре я узнал, почему Джола решил стать моим рабом, выбрав меня среди остальных гостей. Все дело в моих волосах. Как и многие богатые повесы, я носил длинные волосы. Они у меня вились и доходили до плеч. К тому же в тот раз получилось так, что я единственный из гостей Дом Винчен-то носил длинные волосы (если не считать женщин). Джола мог сидеть часами и смотреть на меня до тех пор, пока, зарывчав от бешенства, я не давал ему хороший пинок...

Еще должен сказать, что тем вечером взаимная неприязнь между бароном фон Шиллером и Жаном Десмартом вспыхнула с новой силой.

Как обычно, причиной всего стала женщина. Марцита, как всегда в таких случаях, флиртовала с обоими мужчинами.

Конечно, это было глупо. Десмарт был диким молодым дураком. Фон Шиллер — похотливым зверем. Но когда, *Messieurs*, женщины вели себя мудро?

Угольки, тлеющие в душе этих мужчин, переросли в смертоносный огонь, когда немец попытался поцеловать Марциту.

Тотчас зазвенели шпаги. Но до того как Дом Винчен-то громко скомандовал остановиться, Луиджи оказался между повздорившими и разогнал их в разные стороны.

— *Signori*, — мягко обратился он к ним, хотя чувствовалось, что он очень сердит. — Как могут высокородные *Signori* сражаться из-за моей сестры? Да клянусь пальцами на ногах сатаны, этого делать не стоит! Ты, Марцита, немедленно убирайся в свою комнату и сиди там, пока я не разрешу тебе выйти оттуда.

И женщина ушла, хоть была и независимой...

В тот миг никто из нас не взглянул на стройного женственного юношу, губы которого скривились в тигрином рычании. Смертоносный свет горел в его темных глазах...

Были принесены извинения. Но взгляды, которыми обменялись оба драчуна, подсказали нам, что ссора эта не будет забыта и вспыхнет с новой силой при соответствующих обстоятельствах...

На вторую ночь я неожиданно проснулся от сверхъестественного чувства ужаса. Чего я испугался, сказать не могу. Я встал с постели, убедился, что дверь моей комнаты крепко заперта. Джола спал возле нее. Рассердившись, я пинком разбудил черного.

Когда он, растирая глаза, вскочил на ноги, в ночной тишине раздался дикий крик. Вопль ужаса пронесся по дому и заставил замереть часовых с аркебузами. Кричала страшно испуганная женщина.

Джола метнулся через комнату и спрятался за диваном. Я рывком распахнул дверь и вышел в темный коридор. Спускаясь вниз по винтовой лестнице, я налетел на кого-то, и мы оба повалились на пол.

Человек, которого я сбил с ног, вскрикнул от удивления, и я узнал голос Жана Десмарт. Я помог ему встать и отправился дальше. Он последовал за мной. Крики прекратились. Но они переполошили весь дом. Со всех сторон звенело оружие, сверкали огни. Дом Винценти что-то кричал солдатам, и те, звеня оружием, побежали по комнатам, натываясь друг на друга. В смятении Десмарт, испанец и я добрались до комнаты Марциты. Луиджи вынес свою сестру нам навстречу.

Вскоре собрались и остальные обитатели поместья. Они принесли свечи и оружие. Все кричали, хотели узнать, что случилось.

Женщина без движения лежала на руках брата. Ее темные волосы были распущены и закрывали плечи. Изысканная ночная рубашка оказалась порвана, и через дыры виднелось ее обнаженное тело. Длинные царапины протянулись по ее рукам, грудям и плечам.

Неожиданно Марцита открыла глаза, вздрогнула, потом дико закричала и вцепилась в Луиджи.

— Дверь! — прошептала она. — Я не стала запираť ее. Какая-то тварь в темноте заползла в мою комнату. Я ударила ее кинжалом, а она швырнула меня на пол, набросилась на меня... А потом я потеряла сознание.

— Где фон Шиллер? — спросил испанец.

Глаза его сверкали от ярости. Среди собравшихся немца не было. Все, кто был в доме, сбежались на крики Марциты, кроме немца. И тогда я заметил, как внимательно смотрит де Монтоур на испуганную девушку. Выглядел он более изможденным, чем обычно. Еще тогда мне показалось странным, что он без оружия.

— Конечно, это сделал фон Шиллер! — с ненавистью воскликнул Десмарт. Половина из нас последовала за Домом Винценти. Мы обнаружили немца в одном из маленьких залов. Он лежал на полу, лицом вниз в темно-красной луже.

— Это дело рук туземцев! — задыхаясь от ярости, воскликнул Десмарт.

— Чепуха! — взревел Дом Винценти. — Ни один дикарь не мог пройти мимо моих солдат, точно так же как не могут пробраться в дом рабы фон Шиллера. Все черные заперты в бараках для рабов, кроме Джола, который спал в комнате Пьера, и служанки Изабель.

— Но кто еще мог это сделать? — в ярости воскликнул Десмарт.

— Ты! — резко сказал я.

— Будь ты проклят! Ты лжешь! — завопил француз, и клинок его едва не пробил мне грудь. Однако испанец оказался быстрее. Острые рапиры Десмарта зазвенело, ударившись о стену. Сам Десмарт застыл как статуя, потому что острый клинок де Севильи уперлось ему в горло.

— Свяжите его, — приказал испанец.

— Опустите свой клинок, Дон Флоренцо, — приказал Дом Винценти, выйдя вперед. — *Signor* Десмарт, вы один из моих лучших друзей. Я же единственный, кто устанавливает законы и вершит расправы в этом доме... Дайте мне слово, что не сбежите.

— Даю, — спокойно сказал гасконец. — Признаюсь, я действовал чересчур поспешно. Извините... Я и не со-

бирался никуда убегать. Однако теперь этот дом мне кажется довольно зловещим местом.

Все мы чувствовали примерно то же самое.

— *Messieurs!* — выступил вперед де Монтоур. — Сомневаюсь, что этот юноша напал на Марциту! Перевернем-ка труп!

Два солдата выполнили его приказ. И тогда де Монтоур показал нам то, что он имел в виду. Все мы задыхнулись от ужаса.

— Мог ли человек сотворить такое?

— Может быть, кинжал... — начал было один из нас.

— Ни один кинжал не оставит таких ран, — возразил испанец. — Немца разорвал на куски какой-то дикий зверь.

Мы переглянулись, словно ожидая, что вот-вот какое-то ужасное чудовище бросится на нас из темноты.

Потом мы обыскали замок. Осмотрели каждый квадратный фут, каждый дюйм... И не обнаружили никаких следов зверя.

Когда я вернулся в свою комнату, уже занялась заря. Джола, перепугавшись, запер двери, как только я вышел, и мне пришлось полчаса уговаривать негра открыть мне.

Наподдав рабу хорошенько и обругав его за трусость, я приказал ему сторожить у дверей. (Мой раб понимал французский, но говорил на невероятной смеси всевозможных европейских языков.)

Исполнив мой приказ, Джола замер, широко открыв рот и закатив глаза.

— Джи-джи! — испуганно шептал он. — Человек-зверь!

Неожиданно мне в голову пришла одна мысль. За время своих скитаний по Африке я не раз слышал легенды о дьявольском культе леопарда, который якобы существовал на Западном побережье. Ни один белый человек не видел его последователей, но Дом Винценти не раз рассказывал нам истории о людях-зверях, умевших превращаться в леопардов. Они жили в джунглях, выходили на охоту по ночам и убивали людей. Поняв, кого имеет в виду мой раб, я почувствовал, как мурашки страха побежали по моей спине. Тогда я сжал плечо Джола так, что он чуть не вскрикнул.

— Это был человек-леопард? — шепотом спросил я, яростно тряся несчастного чернокожего.

— Мас-с-са, мас-с-са! — только и выдохнул он. — Я — хороший мальчик! Пришел человек Джи-джи! Лучше больше об этом не говорить!

— Ты мне все расскажешь! — скрежеща зубами, проговорил я, возобновив свои старания с такой яростью, что раб стал слабо отмахиваться от меня руками. Наконец он пообещал мне рассказать все, что знает.

— Человеко-леопарды существуют! — прошептал он. Его глаза сверкали от сверхъестественного ужаса. — Луна была полной... Человек пошел за дровами... Его задрали... Больше его никто не видел... Большой Масса, — (это он имел в виду Дом Винценти), — сказал: "Леопард". Но не было никакого леопарда... Был человеко-леопард... Он пришел убивать... Вот так-то! Убивать когтями! Ой-ой!.. Луна снова была полной... Кто-то забрался в дальнюю хижину... Зарезал женщину и ребенка... Мужчины обнаружили следы когтей... Большой Масса снова сказал: "Леопард"... Снова была полная луна, и пропал еще один человек... А теперь чудовище пробралось в замок... Никто не видел леопарда, но все люди видели человеческие следы...

Я был сильно удивлен и даже вскрикнул.

То, что говорил Джола, звучало правдиво. Все сказки в один голос утверждали, что твари оставляют человеческие следы. Тогда почему же дикари не подсказали Большому Массе, кто истинный убийца? Такой человек, как Дом Винценти, давно бы уже затравил тварь. Когда я задал этот вопрос Джоле, тот сделал загадочное лицо и зашептал мне на ухо:

— Следы-то принадлежали человеку, который носит ботинки!

Тут я решил, что Джола все-таки врет. И тем не менее я ощутил еще одну волну необъяснимого ужаса. И спросил напрямую: кто же, по мнению дикарей, совершает эти убийства?

И мой раб ответил:

— Дом Винценти!

К тому времени, *Messieurs*, в моей голове царил полный кавардак.

Так что все это означало? Кто же все-таки убил немца и пытался разорвать на куски Марциту? Когда же я еще раз обдумал нападение на женщину, я решил, что преступник скорее хотел изнасиловать ее, чем убить.

Но почему же Монтоур предупреждал нас? Он словно знал о готовящемся преступлении. И, судя по его поведению, он даже знал, какой смертью погиб немец.

Откуда? Я не мог этого понять.

Об убийстве узнали дикари, вопреки тому, что мы пытались скрыть происшествие. Тотчас среди черных начались волнения. Туземцы места себе не находили. Трижды за этот день Дом Винченцо приказывал хлестать не-
радивых слуг плетью.

Я собрался было рассказать Дом Винченцо то, о чем узнал от Джолы, но решил немного обождать...

Женщины просидели в своих апартаментах весь день. Мужчины нервничали, находясь в дурном настроении. Дом Винченцо приказал часовым удвоить внимание, и теперь несколько воинов постоянно находились внутри дома. Я поймал себя на том, что сам довольно цинично рассуждаю. Ведь если подозрения Джолы — правда, часовые принесут мало пользы.

Так вот, *Messieurs*, в те годы я был человеком, который не мог спокойно терпеть такое положение вещей. Тогда я был молодым. И в этот день, выпив перед сном, я поставил на стол мой кубок и заявил, что никого не боюсь, будь злодей человеком, зверем или дьяволом. Еще я сказал, что буду спать с широко открытой дверью. Громко топая, я удалился в свою комнату.

Снова, как и в первую ночь, ко мне зашел де Монтоур. Выглядел он как человек, заглянувший за ворота ада.

— Я пришел просить вас... — начал он. — Нет, *Monsieur*, умолять вас... отказаться от своего необдуманного решения.

В ответ я равнодушно покачал головой.

— Вы разумный человек?.. Да?.. Тогда я попрошу вас, когда я уйду к себе, пожалуйста, закройте мою дверь снаружи.

Я сделал так, как просил этот странный человек, и вернулся к себе. Меня мучили всевозможные догадки... В ту ночь я отослал Джоу в бараки для рабов и положил рапиру и кинжал так, чтобы они были под рукой. Я не стал ложиться, а устроился в большом кресле и задул свечу. В ту ночь я очень долго боролся со сном. Странные слова де Монтоура не шли у меня из головы. Казалось, над ним тяготеет некое проклятие. В глазах нормандца читалась тайна, которую знал лишь он один. Однако на злодея он не был похож.

Неожиданно мне захотелось пойти к нему и поговорить начистоту.

Сама мысль о прогулке по темным коридорам вызывала дрожь, но вскоре я стоял у дверей комнаты де Монтоура. Я тихонько позвал. Мне никто не ответил. Я вытянул руку и нащупал обломки дерева. Быстро достал я кремь и сталь. Загоревшийся трут высветил дверь, покачивающуюся на огромных петлях. Засов был выломан. Но в дверь колотили изнутри! И конечно, в комнате де Монтоура никого не оказалось.

Какой-то инстинкт подсказал мне поскорее вернуться в свою комнату. Я быстро и бесшумно побежал назад по темным коридорам. Когда же я приблизился к дверям своей комнаты, я заметил что-то во тьме. Кто-то пробирався впереди меня, осторожно двигаясь вдоль стены.

Охваченный паникой, я прыгнул вперед, одновременно нанеся удар. Мой кулак со всего маха ударил неизвестного по голове. Что-то хрустнуло... Второй раз я ударил полнее. Человек без чувств повалился на пол. Это был де Монтоур.

Я нашел свечу в нише стены. К тому времени де Монтоур уже открыл глаза и с трудом поднялся.

— Вы! — выкрикнул я, даже не понимая, что говорю. — Вы!

Он печально кивнул.

— Значит, это вы убили фон Шиллера?

— Да.

Я отступил, задохнувшись от ужаса.

— Послушайте, — поднял он руку. — Возьмите рапиру и проткните меня. Ни один человек не осудит вас за это.

— Нет! — воскликнул я. — Я не смогу.

— Тогда быстро возвращайтесь в свою комнату и закройте двери! — торопливо попросил он. — Быстро! Тварь возвращается!

— Кто возвращается? — спросил я, дрожа от страха. — Если это причинит мне вред, то и вы окажетесь в опасности. Пойдемте в мою комнату.

— Нет, нет! — отчаянно воскликнул он, оттолкнув мою руку. — Поспешите, поспешите! На мгновение я освободился, но демон вернется. — Потом тихим голосом, полным неопишуемого ужаса, он добавил: — Тварь возвращается. Она уже здесь!

И тогда я почувствовал присутствие чего-то бесформенного, непостижимого для человека. Вот это-то и было ужасно.

Де Монтоур замер, широко расставив ноги, разбросав руки с крепко сжатыми кулаками. Мускулы вздулись у него под кожей, глаза выпучились, и взгляд стал каким-то диким. Вены рельефно выступили у него на лбу, выдавая огромное физическое усилие. Пока я смотрел на нормандца, бесформенная безымянная тварь стала обретать форму. Тенью окутала она де Монтоура.

Она капюшоном охватила его голову! Боже, она словно впилась в лицо человека!

Де Монтоур закачался. Глубокий вздох вырвался из его горла. Странное создание исчезло. Нормандец качнулся. Потом он повернулся ко мне и... мой Бог! Я никогда не хотел бы снова увидеть это лицо!

Это был лик ужасного чудовища. Глаза его сверкали с ужасной яростью. Сверкающие зубы торчали изо рта чудовища. Теперь они больше напоминали звериные клыки, чем зубы человека.

Тварь (при всем своем уважении к де Монтоуру я не могу назвать его человеком) безмолвно скользнула ко мне. Задохнувшись от ужаса, я проскользнул через дверь. Оборотень бросился за мной, совершив прыжок, больше похожий на прыжок волка. Но я успел захлопнуть дверь и задвинуть засов. Ужасная тварь снова и снова билась в нее.

Наконец она отступила, и я услышал, как она тяжелыми шагами направилась по коридору. Ослабевший, с трудом переводя дыхание, повалился я на стул. Я долго

сидел, ждал, прислушивался. Из приоткрытого окна тянуло сквозняком, и в воздухе витали запахи Африки — ароматные и отвратительные. Из деревни дикарей доносился грохот барабана. Другие барабаны вторили ему вниз и вверх по реке. А потом откуда-то издалека, из сердца черных джунглей, донесся долгий протяжный зов волка. Моя душа взбунтовалась.

На заре пришли туземцы из ближайшей деревни. Они рассказали, что какая-то тварь этой ночью разорвала женщину, а потом бесследно исчезла. Я же отправился к де Монтоуру.

В коридоре я встретил Дом Винценти. Хозяин поместья был смущенным и злым.

— Какая-то адская тварь поселилась в моем доме, — сказал он. — Хотя я никому не собирался рассказывать об этом... Ну ладно... В общем, какая-то тварь запрыгнула на спину одному из моих часовых и порвала кожаные доспехи у него на спине, а потом загнала его в сторожевую башню. Более того, кто-то на ночь запер де Монтоура в его комнате, но нормандец освободился, вышибив дверь.

Дом Винценти пошел дальше, что-то бормоча себе под нос, а я спустился вниз еще более озадаченный, чем раньше.

Де Монтоур сидел на стуле и смотрел в окно. Выглядел он страшно усталым.

Его длинные волосы были не расчесаны и в беспорядке. Одежды порваны. С дрожью увидел я красные пятна на его руках. Ногти у него на руках потрескались.

Когда я вошел, он поднял голову и махнул мне, приглашая присаживаться. Лицо его было усталым и изможденным, но выглядел он как человек.

Мгновение помолчав, он заговорил:

— Я хочу рассказать вам мою странную историю. Никому никогда я ее не рассказывал. Скорее всего, вы не поверите мне, но я все равно хочу рассказать вам обо всем.

И потом я услышал совершенно дикую, самую фантастическую историю из всех, что слышал до того.

— Годы назад, — начал свой рассказ де Монтоур, — я взялся выполнить одно поручение и очутился на севере Франции. В одиночестве я должен был пройти через дьявольский лес Виллефэр. В этом ужасном лесу я столкнулся

с ужасной, нечеловеческой тварью — оборотнем*. Мы сражались в свете полночной луны, и я убил тварь. Но дело даже не в этом. Весь ужас в том, что дух убитого мной чудовища стал охотиться за мной. Но если б я убил его, когда трансформация бы закончилась, ничего бы не случилось. Настоящий оборотень, не человек, превращающийся в волка, как многие думают. *Это волк, который умеет превращаться в человека!*.. Теперь послушай, мой друг. Я скажу тебе одну очень мудрую вещь... Я дорого заплатил за это ужасное знание. Из-за него я бродил среди призрачных теней ночного леса, где ревели чудовища и дикие звери... Вначале мне все казалось странным. Мне было не по себе... Странные звери бродят ночью по джунглям. Выбираясь из иного мира, древние демоны и твари посещают забытые Богом места, наслаждаясь нашим новым, молодым миром. Ведь силы Добра и Зла воюют испокон веков... Так вот в древние дни среди прочих зверей бродил и странный зверь — Человек. Он совершал поступки и плохие, и хорошие... И вот однажды Добро победило в его душе. Демоны вселились в души других зверей, рептилий и птиц. И между ними долго длилась яростная битва. Но человек одержал верх. Великие драконы и змеи погибли вместе с демонами, вселившимися в их души. Наконец, один из людей — Соломон — принес мудрость другим людям, повел их в великий поход против сил Тьмы. Было множество яростных битв и сражений, но Соломон так и не смог одержать окончательной победы... Части демонов удалось скрыться. Они приняли формы разных тварей, в том числе волков... Прошло время... Волк и демон слились воедино. Чудовищное создание не могло больше покинуть тело волка. В большинстве случаев дикая натура волков победила демона, одержала над ним верх. Такие волки стали обычными зверьми — злыми хищниками. Но многие из них превратились в оборотней... И когда на небе встает полная луна, такой волк может превратиться в человека. Когда же луна проходит точку зенита, дух волка снова побеждает темные силы, и оборотень становится простым волком. Но если он убит в теле человека, тогда злой дух

* Об этой встрече повествует рассказ Р. Говарда «В лесу Виллефер» (сб. «Коан и другие бессмертные». Том II).

вырывается на свободу и может еще многие века чинить людям Зло... Так вот... Я ведь думал, что убил тварь, когда она приняла свою истинную форму. Но оказалось, я убил ее слишком поспешно. Хоть луна и миновала зенит, превращение еще не совершилось до конца, тварь полностью еще не превратилась в волка... Тогда я об этом и не подозревал. Но когда в следующий раз взошла полная луна, я почувствовал себя довольно странно. Нечто ужасное появилось в воздухе... Однажды я заночевал в маленькой деревушке посреди гигантского леса, и злой дух обрушился на меня с полной силой... Той ночью светила почти полная луна. Она залила своим светом весь лес. И тогда я увидел, как в мою сторону в чистом воздухе проплыла призрачная тень, напоминающая голову волка!.. Я едва помню, что случилось после этого. Смутно помню, как бежал я по безмолвной улице... помню, как боролся с кем-то, где-то немного передохнул... Все остальное утонуло в кровавом тумане... Очнулся я на следующее утро и обнаружил, что руки мои и одежда испачканы кровью. Я услышал гневные крики крестьян. Они говорили, что в эту ночь одна парочка влюбленных, гулявшая за околицей, погибла ужасной смертью. Крестьяне решили, что их разорвали волки... Я же в ужасе бежал из этой деревни. Но я бежал не один... Днем я не чувствую своего проклятия, но когда наступает ночь и встает луна, я превращаюсь в ужасную тварь из дикого леса. Я убиваю людей. Я — чудовище в человеческом обличье... Боже! Если б вы знали, как я боролся! Но мое проклятие всегда настигало меня. И я приносил ему все новые жертвы. И всякий раз, когда луна пряталась за горизонтом, демон покидал мое тело. Он всегда появляется, когда до полнолуния остается ночи три-четыре... С тех пор я стал скитаться по миру... Я бегу, пытаюсь спастись бегством, найти спасение. Но демон всякий раз находит меня и вселяется в мое тело, когда встает полная луна! Боже! Сколько ужасных дел я уже совершил!.. Наверное, я должен был бы давным-давно убить себя. Однако я не смею. Ведь я же проклятый и душа моя вечно будет гореть в аду. И послушайте! Самое страшное из всего этого то, что мое смертное тело никогда не примет земля, пока оно будет вместилищем души оборотня! Ужасно, не правда ли?.. Я приобрел иммунитет против оружия человека. Шпаги не

раз протыкали меня, кинжалы рассекали мою плоть. Я весь покрыт шрамами. Однако ни один из смертельных ударов не убил меня. В Германии меня поймали и долго держали в темнице. Я думал, мне отрубят голову, но тварь овладела мной. Разорвав кандалы, я вырвался и убежал... Как я уже говорил, я скитался по всему миру, оставляя за собой ужас и мертвые тела. Цепи, темницы не могли меня остановить. Демон всякий раз вселялся в мое тело и освобождал меня... В отчаянии я принял приглашение Дом Винценти... Но тут никто не знает о моей двойной жизни, ни один человек не подозревает, что время от времени в меня вселяется демон. Немногие узнали мою тайну и при этом остались в живых... Мои руки красны от крови, моя душа сожжена адским пламенем. Я с ума схожу, вспоминая собственные преступления. Однако ничто не может мне помочь. Вы поймите, Пьер, ни один человек во всем мире не познал ужас, который сейчас преследует меня... Да, я убил фон Шиллера... Я пытался прикончить эту женщину... Марциту. Почему, и сам не понимаю... Просто я убиваю и мужчин, и женщин... Теперь вы лучше возьмите пистолет и прикончите меня, если на то будет Божье благословение... Нет?.. Но ведь теперь вы знаете мою историю, знаете, что перед вами настоящее чудовище...

Покидая де Монтоура, я чувствовал себя потрясенным. Я не знал, что делать. Мне казалось, что в любом случае он убьет всех нас, и я все равно не смог бы заставить себя рассказать всю правду Дом Винценти. В глубине души я жалел оборотня.

Постепенно я примирился с происходящим и все последующие дни старался держаться возле де Монтоура. Я много разговаривал с ним. Между нами завязалась настоящая дружба.

А этот черный дьявол Джола начал что-то подозревать. Иногда мне начинало казаться, что он хочет что-то рассказать, но или боится, или не смеет.

Наши дни проходили в пирах, пьянстве и охоте до тех пор, пока однажды ночью де Монтоур не явился ко мне в комнату и не показал на луну, которая только начала вставать над горизонтом.

— Посмотрите, — сказал он. — У меня есть план. Мое проклятие скоро снова настигнет меня... Проклятие будет властвовать надо мной несколько дней. Я скажу всем, что в одиночку отправился на охоту и хочу, чтобы вы заперли меня в подвале дома, который сейчас используется как кладовка.

Мы так и сделали. Дважды в день я спускался вниз и относил несчастному еду и питье. Он оставался в подвале даже днем, хотя демон никогда не вселялся в него в дневное время. Сам де Монтоур считал, что в светлое время суток демон бессилен, но лишний раз рисковать не хотел...

Живя в поместье, я заметил, что двоюродный брат Дом Винценти — Карлос оказывает особое внимание Изабель, своей двоюродной сестре. Мне казалось, что она благосклонно принимает его ухаживания.

Я мог вызвать его на дуэль, но не хотел, потому что презирал его. Иногда мне казалось, что Изабель просто боится Карлоса.

Мой друг Луиджи тоже влюбился в изящную португальскую девушку, но Изабель, похоже, не замечала его, и он страдал.

Де Монтоур сидел в своей темнице и каждую ночь пытался голыми руками выломать могучие засовы.

Дон Флоренцо бродил вокруг усадьбы с видом печального Мефистофеля.

Остальные гости веселились кто как умел, ссорились и пили.

Джола бегал вокруг меня, рассказывал мне все новости. Однако мои нервы были напряжены до предела. С каждым днем дикари становились утрюмее, все более и более замкнутыми и упрямыми.

Однажды ночью, незадолго до того, как взошла полная луна, я вошел в темницу, где сидел де Монтоур.

Услышав мои шаги, несчастный встрепетулся.

— Вы сильно рискуете, спускаясь ко мне поздно вечером, — сказал он.

Я пожал плечами и сел рядом с ним.

Через крошечное окно, забранное массивными прутьями, до нас доносились ночные звуки и запахи.

— Прислушайтесь к барабанам дикарей, — сказал я. — Всю последнюю неделю они звучат особенно громко.

Де Монтоур согласился.

— Дикари обеспокоены. Мне кажется, они планируют что-то дьявольское. Вы не замечали, что Карлос последнее время проводит слишком много времени среди них?

— Нет, — ответил я. — Но мне кажется, что между ним и Луиджи намечается крупная ссора. Луиджи по-прежнему ищет внимания Изабель.

Мы еще немного поговорили о том о сем, потом неожиданно де Монтоур стал печальным и замолчал. Он отвечал на мои слова лишь кивками головы.

Луна поднялась и засверкала через забранное прутьями окно. Ее лучи осветили лицо нормандца.

А потом рука страха сжала мое горло. На стене за спиной несчастного я увидел тень, и, судя по этой тени, у моего собеседника была *голова волка*!

В тот же миг де Монтоур почувствовал приближение тени. С криком он вскочил со своего стула.

Он яростно замахал мне. Я вскочил, выбежал из подвала и захлопнул дверь, задвинув все засовы. Потом раздался грохот, и я почувствовал, как чудовище всем своим весом навалилось на дверь. Поднимаясь вверх по лестнице, я услышал, как де Монтоур барабанил и пытался разодрать ногтями стальные листы. Но всей силы волка-оборотня не хватило бы на то, чтобы высадить эту могучую дверь...

Когда же я вошел в свою комнату, Джола подлетел ко мне и рассказал историю, которая вертелась у него на языке все эти дни.

Я внимательно выслушал его, а потом отправился искать Дом Винценти.

Но мне было сказано, что Карлос уговорил Дом Винценти сопровождать его в деревню дикарей, куда он собирался отправиться, чтобы купить рабов.

Рассказал мне это Дон Флоренцо де Севилья. Когда же я в общих чертах пересказал ему то, что поведал мне Джола, этот благородный дворянин взялся сопровождать меня.

Вместе мы вышли за ворота поместья, перебросившись парой слов с часовыми. Спешно направились мы в сторону деревни.

Как сказали нам часовые, Дом Винценти ушел в этот раз, даже не позаботившись взять с собой шпату! Глупец, он поздно вечером ушел без оружия вместе с предателем!

Карлос и Дом Винценти были уже неподалеку от деревни туземцев, когда мы нагнали их.

— Дом Винценти! — воскликнул я. — Немедленно вернитесь в усадьбу. Карлос продал вас дикарям! Джода рассказал мне, что мерзавец хочет завладеть вашими богатствами и получить руку Изабель! Ужасные дикари болтали о том, что видели следы человека в европейской обуви возле тех мест, где произошли эти ужасные убийства. Карлос убедил несчастных, что вы — чудовище. Они собираются вас убить! Сегодня ночью дикари собираются поднять восстание. Они собираются убить всех белых в усадьбе, кроме Карлоса!.. Вы не верите мне, Дом Винценти?

— Это правда, Карлос? — с удивлением спросил у своего спутника Дом Винценти.

Карлос в ответ рассмеялся.

— Дурак сказал правду, — наконец ответил негодяй. — Но это ничего не меняет. Ха!

С криком метнулся он к Дом Винценти. В лунном свете сверкнула сталь испанской шпаги, и Карлос замер навсегда.

Но вокруг нас поднялись тени...

Тогда спиной к спине, вооруженные одной шпагой и кинжалом, мы втроем выступили против сотни дикарей. Копья со свистом стали рассекать воздух, дикие крики разорвали ночную тишину. Я успел пронзить своим кинжалом трех чернокожих, а потом кто-то оглушил меня дубиной. Через мгновение рядом со мной упал Дом Винценти. В одной руке он сжимал копье, а другое копье торчало у него из ноги. Дон Флоренцо стоял над нами. Его шпага больше походила на стальную змею... Мы было подумали, что все уже кончено, и тут залп аркебуз воинов Дом Винценти смел дикарей... А после мы благополучно вернулись в поместье.

Черные орды пришли в ярость. Их копья напоминали стальные волны. Громоподобный рев вырывался из сотен глоток.

Снова и снова неслись они в атаку на усадьбу, отступали и снова бросались на палисады. И каждый раз залпы

защитников, которых было меньше сотни, отбрасывали негров назад.

Восставшие разграбили и подожгли склады. Свет пожара прибавился к лунному свету. Неподдалеку от палисада по другую сторону реки находился самый большой склад Дом Винценти. Возле него собралась целая орда дикарей. Они занимались грабежом и делили добычу.

— Если бы кто-нибудь сейчас подпалил здание, — задумчиво сказал Дом Винценти. — Там в подвале несколько тысяч унций пороха. Тогда мы преподнесли бы этим туземцам достойный урок... Все племена с обоих берегов реки и с побережья собрались, чтобы прикончить нас... А все мои корабли сейчас далеко в море. Конечно, какое-то время нам удастся продержаться, но как только черные проникнут за палисад, мы все погибнем.

Тогда я поспешил в подвал, где сидел де Монтоур. Я позвал его через дверь, и он ответил мне своим нормальным голосом, дав понять, что демон покинул его на какое-то время.

— Черные восстали, — сообщил я ему.

— Я так и подумал. Как прошла битва?

Тогда я поведал ему о предательстве, схватке и складе с порохом.

— Вот как раз плата для моей дьявольской души! — воскликнул он. — Вот отличный способ умереть! Дай мне только незаметно выбраться из поместья! Я доберусь до этого склада и подналю порох!

— Это безумие! — воскликнул я. — Тысячи черных собрались между складом и палисадом. А внутри склада их раза в три больше. Кроме того, река кишит крокодилами.

— Я попытаюсь! — уверил он меня. — Если я доберусь до склада, то несколько тысяч черных взлетит на воздух. А если я погибну, то душа моя освободится и, быть может, моя смерть хоть отчасти искупит мои преступления.

— Тогда поспеши, — сказал я ему. — Черные демоны скоро снова пойдут в атаку! Мне кажется, я уже слышу их крики! Поторопись!

Бегом добрались мы до ворот поместья. Я чуть приоткрыл их. Де Монтоур проскользнул наружу. А в это время с другой стороны дома уже началась ужасная битва.

Когда же отважный нормандец оказался по другую сторону палисада, дикари радостно приветствовали его, предвкушая убийство еще одного белого. Несколько часовых с аркебузами закричало, чтобы он вернулся. Перегнувшись через стену, я увидел, как де Монтоур побежал в сторону реки. Дюжина туземцев рванулась к нему навстречу, высоко подняв копьа.

И тут раздался сверхъестественный, волчий вой. Де Монтоур рванулся вперед. Мгновение, и он уже был среди туземцев. Человек-волк разбросал их в разные стороны, словно они были тряпичными куклами. Раздались дикие крики. Но в этот раз туземцы кричали не от ярости, а от страха.

Удивленные часовые несколько раз выстрелили из аркебуз. А де Монтоур тем временем пробивался через толпу туземцев. Он методично убивал их одного за другим.

Всего несколько мгновений продолжалась схватка. Потом де Монтоур остановился. Вокруг его лежали трупы восставших. Мгновение он стоял, словно переводя дух, а потом повернулся и побежал в сторону реки.

Уже у самого берега еще один отряд чернокожих преградил ему дорогу. Горящие построики отлично высветили эту сцену. Чье-то копье ударило в плечо Монтоура. Не останавливаясь, оборотень вырвал его из плеча и метнул в толпу дикарей, а потом, словно пушечное ядро, врезался в нее, разметаив черных в разные стороны.

Ни один туземец не мог выстоять в схватке с белым человеком, оказавшимся во власти дьявола. С криками бросились они врассыпную. Де Монтоур догнал одного из них и убил, прыгнув ему на спину. Они вместе упали на землю...

Потом, поднявшись, чудовище направилось к реке. Тут я потерял его из виду. Силуэт оборотня растаял среди теней.

— Во имя дьявола! — воскликнул Дом Винченцо, подойдя ко мне сзади. — Что нашло на этого человека? Это был де Монтоур?

Я кивнул. До меня сквозь шум пожара и треск выстрелов аркебуз доносились крики дикарей. Огромная толпа черных собралась возле склада на другой стороне реки.

— Они собираются обрушиться на нас всей своей массой, — сказал Дом Винценти. — Они уже подбираются вплотную к палисаду...

И тут раздался такой грохот, что мне на мгновение показалось — рухнуло само небо! Язык пламени взвился к звездам! По стенам каменного дома пробежали трещины. Потом наступила тишина, и, когда дым рассеялся, на том месте, где раньше стоял склад, я увидел огромную, дымящуюся воронку...

Я могу рассказать, как Дом Винценти повел своих людей в атаку из ворот поместья вниз по склону. Как бежали толпы черных. Я могу рассказать об убийствах и победе, укрощении взбунтовавшихся дикарей... И еще я могу рассказать, *Messieurs*, как, отбившись от отряда, я отправился побродить в джунгли и никак не мог найти дорогу обратно, к побережью, как попал в плен к банде работорговцев и как бежал от них. Но не сейчас. Все это — отдельная длинная история. А я хочу рассказать вам о де Монтоуре.

До сих пор удивляюсь, как он, пусть даже в облике демона, добрался до склада. Ведь на самом деле у него не было ни одного шанса.

Сам-то де Монтоур не смог бы переплыть реку, полную крокодилов, но чудовищная тварь, в которую он превратился?.. И тем не менее он взорвал склад...

Однажды ночью, пробираясь через джунгли и высматривая дорогу к берегу, я вышел к маленькой, скрытой в сердце чащобы хижине. Я решил переждать ночь в ней, чтобы иметь хоть какую-то защиту от одолевавших меня рептилий и насекомых.

Войдя же, я резко остановился на пороге. Посреди хижины на грубом стуле сидел человек. Когда я вошел, он поднял голову, и лунный свет озарил его лицо.

И тогда я отступил, охваченный ужасом. Передо мной сидел де Монтоур (в эту ночь как раз было полнолуние). Пока я стоял, не в силах убежать, несчастный встал и подошел ко мне. У него было лицо человека, заглянувшего в ад, лицо безумца.

— Входите же, мой друг, — пригласил он меня. И голос его прозвучал умиротворенно. — Входите и не бойтесь. Демон навсегда покинул меня.

— Но расскажите мне, как вам удалось освободиться? — воскликнул я, схватив несчастного за руку.

— В ту ночь мое путешествие к реке оказалось поистине ужасным, — начал свой рассказ де Монтуур. — Демон вселился в меня, и я убивал туземцев без разбора. Но впервые мое тело и разум не сопротивлялись чудовищу. Я добрался до реки, оставив за спиной горы мертвецов... Когда я прыгнул в реку, крокодилы бросились на меня... И снова демон помог мне. Яростная была схватка... И тут дух оборотня неожиданно оставил меня. Однако отступать было поздно. Я выбрался на берег и поджег склад... Видимо, те, кто бросился искать мои останки, прошли от меня в какой-нибудь сотне футов... А потом я многие дни блуждал по джунглям... Снова и снова на небе сияла полная луна, но со мной больше ничего не происходило... Теперь я свободен, свободен! — Удивительные нотки ликования, нет, восторга прозвучали в его голосе. — Моя душа теперь свободна, а демон... он, наверное, остался на дне реки или переселился в одного из крокодилов и теперь без меня охотится на черных...

Вот так-то, *Messieurs*...

СОДЕРЖАНИЕ

Леон Спрэг де Камп, Лин Картер

СТАЛЬ И ЗМЕЯ. Роман. Пер. М. Сушко, Л. Сушко . . . 7

Роберт Джордан

КОНАН-РАЗРУШИТЕЛЬ.

Роман. Пер. В. Правосудова 189

ВЕСТНИК КОНАН-КЛУБА

Роберт Говард

Рассказы

ПРОКЛЯТИЕ МОРЯ. Пер. М. Пирус 365

ДОМ ЭРЕЙБУ, Пер. М. Пирус 374

ОБОРОТЕНЬ. Пер. А. Иванова 403

КОЛЕСО СТРАДАНИЙ

Перевод с английского

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Вадим Пожидаев

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Татьяна Виноградова
Людмила Борисова
Ольга Карпеева

Верстка
Владимир Титов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 17.01.97.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 20 000 экз. Усл. печ. л. 22,68.

Изд. № 260. Заказ № 314.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**Издательство «Азбука»
представляет новый проект**

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

Мы рады предложить всем любителям героического фэнтези большой цикл произведений российских и зарубежных авторов, создавших неподражаемые образы могучих, бесстрашных Героев. Каждая книга этой новой серии – стремительный вихрь поединков, погонь, грандиозных сражений и кровавых схваток. Каждый роман – это боевая песнь непобедимых воителей, смысл жизни которых составляет непримиримая битва с порождениями Хаоса и Тьмы.

В каждом томе «Саги» всех истинных поклонников фэнтези ждет выпуск «Вестника Конан-Клуба». На его страницах будут опубликованы письма читателей, статьи о литературе «меча и колдовства» и, конечно же, повести и рассказы самых известных зарубежных фантастов.

В серии «Сага о Бессмертных Героях» вышли:

Лин Картер. «Сказание о Тонгоре»

Том 1. «Черный ястреб»

Том 2. «Царство Теней»

Майкл Резник. «Торир Рыжебородый»

Александр Мазин. «Фаргал. Трон императора»

Карл Эдвард Вагнер. «Кейн. Ветер ночи»

Джон Джейкс. Том 1. «Брэк. Знак демона»

Том 2. «Брэк. Сокровища колдуна»

Готовятся к выходу:

Карл Эдвард Вагнер. «Кейн». Том 2.

Лот № 407. Цена каждой книги с учетом почтовых расходов 18 900 р.

Если вы хотите заказать эти книги, вам необходимо заполнить почтовую открытку, указав в ней номер лота, название книги, имя автора, количество необходимых вам экземпляров, и послать ее по адресу: 109033, г. Москва, а/я 66, "Книжная лавка".

Не забудьте указать свой обратный адрес. Предварительной оплаты не требуется. Книги будут высланы наложенным платежом сразу после получения вашего заказа.

Желающие заказать всю серию должны написать в конце открытки:

"Плюс все книги серии".

**СЕМЬ ДОРОГ В МИР FANTASY
ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ**

«РУССКОЕ FANTASY»

«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ»

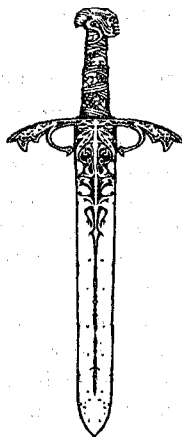
«КОНАН. САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ»

**«КОНАН. САГА О БЛАГОРОДНОМ
ВАРВАРЕ»**

«САГА О КОПЬЕ»

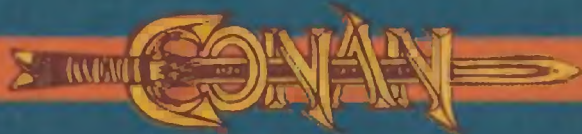
«САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ»

«САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ»

**Телефоны для оптовых покупателей:
в Москве (095) 273-35-24, в С.-Петербурге (812) 239-63-11**

Роберт Говард
и его ученики вернули нам великие летописи
Хайборийской эпохи. Но не только писатели
внесли свой вклад в «Сагу о благородном варваре».

Режиссер и сценарист Оливер Стоун,
актер Арнольд Шварценеггер,
композитор Базил Полидурис
обрели в рассказах о Конане источник вдохновения.

Конан понятен и близок очень многим,
потому что до того, как стать Великим Героем,
ему пришлось долго вращаться

КОЛЕСО СТРАДАНИЙ

